

Министерство образования и науки Российской Федерации

—
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

---

*В. Е. Баранов, И. П. Березовская, В. К. Гавришин, А. В. Гогин,
В. П. Горюнов, В. А. Гура, А. И. Киселев, В. И. Ксенофонов,
О. Р. Пазухина, А. А. Пылькин, А. С. Сафонова, Н. А. Соколова*

ФИЛОСОФИЯ

Учебное пособие

Санкт-Петербург
Издательство Политехнического университета
2012

УДК 1 (075.8)

ББК 87.3я73

Г67

Р е ц е н з е н т ы :

Доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского
государственного университета *И.Д. Осипов*

Доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского
академического института живописи, скульптуры
и архитектуры им. И.Е. Репина *В.И. Смирнов*

К о л л е к т и в а в т о р о в

*Баранов В. Е., Березовская И. П., Гавришин В. К., Гогин А. В.,
Горюнов В. П., Гура В. А., Киселев А. И., Ксенофонтов В. И.,
Пазухина О. Р., Пылькин А. А., Сафонова А. С., Соколова Н. А.*

Философия : учеб. пособие / под. ред. В.П. Горюнова. – СПб.: Изд-во
Политехн. ун-та, 2012. – 387с.

В учебном пособии представлен систематизированный курс философии. Рассматриваются основные концепции, категории и проблемы философии. На базе широкого использования зарубежной и отечественной литературы излагаются проблемы современной философии. Особое внимание уделено философии научного познания и социального развития.

Пособие снабжено схемами и таблицами.

Предназначено для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным, естественнонаучным и техническим специальностям и направлениям подготовки.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного политехнического университета

ISBN 978-5-7422-3752-5

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2012

ФИЛОСОФИЯ, ЕЕ ПРЕДМЕТ И МЕСТО В КУЛЬТУРЕ

Философия возникает в процессе становления цивилизации, т. е. при переходе от естественного (дикого, первобытного) к искусственному (производящему) способу жизни. Первобытный человек руководствовался мифологическим сознанием, он жил в одушевленной природе, в мире добрых и злых духов. С помощью ритуальных действий (танцев, жертвоприношений и пр.) он добивался успешной охоты, победы над противником, выздоровления и свершения других практических дел. В целом мифологическое сознание, как совокупность норм и правил жизни, позволяло человеку выжить в естественных условиях. Но строить дома и корабли, прокладывать дороги и водоводы, изготавливать орудия войны и труда, выращивать хлеб и виноград – для всего этого уже недостаточно плясок и жертвоприношений, а необходимо рациональное знание об окружающем мире, т. е. объяснение явлений мира без привлечения неких таинственных сил, без наделения материальных предметов собственной одушевленной активностью, неподвластной человеку. Такое объясняющее знание о мире, первоначально целостное, не разделенное на отдельные области, и получило название *философия* (любовь к мудрости).

Философствование не означает туманного рассуждения или некоего переживания, например, при восприятии художественного произведения, поэтому бесполезно искать философию в музыке или живописи, как это иногда встречается. Философствование – это строгое, логически упорядоченное рассуждение о любых вещах на предельно высоком уровне их обобщения.

Понимание сущности какого-либо предмета (техника, государство, человек, революция, образование, культура, любовь, жизнь и т. д.) предполагает его рассмотрение во всей полноте функционирования и развития, т. е. во всех его действительных и возможных состояниях, во всех его связях и отношениях. В противном случае понимание предмета остается ограниченным, усеченным, и закон бытия предмета остается нераскрытым. Соответственно решение любой проблемы может быть

обосновано лишь при наличии определенных ориентиров, задаваемых ее включенностью в проблемы более высокого порядка. Рассмотрение последних, в свою очередь, требует перехода на более высокую ступень обобщенности. И везде сохраняется многовариантность выбора решений, поскольку нет проблем, имеющих одно единственное решение, а разные решения имеют разное обоснование.

Вместе с тем, восхождение проблем по ступеням обобщения не беспредельно, оно заканчивается выходом в сферу всеобщих вопросов бытия: что такое человек, общество, природа, сознание, материя, движение, пространство, время и т. д.? Т. е. совершается выход в сферу чистых абстракций, сущностей. Иначе говоря, мы попадаем из физики в метафизику, из области позитивного знания в мир философии. Следовательно, любая проблема при ее последовательном рассмотрении во всем многообразии ее связей и отношений, во всей целостности ее функционирования и развития необходимо перерастает в философскую проблему. По возможным решениям философские проблемы, в отличие от конкретных позитивных проблем, не просто многовариантны, они принципиально альтернативны и в конечном счете сводятся к полярности решений исходной философской проблемы (ответов на основной вопрос философии).

Отправной посылкой философского рассуждения (философствования) является факт существования человека в мире при данности этого мира человеку в виде его собственного сознания. Человек рождается не по своей воле и начинает ощущать с момента своего рождения. Мыслить он начинает позже в результате общения с другими людьми. Ни своего рождения, ни начала становления своего «Я» человек не помнит, он застаёт самого себя в качестве «Я» как нечто данное, готовое. Следовательно, каждому индивиду изначально дано бытие, включающее в себя его самого (собственное «Я»), других людей (других «Я»), соединенных в общество), мир материальных предметов (природа и техника).

Сознание есть данность мира человеку, которую в одном случае можно обозначить как его форму, вторичную по отношению к самому миру, а в другом – как сам мир, в своем существовании не выходящий за пределы человеческого сознания.

В целях пояснения рассмотрим вопрос более широко. Бытие всякого живого существа составляет совокупность (комплекс) его ощущений. Простые организмы взаимодействуют с окружающей средой непосредственно, их поведение представляет собой совокупность ответных реакций на совокупность воздействий со стороны элементов среды. Определенным воздействиям соответствуют определенные реакции, при отсутствии воздействия отсутствуют и реакции. Можно сказать и по-другому: определенным раздражениям соответствует определенное поведение, при отсутствии раздражения отсутствует и какое-либо поведение. Вопрос об источнике раздражения, т. е. о наличии или отсутствии внешней среды как объективной реальности, здесь просто не имеет смысла.

Сложноорганизованные живые существа с развитой нервной системой функционируют в рамках моделей бытия, сформировавшихся в их психике в процессе чувственно-предметной деятельности. В психике складывается целостная модель бытия живого существа: внешние разрозненные ощущения сливаются в целостные образы предметов окружающего мира, внутренние ощущения образуют определенные чувства (голода, жажды, боли, наслаждения), а вместе они интегрируются в потребности, переживания, являющиеся движущей силой тех или иных действий. Психика есть своеобразная база данных (элементов модели бытия), на основе которой конструируются возможные цели и средства деятельности, проигрываются возможные ситуации. То есть поведение таких живых существ имеет опосредованный характер.

Однако и для животного, функционирующего на основе отношения «стимул–реакция», нет никакой разницы в том, живет ли оно в системе ощущений как модели реального мира или за пределами ощущений никакого мира нет. Нормативность поведения животного (чувство голода – движущаяся добыча – преследование – насыщение) одна и та же в обоих случаях.

Нормативность предметной деятельности дикаря основывается на стереотипах, передаваемых из поколения в поколение. Если животное находится лишь в локальной среде (в локальной системе ощущений), то первобытный человек живет в некоторой одушевленной картине своего

бытия, его поведение представляет собой уже не систему реакций на систему ощущений, а систему определенных коллективных действий, соответствующих тем или иным ситуациям в картине бытия. С одной стороны, тут есть качественное отличие: психическая картина бытия животного не существует отдельно от предметных ситуаций, а психическая картина бытия первобытного человека приобретает универсальный, общественный характер и становится поливариантной, в ней могут проигрываться разные ситуации. Но в каждой из них предполагаются адекватные, запрограммированные в стереотипе действия. Поэтому и здесь вопрос о возможном существовании какого-либо иного бытия, кроме непосредственно данной картины, не возникает.

Цивилизованный человек, в отличие от животного, живет не в природе, а в обществе, причем, в отличие от дикаря, живет не в однородной, слитной общности, а в разнородном, социально дифференцированном обществе. Нормативная заданность деятельности цивилизованного человека неоднозначна, она определяется общественным сознанием и характеризуется многообразием возможных целей и выбора средств их достижения.

Таким образом, человек, во-первых, – существо мыслящее, оперирует не только чувственными моделями, но и абстракциями. Во-вторых, человек – существо общественное, его действия составляют только часть общего действия (совместная деятельность, разделение труда). Кроме взаимного совместного действия, есть еще и взаимная социальная борьба. К тому же человеческая деятельность регулируется общественной нормативностью.

Заключенность человека в некую оболочку (сферу ощущений, сознания) является эмпирическим фактом и исходным пунктом философствования, обязательным для всех философских направлений, независимо от того, верим ли мы в объективную реальность бытия или считаем его галлюцинацией. В любом случае человек живет и действует (ставит цели, выбирает средства, принимает решения) не в мире действительных предметов, а в некоторой модели, сконструированной им самим по своим собственным меркам. Непосредственно вне модели никакого мира человеку не дано.

В таком случае вопрос сводится лишь к тому, есть ли что-либо за пределами этой модели, и если есть, то что. То ли человек живет в действительном мире, в объективной реальности, но в опосредованном виде, а значит, – в субъективной реальности как модели, копии объективной реальности; то ли он живет просто в реальности без какого-либо опосредования, и эта реальность может быть только субъективной, за пределами которой нет ничего.

Иначе говоря, бытие представлено либо в двух видах (объективная и субъективная реальность), либо ограничивается одним видом, который может быть представлен только субъективной реальностью, поскольку в объективной реальности пребывать непосредственно могут лишь элементы самой объективной реальности, в силу чего само понятие объективности, не имеющее противочлена, теряет смысл.

В итоге можно сказать так: человеческая цивилизованная жизнь, в отличие от нецивилизованной, естественной жизни, становится многомерной, приобретает множественный характер: мысленно человек начинает проживать множество разных жизней, жить во множестве разных миров. В конечном счете человеческое существование распадается на мир идеальных мыслей и мир чувственных предметов. И тогда возникает проблема их отношения друг к другу: какой из них настоящий, первичный, а какой производный от него, вторичный? Существует ли предметный мир самостоятельно, и, если существует, какова природа его картины в нашей голове? Следовательно, чем более социализовано человеческое существование, тем сложнее оно становится и тем больше требуется его философское осмысление.

Итак, человеку дана только сфера ощущений. Какие здесь могут быть допущения по вопросу о существовании чего-либо вне этой сферы? Возможны три варианта (рис.1).

1
Существование чего-либо вне сферы
ощущения и мышления отрицается.
Мир есть комплекс ощущений
индивида. Такой подход можно
определить как
СУБЪЕКТИВИЗМ

3
Существование объективной, т. е. не-
зависимой от человека, реальности
признается. Мир есть совокупность
вещей, свойств и отношений,
существующих вне сознания человека.
Такой подход можно определить как
ОБЪЕКТИВИЗМ

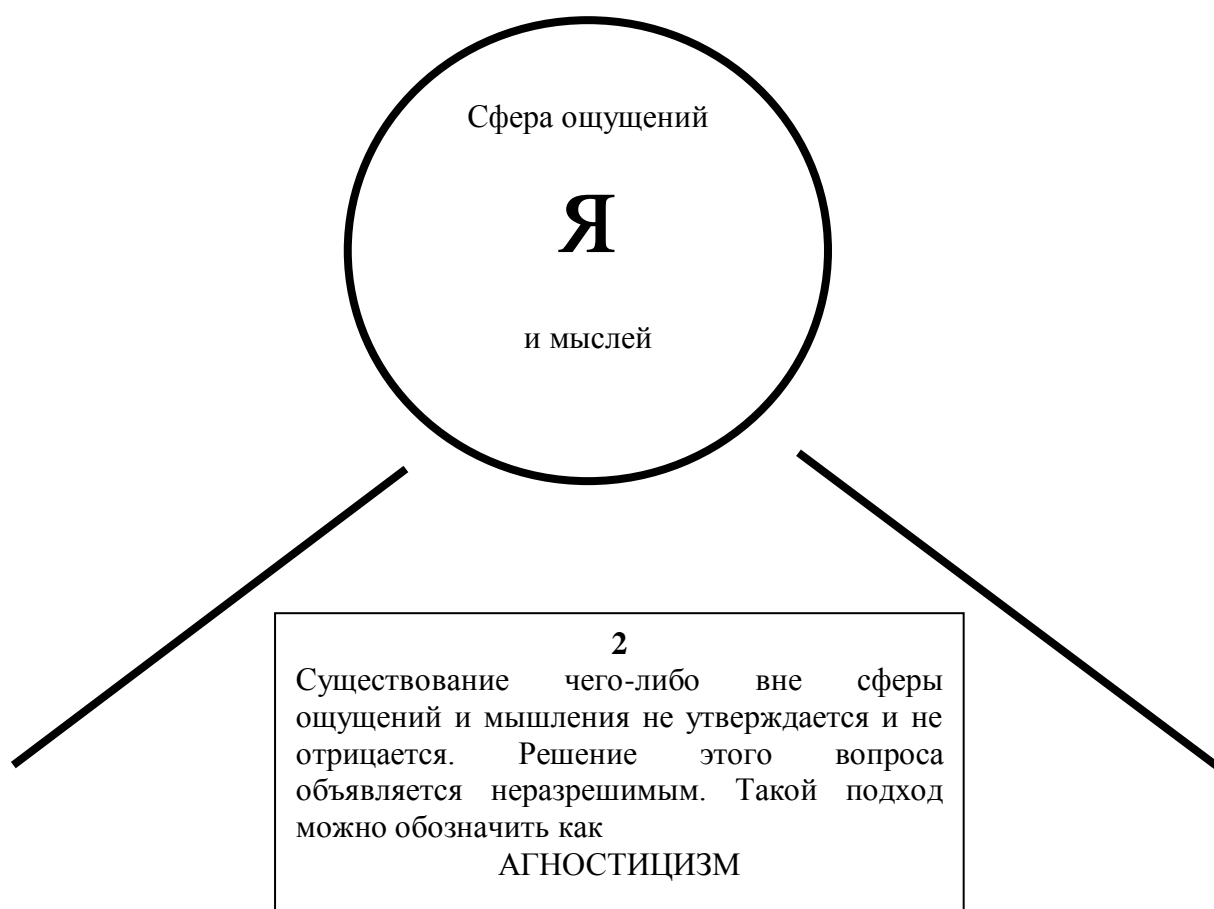

Рис. 1

Вариант 1. Вне сферы ощущений нет ничего, мир существует в сознании человека. Философское направление, ограничивающее бытие существованием субъективной реальности, можно обозначить как субъективизм или более конкретно – субъективный идеализм, так как на

первое место ставится человеческое сознание, по отношению к которому предметный мир вторичен, произведен и представляет собой мир человеческих ощущений, т. е. субъективизм и субъективный идеализм совпадают по определению.

В связи с последним суждением надо отметить, что положение о первичности сознания, в частности о том, что оно конструирует, творит мир, не следует понимать буквально в том смысле, что мысль творит мир материальных предметов, природу (создает моря и сушу, поля и горы) и, стало быть, весь мир есть плод воображения, умещающийся в человеческой голове. Действительно, само по себе сведение предметного мира к ощущениям еще вовсе не означает ограничения бытия оболочкой человеческого тела, т.е. абсолютного отрицания «не-Я». Дело в том, что сами ощущения относительно противопоставлены «Я» и могут рассматриваться в качестве «не-Я».

Доведенный до логического конца, до крайности, субъективный идеализм переходит в солипсизм (лат. *solus* – единственный и *ipse* – сам), считающий, что существуют только человек и его сознание, а объективный мир, в том числе и другие люди, существует лишь в сознании индивида. Объективная реальность отвергается, и тем самым как бы обрубается все концы – проблемы бытия лишаются всякого смысла. Бытие уподобляется мультипликационному фильму, смонтированному человеком из собственных ощущений и самому себе показываемому. Использование приборов не меняет сути дела. Приборы только усложняют и расширяют сферу ощущений, но ни в коей мере не выводят за ее пределы. Содержание ощущений становится более многообразным, но сфера остается замкнутой, ей некуда раскрываться. Большинство философов стремится избежать последовательного солипсизма, поскольку он ведет к парадоксам (рис. 2).

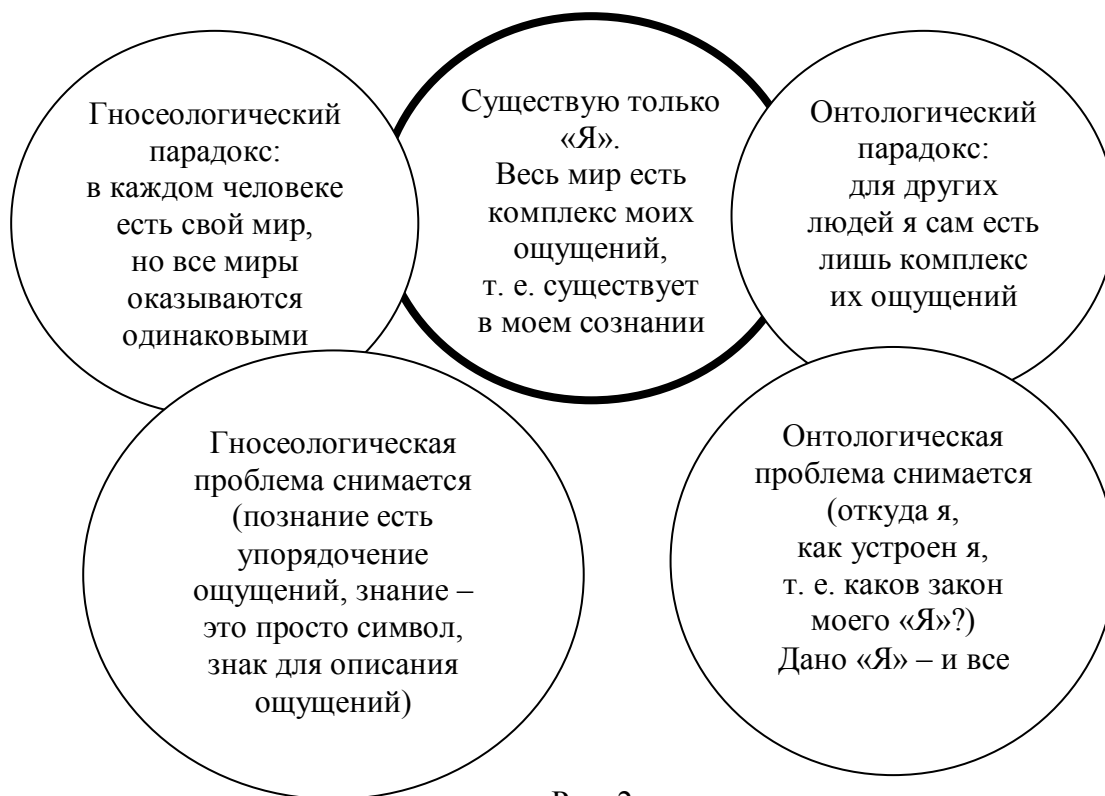

Рис. 2

По схеме субъективного идеализма источником знания является ощущение. В этом плане субъективный идеализм относится к сенсуализму (лат. *sensus* — чувство, ощущение, восприятие, смысл).

Вариант 2. Умеренный субъективный идеализм не сводит бытие к существованию отдельного индивида, а подразумевает вообще человеческое сознание и сосредоточивается не на онтологическом аспекте (онтология – греч. *ontos* – сущее и *logos* – учение, слово, т. е. учение о бытии), не на отсутствии объективной реальности, а на гносеологическом аспекте (гносеология – греч. *gnosis* – знание, т. е. учение о познании), а именно на недоступности объективной реальности, и ограничивается агностицизмом (греч. *a* – отрицание и *gnosis* – знание, т. е. отрицание возможности познания).

Агностицизм отрывает друг от друга объективную и субъективную реальность. Относительный агностицизм признает существование объективной реальности, но отказывается от высказываний о ее природе. Абсолютный агностицизм отказывается от каких-либо суждений об объективной реальности, в том числе и о ее существовании вообще.

Возникающие здесь проблемы аналогичны тем, что связаны с солипсизмом (рис. 3).

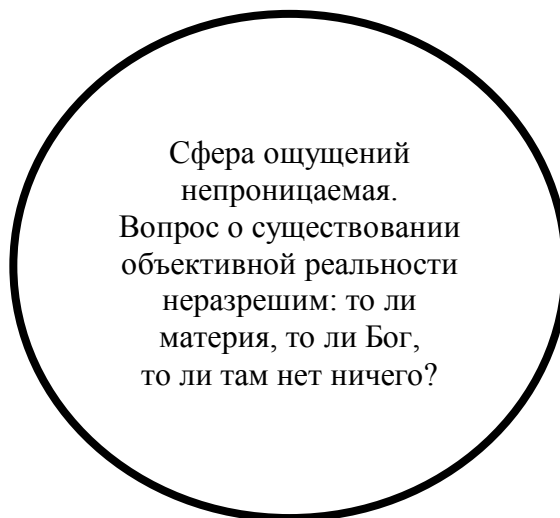

Рис. 3

Вариант 3. За человеческими ощущениями (за пределами субъективной реальности) допускается существование независимого от человека мира (объективной реальности). Такую позицию можно обозначить как объективизм (рис. 4). Но здесь возникают проблемы другого рода: о природе независимого от человека мира (материален он или идеален, конечен или бесконечен, самостоятелен или кем-то сотворен, постоянен или изменчив?); о его отношении к человеческому сознанию, доступности познанию; с другой стороны, о природе сознания и способах познания объективного мира (является ли человек с его сознанием частью объективного мира, каков механизм познавательного процесса, есть ли предел человеческому познанию?).

Рис. 4

Третий вариант имеет два подварианта. П о д в а р и а н т 1: относительный агностицизм (рис. 5).

Рис. 5

П о д в а р и а н т 2: Сфера ощущений прозрачна. Органы чувств нас не обманывают и адекватно воспроизводят предметы объективной реальности. Следовательно, мир познаваем. Здесь возможны три философских направления (рис. 6).

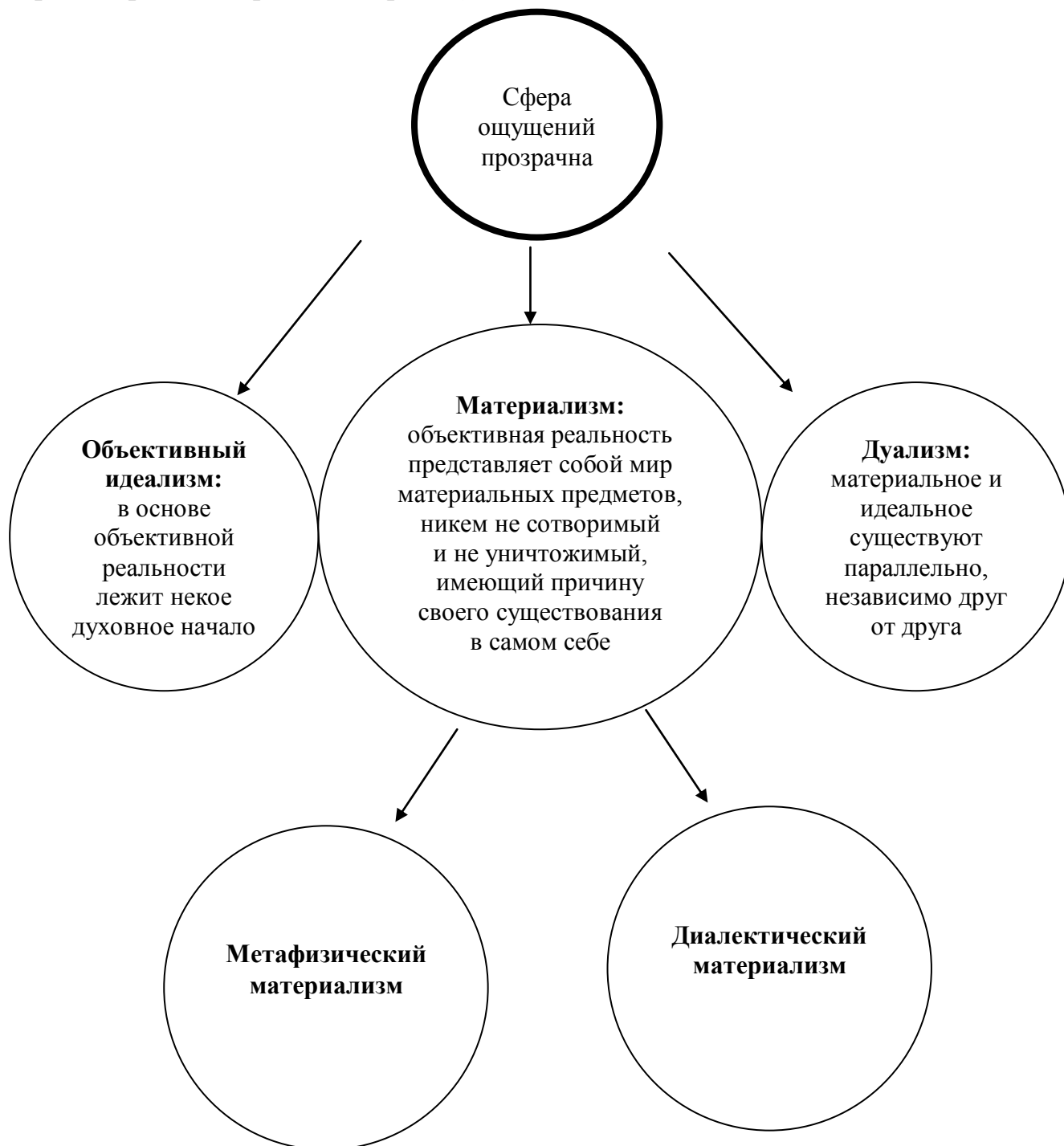

Рис. 6

Рассмотрим их более подробно.

Объективный идеализм (рис. 7).

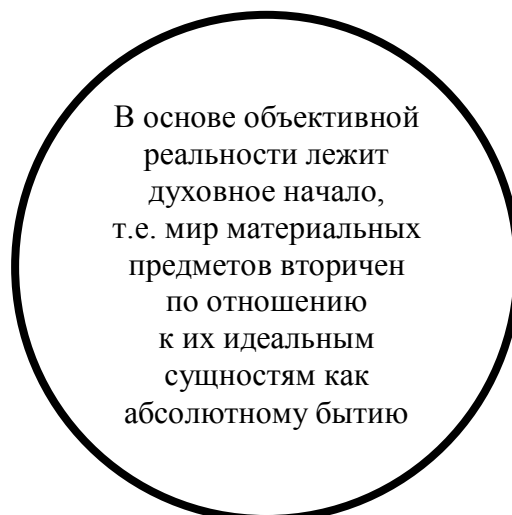
Формы материального бытия предметов бесконечно многообразны и изменчивы. Их сущность одна, вечная и неизменная. В каждом случае своего материального бытия предмет лишь частично выражает свою сущность. Например, в ХУШ в. автомобилей на Земле не было, а сейчас нет автомобилей конца ХХІ в., но идея автомобиля была и будет всегда одна и та же, т. е. автомобиль как таковой не

определяется ни формой, ни материалом и вообще никакими материальными свойствами: «автомобиль вообще» – это сугубо идеальное образование, первичное по отношению ко всем его материальным воплощениям.

Чувственная данность материальных предметов не обеспечивает полноты их знания. Познание предмета есть познание его сущности. Основным средством познания здесь является мышление (интуиция, творческое озарение). Таким образом, по схеме объективного идеализма источником знания является мышление. В этом плане объективный идеализм относится к рационализму. Проблема происхождения идей объективным идеализмом не ставится. В конечном счете здесь необходима вера, и без мистики так или иначе не обойтись.

Примечание. Религия, как форма общественного сознания, смыкается с объективным идеализмом. Бог – это некая абсолютная идея бытия, первичная по отношению ко всем возможным формам его материальности.

Материализм (рис. 8). Мир представляет собой бесконечное многообразие материальных предметов, во-первых, существующих объективно и, во-вторых, данных человеку в ощущении. Мир не имеет ни начала, ни конца. Проблема возникновения и развития мира исследуется наукой.

Рис. 7

Рис. 8

По схеме материализма источником знания является ощущение. В этом плане материализм, как и субъективный идеализм, относится к сенсуализму, но, в отличие от субъективного идеализма, считает ощущения копиями материального мира.

Метафизический материализм отличается от объективного идеализма тем, что отвергает какое-либо духовное начало объективной реальности. Следовательно, онтологически они противоположны. Но признание метафизическим материализмом абсолютных качеств вещей, т. е. их качественной определенности, присущей им самим по себе, в принципе тождественно признанию их абсолютных идей, поскольку качественная определенность вещи (ее сущности) не может быть воплощена полностью в каких-либо материальных свойствах. Соответственно сущность вещи, понимаемая как абсолют, недоступна познанию на чувственной основе и раскрывается лишь в порядке творческого порыва и озарения. Это означает, что гносеологически метафизический материализм и объективный идеализм едины.

Они едины и методологически, находясь на позициях абсолютизма — направления, признающего наличие предельных форм бытия, конечных или начальных (первоэлементы мира, материя как таковая, идеи вещей, абсолютная идея, Бог и т. п.). В метафизическом материализме мир определен, он «какой-то», но это «какой-то» уходит в бесконечность и в

принципе совпадает с определенностью абсолютной идеи, тоже уходящей в бесконечность. Таким образом, метафизический материализм и объективный идеализм совпадают по признанию абсолюта (абсолютной сущности) в виде либо материи как таковой, либо идей, т. е. предметов как таковых. Направление, отрицающее наличие предельных форм бытия и признающее лишь его бесконечное многообразие, называется релятивизмом.

Диалектический материализм, в отличие от метафизического материализма, признает активность субъекта, сознанию которого мир дан не сам по себе, не как таковой, а в его определяемости природными и социальными свойствами индивидов, всей общественной практикой. Иначе говоря, мир сам по себе «никакой» (или, что то же самое, бесконечно многообразный, т. е. неопределенный, а значит, «никакой»), его определенность обусловлена определенностью человеческого бытия. Однако следует различать диалектико-материалистическое положение: «мир сам по себе никакой» и субъективно-идеалистическое положение: «никакого мира самого по себе нет». Следовательно, онтологически диалектический материализм и субъективный идеализм противоположны, но гносеологически имеют некоторые общие черты, хотя принципиально различаются в понимании познания: для диалектического материализма знание о мире – это его образ, а для субъективного идеализма – некий символ, знак, иероглиф, инструмент.

Таким образом, материализм, как метафизический, един с объективным идеализмом (сущность, закон, необходимость отождествляются с абсолютной идеей), а как диалектический, он един с субъективным идеализмом (активность субъекта, практика отождествляются с ощущениями). Диалектический материализм является безусловным шагом вперед в философии в том плане, что перекидывает мостик через пропасть, разделяющую объективизм и субъективизм, абсолютизм и релятивизм. Тем самым в человеческом бытии связываются объективная и субъективная реальности, чего не может быть ни в рамках объективного идеализма, где исключается активность субъекта, подавляемая абсолютной идеей, ни в рамках субъективного идеализма, где исключаются закономерность, необходимость и царит произвол. В

диалектико-материалистическом понимании бытия связываются именно закономерность и активность.

Можно сказать и так: материализм и субъективный идеализм противоположны не в том, что один признает существование вне человека мира, а другой отрицает (крайности свойственны обоим направлениям), а в том, что в одном случае этот мир объявляется независимым от человека (объективным), а в другом – зависимым от него (субъективным).

Дуализм (рис. 9). На базе дуализма не формируется целостных философских учений о бытии. В решении одних проблем преобладает материализм, в решении других – идеализм. В вопросе об источнике знания дуализм относится к рационализму. Большинство философских систем являются монистическими.

Рис. 9

Итак, первичным предметом философского рассмотрения, начальным пунктом философствования является вопрос о реальности как о противостоящем человеку мире, исходной данности человеческого бытия,

изначально очевидной и не требующей вывода из чего-либо другого. И вопрос этот состоит лишь в одном – объективна или субъективна реальность, т. е. существует ли она сама по себе, независимо от существования человека или неразрывно связана с ним, будучи лишь данностью в его сознании?

В зависимости от ответа на данный вопрос имеют определенное решение остальные философские проблемы.

1. Каков закон бытия (как оно устроено, чем обусловлено в своем становлении и изменении, куда движется)? Коренным, системообразующим здесь является вопрос о первоначалах, основаниях бытия, определение которых обусловлено ответом на конкретный вопрос о единстве мира, или его аналог – вопрос о статусе общего в его соотношении с единичным.

2. Познаваемо ли бытие, можно ли им управлять? Что есть знание, каковы его источник и способ получения? Чем определяется единство человеческого знания? Каков закон смыслового взаимопонимания людей?

3. В чем закон бытия самого человека? Каковы место, цель и смысл человека в бытии?

Все многообразие философских проблем может быть сгруппировано в относительно самостоятельные разделы философии:

онтология – учение о бытии (объясняет законы бытия, представляет его модель);

гносеология – учение о познании (показывает источник знания и механизм процесса познания, объясняет причины единства знания и возможность взаимопонимания);

методология – учение о методах объяснения бытия в условиях противоречивого характера его данности человеку;

аксиология – учение о ценностях (рассматривает вопросы о смысле и целях бытия);

логика – учение о законах, формах и правилах мышления.

В свою очередь любая из указанных философских проблем может быть выведена на передний план в качестве системообразующей для философского направления.

В соответствии с ответами на поставленные вопросы в истории философии сложились основные философские направления –

альтернативные, т. е. исключают друг друга (парные) системы рассуждений, представляющие собой логически целостные версии решения философских проблем:

- объективизм – субъективизм;
- монизм – дуализм;
- материализм – идеализм;
- агностицизм – «гносеологический оптимизм»;
- детерминизм – индетерминизм;
- абсолютизм – релятивизм;
- реализм – номинализм;
- рационализм – сенсуализм;
- рационализм – эмпиризм;
- рационализм – иррационализм;
- рационализм – интуитивизм;
- эссенциализм – феноменализм;
- метафизика – диалектика.

Любое философское учение явно или неявно, но необходимо принадлежит целиком или тяготеет к какому-нибудь из противоположных «...измов» по каждой из перечисленных пар. В полном объеме всех своих философских характеристик направление является так называемым теоретическим выражением определенного мировоззрения.

Философия, как учение о всеобщности бытия, базируется на его позитивном освоении и в конечном счете выражает закон, сущность содержания позитивности. Следовательно, данные опыта в его широком понимании как познавательно-преобразовательной деятельности вообще без сопряжения со сферой философских абстракций не могут сложиться в целостную систему обобщенного знания. Соответственно непонимание философских проблем какого-либо предмета в конечном счете означает непонимание самого предмета как такового.

Таким образом, философия завершает восхождение по ступеням абстракций и находится на предельном уровне обобщения, представляя собой всеобщую систему отношений, задающую ориентиры, исходные посылки для обоснования решений любых позитивных проблем. Одновременно в той же мере, в какой выход в философию завершает

рассмотрение предмета во всеобщей полноте его бытия, исходная философская позиция является и началом рассмотрения предмета.

При рассмотрении философских проблем конкретных областей бытия (любого предмета) сохраняется общая структура философии, прежде всего, различие основных философских направлений. В истории философии сложился достаточно устойчивый предметный ряд философствования: философия природы, общества, человека, познания, науки и техники, политики и экономики, морали и права, культуры и искусства.

По всем разделам и предметам философии формируются разные философские системы в соответствии с основными философскими направлениями: субъективным и объективным идеализмом, метафизическим и диалектическим материализмом, дуализмом и агностицизмом.

Здесь необходимо иметь в виду важное обстоятельство: из целостности философии следует, что философская позиция (определенное решение основного вопроса философии) может быть только одна, если исходить из единства самого бытия как предмета философствования. Например, нельзя быть материалистом в объяснении явлений природы и одновременно – идеалистом в понимании общества. Но это в абстракции, сугубо логически. В чистом виде не может быть реализована ни одна версия (модель, вариант) решения основного вопроса философии, так как при ее последовательном проведении через всю систему философских проблем в определенных случаях обязательно возникнут парадоксы, несоответствия, противоречия и тому подобное, т. е. всегда будет оставаться недостаточной аргументация для утверждения абсолютной достоверности избранной версии, всегда будет возникать необходимость обращения к другим версиям при переходе от одних предметных областей к другим.

Философские направления в чистом виде – это абстракции. Их не было исторически, все они равноправны логически и могут быть представлены в философском рассмотрении любого предмета. Однако разработать единую безальтернативную и непротиворечивую систему философии невозможно. Любая философская система, во-первых, ограничена определенным допущением в решении исходной философской проблемы, во-вторых, она внутренне противоречива в связи с

необходимостью неявного использования противоположных допущений. Причины такой ограниченности и противоречивости реально существующей философии объективно обусловлены, с одной стороны, исторической относительностью знания, а с другой – социальной дифференциацией общества. Иначе говоря, субъективизм и объективизм, материализм и идеализм, метафизика и диалектика и все другие полярные направления в философии имеют гносеологические и социальные основания своей ограниченности и противоречивости.

Следовательно, ни одно из философских произведений с изложением того или иного варианта решения основного вопроса философии не может быть принято или отвергнуто, однозначно оценено с позиций истинности или ложности. В философском произведении должна быть понята логика рассуждений автора, увидена модель, определено ее место в логической схеме основных философских направлений, исходя из самого исторического текста и современного понимания логической схемы. Думать за автора бессмысленно, потому что то, что он говорил и хотел сказать в контексте своего времени, не совпадает со значением его суждений в контексте логической философской схемы нашего времени.

Философия не может быть сведена в какую-либо единую логическую таблицу, законченную схему таким образом, как это требуется в науке. Собранные вместе философские тексты не складываются в одну целостную систему рассуждений, как, например, научные тексты по физике складываются в целостную систему физики. Впрочем, и законченность научных систем – это тоже своего рода условность. Соответственно философию нельзя выучить, ее можно только понять (понять не как истину, а как проблему). В философии нельзя быть только учеником, в ней обязательно надо быть и соавтором.

Развитие философии на современном этапе обусловлено тем, что учтены и рассмотрены все возможные версии решения исходной философской проблемы, нет никаких ограничений мысли, кроме ее исторической предельности самой по себе и ограниченности позитивного освоения бытия. Достигнуто исчерпывающее понимание содержания философских проблем, ставших более понятными, чем впервые сформулировавшим их авторам, понятными, в первую очередь, в их абстрактной неразрешимости, что позволяет освободиться от

вынужденных, но не обоснованных абсолютизаций и допущений. Философский поиск первоначальных элементов и причин, конечных целей и следствий сошел на нет, как и естественнонаучный поиск принципов вечного двигателя. Вместе с отрицанием первоначальных материи и причины необходимо отрицается конечная абсолютная истина. Осталась всеобщая неопределенность, в которой размышляются исходные посылки рационального мышления о бытии, – в классической философии рациональность достигла логического предела. Абсолютная определенность бытия, провозглашенная классической философией, растворилась в постмодернистском релятивизме.

Специфика современного периода развития философии состоит в достижении относительной логической законченности схемы решений исходной философской проблемы. Это обусловлено достижением относительной завершенности позитивного знания о мире. Переключение на проблемы герменевтики, феноменологии и вообще широкое распространение постмодернизма есть выражение такой законченности. В рассмотрении истории философии становится все больше необходимым обращение к ее логике, определенное отвлечение от имен и буквальности текстов, т. е. переход от пересказывания к переписыванию. История философии в контексте проблемной законченности предстает как поэтапное развертывание логической схемы, достигшей к XX в. необходимой полноты.

Таким образом, на каждый момент человеческой истории, общественной практики имеется некоторый предельный чувственный опыт, предельная форма чувственной явленности мира человеку, выйти за границы которой в данный момент он объективно не может. С одной стороны, это относительное ограничение реально существующей техники, с другой – абсолютная невозможность преодолеть опосредованность данности мира человеку (как бы ни развивалась техника, мир всегда будет являться человеку в качестве ощущения). Поэтому перед человеком всегда остается задача истолкования данных опыта, будь то простые ощущения (зрение, слух и т. д.) или компьютерные модели. Вся история философии сводится к истолкованию данных опыта и к выдвижению определенных версий.

На рубеже XX–XXI вв. на основе доступного для понимания опыта истории философии продолжительностью свыше двух с половиной тысячелетий, а также современного уровня позитивного, прежде всего научного, освоения мира, оказалось возможным выработать логически последовательную и полную систему философской проблематики, в том числе:

- сформулировать исходную посылку философствования: «человеку даны только ощущения и мысли»;

- сформулировать исходную философскую проблему, которая так или иначе сводится к вопросу о содержании ощущений: а) заключено ли в них какое-либо объективное содержание, т. е. существует ли объективная реальность; б) если объективная реальность существует, то какова ее природа.

- проанализировать все логически возможные варианты (версии) решения исходной философской проблемы и на этой основе рассмотреть, сопоставить друг с другом все основные философские направления;

- в процессе рассмотрения определенных решений исходной философской проблемы очертить круг производных, вытекающих из этих решений философских проблем;

- построить в итоге целостную, законченную схему (систему) философствования, воплощающую в себе ее логическое начало и конец, возврат в исходное состояние. История философии в этом случае со всеми ее случайными формами, зигзагами оказывается для нас всего лишь развертыванием ее логики.

Предложенная логическая схема философии сама по себе трудна для усвоения и может быть понята только в процессе изучения всего историко-философского курса. Анализ конкретных философских систем целесообразно осуществлять именно с позиций данной схемы путем нахождения для каждой из них своего места.

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ

2.1. Становление философии как этап развития интеллекта

Философия и миф. Исходной формой мировоззрения является миф. Миф не сказка, а способ духовной жизни человека и общества, тип мышления. Свойства мифа:

1) традиционность. Он аккумулирует повседневный опыт людей, традицию отношений между ними, передает эту традицию от поколения к поколению;

2) фантастичность. Мифологическое объяснение мира и отдельных явлений принимается на веру и не требует доказательств;

3) антропоморфность. Мифические факторы сходны по своим основным свойствам с людьми;

4) эмоциональная нагруженность. Мифологическое объяснение затрагивает эмоциональную сферу человеческого сознания, заставляет его сопереживать, страдать, радоваться и надеяться.

Миф выполняет важнейшие функции:

1) обеспечивает единство групп людей, предлагая им единую интерпретацию событий;

2) является способом освоения мира, делает его «понятным», в известном смысле «своим» и близким;

3) наделяет события смыслом, важным для повседневной ориентации человека.

Конкретный набор мифов является неотъемлемой частью любой религии, идеологии, повседневного сознания. В этом смысле миф неискореним: он существовал и будет существовать всегда, принимая новые формы в соответствии с меняющимися обстоятельствами и запросами личности. Однако конкретные мифологические структуры могут подвергаться «старению», компрометации в глазах отдельных людей или общества в целом.

Философия возникает как конкурент мифологии, как претензия решать все вопросы (включая жизненные проблемы человека, его ценностные ориентации) на основе разума. Потребность в ней связана с

усложнением общественной жизни, разложением тех отношений между людьми, на которых базировалась и которые закрепляла конкретная форма мифологического сознания.

Восток и Запад. Философия как особая форма общественного сознания возникла в VII–VI вв. до н. э. практически одновременно в трех регионах Древнего мира – Индии, Китае, Греции. При этом особенности хозяйственного уклада, форм социальной дифференциации и организации взаимодействия людей отразились в базовых ценностях, присущих этим цивилизациям, вызвали различия в жизненных ориентациях личности и способах философского осмысления действительности. Западная и восточная философские традиции, базирясь на разных социокультурных основаниях, в своем развитии привели к принципиально разным духовным явлениям.

Западная цивилизация базируется на активизме, преобразовании действительности. Средством преобразования является техника (в самом широком смысле), которая требует объективного знания (науки). В этом случае философия стремится стать «метанаукой» – универсальной теоретической схемой, дающей науке мировоззренческо-методологическую базу. Формирование западной философии – размежевание с мифом и религией.

Восточные цивилизации в большей мере ориентированы на приспособление (отдельного человека или общественных структур) к ситуации. Средством приспособления для общества является традиция, для отдельного человека – следование традиции и психотехника (умение управлять своим сознанием, достигать определенных психических состояний). Невмешательство в ход природных процессов, «не-деяние» составляют принципиальную установку восточного мышления. Восточная философия в целом ориентирована не столько на создание объяснительных схем, сколько на формирование духовной практики человека. Это не теория, которую можно изучать извне, а Путь, проходимый человеком в достижении совершенства. Применяемые на этом Пути духовные практики (аскеза, медитация и другие приемы психотехники) являются средствами освоения идей определенной восточной школы. Практически все школы Востока либо возникали как религиозные секты, либо превращались в них. Массив знаний, называемый восточной философией, – это сложное

переплетение собственно философских идей, религиозно-мистических построений и духовных практик.

Инвариантом западной философии является жесткое различие субъекта и объекта, Я и Мира, на который направлена деятельность субъекта. Инвариантом восточной философии – стирание этого различия. Чтобы познать предмет, сознание должно «слиться» с ним или выйти в иные этажи реальности, где содержатся «высшие истины».

Западная философия построена на базе рациональности (любой западный иррационалист обосновывает и доказывает свою позицию сугубо рациональными средствами). Для восточной трактовки познания рациональность оказывается барьером на пути к истине, отсюда вытекает задача «сбить» повседневную рациональную установку сознания с помощью приемов психотехники или обсуждения парадоксальных примеров (притчи, коаны дзен-буддизма и т. д.).

Высшими ценностями западной цивилизации являются активность, свобода, развитие Я. В восточной философии намечаются пути преодоления индивидуальных желаний, обосновывается конечная цель человека – достичь совершенства, слиться с Абсолютом.

Представленный здесь инвариант восточной философской традиции с разными оттенками реализуется в многочисленных школах индийской философии, буддизме и дзен-буддизме, даосизме и конфуцианстве. Имея древнее происхождение, эти направления восточной мысли остаются практически неизменными на протяжении многих столетий, порождая бесчисленные ответвления. Любую восточную концепцию можно правильно воспринять лишь через «вхождение в школу», освоение ее духовных практик под руководством «гуру» (учителя).

Вместе с тем идеи восточной философии можно весьма плодотворно обсуждать в компаративистском (сравнительном) ключе, сопоставляя их с западной философией. На ранних этапах развития античной философии можно зафиксировать многочисленные аналогии (концепция Гераклита и понятие Дао в даосизме, учение о переселении душ у Пифагора, Платона и сходные идеи в индийской традиции и т. д.). Трудно сказать, являются ли эти явления результатом прямого или косвенного влияния, либо же это ступеньки естественного становления интеллекта вообще.

Момент «расхождения» западной и восточной философии часто связывают с именем Сократа, его методом диалогового отыскания объективной истины, не зависящей ни от человека, ни от конкретной ситуации, к которой каждый может прийти единым и вполне рациональным путем. Такая идея в корне противоречит восточной традиции и становится возможной только в рамках древнегреческой культуры.

Характерные черты античной философии

Античная философия – первый этап становления и развития интеллекта западного типа. Хронологические рамки: рубеж VII–VI вв. до н. э. (появление первых философских школ) – начало VI в. н. э., когда декретом императора Юстиниана (529 г.) была закрыта Неоплатоновская академия. Наиболее плодотворными были VI–IV вв. до н. э., когда, собственно, и оформился набор принципиально разных концепций, составляющих структуру всеобщего интеллекта этого времени (см. схему). Эти концепции являются узловыми точками, ступеньками становления европейского интеллекта, в них зафиксированы его объяснительные ресурсы.

Наряду с уже упомянутыми факторами (усложнение общественной жизни, появление новых социально-политических и нравственных проблем, которые затрагивали повседневную жизнь человека и общества, девальвация традиционной мифологии) для Античной Греции характерны два специфических обстоятельства:

1. Появление зачатков рационального знания (математики и астрономии). В отличие от Древнего Египта и Вавилона, где эти знания носили рецептурный и религиозно-мистический характер, греческая преднаука стремится к рациональности и системности (например, геометрия Евклида).

2. Особенности древнегреческой демократии, необходимость убеждать сограждан по полису в открытой дискуссии, с помощью рациональных аргументов. Коллективный разум становится судьей плодов индивидуальных размышлений.

Первоначально философия («любовь к мудрости») – это все знание, полученное путем размышлений, в отличие от знаний обыденных, традиционных или эзотерических (передающихся тайно, внутри группы

посвященных). Философия включала в себя и зачатки естествознания, знаний об обществе и человеке, которые в будущем оформились в самостоятельные дисциплины («отпочковывались» от философии).

Способ античного философствования характеризуется космоцентризмом и умозрительностью.

Космоцентризм – мировоззренческий принцип древнегреческой культуры и философии, согласно которому мир является единым, гармоничным и прекрасным целым («Космос» – в противоположность «Хаосу»). Целостность и упорядоченность Космосу придает Логос – мировой закон (этот термин использовали представители разных школ и ориентаций). Все явления природы и человек вовлечены в универсальную космическую связь.

В методологическом плане космоцентризм направлен на выявление оснований и структуры мира в целом. Любое событие может быть понято в соотнесении с характеристиками Космоса. Такой способ философствования обуславливает приоритет онтологической проблематики перед всеми прочими (сначала строится модель мира, а затем на ее основе объясняются конкретные ситуации).

Умозрительность – философские построения этого времени могли опереться на весьма скудную базу обыденного опыта и зачатков науки (математика, астрономия). Поэтому построение общей модели мира, объяснение природных явлений зачастую носило произвольный, наивный и даже фантастический характер. Множественность концепций (Античность насчитывает сотни школ и тысячи персоналий) во многом объясняется именно этим обстоятельством.

В философских концепциях любого периода всегда переплетаются открытие новых объяснительных ресурсов, новых горизонтов мышления (с одной стороны) и проповедь, фантазия, личное «мнение» их авторов (с другой). Последнее представляет интерес лишь для профессиональных историков философии. Первое характеризует ступеньки становления и развертывания европейского интеллекта, понимание которых дает ключ к освоению сегодняшних мыслительных ресурсов человечества.

2.2. Основные школы досократовской философии

Ранних античных философов часто называют «досократики», подчеркивая как рубежную роль Сократа в развитии европейского интеллекта, так и определенную неразвитость, наивность их концепций. В духе космоцентризма их интересовало в первую очередь общее устройство мироздания, поиск его оснований, начал. При этом обозначились основные направления этого поиска и затруднения, с которыми он сталкивается.

Единство мира, включающего самые разнообразные предметы и явления, можно обосновать двояко: либо через универсальность материала, субстрата, из которого состоят все вещи, либо через сходство математических формул, которыми описываются процессы самого разного характера. С этим связана первая оппозиция досократовской философии (милетцы – пифагорейцы).

Милетская школа (по названию города Милет). Считается первой философской школой Древней Греции, а ее основатель (Фалес, ок. 625–547 гг. до н. э.) – основоположником всей античной философии. Основой единства мира считали некое вещественное начало, субстрат. Фалес полагал, что это «вода», его ученики Анаксимандр и Анаксимен соответственно «апейрон» (некий гипотетический всеобщий материал) или «воздух».

При всей наивности таких построений очевидно важное достижение – вместо традиционного объяснения событий деяниями богов и героев, следует выявлять естественную, природную их основу. Субстратный подход развивался на всем протяжении истории философии и науки, стимулировал возникновение атомизма, формулировку общего понятия материи, а в науке – изучение химического состава вещества. В обыденном сознании субстратное объяснение, как наиболее простое, воспроизводится и по сей день.

Остается, однако, неясным, как из единого субстрата возникают разные по своим свойствам предметы.

Пифагор (ок. 580–500 гг. до н. э.) в противоположность милетцам видел единство мира не в материале, а в его упорядоченности, числовых соотношениях, пропорциях, определяющих свойства предмета или процесса. В основу мира кладется Число. Пифагорейцы создали союз, где

изучались философия и математика как в рациональном, так и в мистически-религиозном ключе. Для них, в частности, характерно учение о переселении душ, возможно, почерпнуто на Востоке.

Достижением пифагорейцев явилось объяснение свойств предмета через его организацию, упорядоченность. Дальнейшее развитие философии и науки привело к появлению понятий формы и структуры, в которых фиксируется эта сторона предмета.

Вторая группа проблем, с которыми столкнулись досократики, касалась соотношения противоположностей, характеризующих существование любого предмета. С одной стороны, предмет един, целен, устойчив, но с другой – очевидными являются его изменчивость, множественность (наличие частей). Распространение этого положения на мир в целом и привело к оппозиции Гераклита и Элейской школы.

Гераклит (ок. 544–483 гг. до н. э.) в качестве первоначала принял подвижный, динамичный элемент – огонь, по сути уже не вещество, а процесс. Для Гераклита характерно стихийно-диалектическое видение мира, природы, каждого предмета:

- 1) изменчивость, подвижность («в одну и ту же реку нельзя войти дважды»);
- 2) относительность («самая прекрасная обезьяна урод по сравнению с самым уродливым человеком»);
- 3) противоречивость («война отец всему и царь всему»).

В отдаленной перспективе такой подход представляется привлекательным. Гегель в XIX в. утверждал, что охотно включил бы эти диалектические положения в свою концепцию. Однако на признании подвижности, относительности и противоречивости трудно построить сколько-нибудь определенное научное изучение мира. Наука имеет дело с устойчивым и неизменным, ее формулировки по необходимости однозначны, и лишь в XX в. диалектический взгляд на мир находит отклик и обоснование в науках о природе.

Элейская школа (по названию города Элея) занимает противоположную Гераклиту позицию. Ее основоположник Парменид (ок. 540–480 гг. до н. э.) различал в философском исследовании «путь мнения», описывающий изменчивую видимую действительность, и «путь истины» – мышление, которое опирается на самое себя. Бытием обладает лишь то,

что можно непротиворечиво помыслить. При этом отрицается всякая изменчивость, множественность бытия как такового, поскольку при попытке помыслить их неизбежно возникают противоречия.

Взгляды элейцев приобрели широкую известность главным образом в связи с исследованиями Зенона, разработавшего ряд апорий – своеобразных парадоксов, доказывающих невозможность движения. Предполагается, что этих апорий (по греч. затруднений) было сформулировано около 20, из которых до нас дошли четыре.

В апории «Дихотомия» (деление на два) показано, что движение не может начаться, ибо чтобы пройти некоторое расстояние, нужно пройти его половину, а для этого – половину от половины и так далее до бесконечности. На этом же принципе построена апория «Ахилл и черепаха» – быстроногий Ахилл никогда не догонит черепаху, ибо за любой бесконечно малый промежуток времени она переместится на какое-то расстояние от догоняющего. В наиболее прямой форме невозможность, т. е. противоречивость, движения зафиксирована в апории «Стрела». Летящая стрела одновременно находится и не находится в определенном месте. Если находится – значит, покоится, если не находится – значит, не существует.

В апориях Зенона разум впервые выступил как самостоятельная сила, не просто обобщающая обыденный опыт, но прямо противоречащая ему. К обсуждению апорий Зенона европейская философская мысль возвращалась на всем протяжении ее истории.

Непосредственным результатом элейской философии стала фиксация двух важных проблем:

1) проблема соотношения изменчивости, делимости и устойчивости, целостности в основе существования вещей;

2) проблема применения разума, оценка его возможностей в условиях явного противоречия между картиной, которую он строит и повседневным опытом.

Первая из этих проблем оказала влияние на возникновение атомистической гипотезы (см. разд. 2.3). Обсуждение второй стимулировало интерес к способу применения разума, методу мышления (см. разд. 2.4).

2.3. Атомизм Демокрита

Атомизм стал способом теоретического преодоления того затруднения, которое выявила элейская школа: подлинное бытие должно быть устойчивым и неделимым, однако в мире повседневности царит изменчивость и относительность. Попытки решить эту проблему предпринимались Эмпедоклом (выделение четырех стихий: вода, воздух, огонь, земля, являющихся «корнями», основами мира), Анаксагором (допущение существования бесконечного числа невидимых материальных частиц – гомеомерий). Однако в этих концепциях отсутствовала важнейшая компонента атомизма – идея неделимости (атом по греч. – неделимое, нерассекаемое).

Предполагается, что идея атомизма впервые сформулирована Левкиппом – учителем и другом Демокрита, однако именно последний вошел в историю европейской культуры как автор гипотезы, не только легшей в основу философского материализма, но и составившей методологическую базу классической науки – химии и физики Нового времени.

Мир – это совокупность атомов, принципиально неделимых и вечных, неизменных, которые перемещаются в пространстве (пустоте). Сцепление атомов – возникновение предметов, разъединение – их исчезновение. Детализация концепции (число атомов, их свойства, характер движения) не представляет сейчас особого интереса – она отражает уровень мышления древних. Однако ряд принципиальных положений стал этапным для европейского интеллекта.

Последовательный материализм. Атомизм стал первой подлинно материалистической концепцией, поскольку духовные явления (сознание, познание) считал вторичными, производными от движения атомов. Душа – это совокупность атомов особого рода; их соединение – жизнь, разъединение – смерть человека и бесследное исчезновение души. Аналогично трактуются и разнообразные духовные процессы: в основе познания лежит «улавливание» атомами души «истечений», потоков атомов, исходящих от предметов. Объяснение сложного процесса через свойства субстрата является псевдообъяснением, поскольку сущность и специфика объясняемого (в данном случае – духовной жизни) ускользают

от понимания. Однако такой подход к духовным явлениям воспроизводился и позже (в XIX в. – в виде вульгарного материализма), а в обыденном сознании XX–XXI вв. в отождествлении сознания с нейрофизиологическими процессами, протекающими в мозгу.

Жесткий детерминизм. В концепции Демокрита развито учение о материальной причинности как основе событий и способе их объяснений. Поскольку атомы движутся по строго определенным траекториям, случайность невозможна. Люди измыслили идол случая, по словам Демокрита, чтобы прикрыть свою беспомощность в рассуждениях, незнание причин событий.

2.4. Сократ и его метод

Суть и значение сократовского метода выявляется в его сопоставлении с предшественниками и последователями.

Софисты. Так назывались многочисленные «учителя мудрости», действовавшие в V–IV вв. до н. э. Они распространяли разнообразные знания (от математики до музыки), обучали риторике (красноречию) как основе политической и юридической карьеры. Впервые в истории они стали брать плату за обучение – любопытный показатель того, что интеллект и умение им пользоваться начинают восприниматься как нечто практически полезное.

В онтологических и гносеологических вопросах софисты ориентировались на релятивизм, подчеркивали относительность любых явлений. Один из наиболее авторитетных софистов Протагор (ок. 490–420 гг. до н. э.) дал классическую формулировку этой позиции: «Человек есть мера всех вещей: существующих – в том, что они существуют, – и несуществующих – в том, что они не существуют». Это очевидный разрыв с космоцентристской ориентацией философии и всей греческой культуры. На первый план выходят свойства и цели человека, его мыслительные способности и их применение.

С позиций софистов разум не открывает истину (каждому утверждению можно противопоставить противоположное), а является средством достижения субъективных целей, например, убеждения других людей. Релятивизм превращается в субъективизм – содержание понятий,

формулировка суждений лишаются какого-либо объективного содержания – обосновать и доказать можно все, что угодно.

От названия направления происходит термин «софизм» – рассуждение, парадоксальность которого связана с использованием неоднозначности терминов, незаметным, на первый взгляд, нарушением логических законов. Такие рассуждения применяются в споре для достижения превосходства над оппонентом, введения его в заблуждение. Субъективизм, по сути дела, превращает мышление в игру ума.

Начиная как ученик софистов, Сократ (ок. 469–399 гг. до н. э.) разошелся с ними в вопросе о характере применения разума. Его деятельность стала рубежной в становлении европейского интеллекта.

1. Вместо произвольных умозрительных построений предлагается метод достижения объективной истины.

2. Познавательный интерес смещается с устройства мироздания на проблемы человека – нравственные и социально-политические.

В обыденном дофилософском представлении за истину принимаются привычные традиционные взгляды (то, что «знает каждый») или некое изначальное свойство мудреца. Элейцы (Парменид, Зенон) разделили «мнение» и истину, считая последней «то, что можно мыслить без противоречий». Наконец софисты превратили все содержание знаний в субъективное мнение.

Исходная гносеологическая позиция Сократа – «Я знаю, что ничего не знаю». В его методе принято различать две стороны (ступени) – иронию и майевтику.

Ирония – это средство разрушения традиционных мнений, общественных и индивидуальных предрассудков. У любого человека есть мнение по любому вопросу. Сократ, предлагая собеседнику дать определение какого-либо понятия, легко показывает неточность, ограниченность этого определения. Серия последовательно задаваемых вопросов заставляет собеседника уточнять и изменять формулировки вплоть до полной противоположности исходному утверждению. Тем самым обыденное мнение компрометируется и закладывается основа движения к подлинному знанию.

Майевтика (по греч. повивальное искусство) – средство «рождения» истины в диалоге – совместной работе двух или нескольких человек по

уточнению содержания и объема обсуждаемых понятий (красота, добродетель, мужество), их соотнесению с понятиями более общими и частными, смежными, противоположными, приведение подтверждающих и опровергающих примеров. В ходе такого обсуждения изучаемое явление подвергается всестороннему анализу, понятие, которое его отражает, наполняется более точным и многообразным содержанием. Достичь истины, по Сократу, это дать точное, всеобъемлющее определение понятия. Диалоговость необходима для устранения неизбежных ошибок – слишком узкого, огрубленного определения. Сократ подчеркивал, что он ничему не учит собеседников – он лишь помогает правильно ставить вопросы и устранять ошибки.

Впервые в истории возникает метод (способ) мышления, результаты которого не зависят ни от объема исходных знаний, ни от субъективных качеств человека. Этот метод предельно демократичен и универсален – он открыт для всех и позволяет узнать все.

Сам Сократ ничего не писал, его философская деятельность носила исключительно устный характер, а взгляды известны лишь со слов учеников и последователей. При этом можно с уверенностью утверждать, что вопросы устройства мира его мало интересовали или не интересовали вовсе. Возможно, что, подобно софистам, он считал их неразрешимыми.

Классическая формула дельфийского оракула «Познай самого себя» взята Сократом как ориентир для философской проблематики. Круг его интересов составляет жизнь человека и общества в соотнесении с высшей целью – безусловным высшим благом, которое, собственно, и является предметом философии.

Сократ полагал, что знание тождественно добродетели – люди поступают безнравственно лишь потому, что не знают подлинных оснований и требований блага. Поиски истины в социально-политической и нравственной области ведут, одновременно, к нравственному возвышению человека: «Все есть знание: и справедливость, и рассудительность, и мужество». Соответственно, никто не будет заблуждаться или дурно поступать по доброй воле. Таким образом, в учении о человеке и обществе, аксиологии (учении о ценностях) Сократ – рационалист.

Участь Сократа оказалась трагичной. Критика социально-политических реалий (афинской демократии), привычных предрассудков общественного сознания послужили основой для обвинения его в отрицании старых богов и почитании новых, разрушении нравственности и развращении юношества (к тому времени у Сократа образовался многочисленный круг учеников). Он был приговорен к смертной казни и, в соответствии с этим приговором, выпил чашу с ядом.

И общая направленность философии Сократа, и его метод, и даже обстоятельства личной жизни и смерти наложили огромный отпечаток на дальнейшее развитие философии. Из нескольких сократовских школ, основанных учениками Сократа после его казни, специального обсуждения заслуживают киники.

Киническая школа (основоположник Антисфен; ок. 435 – ок. 370 гг. до н. э.) восприняла у Сократа общую направленность проблематики (человек, общество) и первую сторону метода (иронию).

Мир в глазах киников – это просто природа. Человек – часть природы и носитель разума. Близость к природе (естественность) и разумность – две высшие ценности, на которые должен ориентироваться человек. Общество (социальная иерархия, связи и отношения) и порождаемые им ценностные ориентации – нечто неестественное и неразумное.

Сократовская ирония используется киниками для компрометации привычных ценностей. Она сопровождается проповедью ориентации на минимум естественных потребностей и экстравагантным поведением (например, Диоген Синопский жил в бочке, демонстрируя презрение к условностям и излишествам).

Неприятие и осмеяние киников нашло выражение в расхожих клише «киники–собаки» (поскольку название школы произошло от находившегося поблизости «киносарга» – собачьего питомника). В действительности достижением киников стало понимание того, что общественные отношения базируются не на природе и не на разумности как таковой. Они имеют иные основания, которые на том уровне развития знаний об обществе выявить было невозможно.

Киники наивно полагали, что социальные отношения (господство–подчинение) можно заменить межличностными (дружба). Однако понимание человека как носителя природности и разумности исключило

главную его характеристику – социальность, возможность формироваться и существовать только в рамках социальных связей и отношений. Ликвидация социальности означала бы и ликвидацию жизни человеческой, превращение ее во вполне «собаческую». Проповедь личной свободы в таком истолковании могла найти отклик лишь в среде социальных аутсайдеров, оставаясь на периферии философской мысли.

Таким образом, в V в. до н. э. общественный интеллект превращается в самостоятельную силу, которая имеет определенный разрушительный потенциал. Показательна реакция тогдашнего общества на этот факт: общая неприязнь к софистам, публичное сожжение сочинений Протагора о богах и изгнание его из Афин, казнь Сократа, осмеяние киников.

Позитивная, созидательная роль разума и значение сократовского метода выявились позднее.

2.5. Объективный идеализм Платона

Платон (427–347 гг. до н. э.), ученик Сократа, использовал его метод для создания первой в истории системы объективного идеализма. Его работы написаны в форме диалогов, в центре которых стоит личность Сократа. Такая форма не только придает им драматизм, художественные достоинства, но позволяет воспроизвести ход мысли на пути философского анализа.

Проблема содержания общих понятий. В нескольких диалогах эта проблема обсуждается на примере красоты, прекрасного. Что объединяет между собой все предметы, явления, которые человек называет прекрасным, – красивый пейзаж, красивый человек, красивый горшок, красивый поступок и т. п.? Очевидно, что не субстрат: говорить о материи или об атомах красоты было бы нелепо. Вместе с тем неверно было бы и чисто софистическое истолкование: при всей субъективности оценок и мнений есть нечто общее, признаваемое всеми духовно здоровыми людьми. То же самое можно сказать о содержании любых понятий: определение любого предмета может варьироваться довольно широко, но тем не менее все определения столов будут иметь нечто общее и отличаться от определения, скажем, шариковых ручек.

Анализируя природу понятий, Платон показал их наиндивидуальность, раскрыл их роль в мышлении и деятельности

человека. По сути дела, Платон «открыл» существование «идеальных объектов», знакомых каждому современному человеку. «Идеальный газ», геометрические фигуры, бесчисленное множество подобных идеализаций, составляющих содержание как науки, так и повседневного мышления, отличаются по своим свойствам от реальных объектов, но, одновременно, выражают их общие и существенные свойства в наиболее чистом виде. Вопрос об их происхождении и размежевал материализм, субъективный идеализм и идеализм объективный.

Платон истолковал природу идеальных объектов в духе объективного идеализма – придал понятиям не только объективное содержание, но и объективное, независимое от людей существование. Эти понятия он назвал «идеями» и поместил в особую сферу реальности.

Онтология. Мир, по Платону, состоит из двух частей – «мир вещей», изменчивый и преходящий, и «мир идей» – неизменный и вечный. Вещи находятся на границе бытия и небытия (появляются и исчезают) и существуют лишь постольку, поскольку соответствуют идеям. Идеи же существуют независимо от вещей, они совершенны и являются эталоном, образцом вещи. Идеи, собственно, и составляют подлинное бытие. Мир идей устроен иерархично: их пирамиду венчает идея Блага – высшая и наиболее совершенная.

В такой онтологической схеме объединяются учение Парменида о вечности и неизменности и Гераклита о текучести и относительности. Эти характеристики Платон относит к двум разным сферам или этажам мира. При такой онтологической схеме возникает множество частных вопросов, присущих объективному идеализму вообще (т. е. «имманентных» ему). Это вопросы об устройстве идеального мира, каналах и способах его влияния на мир вещей и тому подобное, открывающие широкий простор для интеллектуальных фантазий.

Учение о человеке вполне логично вытекает из онтологии. Человек живет в чувственном мире, т. е. в мире вещей, к которому целиком принадлежит его телесность. Однако душа человека происходит из мира идей, она обреталась в том мире до вселения в тело и возвращается вновь после смерти. Тело ограничивает возможности души, становится его «темницей». В душе человека сосуществуют три начала: разумное, аффективное (эмоциональное) и неразумное (вождеющее). Каждая из

них выполняет свою функцию, и их гармония требует управления чувствами со стороны разумного начала. При этом у разных людей преобладает одна из трех сторон, обуславливая возникновение трех человеческих типов. Смысл, цель человека – познание и реализация идеи Блага. Однако в силу исходного различия людей этот путь выглядит по-разному.

Гносеология Платона объединяет две уже рассмотренные части его учения. Коль скоро душа до вселения в тела была в мире идей, она обладает их знанием изначально. Познание – это «припоминание», превращение смутного, неявного знания в отчетливое и осознанное.

В таком случае, сократовская майевтика – это способ прояснения знания, помощник в припоминании. В одном из диалогов изображен Сократ, задающий мальчику-рабу «наводящие вопросы», в результате чего мальчик, никогда не изучавший геометрию, решает задачу удвоения квадрата, приходя к утверждению теоремы Пифагора. Для Платона очевидно, что это знание уже было заложено в душе мальчика.

Объектом знания являются идеи. Чувственные же вещи постигаются посредством мнения, всегда недостоверного, гипотетического. Оно, впрочем, и не представляет для Платона особого интереса.

Учение об обществе и государстве. В отличие от киников Платон вполне осознает необходимость общественных отношений, связей и иерархии. В основе их лежит (или должна лежать) все та же идея Блага. Выполняя требование общества, государства (термин «полис» обозначал в Древней Греции и то и другое), человек служит идее Блага, реализует ее. Государство в этом смысле всегда выше отдельного человека, как общее выше индивидуального. При всей несправедливости вынесенного приговора Сократ, как уже говорилось, подчинился ему. Однако в конкретных, существующих в этом мире формах государства идея Блага и вытекающая из нее идея Справедливости искажаются. Вместо стремления к высшим целям и единомыслию – раздор, насилие, алчность. Платон сводит реально существующие формы государства к четырем отрицательным типам – тимократия (власть честолюбцев), олигархия, демократия и тирания, подробно анализируя недостатки каждого из них. Результатом этого анализа явилась теория (модель) идеального государства.

Модель идеального государства. Идеальное государство – это такое устройство общества (полиса), в котором идея справедливости выразилась бы во всей полноте, без искажений. Оно закрепляет за каждым типом души определенную общественную функцию: мудрецы управляют, стражи – охраняют, люди с вожделеющей душой занимаются ремеслом, торговлей, сельским хозяйством, удовлетворяя свои приземленные потребности.

Последняя группа вовсе не является «эксплуатируемым классом», как может показаться на первый взгляд. Напротив, только эта группа и имеет право на собственность, семью, т. е. вполне земные блага. Они, однако, не допускаются к принятию решений, управлению, коль скоро не способны ни осознать идею, ни эмоционально ее пережить.

В этой модели детально регламентируются обязанности каждой группы граждан, способы организации всех областей жизни – от материального производства до воспитания детей. Особое внимание обращается на строжайшую регламентацию образа жизни воинов-стражей, чтобы сделать невозможными любые раздоры в их среде и любые индивидуальные притязания.

«Идеальное государство» Платона является объектом уничтожающей критики уже две с половиной тысячи лет, поскольку многие нелепости проекта очевидны. В общем плане можно сказать, что место реальных людей в этой модели занимают умозрительные «люди-функции». Идеалистическое мировоззрение в сочетании с тогдашним уровнем развития знаний о человеке легли в основу первой утопической программы в истории западного мышления.

Развитие и распространение философии Платона осуществлялось через школу, которую он основал в Афинах в роде героя Академа. Впоследствии она получила название Академии и стала крупнейшим очагом философской и научной мысли, просуществовавшим около 900 лет.

2.6. Философия Аристотеля

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) создал всеобъемлющую философскую систему, ставшую высшим достижением всей античной философии. Как величайший систематизатор («энциклопедист» в современной терминологии) всего массива накопленных к тому времени

знаний, Аристотель стоит у истоков науки как таковой. Зафиксируем некоторые важнейшие моменты его достижений.

Критика идеализма. Аристотель был учеником Платона, ему же принадлежит известная формулировка «Платон мне друг, но нет ничего дороже истины». В своих возражениях против платоновской теории «идей» Аристотель критикует объективный идеализм как таковой. Суть возражений состоит в том, что гипотеза о существовании идей не дает познанию ничего нового. «Идеи» – только совокупность общих признаков, которые выделяются у предметов. Объяснение свойств предметов через идеи, постулирование зависимости вещей от идей лишь усложняет проблему познания реального мира. Движение, становление и гибель вещей получают в идеализме лишь искусственное и фантастическое объяснение. Была показана и внутренняя противоречивость платоновской концепции: если отношения между вещами (общее в них) помещать в особый мир идей, то отношения между вещами и идеями (общее в них) требуют прифантазировать еще один «мир идей» и так до бесконечности. Единственная реальность – это сами вещи – таков вывод из этой уничтожающей критики.

Материя и форма. Объяснение существования вещей надо искать в них самих. Аристотель понимает вещь как единство ее субстрата (материи) и организации этого субстрата в нечто цельное (форма). Тем самым объединяются наметившиеся еще в досократовских школах субстратный и «структурный» подходы. Форма является сущностью предмета, она придает ему определенность. Материя создает возможность предмета, форма превращает ее в действительность.

Учение о материи и форме реализуется Аристотелем как выявление разных уровней, «слоев» материи, в основе которой лежит абстрактная, лишенная всяких качеств «первая материя» (термин, который впоследствии будет использоваться всеми материалистами). Тогда закономерно встает вопрос о первой, исходной форме, «форме всех форм», которой является Бог (не религиозный, а «философский Бог» – абсолют, который вводится философом как средство поставить точку в системе, придать ей завершенность и определенность).

Учение о причинах. Поскольку коренное свойство мира вещей – это движение, изменение, возникает вопрос о его причине. Аристотель создал

учение о четырех видах причин, которое в известной мере сохраняет свою актуальность.

Для объяснения движения предмета надо выявить:

1. материальную причину (субстрат явления, процесса);
2. формальную причину (структурные характеристики процесса);
3. движущую причину (т. е. импульсы, толчок, который, по Аристотелю, всегда идет извне);
4. целевую причину («цель» можно понимать как значение события для системы более высокого уровня).

Современная теория систем включает все эти аспекты объяснения.

На основе учения о материи, форме, движении и причине Аристотель создал детализированную модель мира – космологию, физику, объединившую все тогдашние знания о природе.

Учение о категориях. В концепции Аристотеля впервые сделана попытка зафиксировать основные формы (способы) бытия предмета и мышления о нем. Эти формы получили название «категорий». Любой предмет может быть понят в аспектах его качественной определенности, количественных характеристик, отношения к иным предметам, основания его бытия, общего, индивидуального, существенного, и т.д. Все эти аспекты выражают стороны предмета и, одновременно, образуют структуры мышления. Как соотносятся между собой количество и качество, причина и следствие, сущность и явление в самом предмете и как наше мышление, оперируя этими понятиями, создает мысленную модель предмета – в этом смысл и значение постановки вопроса о категориях.

Логика. Аристотель стал создателем формальной логики, науки о правилах формулировки суждений и логического вывода. Для Аристотеля логика – это не отдельная наука, а органон – орудие всякой науки. Ее задача – указание методов достижения достоверного знания, которые, в свою очередь, будут применяться во всех специальных исследованиях.

Наряду с формулировкой законов формальной логики Аристотель развил учение о методе познания вообще. Он исследовал проблему установления исходных постулатов, индукции, дедукции, классификации, систематизации, доказательства и т.д. Тем самым была заложена методологическая основа науки как таковой.

2.7. Эллинистическая философия

Начало эпохи эллинизма условно датируется 338 г. до н. э. – годом военной победы Македонии над Грецией. Греческие полисы теряют свою самостоятельность, попадая под власть Македонии, а затем Рима; их собственная политическая жизнь угасает. Мироощущение человека постепенно изменяется – он чувствует себя жителем большой Империи, а не членом полиса. Происходит изменение в понимании задач философии – ее интерес все более смещается к частной жизни человека, проблематике личной нравственности. Падает доверие к познавательным возможностям человеческого разума.

Вторая половина IV и III вв. до н. э. – это завершение интеллектуальной революции Античности – трансформация классических философских систем в соответствии с новыми мировоззренческими потребностями и появление двух новых школ, стимулированное этими потребностями (эпикурейство и скептицизм), наконец, распространение достижений греческого интеллекта вширь – на всю территорию Средиземноморья, а затем и Римской империи. Формируется мировоззренческо-методологическая основа всей Западной цивилизации. С середины III в. до н. э. практически не возникает новых направлений – идет переосмысление, детализация и распространение сформулировавшихся к тому времени концепций. Значительное распространение в Древнем Риме приобретает эклектизм (сближение и смешение разных философских школ).

Эволюция атомизма. Эпикур (341–279 до н. э.) развил на базе демокритовского атомизма этическую концепцию – эпикурейство. Онтология Демокрита не допускала случайности, полностью подчиняя (теоретически) жизненный путь человека космической предопределенности. Позиция Эпикура выражена в формуле «Лучше бы следовать мифу о богах, чем быть рабом судьбы физиков: миф дает надежду, а судьба заключает в себя неумолимость».

Эпикур внес в онтологию атомизма существенное изменение – спонтанное отклонение атомов, как тот минимум свободы, который необходимо допустить в микромире для обоснования свободы (отсутствии предопределенности) в жизни человека. Это, вероятно, первый в истории

философии пример корректировки модели мира для более оптимистичной жизненной ориентации человека, ибо именно человек более всего интересуется Эпикуром.

Человек – это совокупность атомов, он смертен. Но смерть не страшна, поскольку пока человек жив, ее нет, а когда она придет – его не будет. Поэтому человек должен освободиться от гнетущих его страхов перед смертью, богами и загробным миром. Жизнь сама по себе есть наслаждение, благо – то, что порождает удовольствие; зло – то, что порождает страдание. Нужно избегать страданий и стремиться к наслаждению жизнью. Эпикур подчеркивал, что речь не идет о бесконечном наращивании удовольствий: мудрец стремится только к естественным и необходимым для жизни, избегая всяких излишеств. Оптимистичная безмятежность – это подлинное счастье.

Человек, как отдельное существо, – это подлинная реальность. Общество – это просто другие люди – нет атомов общественных отношений, связей, иерархии и т. д. В этом смысле человек не служит обществу, напротив, всякий союз, содружество имеет смысл только в интересах отдельных индивидов. Человек ничем не обязан обществу и ничего от него не требует. Девиз Эпикура – «живи незаметно». Свобода состоит в том, чтобы уклоняться от нелепых и неразумных требований общества. Справедливо только то, что приносит пользу – тебе и близким, приятным для тебя людям.

В целом – эпикурейство – это утонченный, рафинированный эгоизм, основанный на чувстве собственного достоинства и самодостаточности. Но это вовсе не проповедь плотских наслаждений или вседозволенности, как утверждали богословы Средневековья, очернявшие и извращавшие его учение. Позиция Эпикура, как и всех античных философов, включала идею меры, умеренности как высшей добродетели мудреца.

Эпикурейство продолжало развиваться и в Древнем Риме (Тит Лукреций Кар, I в. до н. э.).

Стоицизм (от названия «стоя» – по греч. портик с колоннами, где собирались сторонники учения) является главным оппонентом эпикурейства. Основоположник Зенон из Китиона (336–224 до н. э.)

В онтологии стоиков использовались учение Аристотеля о материи и форме, некоторые идеи Гераклита и др. Мир не состоит из атомов – это

единое, цельное тело, пронизанное одушевляющим дыханием – «пневмой». Все предметы и существа этого мира зависят от целого. Логос (универсальный закон этого мира) определяет строжайшую необходимость, царящую в нем.

По отношению к человеку эта необходимость выступает как «судьба», «рок», «фатум». Свобода в эпикуровском смысле невозможна – «покорного судьба влечет, а непокорного – тащит». Критика эпикурейства стоиками имеет вполне рациональную основу – в эпикурействе выражена претензия на знание того, где будет лучше, где хуже, где больше страданий, где меньше. Эта претензия сомнительна.

Свобода для стоиков – это внутреннее состояние души, осознанное принятие необходимости (в 17 в. эта формулировка будет использована Спинозой). Подлинная свобода не вне человека, а внутри его – это свобода от страстей, «аффектов». Идеал счастья – это «апатия». Если рухнет мир, мудрец бестрепетно погибнет под его развалинами.

Стоики противостояли и эпикурейскому эгоизму. Человек вовлечен в связь со всем миром, а следовательно и со всем человечеством. Он призван к общественной жизни и только в ней может найти удовлетворение (здесь очевидна связь с моделью мира стоиков и влияние аристотелевской трактовки человека). Не уклоняться от общественного долга, не скрываться «в садах Эпикура», а действовать на благо собственного народа и человечества в целом.

Идеал стоического поведения – определить свой долг, свое место в мире и действовать, не ожидая ни наград, ни наказаний.

Такое мировоззрение было весьма созвучно эпохе кризиса античного общества и античной культуры поэтому стоицизм получил широкое распространение в Древнем Риме (наиболее яркий представитель – Люций Анней Сенека, I в. н. э.).

Скептицизм (основоположник Пиррон 365–275 гг. до н. э.) стал закономерным следствием многообразия противоречащих друг другу философских концепций. Античный скептицизм – это не агностицизм, в нем не утверждается непознаваемость явлений. Исходный смысл «скепсиса» – «быть в нерешительности», воздерживаться от однозначных суждений.

Ранний скептицизм занимался не столько гносеологией, сколько общим для эллинизма вопросом – как должен жить человек для достижения счастья. Для ответа на него Пиррон предполагал выяснить, 1) из чего состоят вещи; 2) как к ним относиться; 3) что из этого получается. Все предшествующие концепции уже выявили черты неопределенности, относительности, противоречивости как самого объективного мира, так и нашего познания. В таком случае, полагает Пиррон, никакой способ познания не может быть назван ни истинным, ни ложным. Результатом «воздержания» от суждений об истинной природе вещей должна стать невозмутимость, безмятежность.

Последователи Пиррона (Энесидем, Агриппа, Секст Эмпирик) более детально проанализировали именно гносеологические проблемы, разрабатывая так называемые «тропы» (аргументы, направленные против суждений о реальности). В этих «тропах» выявлялась зависимость знания от самых разнообразных факторов и обстоятельств. Исследование этих форм зависимости и создает, по существу, основу для всей гносеологической проблематики. Бесспорной заслугой скептицизма стало стремление преодолеть догматизм, присущий любой теоретической схеме. Современное понимание диалектики познания во многом обязано античным скептикам. Распространение скептицизма в Древнем Риме способствовало тенденциям эклектизма, соединения разных философских концепций. В скептицизме в значительной степени выразилось разочарование в возможности разума установить твердые и однозначные основы бытия мира и человека.

Неоплатонизм – последнее направление античной философии, развитое в трудах Плотина (III в. н. э.), Ямвлиха и др. Это не столько обновление платонизма (как следует из названия), сколько форма, которую принял античный идеализм в первых веках нашей эры.

В этот период в круг духовной жизни античного общества вовлекается новый фактор – монотеистические религии (иудаизм и христианство). Монотеизм вытеснял традиционные языческие верования, он в какой-то мере был созвучен философским поискам единства мира.

Неоплатонизм – своеобразный синтез положений Платона, Пифагора, стоиков и даже Аристотеля на основе религиозно-мистического мировоззрения. Исходная категория Плотина – Единое – некий аналог

Бога, не религиозного (т. е. не характерного для определенной конфессии), но и не вполне «философского» (подобного Богу Аристотеля), ибо его познание выходит за рамки разума, требует мистического созерцания и слияния с Единым.

Задача философии – показать, как из Единого последовательно выводится все существующее в мире и как выглядит обратный путь возвышения к Единому. Ступеньками этих процессов являются Ум и Душа.

Предельная абстрактность рассуждений сочетается с мистикой и даже обращением к мифологии. Так Ямвлих видел высшую добродетель в вере в богов (языческих), общении с ними; он сам занимался магией, рассчитывая как-то влиять на те несколько сотен богов, которые выделил и проклассифицировал в своей концепции.

Глубочайший экономический, социально-политический и духовный кризис, в котором находилось античное общество в начале нашей эры, воплотился и в кризисе философском.

* * *

В ы в о д ы:

1. Античность выявила основные философские проблемы, которые осмысливались и переформулировались всей последующей философией, включая самую современную. В этом смысле античная философская мысль бесконечно богата и неисчерпаема по содержанию.

2. В эпоху античности были реализованы все возможные для умозрительного философствования способы объяснения действительности, варианты ответов на теоретические и практические вопросы жизни человека и общества. В этом смысле уже к III в. до н.э. произошло исчерпание возможностей умозрительного космоцентризма как формы философии.

3. Претензия философии дать человеку и обществу разумные и однозначные ориентиры не оправдалась, да и не могла оправдаться в принципе. Однако, результатом ее становления и развития явилось возникновение интеллекта европейского типа – базы для будущего естествознания, основы научно-технического прогресса.

ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ И ВОЗРОЖДЕНИЯ

3.1. Место философии в духовной культуре Средневековья

Появление и распространение христианства в Римской империи в конце античности – это начало новой эпохи всемирной истории. Мировоззрение и жизненные принципы раннехристианских общин первоначально формировались в противостоянии языческому миру и философии. Суждения апостола Павла о том, что «умствование мудрецов суетно», что «мудрость мира есть безумие перед Богом», отрицательно ориентировали христиан по отношению к философии.

Однако по мере того как христианство приобретало все более широкое влияние и распространение, а потому стало нуждаться в рациональном обосновании своих догматов, появляются попытки использовать для этой цели учения античных философов. Таким образом, средневековое мышление и мирозерцание определяли две разные традиции: христианское откровение, с одной стороны, и античная философия – с другой. Эти две традиции, конечно, не так легко было согласовать друг с другом. У греков, например, понятие бытия было связано с идеей предела (пифагорейцы), единого (элеаты), т. е. с определенностью и неделимостью. Беспредельное, безграничное осознавалось как несовершенство, хаос, небытие. В библейской традиции высшее бытие – Бог – характеризуется как беспредельное всемогущество, своей волей он может останавливать реки и осушать моря и, нарушая законы природы, творить чудеса. При таком воззрении на Бога всякая определенность, все, что имеет границу, воспринимается как конечное и несовершенное: таковы сотворенные вещи, в отличие от их творца.

Если представители одной традиции склонны были видеть в Боге прежде всего высший разум (и поэтому сближались с античными платониками), то представители другой подчеркивали как раз волю Бога, которая сродни Его могуществу, и видели в воле главную характеристику божественной личности. Почти все средневековые философы принадлежали к духовенству. Поэтому их основная тема – отношение религиозной веры и научно-философского знания, богословия и философии. Священное Писание (Библия) как откровение Бога человеку

наделяется абсолютным авторитетом и рассматривается как абсолютная истина. Поскольку вся необходимая для спасения истина уже дана человеку Богом, открывать ее уже не надо – задача философии заключается лишь в соразмерном человеческому разумению усвоении ее, т. е. в разъяснении, толковании, упорядочивании текстов Священного Писания и Священного Предания.

3.2. Теоцентризм и догматизм как черты средневекового мышления

Средневековое мышление по существу своему теоцентрично: реальностью, определяющей все сущее, для него является не природа, а Бог.

Принцип теоцентризма по-разному раскрывался в разных областях философского знания.

В области онтологии как общего учения о мире, исходя из принципа теоцентризма, формулировалась теория креационизма согласно догмату творения: Бог сотворил окружающий мир из ничего; творение мира есть результат акта Божественной воли; мир сотворен благодаря всемогуществу Бога; природа не может творить сама себя; единственным творческим началом во Вселенной является Бог; Бог вечен, постоянен и всепроникающ; подлинным бытием является только Бог; сотворенный Богом мир не есть подлинное бытие, он вторичен по отношению к Богу; поскольку мир не обладает самостоятельностью и возник по воле другого (Бога), он непостоянен, изменчив и временен; нет четкой границы между Богом и Его творением.

В области теории познания была выдвинута теория откровения, согласно догмату откровения: мир можно познать, только познав Бога; Бог недоступен для познания; несмотря на то что Бог непознаваем, Он Сам разрешил познать Себя (дал информацию о себе) через откровение – Библию; единственный способ познания Бога и всего сущего – толкование Библии; Бога можно познать лишь сверхъестественным путем, благодаря особой способности человека – вере. Вся возможная истина о мире уже открыта Богом людям в своих творениях, и им остается только правильно истолковать эту истину. Причем процесс толкования совсем не обязательно должен был носить абстрактно-логический характер: многие

средневековые мыслители при всем почтении к разуму отдавали приоритет в познании божественной истины все-таки озарению и интуиции.

Историю человеческого общества теоцентрическая средневековая философия объясняет теорией провиденциализма, согласно которой Бог изначально predetermined конечную судьбу мира, и действительная история разворачивается в соответствии с божественным предначертанием.

Наконец, в области философской антропологии, или учения о человеке, в рамках теоцентризма складывается сотериология – учение о том, что на протяжении земного существования смысл и цель жизни человека состоит в его подготовке к спасению своей души во имя последующего бессмертия в Царстве Божьем. Догматом, определившим христианскую антропологию, был догмат воскресения во плоти. Средневековое сознание убеждено в том, что человек – когда исполнятся времена – воскреснет целиком, в своем телесном облике, ибо, согласно христианскому учению, душа не может существовать вне тела. Догматы Боговоплощения и воскресения во плоти легли в основу средневекового понимания проблемы соотношения души и тела.

3.3. Понятия «творение» и «откровение»

Согласно христианскому догмату, Бог сотворил мир из ничего, сотворил актом своей воли, благодаря своему всемогуществу. Строго говоря, подлинным бытием обладает только Бог, ему приписываются те атрибуты, которыми античные философы наделяли бытие. Он вечен, неизменен, самостождествен, ни от чего не зависит и является источником всего сущего. Христианский философ IV–V вв. Августин Блаженный (354–430) говорит поэтому, что Бог есть высшее бытие, высшая субстанция, высшая (нематериальная) форма, высшее благо. Отождествляя Бога с бытием, Августин следует Священному писанию. В Ветхом Завете Бог сообщает о себе человеку: «Я есмь Сущий». В отличие от Бога, сотворенный мир не обладает такой самостоятельностью, ибо существует благодаря не себе, а Другому; отсюда происходят непостоянство, изменчивость, преходящий характер всего, что мы встречаем в мире. В отличие от античности, где истиной надо было овладевать, средневековый мир мысли пребывал в уверенности об откровенности истины в Священном писании (Библии).

Идея откровения была разработана отцами церкви и закреплена в догматах. Так понятая истина сама стремилась овладеть человеком, проникнуть в него. На фоне греческой мудрости эта идея была совершенно новой. Полагалось, что человек рожден в истине, что он должен постичь ее не ради себя, но ради нее самой, ибо ею был Бог, воплощением которого на земле являлся Христос в единстве Божественной и человеческой природ. Потому дольний мир, соответственно и человеческий разум изначально мыслились встроенными в высшую реальность, причащаясь ей. Причащенный разум – это определение средневекового разума. Функции философии заключаются в том, чтобы обнаружить правильные пути для осуществления причастия. Откровение явлено в священных текстах Библии, толкование которых и есть основной путь богопознания.

Что же касается тварного (сотворенного) мира, то он – хотя и не до конца – постижим с помощью разума; правда, о степени его постижимости средневековые мыслители вели немало споров.

Понимание бытия в средние века нашло свое афористическое выражение в латинской формуле: *ens et bonum convertuntur* (бытие и благо обратимы). Поскольку Бог есть высшее бытие и благо, то все, что им сотворено, в той мере, в какой оно несет на себе печать бытия, тоже хорошо и совершенно. Отсюда вытекает тезис о том, что зло само по себе есть небытие, оно не есть положительная реальность, не есть сущность.

В силу акта творения человека по образу и подобию Бога, а также в силу дарованной человеку способности разумного причащения Богу человек впервые рассматривается как личность, деятельность которой основана на свободе воли. Вопрос о свободе воли тесно связан с вопросом о Высшем благе, которым является Бог, зле, которое толкуется как нехватка блага, и предопределении. Смысл свободы воли связывался не с подчинением необходимости, а с определением поступков совестью и свободным выбором.

3.4. Средневековая патристика:

Бог, человек и мир в христианской философии

Патристикой (от греч. *πατήρ*, лат. *pater* – «отец») обычно называют совокупность учений отцов христианской церкви II–VII вв. Как историко-философский феномен патристика – это прежде всего синтез религиозных

ценностей христианства и эллинского философского наследия. Доникийский период (II–IV вв.) был посвящен главным образом атакам на язычество, защите и апологии христианства. В постникийский период упор был сделан на разработку христианской философии в платонистском и неоплатонистском направлениях, борьбу с еретическими учениями, систематизацию христианского мировоззрения.

Исходным пунктом всякого теоретизирования становится текст Священного писания (канон которого окончательно сложился в IV в.). Христианское философствование может быть понято как философская экзегеза священного текста, а метод такого философствования – как совокупность способов интерпретации этого текста. Результаты интерпретации в свою очередь составляют реальное содержание философских построений патристики. Фундаментальный тезис патристики (и любого христианского философствования) гласит: истина заключена в Писании, а задача теолога («истинного философа») – правильно понять и разъяснить ее. Именно на этих путях христианская теология оформилась прежде всего как религиозно-философская герменевтика.

В христианской теологии Бог непостижим для человеческого ума. Поэтому в конечных своих основаниях христианское философствование имеет отчетливо выраженный апофатический («отрицательный») характер: выясняя прежде всего, чем Бог не может являться, такое философствование всегда есть попытка описать неопишное и выразить невыразимое. Однако принципиальная непостижимость Бога не исключает возможности делать предположения о тех проявлениях Его Существа, которые (по идее) могут быть доступны разуму и чувству человека. Таково основание «катафатической» («положительной») теологии, в русле которой решаются вопросы христологии, происхождения и познаваемости мира, назначения человека, т. е. всего, что составляет содержание космологии, антропологии и этики.

Высокий статус человеческого бытия определяется библейской формулой «человек – образ и подобие бога». Разум и свободная воля делают нравственным существом человека. Человеку дана способность высказывать суждения. Свобода воли позволяет человеку сделать выбор в пользу добра или зла. Первые люди выбрали зло и совершили грехопадение. Отныне природа человека оказалась испорченной, на него

постоянно оказывает воздействие грехопадение. Поэтому христианские мыслители определяют природу человека двойственной. Это раздвоение человека Августин называл «болезнью души», неподчинение ее себе самой, т. е. высшему началу; человек сам своими силами не способен преодолеть своих греховных наклонностей. Ему постоянно необходима божественная помощь, действие божественной благодати.

Мир сотворен Богом не по необходимости, но из переизбытка любви. Сама возможность творения материи Богом заключена в том, что материя есть лишь единство бестелесных качеств. Ни одно явление, ни одна природная вещь не открывают здесь сами себя, каждая указывает на потусторонний эмпирической данности смысл, каждая есть некий символ (и урок). Мир дан средневековому человеку не только во благо, но в поучение.

Самый знаменитый представитель патристики – Аврелий Августин. Его труды – один из важнейших источников средневекового философско-богословского мышления. Усвоив античную философию, пройдя через горнило античного скептицизма, он систематизировал христианское мировоззрение как целое и заложил основы всей традиции христианской философии.

3.5. Средневековая схоластика

В образовательных центрах эпохи раннего христианства схоластами называли учителей учрежденных церковью школ, термином «схоластика» стали со временем обозначать целый комплекс явлений, характеризовавших интеллектуальную жизнь главным образом Римско-католической церкви на протяжении нескольких веков.

У истоков схоластики стоял Боэций (480–524), который развил идею системы обучения из семи наук, как пропедевтики к изучению теологии. Алкуин Йоркский (730–804) продолжил педагогические идеи Боэция и сформулировал основную идею новой системы образования: «Так возрастут на земле франков новые Афины, еще более блистательные, чем в древности, ибо наши Афины оплодотворены Христовым учением, а потому превзойдут в мудрости Академию».

Иоанн Скотт Эриугена (ок. 810–877), которого называли «первым отцом схоластики» или «Карлом Великим схоластической философией»

восстановил диалектику и философию в своих правах через включение свободных искусств в контекст теологии. Из форм эрудиции они превратились в инструмент исследования, постижения и разработки христианских истин в целом.

Вторым «отцом схоластики» считается Ансельм Кентерберийский (1033–1109). Разум, согласно Ансельму, свободен, но только в границах догматов. Особое внимание к обоснованиям разума определяется у Ансельма главной задачей схоластики – прояснить детали и довести изложение основ христианской философии до элементарного дидактического уровня. «Схоластика» характеризуется своеобразным методом, связанным с практикой обучения в университете и ведения диспута по философско-богословским темам: вопросы вероучения подвергаются рациональному обсуждению путем анализа текстов и рассмотрения аргументов «за» и «против», в ходе которого находится разумное разрешение неясных, спорных вопросов.

Период, охватывающий XIII в., называют «золотым веком схоластики». Это была эпоха таких выдающихся мыслителей, как Альберт Великий (1206–1280), Бонавентура (1221–1274) и Фома Аквинский (1224–1274).

Великий систематизатор схоластики Фома Аквинский (Фома – это по-гречески, а по латыни – Thomas, отсюда и название его учения – томизм) считает недостаточным онтологическое доказательство существования Бога, выдвигает пять собственных доказательств существования Бога; исследуя проблему бытия не только Бога, но и всего сущего, он разделяет сущность (эссенцию – «чистую идею» вещи) и существование (экзистенцию – сам факт бытия вещи), считает, что любая вещь, любое явление есть сущность, которая обрела существование по воле Бога; исследуя проблему познания, приходит к выводу о том, что вера и разум одновременно участвуют в процессе познания, но разумом можно познать факт существования Бога, единство Бога, бессмертие человеческой души, а философия может объяснить только то, что познаваемо разумом. Те истины, которые не поддаются рациональному (разумному) познанию, проблемы сотворения мира, первородного греха, троичность Бога, могут быть познаны через Божественное откровение.

XIV в. – время поздней схоластики, кризиса схоластики, связанного с отказом от ее основной идеи – союза веры и разума, богословия и философии, рационального обоснования веры. Начинается критика метафизических систем старых школ (*via antiqua* – античного, «старого» пути), связанная с развитием естественно-научных интересов и исследований (Вильям Оккам (ок. 1285–1349), Жан Буридан (ок. 1295 – ок. 1360) и др.). В. Оккам переходит на позиции теории двойственной истины. Вера и богословие необходимы для спасения, имеют практическое значение. С одной стороны, философия не нужна богословию, не способна ничего решить в богословских вопросах. Например, доказательство бытия Бога невозможно, да и не нужно. С другой стороны, теоретические вопросы решаются философией – здесь необходим разум, а не вера или авторитет. Поэтому вера и богословие ничего не дают философии. Тем самым философия и богословие отделяются друг от друга.

3.6. Особенности схоластической постановки и решения философских вопросов

Оформление ранней схоластики связано с возникновением городских школ как центров образованности, а зрелая схоластика связана с университетским образованием (прежде всего, Парижским и Оксфордским университетами).

Предметом внимания в схоластике выступают догматы о троичности Бога, о предопределении, о сотворении мира из ничего, о первородном грехе и воздаянии, о воскресении. Однако, несмотря на внешнюю заданность неизменно канонической проблематики, внутри схоластики оформляются вариативные и зачастую глубоко оригинальные и яркие модели видения последней, порождая достаточно острые противостояния различных схоластических учений. Примером может служить обсуждение проблемы, совершаются ли деяния Божии на основе его свободной воли или на основе божественного разума, подчиняющего себе божественную волю. Дискуссия инспирирует оформление в контексте схоластики глубоко оригинального выражения идей волюнтризма в концепции Иоанна Дунса Скота (1265–1308), оценивающего детерминацию креационного акта со стороны каких бы то ни было оснований (в том числе и оснований разумности) в категориях ограничения Божественной свободы: Бог творит

мир «по воле своей», т. е. в акте абсолютно свободного, ничем недетерминированного спонтанного волеизъявления, индетерминированного импульса, лишённого каких бы то ни было оснований (от силовых до разумных).

Огромное внимание отводится в схоластике и логической форме рассуждения, изложения и выводов. Схоластика в целом демонстрирует очевидную общедедуктивную ориентацию и исходит из принципа жесткой определенности понятий, что соответствует общехристианскому нормативному требованию определенности.

В общекультурном плане феномен схоластики является уникальным продуктом равно глубинных и альтернативных друг другу установок европейской культуры: христианской системы с презумпцией веры как аксиологического максимума, с одной стороны, и базисного инструментализма, операционализма мышления – с другой, схоластика культивирует спекулятивное рассуждение как доминантный стиль мышления.

3.7. Номинализм и реализм как способы понимания действительности

В период ранней схоластики вспыхнул спор, содержанием которого был вопрос: существуют ли реально универсалии или нет. Эта проблема уходит корнями в философию Платона и Аристотеля. Аристотель критиковал учение Платона об идеях как особом мире, полагая, что идеи как сущности вещей были отделены от того, сущностью чего они являются. В средневековье вопрос об универсалиях приходит не прямо от великих философов древности, а от их комментаторов, в частности от ученика Платина Порфирия. Последний в работе «Сведения к категориям Аристотеля» поставил вопросы о характере родов и видов, о том существуют они в природе или только в мысли. Теологическая актуальность данной проблемы связана с христианским догматом Троицы, согласно которому Бог един и троичен. Как соотносятся три ипостаси и сам Бог? Если единство Бога понять как общее, а три его лица как отдельное, единичное, то возникает философский аспект проблемы Троицы: как существует общее? В единичном? Или самостоятельно?

Анализ этой проблемы стал развиваться в трех направлениях, которые в конце Средневековья получили названия реализма (общее до вещей, *ante res*), концептуализма (общее в вещах, *in rebus*) и номинализма (общее после вещей, *post res*) и которые по сути представляли разные аналитические задачи.

Реалистическое направление в основном исследовало проблему самостоятельного существования универсалий в Божественной мысли, которая вместе есть Бытие, Истина и Слово.

Принимая учение Платона о примате общего над единичным, Иоанн Скот Эриугена (ок. 810–ок. 877) явился одним из основателей и радикальнейших представителей средневекового реализма. Он полагал, что универсалии (общие идеи, понятия) существуют идеально, до вещей.

Ансельм Кентерберийский (1033–1109) выводил универсалии из души и высказывающей речи. Он фиксирует логическое внимание на укорененности любого обозначения вещи в Божественном уме. У Ансельма всякая субстанция понимается как универсалия, и любая вещь существует потому, что было высказано, что она существует. Истина, или правильность, одна, неизменна и не зависит от обозначения: вещи существуют правильно в том случае, когда они существуют согласно должному, что свидетельствует о том, что у них одна правильность, или истина. Доказательство бытия Бога Ансельмом Кентерберийским сводилось к тому, что Высшее существо может существовать только реально; если оно – лишь мыслимо, то оно не может не быть высшим. Раз Бог как высшее существо реален, то реальны и общие понятия — универсалии.

Фома Аквинский (1225–1274), который стоял на позиции умеренного реализма, считал, что универсалии существуют в вещах.

Для схоластического номинализма, напротив, реальны лишь отдельные вещи (индивиды), а универсалии существуют лишь в человеческом уме. Их можно понимать либо как абстрагированные от вещей понятия, либо даже как просто имена. Так, для Иоганна Росцелина универсалии – это только слова (*universale est vox*). Иоанн Росцеллин (ок. 1050–1210), монах из Компьен, был главным представителем крайнего номинализма в эпоху ранней схоластики. Он не оставил никаких трактатов, его воззрения известны нам лишь из вторичных источников, прежде

всего из полемики против него (из Ансельма Кентерберийского, Абеляра, Иоанна из Солсбери и т. д.). Росцеллин решительно выступал против платоновского реализма. Он учил, что вне единичных вещей не существует ничего, нет цвета вне конкретного цвета, нет мудрости вне мудрой души. Общее не имеет никакой собственной реальности, реально могут существовать только «единичные вещи».

Пьер Абеляр (XI–XII вв.) является первым представителем умеренного номинализма, который позже был назван концептуализмом:

1) универсалии, как идеи божественного духа, есть до вещей; 2) они существуют, далее и как общее в самих вещах, но эта общность не есть отдельная самостоятельная сущность (вещь) – она постигается человеческим духом путем абстракции; 3) универсалия существует и после вещей как понятие (*conceptus*) о вещах, которое образуется, поэтому не произвольно, ибо оно имеет основание в самих вещах.

3.8. Гуманистический переворот Ренессанса

Эпоха Возрождения (Ренессанса), охватывает период с XIV по начало XVII вв. В формировании ренессансного мышления огромную роль сыграло античное культурное наследие. Эпоха Возрождения обращается к античности, особенно к наполненным идеями человечности позднеантичным учениям. Но само понимание человечности существенно перетолковываются. Античный мир оценивал индивида не в его качестве индивида, но как носителя чего-то универсального, например добродетели, а возрожденная античность увидела в индивиде как индивиде уникальное выражение Вселенной, т. е. нечто неповторимое, незаменимое и бесконечно значимое.

Термин «гуманизм» происходит от латинского «*humanitas*», что в переводе означает «человечность». Этот термин употреблял еще в I в. до н. э. известный римский оратор Цицерон (106–43). Для него *humanitas* – это воспитание и образование человека в первую очередь, способствующее его возвышению. В совершенствовании духовной природы человека основная роль отводилась комплексу дисциплин, состоящему из грамматики, риторики, поэзии, истории, этики. Именно эти дисциплины стали называться «гуманитарными» в эпоху Возрождения и таковыми являются и по сегодняшний день.

Родоначальником гуманизма считается поэт и философ Франческо Петрарка (1304–1374). Первый гуманист считал, что содержанием подлинной философии должны стать науки о человеке. Ценность человеческой личности определяется не происхождением или социальной принадлежностью, а личными заслугами и плодотворностью ее деятельности.

Разносторонность – вот идеал возрожденческого человека. Теория архитектуры, живописи и ваяния, математика, механика, картография, философия, этика, эстетика, педагогика – таков круг занятий, например, флорентийского художника и гуманиста Леона Баттисты Альберти (1404–1472). В отличие от средневекового мастера, который принадлежал к своей корпорации, цеху и так далее и достигал мастерства именно в этой сфере, ренессансный мастер, освобожденный от корпорации и вынужденный сам отстаивать свою честь и свои интересы, видит высшую заслугу именно во всесторонности своих знаний и умений. По мнению Альберти, человек способен одержать верх над превратностями судьбы лишь собственной активностью. «Легко побеждает тот, кто не желает быть побежденным» и «терпит иго судьбы тот, кто привык подчиняться»¹.

Стремлению стать выдающимся мастером – художником, поэтом, ученым – содействует общая атмосфера, окружающая одаренных людей буквально религиозным поклонением: их чтут теперь так, как в античности героев, а в средние века – святых.

Подлинным гимном индивидуализму можно считать творчество Лоренцо Валлы (1407–1457). В главном своем философском сочинении «О наслаждении» неотъемлемым свойством человека Валла провозглашает стремление к наслаждению. Мерилом же нравственности у него выступает личное благо.

Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) в своей яркой «Речи о достоинстве человека» помещает человека в центр мира: «Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанности ты имел по

---

¹ Цит. по: Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней / Дж. Реале, Д. Антисери. – СПб. : Петрополис, 1994. С. 247.

собственному желанию, согласно своей воле и своему решению»³. Бог предоставил человеку возможность творить самого себя; по мере того как человек осознает себя в качестве творца собственной жизни и судьбы, он оказывается и неограниченным господином над природой.

3.9. Антропоцентризм и пантеизм в понимании природы, общества и человека

Для философской мысли Возрождения характерен антропоцентризм. Христианство тоже было антропоцентрично в том смысле, что весь мир понимался как сотворенный Богом прежде всего для человека. Однако специфической чертой религиозного монотеистического мировоззрения была идея обожения, понимаемая в духе христианского мистицизма; мистицизм заключался в том, что соединение с Богом происходит в результате снисхождения божественной благодати, достигаемого аскетическим образом жизни и специальными молитвами. В Возрождении характерна замена понятия обожения понятием обожествления человека, его максимального сближения с Богом на путях творческой деятельности.

Выше всего в эту эпоху ставится своеобразие и уникальность каждого индивида. Изощренный художественный вкус везде умеет распознать и подчеркнуть это своеобразие; оригинальность и непохожесть на других становится важнейшим признаком великой личности.

В эпоху Возрождения философия вновь обращается к изучению природы. Интерес к натурфилософии усиливается к концу XV–началу XVI в. по мере того, как пересматривается средневековое отношение к природе как несамостоятельной сфере. На первый взгляд, происходит возвращение к космоцентризму античного мышления. Однако в понимании природы, так же как и в трактовке человека, философия Возрождения имеет свою специфику. Эта специфика прежде всего сказывается в том, что природа трактуется пантеистически. В переводе с греческого «пантеизм» означает «всебожие». Бог утрачивает свой трансцендентный характер; он как бы сливается с природой, а последняя тем самым обожествляется и приобретает черты, которые ей в такой мере не были свойственны в античности.

---

³ Джованни Пико делла Мирандола. «Речь о достоинстве человека»//Эстетика Ренессанса. Антология – М.:Искусство, 1981.

Один из наиболее заметных представителей пантеизма Николай Кузанский (1401–1464) рассматривал Бога как бесконечный максимум, а мир – как ограниченный максимум. Согласно Кузанцу, центр и окружность космоса – это Бог, а потому хотя мир и не бесконечен, однако его нельзя помыслить и конечным, поскольку у него нет пределов, между которыми он был бы замкнут. Кузанец разрушает конечный космос античной и средневековой науки, в центре которого находится неподвижная Земля, тем самым он подготавливает коперниканскую революцию в астрономии, устранившую геоцентризм аристотелевско-птолемеевской картины мира. Вслед за Николаем Кузанским Коперник (1473–1543) пользуется принципом относительности и на нем основывает новую астрономическую систему. Эту тенденцию еще более углубил Джордано Бруно (1548–1600), он создал последовательно пантеистическое учение. Отождествляя космос с бесконечным божеством, Бруно получает и бесконечный космос. Снимая далее границу между Творцом и творением, он разрушает и традиционную противоположность формы – как начала неделимого, а потому активного и творческого, с одной стороны, и материи как начала беспредельного, а потому пассивного – с другой. Бруно, таким образом, не только передает самой природе то, что в средние века приписывалось Богу, а именно активный, творческий импульс.

3.10. Протестантская этика

Согласно протестантской этике, чем энергичнее верующий преследует свое «мирское призвание», удачливее ведет свое «дело», тем очевиднее свидетельство его избранности. Тем самым учение о мирском призвании переносило ответ о спасении души верующего с небес на землю. В результате эта основная духовная проблема превращалась в проблему мирской этики. Более того, в деле спасения не отказывали и бедняку, поскольку его душа открыта Богу. Проповедь модифицированных в интересах народных масс кальвинизма и лютеранства пробуждала в этой среде сознание духовного достоинства и социальной значимости каждой человеческой личности независимо от ее сословного статуса.

Суть протестантской этики вкратце такова. Сакральной, приближающей к Богу считалась религиозно-этическая, ценностно-мотивационная оценка труда как средства к спасению души. В этом плане

важен лишь внутренний мотив и обусловленная им степень упорства и прилежания в труде. Главную роль играет нравственное (духовное) напряжение, самоотреченное служение, а не степень престижности данного труда. Отсюда – нравственное достоинство трудящихся (на любом поприще) и труда, который нельзя «освободить». Протестантская этика успешно противостояла всем великим утопиям (включая марксистскую) о коллективном и всеобщем обретении земного рая. В то же время работа М. Вебера о протестантской этике – не индульгенция нашим современным «нуворишам» (скоробогачам), получившим своё богатство несправедливым путем.

3.11. Роль религиозной Реформации в изменении системы ценностей европейского общества

К. Маркс исследовал лишь социально-экономические предпосылки возникновения буржуазно-рыночных отношений. В отличие от него Макс Вебер проанализировал духовные (ценностные) предпосылки вхождения западного человека в буржуазно-рыночные отношения. Главным, по Веберу, была религиозная Реформация, сопутствовавшая становлению капитализма как нового способа производства, образа жизни и системы ценностей. Исторической эволюции Римско-католической церкви сопутствовали многочисленные искажения чистоты и святости религиозной веры. Протест против этих искажений привел в середине XVI в. к возникновению новой ветки христианства – протестантизма. Это и была религиозная Реформация (М. Лютер, Ж. Кальвин и др.).

Чтобы новая буржуазно-рыночная система ценностей была усвоена на уровне поведенческом, необходимо было культурно-политическую почву очистить от «сорняков» – пережитков феодально-средневекового сознания. В период религиозной Реформации речь шла не только о формировании нового субъекта производства, а об изменении самого типа личности, реформировании его ценностных ориентаций. Если догмат Кальвина о предопределении судьбы верующего только отражал стихию рынка, то учение Кальвина о мирском призвании превращало успех деятельности на рынке в знак «милосердия Божия». Трудолюбие, расчетливость, предприимчивость, бережливость – вот основные добродетели (ценности) нового субъекта производства.

ФОРМИРОВАНИЕ ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

4.1. Становление классического естествознания и изменение философской проблематики

В XVII–XVIII в. продолжается формирование светской культуры и научное изучение природы. Наука оформляется в один из важнейших институтов общества и становится значимым элементом культуры. Рост авторитета науки обусловлен прежде всего работами Галилея и Ньютона в области механики, которая задала параметры научной картины мира и предложила новый стиль рациональности, новый способ оформления и развития идей по поводу природы. Механика первая из всех наук о природе сложилась как законченная научная дисциплина в единстве эмпирического и теоретического уровней, продемонстрировав силу опытного и теоретического исследования механических систем в противовес авторитету церкви, каноническим текстам и абстрактному логическому анализу понятий. Как ведущая научная дисциплина своего времени, механика задала образец познавательной деятельности и направление работы ученым, стремящимся к изучению природы в ее собственном содержании, таким как Уильям Гильберт в физике, Роберт Бойль в химии, Гарвей в медицине и биологии.

Таким образом «философствование» по поводу природы сменилось конкретно-научным знанием о природных закономерностях; механика, физика, астрономия, медицина и другие науки как бы забрали у философии часть ее традиционного содержания и тем самым способствовали уточнению собственного предмета философии.

В этих условиях философия учится строить свои отношения с науками, не навязывая им некие истины, а обобщая выводы естествознания. Ориентируясь на науку как идеал культуры своего времени, философия стремится обосновать свою ценность по аналогии с ней, т. е. стать практически полезной – полезной для науки в деле получения нового знания. Поэтому особую актуальность приобретает в философии осознание самого познавательного процесса, т. е. исследование происхождения, источника знания, соотношения чувств и разума, природы истины.

Таким образом, на первый план в философии выходят вопросы гносеологии, методологии познания.

В то же время вырабатываются собственно философские категории для построения классической философской онтологии, т. е. представления о бытии, его законах и структуре. С одной стороны, они стали обобщением накопленного научного материала, с другой стороны, в силу своей высокоабстрактной природы позволили свободно строить мыслительные модели действительности и выявлять в ней то, что получило подтверждение в дальнейшем развитии науки.

4.2. Роль Ф. Бэкона и Р. Декарта в обосновании научного метода

Философы Р. Декарт и Ф. Бэкон обосновали свободное построение научного знания вне идеологических и авторитарных рамок, общераспространенных предрассудков и суеверий. Оба философа разработали новое понимание познания как новаторской деятельности, призванной служить человеку. Благодаря их трудам опора на опыт и разум стала ведущей темой методологии научного познания.

В соответствии с характером складывающегося научного знания они сформулировали эмпирическую и рационалистическую методологию.

Эмпиризм – философское направление, признающее чувственный опыт единственным источником достоверного знания. Английский философ Френсис Бэкон (1561–1626) провозгласил целью науки увеличение власти человека над природой, предложил реформу научного метода – обращение к опыту и обработка его методом индукции, т. е. логическим переходом от частного к общему. Бэкон обогатил теорию индукции введением элиминативной, или исключаяющей, индукции, где вывод о предполагаемой связи явлений проверяется отрицательными примерами ее отсутствия. Хотя в терминологии Бэкона эмпиризм – это ошибочный, слепой вид познания, в историю философии он вошел именно как один из основателей эмпиризма, ибо считал правильно обработанный чувственный опыт человека единственным источником знания и критерием истины.

Рационализм – философское направление, признающее разум основой познания. Рене Декарт (1596–1650), французский философ, математик, физик и физиолог, считал всеобщность и необходимость научных истин

следствием всеобщности и необходимости правил логики, выводящей знание из неких врожденных идей. Они настолько очевидны и ясны, что не подлежат никакому сомнению, не нуждаются в доказательстве, присутствуют во всяком нормальном человеческом сознании. Согласно Декарту, дедуктивное развертывание мышления, т. е. переход от общего к частному, по основным правилам единственно может привести человека к истине. Тем самым Декарт дал развернутое обоснование рационализма.

При всем различии эти методологии освобождали науку от суеверий, традиционных заблуждений, предлагали все положения проверять опытом или критической работой разума.

4.3. Натурфилософские концепции XVII века.

Понятие субстанции (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г.Ф. Лейбниц)

В эпоху бурного развития экспериментально-математического и механистического естествознания натурфилософия как объяснение природы и умозрительное ее толкование отступает на второй план. Философия все в большей степени ориентируется на науку и, стремясь к ее обобщению, вырабатывает абстрактные категории для моделирования мира в мысли. XVII век – это время формирования классической философской онтологии, т. е. философского представления о существующем, о мире в целом, его структуре и основаниях. Онтология XVII в. органически связана с гносеологией, ибо выростала из последовательного применения определенных моделей познания – рационалистической или эмпирической.

Философское объяснение мира велось в духе господствовавшей механистической методологии и заключалось в поиске окончательных причин, в поиске субстанции (субстанций) как основы мира, носителя всех свойств и отношений. Представление о субстанции предполагает идею о единстве мира безотносительно ко всем его разнообразным видоизменениям. Эта философская категория вырабатывалась, с одной стороны, на основе обобщения существующих научных данных и преодоления теологии, а с другой – как чисто абстрактное моделирование мира, где философская мысль, компенсируя недостаток научного материала, подчас значительно опережала свое время и вырабатывала представления, востребованные наукой в дальнейшем.

Декарт, исходя из непосредственной данности и очевидности мышления, считал его субстанцией, т. е. существующим самостоятельно, не нуждающимся ни в чем другом. Отсюда он развивал правила своего рационалистического метода и представления о структуре мира. Рационализм дедуктивно выводит истинное знание из врожденных идей сознания, принимаемых за аксиомы. Среди врожденных идей, т. е. идей безусловно истинных, Декарт находит идеи протяженности, телесности, длительности. Но мысли эти свойства не присущи. Следовательно, можно предположить существование начала, которое характеризуется именно этими свойствами. Так Декарт полагает две субстанции мира – идеальную и материальную; они абсолютно противоположны по свойствам, но при этом соответствуют друг другу, ибо развертывание мысли по ее собственным законам дает нам истинное знание о мире противоположном – материальном. Гарантом соответствия субстанций в философии Декарта выступал Бог.

Рационалист Спиноза (1632–1677), исходя из соответствия двух начал и способности мышления давать истинное знание о материи, перестал рассматривать мышление и протяженность в качестве двух субстанций и определил их как два атрибута одной субстанции. Тем самым признавалась одна вечная и неизменная субстанция, которая существует через вещи, в том числе и через мыслящего человека. Он наделяет ее активностью: она является «причиной самой себя» во всех многочисленных проявлениях. Так последовательный материалистический монизм Спинозы преодолел дуализм Декарта и необходимость введения в модель мира бога.

Онтология Лейбница (1646–1716) также тесно связана с его рационалистическим представлением о заложенности в разуме в потенциальном состоянии абсолютно достоверного знания. Эта общая мыслительная предрасположенность присуща не только разуму человека, но и всем телам в мире, благодаря чему самые разнообразные явления мира складываются в единую общую – предустановленную – гармонию мироздания. Как каждая точка графика функции, обладая своими собственными параметрами, в то же время несет в себе характеристики функции в целом и поэтому соответствует другим точкам, так и отдельные тела несут в себе знание о мире в целом и соответствуют другим телам. Так складывается монадология Лейбница, т. е. модель действительности, в

которой мир состоит из бесчисленных самостоятельных субстанций, единиц бытия, монад, связанных в общую систему благодаря заложенным в них знаниям о едином бытии. Эти монады активны и подвижны, но эта активность вызвана их духовным характером, их знанием. Таким образом на основе методологии рационализма Лейбниц развил идеалистическую онтологию.

4.4. Проблемы необходимости и свободы, всеобщего и индивидуального, материального и духовного в рамках механического и метафизического понимания мира

Господство механики в науке XVII в. задавало определенные нормы в постановке и решении философских проблем. Обоснованным считалось положение, в котором любые природные явления сводились к фундаментальным принципам и представлениям механики. Природа рисовалась как механическая система, построенная на базе очевидных принципов, где четко и ясно заданы все связи и зависимости, где каждый объект является малой системой с небольшим количеством элементов и однозначными взаимодействиями под влиянием внешних сил. Процессы понимались как количественные изменения, а причинность трактовалась в лапласовском смысле, когда начальное состояние системы однозначно определяет все ее последующие состояния. В силу указанных особенностей картина мира XVII в. и философия, развившаяся на ее базе и, в свою очередь, сама развивающая ее, получила название механистической и метафизической.

В рамках механического понимания детерминизма все действия выводятся из движения материальных частиц и являются строго определенным результатом внешнего воздействия, т. е. необходимыми. В такой картине мира не остается места для случайности, а человек практически лишается свободы воли. Как часть механической системы и сам как таковая, человек оказывается производным от внешних обстоятельств, не зависящих от его контроля. Даже если искать причины в нем самом или внешней идеальной силе (Боге), сама ориентация на нахождение окончательных причин задает жесткие рамки человеческого поведения как необходимо реализующейся схемы. Но это не значит, что философия XVII в. однозначно отрицала свободу, ибо не могла

игнорировать центральный вопрос этики – ответственность человека за свои действия. Если нет выбора, а есть лишь рабское подчинение обстоятельствам, то нет и ответственности. Особое внимание этой проблеме посвятил Б. Спиноза, который связал необходимость и свободу: свобода – это существование по собственной необходимости. Для человека выход из зависимости от внешних сил и собственных аффектов заключается в познании их, познании необходимости, в установлении господства разума над чувствами. Такое понимание отвечало всему духу эпохи, заключающемуся в стремлении познать мир, практически использовать полученное знание и тем самым умножить власть человека над природой.

В целом так же однозначно метафизический характер мышления XVII в. противопоставлял общее и индивидуальное в природе и мышлении. В соответствии с эмпирической методологией, во многом следовавшей традиции номинализма, общее – лишь словесно закрепленная абстракция того одинакового, сходного, которое человек находит в данных чувств или, как утверждалось в трудах материалистов-просветителей, которое соответствует реально сходному в единичных вещах. Но подлинной реальностью обладают лишь вещи, единичные «по своему бытию». Рационализм, продолжая линию средневекового реализма и считая только общее знание достоверным и объективным, считал его коренящимся в мышлении и, следовательно, идеальным по характеру, не присущим природе вещей. Б. Спиноза попытался диалектически связать эти противоположности в понятии о субстанции как общем мировом единстве, как том общем, из которого возникают и в которое возвращаются единичные тела, явления, состояния.

Проблема материального и идеального разрешалась философией XVII в. в рамках поиска субстанции мира, т. е. объективной всеобщей основы, на базе материалистической и идеалистической методологии. Материалисты исходили из первичности материальной объективной механической вещественности, которая субстанциальна в силу обладания основными первичными неизменными общими свойствами. Таковыми считались те качества, которые подпадали под описание средствами механики и математики. Субстратом этих качеств считались неделимые атомы, а все природные процессы трактовались как движения

материальных частиц. Духовное рассматривалось как вторичная – отраженная – реальность, как природное свойство отдельно взятого человека, что давало возможность в дальнейшем понимать сознание в натуралистическом духе.

В рамках дуализма Декарта вопрос о носителе снимается, и материя отождествляется со своим основным свойством – протяженностью, т. е. геометрией. Такое возможно при признании второй – мыслящей – субстанции, непосредственно данной мыслящему субъекту, абсолютно противоположной протяженности и в то же время совершенно ей соответствующей. Духовное наделено своим собственным содержанием и законами его развития, которые не выводятся из ничего более фундаментального. Доведенный до предела, этот подход трудами рационалистов-идеалистов утверждал первичность сознания, рассматривал природу как производную от духовной активности всеобщего субъекта. Однако развитие идеи соответствия материального и духовного позволило Спинозе ввести понятие единой субстанции, где протяженность и мышление в их всеобщности и необходимости оказывались ее атрибутами и тем самым связанными и по содержанию, и по способу существования.

Абсолютизация относительной самостоятельности сознания возможна не только в рамках рационалистической методологии, где упор делается на всеобщих объективных надындивидуальных характеристиках идеального, но и в рамках идеалистического эмпиризма, где чувственные данные трактуются как единственная реальность, данная человеку, для которой невозможно установить никакие объективные общие связи. Фактически, такой подход подрывал возможность научного познания с его стремлением к установлению объективной истины в форме законов, т. е. объективных, необходимых общих связей явлений.

4.5. Гносеологическая проблематика в философии Нового времени

Новизна науки для культуры в XVII в. и в то же время ее продуктивность обязывали философию осмыслить этот феномен в его самых общих характеристиках, т. е. понять само существо познавательного процесса, обозначить его уровни и формы, их взаимодействие, сформулировать цель познания и критерии ее достижения. Таким образом,

гносеологическая и методологическая проблематика становится центральной в философии того времени. И в связи с этим можно отметить несколько отличительных черт гносеологии XVII в.

Способность человека получать истинное знание о природе и использовать его для своей пользы провозглашалась большинством философов важнейшей ценностью, реализовать которую можно в борьбе с суевериями, предрассудками, общепринятыми догмами. Поэтому обозначение заблуждений и их преодоление становится органической частью теории познания (например, «идолы познания» Ф. Бэкона и сомнение Декарта).

Лишь очистив свое сознание, можно выработать и использовать безошибочный метод достижения истины.

Все гносеологические системы того времени заняты изучением соотношения чувств и разума в познании, т. е. разрабатывают эмпирическую либо рационалистическую модель познания. Эмпиризм – это течение в теории познания, признающее чувственный опыт основой познания и критерием истины (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк, Д. Юм, Д. Беркли, материалисты-просветители). Рационализм – это течение в теории познания, который считает мышление единственным источником и способом достижения истинного знания (Р. Декарт, Г.В. Лейбниц, Б. Спиноза). К абсолютизации отдельных сторон познавательного процесса приводила общая ориентация философии на механико-математизированное естествознание своего времени, методология которого требовала поиска либо абсолютных истин разума, аналогичных аксиомам геометрии, либо элементарных единиц знания – данных чувств, аналогичных атомам.

В этом же духе рассматривалась и проблема соотношения общего и частного в познании. Общее знание в эмпирической модели индуктивно выводится из единичных чувственных данных, но такой переход требует специального обоснования и не объясняет приращения знания. В рационалистической гносеологии общее содержание изначально дано мышлению, а частное лишь производно от него.

Именно в гносеологии XVII в. формулируется и заостряется проблема объективного и субъективного в теоретико-познавательном и онтологическом аспекте. Выделяется «я», самосознание субъекта как

нечто абсолютно отличное от материального объективного внешнего мира. Такое отделение позволило поставить вопрос об отношении знания к познаваемому объекту и способах достижения объективного содержания знания, которое совершенно очищено от субъективных возмущений. Рационализм видел гарантию объективности знания в следовании объективным законам мыслящей субстанции, материалистический эмпиризм – в идее адекватного отражения объекта в ощущениях субъекта, из которых строятся все остальные формы познания. Метафизическая абсолютизация различия субъективного и объективного, отсутствие критериев отделения одного от другого (первичных и вторичных качеств – в терминологии гносеологии XVII в.) приводили и к субъективно-идеалистической трактовке проблемы, в которой вся реальность сводилась к сознанию субъекта.

4.6. Дилемма сенсуализма и рационализма

В рассмотрении вопросов гносеологии в философии сложилось два основных течения в соответствии с характером наук, к которым тяготели философские учения: опытное естествознание оказало влияние на возникновение и развитие эмпиризма, аксиоматико-дедуктивная наука (математика) – рационализма.

При всем различии в их содержании оба направления руководствовались характерными для их времени методологическими установками: необходимостью найти абсолютно достоверное начало познания. Эмпиризм строил знание из атомарных чувственных данных, рационализм выводил его из аксиоматически очевидных идей мышления.

Каждая из этих моделей познания находила подтверждение в научной практике своего времени, но абсолютизировала один из моментов познания, игнорируя и принижая значение другого.

Преувеличение роли чувственного познания в эмпирической гносеологии получило также название сенсуализма (лат. *sensus* – восприятие, чувство, ощущение). Главную идею сенсуализма высказал Гоббс (1588–1679): «... нет ни одного понятия в человеческом уме, которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично, в органах ощущения». Начиная рассматривать познание с единичных чувственных данных, сенсуализм неизбежно приходит к разработке

индукции как основному способу обработки этих данных в сознании. Сенсуализм преимущественно разрабатывался в рамках английской философской традиции и получил детальное обоснование в трудах Локка, который выводил из чувственного опыта все содержание и все формы человеческого сознания. Бэкон, Гоббс, Локк, французские сенсуалисты-просветители принадлежали к материалистическому направлению в философии, усматривая в показаниях органов чувств отражение материального мира. Однако был и идеалистический сенсуализм, который отбрасывал внешний мир как источник ощущений, считая их самостоятельной реальностью (Беркли, Юм).

Рационализм, утверждавший первенство разума в познании, исходил из невозможности выведения всеобщих и необходимых истин науки из единичных и частных опытов. Однако существование математики, базирующейся на таких истинах, заставляло искать их источник во внеопытном – разумном – основании. Нахождение такого основания приводило рационалистов к разработке дедуктивной модели вывода всего содержания познания. Рационализм связан с признанием в мышлении идей, не зависящих от опыта: «врожденные идеи» Декарта, предрасположения и задатки мышления в разумной монаде Лейбница, рассмотрение мышления как атрибута субстанции Спинозой. Рационализм как течение в гносеологии развивался на разном онтологическом основании: дуализм Декарта, идеализм Лейбница, материализм Спинозы.

Хотя сенсуализм и рационализм прямо противоположно трактовали происхождение знания, природу истины и ее критерии, в условиях XVII в. они выступали единым фронтом против догматизма, схоластики, суеверий и предрассудков. Их усилия способствовали развитию науки, свободно полагающейся на организованный опыт и строгую логику.

4.7. Эволюция английского эмпиризма (сенсуализма) к субъективному идеализму (Д. Беркли) и агностицизму (Д. Юм)

Эмпиризм как течение в гносеологии может быть связан с различным онтологическим основанием, причем эта связь носит не случайный, а вполне органический характер, ибо необходимо следует из основных идей различных систем. В зависимости от конкретной трактовки чувственного опыта как основы познания и акцента на его отдельных свойствах в

эмпиризме, который в XVII в. преимущественно развивался на английской почве, можно выделить материалистическое и идеалистическое направление. Основы эмпиризма сформулировал Ф. Бэкон, который исходил из вполне материалистических посылок в своей философии: природа и все ее свойства существуют независимо от человеческого сознания, отражаясь в нем вполне адекватно, т. е. человек может совершенно доверять своим чувствам, свидетельствующим о свойствах окружающего мира. Именно наблюдаемые свойства и следует связывать в причинно-следственные отношения, что и составляет цель познания. Поскольку чувственные данные носят частный характер, то переход к общим формулировкам, характерным для научного знания, совершается индуктивным образом. Преодолевая недостатки традиционной индукции, Бэкон разрабатывает элиминативную (исключающую) индукцию, в которой вывод подтверждается исследованием отрицательных примеров.

Эти идеи были развиты Т. Гоббсом, который сформулировал основную идею эмпиризма об отсутствии в человеческом уме каких-либо понятий, которые не были бы порождены первоначально в органах ощущения. Однако в отличие от Бэкона Гоббс вносит в философию эмпиризма черты механистического и метафизического материализма, считая сознание тоже чем-то материальным. В то же время он признает особую субъективность сознания, которое свидетельствует об объективных, т. е., по Гоббсу, геометрических и механических, свойствах мира в качественно разнообразных ощущениях. Мышление Гоббс рассматривает в традиции номинализма – как операции с именами.

В развитие материализма Д. Локк (1632–1704) ввел понимание сознания как *tabula rasa* – чистой доски, на которой опыт пишет свои письмена. Объективный материальный источник рождает ощущения, из которых формируются все сложные формы познавательной деятельности. Следуя идеям Гоббса, Локк выделяет первичные и вторичные качества, фиксируемые человеческим сознанием. Первичные качества отражают реальные свойства вещей, вторичные – субъективны, отражают свойства самого сознания, его собственный внутренний опыт. Выделение в сознании объективной и субъективной составляющих и трудности формулировки критериев их различения способствовали возникновению идеалистической трактовки чувственного опыта.

Д. Беркли (1684–1753) полностью субъективировал весь чувственный опыт человека: все качества существуют лишь в душе; их порожденность вещами никак не может быть доказана. Таким образом, Беркли провозглашает единственность духовного бытия: существовать значит быть воспринимаемым. Внешнего мира нет, есть лишь комплекс чувственных впечатлений в сознании субъекта. Однако Беркли стремится избежать солипсизма, т. е. признания реальности единственно лишь мыслящего субъекта, путем провозглашения бога основанием общности и непрерывности чувственного опыта человека.

Д. Юм (1711–1776) довел идею субъективности реальности до конца. Чувственные впечатления связаны лишь психологическими ассоциативными связями, привычкой, верой, а это никак не может быть основанием признания объективного источника впечатлений и объективности связей во внешнем мире. Человек имеет лишь повторение впечатлений в силу привычки к нему; тогда нельзя признать ни материальной, ни духовной субстанции. Самостоятельность субъекта полностью отвергается. Последовательность ощущений ни о чем не свидетельствует, нет никакой реальности, о которой можно говорить на уровне строго определенных законов. Тем самым Юм разворачивает последовательную агностическую концепцию: человек имеет печальный выбор между отказом от знания и ложным знанием.

4.8. Философия просвещения XVIII века

Просвещение – идейное течение периода становления капитализма, связанное с борьбой против абсолютизма, сословного строя, церкви. Деятели Просвещения выступали за обновление общества на началах политических свобод и гражданского равенства. Важнейшим фактором достижения нового общества они считали распространение знания, просвещение.

Философия служила теоретической основой осмысления проблем современности и выработки программы действия. Хотя Просвещение – это международное явление, наиболее ярко философия Просвещения выразила себя во Франции. Можно отметить несколько характерных черт философии этой эпохи.

На первый план выходит социальная проблематика, проблема соотношения человека и общества в рамках задачи общественного переустройства на началах разума и равенства.

Философия выступает на защиту науки и разума против религии, суеверий, мистики, предрассудков, часто переходит на позиции атеизма. Наука и знание рассматриваются как важнейший фактор общественного развития.

Характерно тяготение к материализму, подкрепленному научными знаниями своего времени, и к эмпиризму в гносеологии.

Изменяется форма философствования: из замкнутого на себе мыслителя философ превращается в страстного трибуна, обращающегося к массам, стремящегося просветить народ и тем самым способствовать общественным изменениям. Философские труды принимают теперь вид словарей, энциклопедий, памфлетов, популярных статей и беллетристических произведений; философские проблемы активно обсуждаются в салонах и на площадях. Философ более – не одиночка, ведущий заочный диалог с коллегами, а член интеллектуального сообщества, объединенного едиными целями и задачами общественной деятельности.

4.9. Просветительское понимание человека и общественного прогресса

Теории французского Просвещения часто называют гносеологической и социологической робинзоной. И в теории познания, и в социальной философии эта концепция исходит из так называемого «естественного человека», который от природы, независимо от других людей, обладает всеми человеческими характеристиками и в принципе может обходиться без других. Однако с течением времени он начинает понимать преимущества совместной жизни, получаемый в ней больший эффект деятельности и вступает в «общественный договор», т. е. в общество, с себе подобными. Иначе говоря, «естественное состояние» человечества преодолевается «общественным состоянием», где либо усиливаются, либо обуздываются от природы присущие человеку свойства. Литературным манифестом подобной теории стала книга Д. Дефо «Робинзон Крузо»,

главный герой которой смог вполне благополучно обеспечить себе жизнь в одиночку.

От природы люди естественно равны друг другу, утверждают просветители, это подтверждается ими научными данными; и лишь неразумный общественный строй нарушает природное равенство и искажает подлинную природу человека. Задачей дня становится определение условий разумного, т. е. отвечающего природе, «общественного договора» и распространение знания о них. Знание же будет способствовать переустройству общества, что и составляет так называемую «просветительскую иллюзию», ставящую зависимость типологических черт общества от образованности людей, господствующих среди них идей. Отсюда следует, что в целом социально-философскую теорию просветителей можно оценить как идеалистическую.

Среди наиболее характерных социально-философских идей Просвещения можно отметить следующие.

Стремление найти закономерности общественного развития, аналогичные законам природы, которые, например, Монтескье (1689–1755) реально выводит из природных условий общественных систем. Это послужило основанием считать Монтескье основоположником географического детерминизма.

Клод Адриан Гельвеций (1715–1771) рассматривал общество как условие, обеспечивающее взаимную пользу изолированных индивидов, которые только в общественном состоянии могут получить выгоду для себя, делая полезное для других. Он отделял мораль от религии и выражал уверенность в возможности общества высоконравственных атеистов.

Вольтер (1694–1778), в свою очередь, боролся не только с церковью, религиозной нетерпимостью и фанатизмом, но и с атеизмом. В этике он считал Бога высшим основанием человеческой воли и действия, основой нравственности и предупреждал об опасности общества атеистов («Если бы бога не существовало, его следовало бы выдумать»).

Жан Жак Руссо (1712–1778) идеализирует «естественное состояние» человечества, а общественный прогресс считает процессом порабощения человека. Он ставит естественное состояние человека выше цивилизации и ее прогресса, что современники философа восприняли как призыв к возвращению в докультурное первобытное состояние.

4.10. Французский материализм

Для французских мыслителей научной основой их взглядов были механика, медицина, физиология и биология, развивавшиеся в XVIII в. Опора на современную науку обусловила особый характер материализма просветителей. Господствующее место в системе научного знания продолжала занимать механика, объяснявшая мир и составляющие его процессы как большую механическую систему. В науке еще нет представления о качественном своеобразии различных видов движения и их взаимосвязях.

Остальные отрасли научного знания находятся на достаточно ранней стадии развития, когда они еще только определяют свой предмет, описывают его, отличая от других явлений действительности; наука накапливает и классифицирует свой материал. При этом фрагменты мира фиксируются в их данности, качественной неизменности. Отсюда механистичность и во многом метафизичность материализма просветителей, хотя ряд высказанных ими идей во многом предвосхитил дальнейшее развитие науки и философии.

Наиболее ярко эти идеи проявились в трудах Ламетри (1709–1751) и Гольбаха (1723–1789). У Вольтера развивается деистическая конструкция мира, что было следствием применения законов механики ко всей природе. Бог, согласно этой концепции, создает мир и запускает его движение, но далее все совершается по естественным механическим законам. Дидро (1713–1784) внес в материалистическое учение о природе некоторые черты и идеи диалектики.

Важное место в философии Просвещения занимает теория познания. Для просветительской гносеологии характерна материалистическая позиция в теории познания, т. е. признание объективного материального источника ощущений, который отражается в нашем сознании. Гносеология просветителей – это сенсуализм, т. е. в ней утверждается опытное происхождение знания, понимание явлений духовной жизни как более или менее связанных комплексов ощущений. Поэтому признается высокая роль наблюдения и эксперимента в научном познании. Мышление трактуется как операции со знаками – словами. Наиболее последовательно эти идеи выразил Кондильяк (1715–1780).

НЕМЕЦКИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ

Это общее название концепций И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. Шеллинга и Г. Гегеля, которые сложились и развивались в 1770-х – 1840-х гг. Они стали исключительно важным этапом развития философии, резко отличающимся как от метафизики XVII–XVIII вв., так и от современной неклассической философии.

Были по-новому определены задачи философии – изучать основания всех сфер духовной жизни, открывать новые горизонты мышления, стать «квинтэссенцией» духовной культуры.

Центром познавательного интереса становится само мышление: его структура, свойства, возможности. Природа, общество, человек не исчезают из поля зрения философии, однако их трактовка обусловлена всесторонним анализом мыслящего субъекта. При таком подходе законы мышления в конечном счете распространяются на всю действительность.

Рационализм немецкого классического идеализма уводит философию в мир понятий, однако именно на этом пути стали возможными два его главнейших открытия: активность субъекта в познании и диалектика как методология познания.

5.1. Основные идеи кантовской гносеологии

Иммануил Кант (1724–1804) явился основоположником немецкой философской классики. В его деятельности радикально различаются два периода. В ранний («докритический») Кант занимался традиционной для своего времени натурфилософской проблематикой (в частности, высказал гипотезу о возникновении Солнечной системы путем сгущения космической пыли).

С 1781 г. Кант опубликовал ряд работ: «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения», в которых общий термин «критика» означал исследование границ и возможностей разума в основных сферах духовной жизни (познании, нравственности, эстетической оценке). Такое исследование привело к «критике» как развенчанию претензий предшествующей философии на достижение истины путем метафизических рассуждений о мире в целом,

Боге и душе как особой субстанции. Поэтому основной период деятельности Канта называют «критическим», а его концепцию в целом – критической философией.

Кант совершил в философии переворот, который часто сравнивают с коперниканским переворотом в астрономии. Вместо привычной онтологической проблематики на первом плане оказывается гносеология. Прежде чем рассуждать о мире, необходимо исследовать структуру и механизмы познания, установить, что именно придает научному знанию достоверность и всеобщность, и, в конечном счете, определить границы познавательных возможностей вообще. При этом сама гносеология приобретает совершенно иной облик. Рассмотрим ее основные положения.

1. *Активность субъекта* – исходный принцип гносеологии Канта. Субъект не столько отражает свойства объекта, сколько конструирует в сознании его мысленный образ.

2. *Чувственность, рассудок, разум* – три взаимосвязанные познавательные способности, выполняющие разные функции. *Чувственность* (ощущение, восприятие) непосредственно контактирует с объектом. *Рассудок* придает восприятиям смысл, формирует понятия и суждения, т. е. является основой мышления. *Разум* – способность к умозаключениям – ставит вопросы и ищет на них ответы. Особенность кантовской концепции в том, что все три способности находятся в единстве: не просто дополняют, а взаимодействуют, направляют и ограничивают возможности друг друга.

Дилемма рационализма и сенсуализма решается следующим образом. Все знания из ощущений, и в разуме нет «врожденных идей» (в этом сенсуализм прав). Однако мыслительные способности (рассудок) не просто фиксируют и обобщают ощущения, а придают им значение, формируют понятия, т. е. вносят в результат восприятия качественно новое содержание (созерцая предмет, мы сразу видим «розу», «цветок», а не совокупность красного и зеленого).

3. *Явление и «вещь в себе»* – кантовские термины для характеристики объекта. *Явление* – это те стороны объекта, которые даны в опыте (для Канта – в восприятии, созерцании, для современной науки – в показаниях прибора). *«Вещь в себе»* – те стороны, которые принципиально находятся за границами опыта. *«Вещь в себе»* – синоним абсолютной объективности

– непознаваема, ибо и эмпирическое и теоретическое знание возможно только в рамках опыта. Например, исследуя свойства света, можно использовать разные типы приборов (систему зеркал или дифракционную решетку). Два типа опыта выявят разные свойства объекта и позволят создать соответствующие теоретические модели, фиксирующие и объясняющие эти свойства. А какие свойства имеет свет сам по себе, безотносительно к опыту и использованию приборов? Этот вопрос в принципе некорректен, так как относится к «вещам в себе».

Таким образом прочерчивается своеобразный гносеологический барьер, ограничивающий возможность познания.

4. *Априоризм* (от лат. a priori – до опыта) – наиболее важная для самого Канта характеристика познания. Речь идет о существовании в сознании субъекта неких доопытных форм, не зависящих ни от какого эмпирического материала.

На уровне чувственности априорными являются пространство и время, как всеобщие формы созерцания. Речь идет не о пространственно-временных характеристиках объектов, а об определенных способах упорядочивания ощущений. Зрение дает образ целостного предмета, а не мельтешение цветовых пятен, потому что их пространственно-временная организация обеспечивается некоей способностью, изначально присущей сознанию.

На уровне рассудка априорными являются так называемые категории, т. е. формы, в которых осуществляется мышление. Впервые вопрос о категориях как общих формах мышления был сформулирован Аристотелем. Кант выделяет 12 категорий, которые обеспечивают разные аспекты мышления, группируя их по три. В результате получаются четыре блока, с помощью которых фиксируются качественная и количественная определенность предметов, характер отношения между предметами (формы взаимодействия) и так называемая «модальность», т. е. степень случайного и необходимого в предмете.

Эта структура обеспечивает объединение чувственных образов («впечатлений»), формирование понятий и осмысленных суждений, придает мышлению вполне определенный и всеобщий характер.

Эта же структура лежит в основе принципов науки (математики и естествознания). Так, причинность – это не «результат привычки и веры»

(Д. Юм), а фундаментальный принцип естествознания, который коренится в структуре мышления как такового.

Таким образом, достоверность научного знания определяется его опытным происхождением, а его универсальность и необходимость – опорой на априорную структуру рассудка.

Познание – это синтез чувственного и логического. Априорные формы созерцания и рассудка – средства этого синтеза. Они *трансцендентальны* по отношению к опыту – существуют вне опыта, но, одновременно, организуют, оформляют любой опыт. Разум, как высшая ступень мышления, в своих возможностях с одной стороны, ограничен априорными познавательными способностями, а с другой – внешней границей опыта.

5. *Антиномии* – это противоречия, в которые впадает разум, пытаясь рассуждать о свойствах вещей в себе. Кант выделил четыре антиномии, касающиеся наиболее фундаментальных проблем устройства мира и человека:

- 1) конечность либо бесконечность мира;
- 2) делимость до бесконечности либо предел делимости;
- 3) детерминизм (всеобщий характер причинности и необходимости) либо свобода воли;
- 4) наличие высшего существа (Бога) или отсутствие его.

Прежняя метафизика пыталась определенным образом ответить на такого рода вопросы. Тем самым она неизбежно допускала ошибку: предполагаемый ответ заранее как бы «вкладывался» в ход рассуждений. В действительности разум способен обосновать обе противоположные позиции по каждому из четырех вопросов.

Ошибкой является, по Канту, сама претензия разума перейти границу гносеологического барьера. Появление противоречий (если, конечно, не допущено элементарных логических ошибок) свидетельствует о несuverенности разума, его неспособности познать сущность мира за пределами опыта.

Наибольший общественный резонанс имела четвертая антиномия, касающаяся возможности доказательства бытия Бога. Известно высказывание Канта: «Я ограничил разум, чтобы оставить место вере», однако его не следует понимать буквально.

5.2. Этика Канта, категорический императив

Кант полагал, что философия должно дать ответ на три важнейших вопроса:

- Что я могу знать?
- Что я должен делать?
- На что я могу надеяться?

На первый из них дан ответ в его гносеологии. Два остальных прямо из нее вытекают – как человеку жить, если неизвестны сами основания жизни – наличие Бога и бессмертие души.

Эти проблемы обсуждаются в рамках этики. Для Канта этика – это не абстрактные рассуждения о добре и зле, а учение об отношениях между людьми, моральных требованиях, которые предъявляются к повседневной (в его терминах – практической) деятельности человека. Этика – это область так называемого «практического разума».

Практический разум направлен не на познание объекта, а на исследование и обоснование основ человеческой деятельности. Чистый разум пришел к антиномиям, решить которые невозможно. Практический разум решает их, исходя из оснований совместной жизни людей.

Исходной точкой этики является обоснование свободы воли. Антиномия детерминизма и свободы решается однозначно – свобода воли есть, она является фундаментальной характеристикой деятельности разумного существа. Отрицание свободы означало бы, одновременно, отрицание ответственности за свои действия, а именно на взаимной ответственности и основано взаимодействие людей. Свобода, следовательно, не произвольный постулат, а действительная характеристика, выделяющая человека из природного мира.

Именно свободное действие регулируется нравственным законом, который, по мнению Канта, априорно знает каждый. Здесь очевидно отличие от Сократа, полагавшего, что познание должно вести к добродетели.

Частные требования морали общеизвестны – они сконцентрированы в религиозных заповедях (не убий, не лги, не укради и т.д.), широко представлены в повседневном сознании. Канта интересует их общая основа. Таковой является «категорический императив» – высшее

требование нравственности, которое регулирует применение любых моральных норм. «Категоричность» этого повеления означает его однозначность, независимость ни от каких конкретных обстоятельств.

Кант дает две формулировки категорического императива. Первая: «Поступай всегда так, чтобы человек (разумное существо) был целью, а не средством достижения иных целей». В этой формулировке подчеркивается равенство всех людей как носителей разума и свободы.

Вторая формулировка гласит: «Поступай всегда так, чтобы максима (т. е. высшее правило, направленность) твоей воли могла лечь в основу всеобщего нравственного закона». На первый взгляд, она совпадает с так называемым «золотым правилом морали» («поступай с людьми так, как ты хотел бы, чтобы они с тобой поступали»), представленным практически во всех нравственных кодексах (в том числе в христианстве – Евангелие от Матфея, гл. 7). Однако у Канта акцент смещен в направлении всеобщности – что будет, если все люди станут поступать по правилам моей воли?

Нравственный поступок, по Канту, самоценен: он не связан ни с какими внешними детерминантами (любовь, страх перед наказанием, стремление к поощрению и т. д.) и, как уже отмечалось, ни с какими конкретными обстоятельствами. Если поступок человека по каким-то параметрам сходен с нравственным поведением, но вызван иными мотивами, он не может претендовать на статус поступка нравственного.

Таким образом, Кант отделяет сферу нравственности от всех остальных сфер жизни человека и общества и превращает ее в верховного судью любых человеческих поступков и общественных явлений. Одновременно Кант отмеживается от всех иных толкований нравственности. Его позиция резко противостоит:

- 1) *этике любви*, характерной для христианства, помещающего в основу нравственности любовь к людям;
- 2) *этике утилитаризма*, утверждавшей связь нравственности с полезностью;
- 3) *этике эвдемонизма* (гедонизма), полагавшей основой нравственности стремление к счастью.

Кантовская трактовка этики прямо вытекает из его гносеологии – мы не можем знать всех бесконечных последствий нашего поступка (это «вещь в себе») и не можем нести за них ответственности. Однако, мы

несем ответственность за мотив нашего поступка: направляется ли он «категорическим императивом» или чем-то иным. Этика Канта – это этика долга, она требует от человека подчинения своих интересов высшему закону (который каждый может обнаружить в своей душе), но ничего не обещает взамен.

Наложение этих требований на повседневность и приводит к ответу на третий вопрос «На что я могу надеяться?». Кант показывает, что Бог и бессмертие души являются предметом веры, основанием надежды человека. Как идеи чистого разума, которые не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты, они выполняют регулятивную роль в человеческом мышлении и поведении.

Это не является, как иногда полагают, «моральным доказательством бытия Бога». Это, скорее, теоретизация протестантского толкования религии и протестантской этики.

Философская концепция Канта не может быть классифицирована однозначно. В ней содержатся элементы материализма (объективность «вещи в себе»), агностицизма (ее принципиальная непознаваемость), субъективизма (познание как конструирование) и даже объективного идеализма (наиндивидуальность законов мышления и нравственности). Стремление устранить эту неоднозначность реализовалось в концепциях Фихте и Шеллинга.

Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814) начал свою деятельность под непосредственным влиянием Канта. Развивая идею активности субъекта, он, по словам Б. Рассела, «отверг «вещь в себе» и довел субъективизм до степени, которая, по-видимому, граничила с безумием». В отличие от предшествующей версии субъективного идеализма (Беркли) Фихте сводит реальность не к ощущениям, а к мышлению.

Центральная категория – некое абсолютное Я, творящее окружающую реальность (не-Я) и осознающее себя в этом процессе. Я вносит порядок, гармонию в бесформенную и хаотичную Вселенную и в конечном счете Я и не-Я оказываются тождественны. Прослеживается различие и взаимосвязь абстрактного абсолютного Я и индивидуального Я, присутщего

каждому отдельному человеку. Современники видели в его концепции призыв к творчеству, свободе, самоутверждению человека.

Не последнюю роль в популярности этой концепции играла активная социально-политическая позиция самого Фихте, его призывы к консолидации и развитию самосознания немецкой нации. В этом плане Фихте считается одним из первых идеологов германского национализма.

Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775–1854) стремился преодолеть субъективизм предшественников, понять природу не как безликую «вещь в себе» или продукт мышления, а как одухотворенную, взаимодействующую с человеком реальность.

В концепции «трансцендентальной философии» (первый этап его деятельности) Шеллинг прослеживает два возможных пути исследования эволюции бытия: от духовного начала к материальному и от материального – к духовному. Оба пути неразрывно связаны.

На втором этапе Шеллинг создает «философию тождества», центральной идеей которой является единство субъекта и объекта познания, т. е. сходство, идентичность законов природы и форм сознания и деятельности человека.

Значение этих концепций состоит в обозначении пути преодоления кантовского гносеологического барьера (сближение человека и природы). Решить эту задачу в рамках классического идеализма можно было, только распространив законы мышления на окружающий мир, одухотворив природу в духе пантеизма. В полной мере эту тенденцию реализовал Гегель, использовавший ряд идей и терминов, сформированных Шеллингом.

Сам же Шеллинг на третьем этапе своего творчества (примерно с 1815 г.) отходит от общей ориентации немецкого классического идеализма. Предметом его интереса становится искусство, затем мифология и религия. В разрабатываемой поздним Шеллингом «философии откровения» приоритет принадлежит уже не рациональности, а религиозной вере, интуиции, Божественному откровению.

5.3. Абсолютный идеализм Г. В. Ф. Гегеля.

Особенности гегелевской диалектики

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) создал концепцию, ставшую вершиной классического философствования. В его системе был сконцентрирован весь интеллектуальный опыт предшествующей философии. Наиболее важные принципы и проблемы были изложены в работах «Феноменология духа», «Наука логики» и др. Краткое описание системы в целом – в работе «Энциклопедия философских наук».

Исходным пунктом философии Гегеля является *тождество бытия и мышления*. Одни и те же законы действуют в природе, обществе и человеческом мышлении. Гносеологический барьер между субъектом и «вещью в себе», обозначенный Кантом, снимается: познаваема сама сущность вещей, ибо формы мышления соответствуют законам объективного мира. Этот постулат кладет рациональность в основание любых явлений. Возникает своего рода «панлогизм», в рамках которого «все действительное разумно, все разумное – действительно».

Универсальная разумность выражена в понятии «*Абсолютная идея*», специфичном именно для гегелевского идеализма. В отличие от предшествующих вариантов объективного идеализма (например, Платон) идея не противопоставлена миру вещей, а воплощена в нем, составляет его стержень. Любое событие (например, чтение данного текста) – это проявление универсальной рациональности, форма, в которой Абсолютная идея осуществляется. Такое понимание действительности позволяет назвать философию Гегеля не только объективным идеализмом, но и идеализмом абсолютным. Идея не только объективна по отношению к субъекту, она воплощена в его сознании и деятельности, более того, она сама для себя является и объектом и субъектом самопознания. Очевидно, что здесь использованы предшествующие наработки Фихте и Шеллинга.

Второй особенностью философии Гегеля является его отношение к проблеме противоречия. В отличие от Канта, считавшего противоречия (антиномии) показателем несuverенности разума, его неспособности познать сущность вещей, Гегель трактует противоречие как источник развития знания, необходимый этап на пути движения к истине. На этой

основе Гегель создал особый способ понимания действительности и метод мышления – *диалектику*.

Диалектика как способ понимания действительности предполагает видеть любой предмет в развитии, системе многообразных взаимосвязей, в единстве противоположных тенденций. Элементы диалектики в этом смысле представлены в некоторых философских учениях, прежде всего, античных (Гераклит, Сократ). Диалектика как специальный метод мышления разработан именно Гегелем. Формальным выражением гегелевской диалектики является *триада* – элементарная единица развития всего существующего. Суть триады (троичности) в том, что любой предмет или мысль (так называемый «тезис») потенциально содержит в себе собственное отрицание, противоположную тенденцию (так называемый «антитезис»). Исходный предмет (мысль) раздваивается, возникает противоречие, которое становится источником дальнейшего развития. Противоречие «тезиса» и «антитезиса» преодолевается в «синтезе» – переходе на более высокий уровень бытия или мышления. Там процесс повторяется: то, что было синтезом, само выступает в роли тезиса и т. д.

Этим методом построена *философская система* Гегеля. Эта система, по замыслу ее автора, должна проследить путь развития Абсолютной идеи во всех явлениях бытия и мышления.

Первая часть системы – *Логика*. Здесь Абсолютная идея воплощена в наиболее простой и абстрактной форме – в диалектической связи категорий мышления (бытие и небытие, качество и количество, явление и сущность и т. д.). Все противоречия и синтезы реализуются в самом чистом виде.

Вторая часть (своеобразный антитезис Логики) – это *Природа*. Абсолютная идея воплощается в системе законов физики, химии, биологии, поднимаясь от наиболее простых (механических) до наиболее сложных (органических) явлений, включая и телесную природу человека.

Третья часть (синтез природного и абстрактно-логического) – *Дух*, т. е. человек и общество как носители духовности. Как и все существующее, Дух имеет триадическую структуру.

Субъективный дух – это сознание отдельного человека.

Объективный дух – это рациональность, проявляющаяся в общественных отношениях, государстве, нравственности.

Абсолютный дух – это формы общественного сознания (религия, искусство, философия), т. е. формы, в которых Абсолютная идея познает саму себя.

Отношения человека и общества приобретают в этой системе следующую конфигурацию. Отдельный человек как носитель Субъективного духа, собственных, индивидуальных интересов оказывается в противоречии с требованиями морали и государства, в которых воплощен Объективный дух. Оно неизбежно, но ни одна сторона в принципе не может существовать без другой («тезис» и «антитезис»). Способом его разрешения (своеобразным «синтезом») становится Абсолютный дух. Приобщаясь к достижениям Абсолютного духа, человек возвышается над эгоистичностью, преодолевает свою ограниченность, в его действиях находит воплощение не только индивидуальная, но и общественная рациональность. Таким образом, человек – это ступень в развитии Абсолютной идеи. Она проявляется в его мышлении и деятельности бессознательно, но цель человека – понять, освоить и воплотить эту универсальную рациональность.

Особое значение в концепции Гегеля приобретает трактовка истории общества как этапов развития Объективного духа.

История – это закономерный процесс, имеющий внутреннюю логику и определенную направленность – развитие свободы в разнообразных формах организации общественной жизни. Гегель просматривает под этим углом зрения всю историю человечества, фиксируя возникновение и разрешение противоречий.

Очевидно, что в истории действует не сам по себе Объективный дух, а конкретные люди. Однако «хитрость истории» заключается в том, что люди, преследующие собственные интересы и решающие частные, сиюминутные задачи, вовлечены во всеобщий исторический процесс. Результат их действий может совершенно не соответствовать их целям и мотивам, но он вполне рационален; подготовленный предшествующими ступенями развития Духа, он сам становится исходной точкой дальнейшего развития.

Это образец так называемой прогрессистской концепции истории или, по выражению К. Поппера, «историцизма». При этом разным народам и цивилизациям Гегель отводил разную по значимости роль в историческом процессе. Ведущая роль (в духе европоцентризма того времени) приписывалась романским и германским народам. Другие же народы Европы (например, славянские) и неевропейские цивилизации трактовались как неисторические, находящиеся «на обочине» универсального прогресса.

Каждая область явлений развивается до того момента, когда достигнут синтез всех предшествующих тенденций, разрешены в определенной форме все противоречия, когда никакие сколько-нибудь разумные альтернативы уже невозможны. В политической сфере это, по мнению Гегеля, конституционная монархия.

Соответственно и философия (вершина Абсолютного духа) проходит от стадии догматической (до Канта) через ее отрицание в философии критической (Кант) к синтезу – диалектической философии самого Гегеля. В ней Абсолютная идея адекватно познает саму себя.

Таким образом, система гегелевской философии носит «законченный» характер: идея, познав саму себя, воплотилась в жестком каркасе взаимосвязанных понятий, которые объясняют все. Дальнейшее развитие возможно лишь как детализация или приложение к конкретному явлению. Тем самым система превращается в инструмент оправдания чего угодно как результат разумного разрешения предшествующих противоречий – «все действительно разумно».

Гегелевская идеалистическая система приходит в явное противоречие с исходным требованием диалектического метода: видеть любой предмет в развитии. Метод предполагает бесконечность развития, возникновение новых противоречий, не предсказанных системой, которые могут открывать неожиданные направления дальнейшего развития. То, что они представляются Гегелю неразумными, а потому и невозможными, свидетельствует лишь об ограниченности идеализма как такового.

В этой связи гегелевская школа раскололась сразу после смерти ее создателя на две группы. Ортодоксальные последователи («старогегельянцы», «правые гегельянцы») восприняли главным образом систему. Их оппоненты («младогегельянцы», «левые гегельянцы») видели

достоинство философии Гегеля в методе, пытались с его помощью вскрывать действительные противоречия современных им общественно-политических реалий. К ним, в частности, относился и молодой К. Маркс.

В деятельности младогегельянцев диалектический метод превращался в оружие критики «неразумности» тех или иных экономических и социально-политических реалий.

Хотя к середине XIX в. классический идеализм оказался полностью скомпрометирован и дальнейшее развитие философии приняло иной характер (см. гл. 6), значение этого этапа трудно переоценить. Помимо появления в XX в. осовремененных школ неогегельянства и неокантианства об этом свидетельствует тот неоспоримый факт, что целый ряд идей Канта и Гегеля в области гносеологии и методологии мышления вошел в содержание современного всеобщего интеллекта. Они в явной или неявной форме используются разными направлениями современной философии, оказывают влияние на методологию естественных и общественных наук и даже на повседневное мышление.

Невозможно в XXI в. не учитывать того, что познание не только отображение, но и конструирование образа объекта, что субъект активен, а любой опыт организуется и опосредуется внеопытными факторами. Невозможно правильно понять какое-либо явление без учета его взаимосвязей, противоречивых тенденций развития.

Показательным примером является появление в 1989 г. статьи Ф. Фукуямы «Конец истории», прямо использовавшего ресурсы гегелевской философии для толкования тенденций развития современного общества.

Глава 6

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX ВЕКА

6.1. Основания разветвления философских направлений в постгегелевской философии

Сущность периода в истории западной философской мысли, известного как «постклассический» или «постгегелевский», явствует из самого названия – это этап западноевропейской философии, в хронологическом отношении следующий за «классической» философией,

под которой понималась «совокупность идей и представлений, структур, мысленных навыков, выработанных послевозрожденческой европейской культурой из духовного материала философий Бэкона, Декарта и других мыслителей и получивших завершённую итоговую форму у Гегеля, Фейербаха и Конта включительно»¹, т. е. философия Нового времени конца XVI–середины XIX вв. Классической она считалась в том смысле, что именно в ней с наибольшей полнотой раскрывались самые характерные и типические черты западного способа мышления и западного взгляда на соотношение человека и мира, завершилось формирование специализированного понятийно-категориального аппарата, философия окончательно утвердилась как особая часть западной культуры, предмет для университетского преподавания и профессионального научного исследования.

Для философских построений, формирующихся с начала 40-х гг. XIX в., отправной точкой, как правило, служит система Гегеля. Целая плеяда крупнейших мыслителей, среди которых можно назвать Л. Фейербаха, К. Маркса, С. Кьеркегора, Ф. Ницше и З. Фрейда, обрушивается с критикой на философскую концепцию Гегеля.

Однако на философию и К. Маркса, и Ф. Ницше, и З. Фрейда возможен иной взгляд. Авторитетный французский философ Поль Рикер объединяет этих трех мыслителей под именем «философов подозрения», поставивших под вопрос основоположения классической нововременной философии и заложивших основы нового философского метода анализа расширившихся горизонтов философских проблем: «Ницше, Фрейд, Маркс, – все эти три философа подозрения боролись против одной и той же авторитетнейшей иллюзии – иллюзии самосознания. Эта иллюзия была первым плодом победы, одержанной над предшествующей иллюзией – иллюзией в е щ и – высоким рационализмом Нового времени в лице Р. Декарта... Все трое открыли горизонт для более аутентичного слова, пользуясь при этом не только искусством разрушительной критики, но и искусством интерпретации. ...Отныне искать смысл не значит разбирать

---

¹ М а м а р д а ш в и л и М. К. Классическая и современная буржуазная философия (опыт эпистемологического сопоставления) / М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьев, В. С. Швырев. Необходимость себя: Лекции, статьи, философские заметки. – М., 1996. – С. 373.

по частям осознание смысла, а значит расшифровывать выражение смысла в сознании...»²

В то же время многие философы продолжают традиции Нового времени. Например, О. Конт и некоторые другие философы стремятся построить обоснование философии по аналогии с естественными науками.

6.2. Основная проблематика и методологии

Начало новейшей философии – это так называемое «разложение гегелевской школы» и критика Гегеля. Что было прежде всего объектом этой критики? Безличность разума, растворение отдельного человека во всеобщем. Человек у Гегеля берется только со стороны всеобщего, «разумного» в нём, наличия в нем «божественного». Гегель, по мнению родоначальников современной философии, игнорирует живую, конкретную личность, взятую во всей ее неповторимой индивидуальности, взятую в ее неповторимой жизненной ситуации. Эта отдельная личность не имеет ценности для философа, привыкшего мыслить целыми эпохами, народами, смотреть на мир «в аспекте вечности», пребывать наедине с «абсолютным духом», проследить ход мыслей Бога. Поэтому А. Шопенгауэр, Л. Фейербах, М. Штирнер, поздний Шеллинг, ранний Маркс, С. Кьеркегор начинают движение от абстрактного разума Канта и Гегеля – к «конкретному человеку», от «спекуляции» – к настоящей «жизни», к подлинному «существованию». Спекуляция и метафизика, по их мнению, не только забывают «живого» и «конкретного» человека, они также недооценивают эмпирическое знание, не опираются должным образом на результаты конкретных наук. XIX в. – время индустриальной революции, необычайно быстрого и всестороннего развития науки и, соответственно, широчайшего распространения материализма, натурализма, нигилизма и эволюционизма в философии.

Поскольку разум по существу своему – всеобщий, один во всех людях и мыслить он может также одно лишь общее, поскольку мышление, в отличие от чувств или воображения, всегда, таким образом, «абстрактно» (дискурсивно), поскольку единичное и особенное, далее, дано не мышлению, а чувству и интуиции, постольку движение от Гегеля и против

---

² Р и к е р П. Герменевтика и психоанализ. / П. Рикер. – М., 1996. – С. 53–54.

него, движение к «живому и конкретному», обращается к неразумному началу в мире и в человеке. У Шопенгауэра и Штирнера это воля и интуиция, у Фейербаха – чувство, любовь, «природное», у Маркса – общественная практика, материальное производство и борьба классов, у Кьеркегора – страсть, вера. Все они переходят от эссенциализма (философии сущности) к экзистенциализму (философии существования) в широком смысле этого слова, т. е. от размышлений об абстрактно-всеобщей сущности человека (сконцентрированной в его разуме, в мышлении) к анализу его конкретного существования в его «неразумных» аспектах и, прежде всего, к его воле, свободе. Бытие человека – это не мышление, не абстрактное «самосознание», а акты воли и свободы. Свобода теперь выводится из области рационального (где она была у «классиков» – Сократа, Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля). Свобода – это возможность и способность сделать выбор, в том числе прислушаться к голосу разума или же поступить вопреки разуму. Следовательно, свобода не основывается на разуме, напротив, сама лежит в основе всего, стало быть, ни на чем не основана.

Идеализм и рационализм Гегеля подверг критике и Л. Фейербах, вернувшийся от панлогизма к материалистическому сенсуализму. После первоначального увлечения гегелевской диалектикой Фейербах пришел к твердому убеждению в том, что природу невозможно вывести из логики. Природа не «инобытие» духа; напротив, дух – порождение природы. Материальный мир, данный нам в чувственном восприятии, бесконечно богаче любого понятия, любой логики, любой науки. Он придал философскому материализму новую форму и вошел в историю философии как создатель антропологического материализма. Кроме природы и человека, нет ничего, и «высшие существа», созданные религиозной фантазией, силой воображения человека, – это лишь фантастическое отражение его собственной сущности.

С критики гегелевской философии началось и творчество К. Маркса. У Гегеля активностью, творческой силой, способностью саморазвития и самопознания обладает «понятие», «мировой дух» (Бог). Маркс отдает эти качества материи и, прежде всего, ее высшему порождению – человеку. Гегель описывает вневременное, логическое развитие «идеи» философия марксизма говорит о вечном самодвижении и саморазвитии материи и о

развитии человеческого общества во времени согласно всеобщим законам диалектики.

Основоположник позитивизма О. Конт, как и Маркс, был уверен, что время метафизики, или спекулятивной философии, прошло. В противовес сложной диалектике Гегеля он открыл очень простой «великий основной закон» развития человеческого разума, «закон трех стадий». Научное знание для Конта – высшая, самая совершенная форма знания. Оно способно к непрерывному и безграничному расширению.

Сочинения датского философа С. Кьеркегора имеют ярко выраженную личностную окраску и религиозную направленность. Его анализ модусов бытия человека имел решающее влияние на становление экзистенциализма XX в. Исходный вопрос для него: как я в качестве вот этого живого и конкретного человека становлюсь в личное отношение к Богу? Для ответа на этот вопрос я должен сначала понять самого себя в своем индивидуальном существовании, а не в своей общей сущности. Этот вопрос немецкий идеализм, по его мнению, обошел, создав тип и образ «абстрактного мыслителя». Вставая в позу «мыслящего существа вообще», философ классического типа становится комической фигурой, «фантомом». Для того чтобы стать в подлинное отношение к Богу, нужно стать предельно субъективным, ибо единственная действительность, которую я знаю, – это моя действительность, моя жизнь – именно она есть мой абсолютный интерес.

Ф. Ницше, основоположник так называемой философии жизни, подвергает острой критике традиционные ценности европейской культуры, не только научные и философские, но и религиозные, разоблачая их скрытую мотивацию, лицемерие и неискренность, и начинает свой бескомпромиссный спор с культурой своего времени, обрисовав перспективу возникающего после переоценки всех ценностей нового общества сверхчеловека, в котором абсолютная и ничем не сдерживаемая естественность, непосредственность, творческая «витальность», сочетаются с необычайной тонкостью духовной организации и изощренным эстетством.

Философия жизни – это не учение о жизни, но определенный способ философствования, который стремится понять жизнь из нее самой, а не из каких-то абстрактных метафизических начал.

6.3. Антропологическая и иррационалистическая тенденции

Антропологическая и иррационалистическая тенденции в философии выдвинули на первое место иные основания действительности, нежели были разработаны в Новое время.

Антропологическое философское течение рассматривает понятие «человек» в качестве базисной категории, лежащей в основании системы представлений о бытии, природе, обществе, культуре, истине, добре, благе, долге, свободе, Боге и т. д. Крупнейшим представителем антропологии Нового времени является Л. Фейербах, который, по сути, и разработал антропологизм как методологический философский принцип. Все: и единство бытия и мышления, и абсолют – истинно и имеет смысл только тогда, когда основанием, субъектом этого единства берется Человек духовного и телесного начал. Не мышление и даже не природа, а именно человек – центр всей методологии. Мышление человека не есть нечто самостоятельное, отдельно от него существующее, а необходимое, неотделимое от него свойство («предикат»). Субъектом мышления является тот же самый человек, который живет в реальном мире, а не особое, вне мира витающее существо, созерцающее и осмысливающее мир «со стороны». Таковы основные позиции антропологической тенденции в философии. Начиная со второй половины XIX в. разрабатываются идеалистические варианты антропологизма (Ницше, Дильтей, Зиммель), в дальнейшем антропологизм испытал на себе значительное влияние философии жизни, феноменологии Гуссерля, психоанализа Фрейда. В современной западной философии исследования А. Шелера, Плеснера, Гелена, Э. Ротхакера, А. Портмана продолжают антропологическую тенденцию в философии.

В противоположность философской классике, выдвинувшей на первое место разум и рациональность, постклассическая философия знаменует собой отказ от признания разумных оснований действительности и выдвижение на первый план иррационального момента. Это не означает полного отрицания как рационального вообще, так и возможностей разума в процессе познания, речь идет о своего рода изменении в расстановке акцентов, когда место и роль этих двух все пронизывающих антропологических и исторических констант (рационального и

иррационального) радикально пересматриваются. Иррациональные по своей сути тенденции пробивались сквозь глубоко рациональные по форме философские учения, не являя собой, однако, четкого системного оформления и не оказывая существенного влияния на общий пафос эпохи (Руссо с его идеями возврата к природе как к тому, что «можно вкушать и наслаждаться, не познавая и не объясняя»; Гете с его восторженностью перед красотой непосредственного воззрения и стихией чувства; Шлегель и другие немецкие романтики с их призывом к отказу от блужданий в «пустом пространстве абсолютной мысли»). Однако взгляды этих мыслителей во многом оказываются расположены еще в пределах классического (т. е. рационалистического) типа философствования, ибо главной задачей в данном случае оставалось стремление гармонизировать, примирить глубоко родственные по сути, хотя в то же время и различные, элементы человеческого познания – разум и рассудок с волей, эмоциями, фантазией и другими иррациональными моментами. Своего рода реакцию на излишнюю рассудочность классической философии представляли собой «философия чувства и веры» Якоби, «философия откровения» позднего Шеллинга и несомненно волюнтаризм Шопенгауэра, «философия бессознательного» Э. Гартмана и учение Кьеркегора. Таким образом, несмотря на то что иррационалистические тенденции можно проследить на протяжении длительного развития философии, сам термин «иррационализм» можно отнести философским направлениям, которые складываются в конце XIX–начале XX в. Особенно ярко иррационалистическая философия была представлена философией жизни – Дильтей, Шпенглер, Бергсон (а еще раньше – Ницше). Разуму было отведено чисто утилитарное место в познании, и, более того, само иррациональное было четко тематизировано и проблематизировано, благодаря чему был расширен и обоснован по сути новый предмет философской рефлексии в виде интуитивного, до- или внетеоретического знания, а сама философия из мышления о мире в понятиях превратилась в понимание (или интуитивное восприятие) в принципе непознаваемой силами одного только разума действительности.

6.4. Антропологический материализм Л. Фейербаха

Людвиг Андрéас фон Фейербах (1804–1872). Философское развитие Фейербаха лучше всего описано им самим: «Бог был моей первой мыслью, разум – второй, человек – третьей и последней». От изучения теологии он перешел к увлечению гегелевской философией, а от нее – к сенсуализму в теории познания и к антропологической точке зрения в религии.

Характерная черта материализма Фейербаха – антропологизм, т. е. понимание человека как чисто природного, биологического существа, как «единственного, универсального и высшего предмета новой философии». «Размежевываясь» с Гегелем, Фейербах отмечает, что последний не вышел из пределов собственной мысли, а потому в его «Логике» предметы мысли не отличаются от сущности мышления, которое есть непрерывное единство с самим собой. Предметы мышления представляют собой лишь мысленные определения, они растворяются в мыслях, в них нет ничего, что оставалось бы вне мышления. Вот почему, как считал Фейербах, философия Гегеля есть последняя рациональная теология, а сущность его Логики (метода) есть сущность природы и человека, но без сущности, без природы, без человека.

В работе «История новой философии от Бэкона до Спинозы» (1833) мыслитель ставит вопрос об отношении философии к религии и подчеркивает противоположность между философией и религией. Эта проблема разрабатывается Фейербахом детально в последующих сочинениях, таких как «Философия и христианство» и «Сущность христианства».

Слепое подчинение авторитету и догме, вера в чудо – основания богословия, а свобода разумного исследования и изучение закономерности явлений – основания науки и философии. Наклонность к религиозному творчеству коренится в природе человека, проистекая из присущего человеческому духу стремления к антропоморфизму. У человека есть стремление проецировать свои черты вовне. Религия есть важнейший вид такого антропоморфизма. Лучшие стороны своего «Я» – своих помыслов, чувств и желаний – люди издревле переводили в божественные реальности. Импульсом к этому одухотворению и обоготворению собственных идеалов в человечестве была всегдашняя резкая

противоположность между тем, что есть, и тем, что должно быть. Религиозное творчество стремится устранить противоположность между желанием и достижением, которая всегда так мучительно ощущалась человеком. Боги – дети желания, продукты фантазии. Не Бог сотворил человека «по образу и подобию своему», а наоборот, человек сотворил богов. Человек в области религиозного творчества в воображении удовлетворяет стремление к счастью. Он познает им же самим созданных богов, как сверхчеловеческие сущности; но это противоположение божеского и человеческого основано на иллюзии. Религия воплощала в себе лучшие идеи и чувства человечества. Но ее роль уже сыграна, религиозная потребность проистекала из невозможности удовлетворить желаниям и идеалам; но по мере прогресса наук, искусств и социальных форм жизни человечество научится искусству быть счастливым и нравственным без содействия богов.

6.5. Иррационализм А. Шопенгауэра

Немецкий философ Артур Шопенгауэр (1788–1860). Основное произведение – «Мир как воля и представление» (1819). Название отражает основные идеи учения Шопенгауэра.

Весь мир является представлением. Другого мира нет и не может быть. Любое представление предполагает выделение субъекта (того, кто представляет) и объекта (того, что представляется), и это разделение характеризует любое представление.

Мир тождественен воле. Воля есть особый внутренний опыт тела, который тождественен самому телу. Тело – это объективированная воля – воля, ставшая представлением. Воля как слепой бессознательный порыв – это внутренняя сущность движения как органических, так и неорганических тел. Любое природное явление, начиная от элементарной физической силы и заканчивая жизненной силой, представляет собой проявление единой воли. Воля не имеет ни цели, ни причины. Ее утверждение хаотично, абсурдно, не подчиняется законам логики, хотя в каждом конкретном акте, посредством которого воля проявляет себя, можно обнаружить цель. Воля непознаваема. Разум оказывается лишь проявлением воли, не тождественным ей, хотя и связанным с ней, как любое проявление связано с тем, что в нем проявляется. Это не значит, что

познание совершенно невозможно. Соглашаясь с Кантом, Шопенгауэр выделяет априорное и апостериорное знание. Априорное знание – знание о воле. Апостериорное познание возможно лишь в том случае, если человек вырывается из-под власти воли. Обычно человек, обладающий телом, как средством объективации воли, а не как представлением, способен познавать лишь единичные объекты. Когда же познание перестает быть слугой воли, открывается возможность познания идей, тогда человек превращается в чистый субъект познания, полностью лишенный воли к жизни. Шопенгауэр противопоставляет разуму созерцание – это путь познания, который выбирает художник. Именно художник воспринимает идею, преобразует ее в своем творчестве и способен сделать ее видимой для других. Гений – это особый человек, который обладает особой способностью – соприкоснуться с миром при помощи интуиции. Гении способны оторваться от практического взгляда на мир, отказаться от него и подняться до уровня свободного от практики абстрактного познания. Так гений становится чистым субъектом, своего рода идеальным дополнением к объекту и достигает уровня идеи. Любой человек способен на аналогичные переживания: иначе невозможно было бы наслаждение искусством.

Согласно Шопенгауэру, высшее из искусств – это музыка, имеющая своей целью уже не воспроизведение идей, а непосредственное отражение самой воли.

Философия не может давать никаких жизненных предписаний, поскольку имеет теоретический характер, а потому никакие понятия ничего не могут дать для добродетели, они могут быть лишь орудием для нее.

6.6. Философия жизни Ф. Ницше

Основополагающим постулатом философии Ф. Ницше является утверждение о мировой воле как особой энергии, определяющей все стороны бытия. Учение о бытии у Ницше покоится на основаниях волюнтаристской метафизики Шопенгауэра и дарвиновской концепции борьбы за существование. Ницше считает, что все существующее, в том числе человек и его познание, есть только формы проявления воли к власти (мощи, господству, доминированию над другим); никакого

абсолютного бытия нет: бытие – это становление, но не беспрестанное возникновение нового, а лишь «вечный круговорот» всего того, что в прошлом уже повторялось бесконечное число раз.

Наиболее полно и ярко «воля к власти» проявляется в органическом мире, в живой природе. В ней проявляется дух Диониса, дух самой жизни. В концентрированном виде она предстает как инстинкт к превосходству и подчинению, этот инстинкт по своей природе присущ человеку – высшему носителю «воли к власти». Благодаря «инстинкту воли к власти» человек вышел победителем в борьбе за выживание. В реальной жизни выживает сильнейший, бесстрашно ведущий войну за свое выживание. В этом, по убеждению Ф. Ницше, и состоит достоверное содержание самой жизни. Воля к власти свободна, свобода ее состоит в устранении любых препятствий, стесняющих, ограничивающих проявление «мощи воли к власти» как требования самой жизни. Таким препятствием являются границы добра и зла. И в границах добра, и в границах зла «воле к власти», как атрибута жизни и бытия человека, тесно. Она должна выйти за их границы, чтобы проявить свою природу, свою мощь и свою силу. Такой сферой свободы воли, по Ф. Ницше, может быть только сфера по ту сторону добра и зла. В истории человечества была такая эпоха, в которой наиболее полно воплощалось в жизни требование, закон «воли к власти» – эпоха Античного мира, до Сократа и Платона, эпоха Древнего Востока (не случайно один из его трактатов так и называется «Так говорил Заратустра»). Последним этапом в человеческой истории, когда «воля к власти» пыталась утвердить себя в правах, была эпоха Европейского Возрождения. Их объединяет одно – там действовали герои, яркие индивидуальности, обладавшие силой и мощью характера, не боящиеся любых препятствий и преодолевающие их на пути утверждения «воли к власти», «инстинкта к власти», господства и повелевания, не отягощенные нравственными предрассудками стыда господствовать над слабыми, склонными к подчинению, утратившими черты героев. Мир, в котором живет современный человек, ошибочен не в силу мировоззрения человека или мышления и представления, а в силу того, что человечество утратило «реальность влечений», инстинкт «воли к власти». Преодоление утраты «воли к власти» как первоосновы жизни, общества и мотива человеческой деятельности возможно только в форме «вечного возвращения» к

первозданным инстинктам «воли к власти», которые мы унаследовали от животных. Возвращение возможно только при устранении христианской морали, которая уничтожила в человеке естественный инстинкт жажды власти и силы. Подлинный человек – сверх-человек не рефлексирует, не размышляет, а действует, стремится к господству, а не подчинению.

6.7. Сциентистская тенденция

Философы и ученые Нового времени верили в совершенствование разума через прогресс науки. Знание и рациональное познание провозглашались решающей силой, способной разрешить все проблемы, возникающие перед человеком и человечеством.

В первой половине XIX в. экспериментально математическое естествознание, возникшее в XVII в., достигло огромных успехов, усиливается его роль в развитии общества. Накопив достаточно большой эмпирический материал, естествознание приступило к теоретическому обобщению этого материала. Осознается, что основной массив знаний о мире, необходимых в практической деятельности, формируется в науках естественнонаучного цикла. Начинается процесс превращения натурфилософии в теоретическое естествознание. Происходит осознание недостаточности и ограниченности умозрительных, спекулятивных рассуждений (исходящих из чистой силы ума) классической натурфилософии и метафизики, которая на место реальных связей часто ставила вымышленные. Натурфилософии как «науке наук» приходит конец. Постепенно происходит возникновение сциентистской тенденции в философии. Философия трактуется как рационально-теоретическая форма мышления, способная выступать в качестве науки и отвечать соответствующим критериям. Наука для ее представителей – высшая форма человеческой культуры, она олицетворяет разум как таковой, точнее, разум находит в науке свое истинное прибежище.

В качестве осознанной ориентации сциентизм утверждается в конце XIX в. В соответствии с этой точкой зрения, научное знание должно проникнуть во все области жизни и организовать всю жизнь человечества.

Сциентизм сыграл важную роль в культуре, избавив ее от большого количества метафизических и теологических заблуждений.

Сциентизм основывается на трех основных положениях:

- 1) наука может заменить собой философию и метафизику в области разрешения основных моральных и этических проблем;
- 2) в науке заключены решения всех проблем человечества;
- 3) методы точных наук являются единственными верными научными методами, и эти методы должны применяться также и к гуманитарным и социальным наукам.

Науки, в отличие от прежнего спекулятивного знания, должны опираться на факты наблюдения и эксперимента. Это касается и социальных наук – они тоже должны опираться на факты и свидетельства о фактах. А философия должна заняться изучением реального знания и реального процесса познания. Именно такой была общая установка позитивизма.

6.8. Особенности позитивизма и этапы его становления

В результате распада натурфилософии формируется особое направление в развитии философской мысли XIX в. – позитивизм (от латинского *positivus* – положительный). В это время были заложены основные идеи позитивистского направления в философии. К этим исходным идеям относятся:

- 1) полная элиминация (устранение) традиционных философских проблем, которые неразрешимы из-за ограниченности человеческого разума;
- 2) поиск универсального метода получения достоверного знания и универсального языка науки;
- 3) гносеологический феноменализм – сведение научных знаний к совокупности чувствительных данных и полное устранение «ненаблюдаемого» из науки;
- 4) методологический эмпиризм – стремление решать судьбу теоретического знания исходя из результатов его опытной проверки;
- 4) дескриптивизм – сведение всех функций науки к описанию, но не объяснению.

Утверждая, что наука все еще недостаточно научна, в ней слишком много умозрительных, спекулятивных компонентов, позитивизм ставил задачу «очищения» ее от метафизики.

Поскольку позитивизм имеет длительную историю, в его истории принято выделять несколько периодов.

Позитивистскую философию первой половины XIX в. принято называть «первым позитивизмом». Крупнейшие представители этого направления – Огюст Конт (1798–1857), Джон Стюарт Милль (1806–1878), Герберт Спенсер (1820–1903).

Переход от метафизики к позитивному знанию О. Конт обосновал анализом различных этапов, которые проходит человечество в своем стремлении познать мир, в своем умственном развитии. Существуют три исторические стадии развития знания и три общих системы воззрений на мир. На теологической стадии духовного развития человек стремится объяснить все явления вмешательством сверхъестественных сил, понимаемых по аналогии с ним самим: богов, духов, душ, ангелов, героев... Метафизическое исследование тоже стремится достигнуть исчерпывающего абсолютного знания о мире, но только через ссылку на различные придуманные первосущности и первопричины, якобы скрывающиеся позади мира явлений, позади всего того, что мы воспринимаем в опыте. На третьей, позитивной стадии познания, утверждал Конт, наука должна ограничиться описанием внешних сторон объектов, их явлений и отбросить умозрение как средство получения знаний и метафизику как учение о сущности. Науки должны наблюдать и описывать то, что открывается в опыте, формировать эмпирические законы. В центре внимания позитивистов оказались по преимуществу проблемы, связанные с изучением индуктивно-логических и психологических процедур опытного познания.

Во второй половине XIX в. «первый позитивизм» уступает место новой исторической форме позитивизма – эмпириокритицизму или махизму. Наиболее известны его представители – Эрнст Мах (1838–1916), Ричард Авенариус (1843–1896).

Философы, представляющие это течение в позитивизме, стремятся «очистить» естественнонаучное знание от «остатков» умозрительных размышлений, усилить гносеологический феноменализм и методологический эмпиризм. С их точки зрения, философия должна превратиться в деятельность, анализирующую особенности познания.

«Единственно существующим» признавался лишь опыт как совокупность всего «непосредственно наблюдаемого». Это «непосредственно наблюдаемое» махисты называли «элементами мира», якобы нейтральными относительно материи и сознания. Содержание научных понятий должно быть сведено к некоему «бесспорному первичному» материалу знания, а понятия, в отношении которых такая реакция оказывается невозможной, следует отбросить как «пустые функции». Наука должна исследовать только ощущения.

Трудами немецкого физика Макса Планка (1858–1947), вошедшего в историю развития физики как одного из основоположников квантовой теории, открывается новый этап развития физики. Планк отказался от установившегося положения классической физики, согласно которому энергия системы изменяется непрерывно. В 1900 г. он высказал гипотезу о том, что атомы испускают электромагнитную энергию дискретно, отдельными порциями, – квантами.

Другое важное событие на современном этапе развития физики относится к 1905 г., когда Альберт Эйнштейн (1879–1955) сформулировал принципы специальной теории относительности, а к 1916 г. им была создана общая теория относительности.

Третий этап в развитии позитивизма – неопозитивизм начинается с 20-х гг. XX в. Неопозитивизм сосредотачивается на частных логико-методологических исследованиях, на анализе языка науки.

Исторически первый и основной вариант неопозитивистской философии – логический позитивизм, или логический эмпиризм (М. Шлик, Р. Карнап, Г. Райхенбах и др.), отбрасывает психологизм и биологизм махистской философии, принимает тезис об априорно-аналитическом характере положений логики и математики. Представители логического позитивизма исходили из предпосылки, что предметом философии не может быть и теория познания, поскольку ее решения вынуждены выходить на мировоззренческую проблематику, а это неизбежно наталкивает философское мышление в сферу «метафизических» проблем. По их мнению, философия вообще не имеет предмета исследования, потому что она не является содержательной наукой о какой-то реальности, а представляет собой род деятельности, особый способ теоретизирования. Неопозитивизм истолковывал истину как совпадение высказываний с

непосредственным опытом человека. Одна из важных задач – отделить предложения, которые имеют смысл, от тех, которые лишены его с научной точки зрения, и таким образом очистить науку от бессмысленных предложений.

Чтобы выяснить, имеет ли предложение смысл, необходим специальный метод – верификация (от лат. *Verus* – истинный и *facio* – делаю). Предложение (гипотеза) может быть верифицировано, т. е. его истинность может быть доказана как с помощью опыта, так и с помощью логического доказательства. Неопозитивизм требует, чтобы предложение было верифицируемо в принципе, т. е. чтобы переживания, которые подтверждают, или были налицо, или могли быть получены. Вопрос, ответ на который не может быть проконтролирован, верифицирован в опыте, позитивизм называет «псевдвопросом».

6.9. Постпозитивизм XX века

К середине XX в. пришедшая на смену неопозитивизму широкая совокупность концепций получает название постпозитивизм. Условно можно выделить два основных направления (естественно, обнаруживающих между собой общность): релятивистское, представленное Томасом Куном, Полом Фейерабендом, Максом Полани; и фаллибилистское, к этой группе следует отнести прежде всего Карла Поппера и Имре Лакатоса, а также Дж. Уоткинса, Дж. Агасси, Дж. Фетзера. Представители первого направления утверждают относительность, условность, ситуативность научного знания уделяют большее значение социальным факторам развития науки, философы второго направления строят философские концепции исходя из тезиса о «погрешимости» научного знания, его неустойчивости во времени.

В противоположность неопозитивизму, постпозитивизм стремится осуществить синтез логико-методологического и историко-научного методов анализа научного знания. Критике постпозитивистов подвергаются в основном особенности философии их предшественников, препятствовавшие историческому подходу к познанию. Происходит (за исключением К. Поппера, фигуры в значительной степени переходной) отказ от присущей позитивизму абсолютизации верифицирующего значения опыта. Научный факт теряет свою метафизичность, сохраняя за

собой лишь сугубо утилитарное значение. Отличия постпозитивизма от неопозитивизма:

1) постпозитивисты проводят анализ истории науки (логическая реконструкция истории науки), возникает стремление найти универсум – основу человеческого разума через историю науки;

2) в рамках постпозитивизма ставится вопрос о том, каковы главные факторы развития науки: внешние или внутренние;

3) постпозитивистами проводится анализ динамики, их интересует вопрос реального движения науки, какие факторы влияют на науку.

Постпозитивизм в определенной мере обосновал те события, которые произошли в физике конца XIX–начала XX в.

6.10. Философия марксизма

Философская позиция Маркса формируется сначала в русле гегелевской школы, а затем – критики «классического» гегельянства. Непосредственно свой антигегелевский критический импульс Маркс получает от Фейербаха, в отличие от которого предлагает не «отбрасывать» учение Гегеля, а «снять» в гегелевском смысле этого термина, т. е. сразу и освоить, и преодолеть. Метод Гегеля, его диалектика в учении Маркса «снимается» и становится материалистической. «Система» Гегеля подвергается критике за ее метафизичность, но не отбрасывается – система категорий материалистической диалектики имеет несомненные черты гегелевской схемы. Маркс унаследовал от Гегеля и его определение действительности действительного – именно, как «предметного существа». Поэтому человек в философии Маркса поставлен на место гегелевской самопознающей Абсолютной идеи, с полным правом наследует метафизический титул субъекта: он лежит в основании предметного мира. Но самого человека Маркс трактует не по-гегельянски, делая акцент на его «конкретности» через «предикаты» его реального существования, которое в свою очередь редуцируется до практической производственной деятельности. В случае «несовершенного» капиталистического общества и его подготовительных фаз практическая деятельность, эта «всеобщая субстанция» человечности, выступает, по Марксу, не в универсальном, т. е. подлинно всеобщем виде, который соответствовал бы «подлинному гуманизму», а в урезанной,

«отчужденной» от человеческой сущности форме разделения труда. В результате человек становится «частичным», или «отчужденным», превратившись в носителя ограниченной, частичной функции, которая опосредованно включена во всеобщую производственную деятельность. Великой задачей, которая стоит перед европейским человечеством согласно Марксу, является ликвидация отчуждения во всех его формах – с этим Маркс солидарен с Фейербахом. Однако способ преодоления и образ того общества, в котором отчуждения не будет, Маркс представляет себе иначе, чем Фейербах. Для Фейербаха причина отчуждения в «ложном сознании», и своей задачей он считал критику этого «ложного сознания», в результате которой основа существующих порядков будет разоблачена и рухнет. Маркс считал, что основы отчуждения коренятся не в сознании, а в самой материальной действительности. Религия, как и другие формы идеологии, – порождение этой действительности, ее извращенное отражение. Путь к преобразованию действительности – это не критика ложных идей, а революция, совершающая переворот в самих материальных основах социальной жизни. Реальной силой, которая способна совершить революцию, Маркс считал рабочий класс, а собственной целью и целью своих единомышленников провозгласил создание политической организации. «Философы до сих пор только объясняли мир, а дело заключается в том, чтобы его изменить», – писал он в «Тезисах о Фейербахе».

6.11. Материалистическое понимание истории

Сфера интересов Маркса в философии лежит в области социальной философии и философии истории. В качестве детерминанты социального процесса Маркс видит материальный фактор, экономические механизмы и отношения. Маркс полагает, что общество в своем развитии достигает такой точки, когда материальные силы производства вступают в конфликт с существующими производственными отношениями, в результате чего они становятся тормозом развития общества. Это порождает социальные революции. В то же время Маркс подчеркивает, что ни один порядок не исчезнет, прежде чем все производительные силы не будут развиты, и новые более высокие производственные отношения никогда не появятся, прежде чем материальные условия существования не созреют в недрах

старого общества. Под производственными отношениями он понимает отношения, которые возникают между землевладельцем и наемным работником, владельцем завода, рабочим и т. д. Они составляют экономическую структуру общества и являются основой – базисом – политической, моральной и духовной надстройки.

Как Гегель верил в прогресс Абсолютного духа в направлении более высокого самоосознания, так Маркс верил в поступательное развитие человеческой материальной жизни и человеческой природы.

Свою веру Маркс подкреплял теоретической реконструкцией истории, в основе которой лежит понятие общественно-экономической формации. Общественно-экономическая формация определяется как «качественно определенный исторически конкретный тип социальной системы, взятый в единстве всех ее сторон – способа производства, состояний науки, искусства, всего многообразия и богатства духовной сферы, семейно-бытовых отношений и всего образа жизни людей». Маркс выделял пять формаций, отличающихся прогрессивным развитием системы «производительные силы – производственные отношения»: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую.

Предполагаемая коммунистическая формация призвана стать вершиной развития общества, где найдут свое разрешение все социальные противоречия: неравенство, несвобода, несправедливость и их результат – лишение человека его родовой сущности. Коммунизм должен устранить такое негативное явление капиталистической действительности, которое Маркс называет «отчужденным трудом». Этот феномен имеет три стороны: 1) отчуждение производителя от продуктов его труда (сделанное фабричным рабочим ему не принадлежит), 2) отчуждение производителя от собственной активности (труд фабричного рабочего на корню куплен капиталистом на самых бесчеловечных для рабочего условиях), 3) отчуждение человека от родовой сущности (складывающиеся отношения уродуют и рабочего и капиталиста, лишая их человеческого лица). Остается добавить, что победа коммунизма виделась Марксу исторически неизбежным следствием реализации исторических закономерностей.

6.12. Понятие практики и его роль в марксистской философии

Исходя из принципа познаваемости мира в марксистской философии знание рассматривается как процесс отражение внешнего мира в сознании человека. Этот процесс – сложный и противоречивый. Вещи и процессы отражаются в чувственных представлениях и понятиях. Более содержательным, полным оказывается отражение в форме суждений, умозаключений, в виде научных законов и развитых теоретических систем, выработка и принятие которых подготавливаются гипотезами. Принцип отражения следует понимать не натуралистически, не просто как естественную способность человеческой головы, а как способность, сформированную исторически, в процессе материальной деятельности людей, общественной практики.

Отражение есть активный, а не пассивный процесс взаимодействия субъекта с объектом. Объект включается в сферу познания, будучи опосредованным практической деятельностью. Объективный мир детерминирует деятельность людей, их сознание, но субъект активен, опираясь на законы объективного мира, он познает его и целесообразно преобразует.

Под практикой марксизм понимает прежде всего общественно-производственную деятельность людей. Эксперимент в лаборатории ученого или в заводской лаборатории, проводимый при помощи научной аппаратуры, являющейся показателем и выражением успехов производства и наук, также является частью общественно-производственной практики. Если человек действует на основе правильного представления о предметах, закономерностях объективного мира, он достигает заранее намеченных результатов. Таким образом, успехи практической деятельности людей являются проверкой применяемых в ней теоретических представлений. Ошибки и неудачи в практической деятельности свидетельствуют о неполноте знаний и таким образом толкают к преодолению этих ошибок, т. е. к дальнейшему, все более глубокому познанию мира и его закономерностей.

Практика выступает основой и критерием истинности знаний человека об объективной реальности. Практика – основа единства живого созерцания и абстрактного мышления. Для устранения ошибок в

мышлении и использования выводов теории в жизни необходимо идти от практики к мышлению и от мышления к практике, проверяя ею правильность результатов абстрактного мышления. Следовательно, практика выступает не только основой познания и критерием истины, но и целью познания объективного мира. Практика лежит в основе всех этапов познания объективной реальности. Живое созерцание человеком природы, как и абстрактное мышление людей, исторически могли возникнуть и развиваться лишь в процессе практического воздействия человека на природу и общество, в ходе общественно-производственной деятельности людей.

6.13. Проблема сущности человека, тенденции и перспектива общественного развития

Проблема человека в философии марксизма решается только в связи с обществом и только на его основе. При этом общество понимается как строго конкретная общественно-экономическая формация, закономерная смена которой в ходе естественноисторического процесса приводит к изменению и общества, и самого человека. Родовая сущность человека является «совокупностью (ансамблем) общественных отношений», имеющей свое объективное содержание, не сводимое к содержанию деятельности индивидов. Сущность человека определяется теми социальными условиями, в которых он находится. Человек таков, какова окружающая его общественная среда, понимаемая в широком плане как историческая эпоха, социальный строй, классовые и групповые интересы, и в узком плане – как индивидуальные условия и особенности его развития. Соответственно социальная сущность человека не может быть постоянной. Изменение ее – это диалектический процесс, в какой мере человек изменяет природу и социальную среду, приспособлявая их к себе, в такой мере меняется и сам человек. Все личности так или иначе, в той или иной степени – субъекты деятельности – труда, познания, общения. Конкретная роль личности всегда зависит от того, как человек воспринимает и оценивает свое положение в коллективе, какие выводы и практические шаги он делает.

Свобода личности определяется как способность человека достичь, реализовать свои цели. Любой сознательный поступок человека

осуществляется на основе овладения знаниями, умениями, навыками исполнения той или иной конкретной деятельности. Только на основе этих знаний и опыта формируются цели человека, которые выступают звеном, связывающим прошлое с настоящим и через него с будущим. Цели человека одновременно и обусловлены существующим положением вещей, и представляют собой выход за его пределы, что создает для человека известное многообразие, набор возможностей. Выбор из этого многообразия и есть условие свободы человека, но, еще не сама его свобода. Выбор еще не является показателем свободы человека, он сам должен быть свободным. И чем полнее и точнее оцениваются действительные возможности общественного развития, средства, предоставляемые обществом в распоряжение человека, тем свободнее он в своем выборе, тем больший простор открывается для выдвижения целей и нахождения необходимых средств, тем значительнее перспективы его стать свободным. Следовательно, свобода личности неотделима от свободы общества. Человек в той мере свободен, в какой свободно общество, в котором он живет. Подлинной основой всех свобод является «свобода жить», свобода от нужды, свобода от эксплуатации и от неуверенности в завтрашнем дне. История есть процесс осуществления свободы, человечество становится все более свободным по отношению к природным и общественным закономерностям, познает их, используя эти знания для реализации своих целей.

Глава 7

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

Современная философская мысль продолжает осмыслять основные положения неклассической философии: критикует представления о разумности как главном человеческом качестве, идею о тождестве бытия и мышления, логоцентризм западной философской традиции.

На смену поискам истины как абсолютного, всеохватывающего, непротиворечивого знания приходит стремление к получению лишь полезного знания, дающего определенный результат, помогающего усовершенствовать жизнь человека и общества. На смену уверенности в

закономерном развитии всего существующего приходят представления о господстве процесса становления, лишенного четкой последовательности, закономерности.

Приоритет сциентизма сменяется главенством антисциентизма в философии. Важнейшим предметом познания оказывается человек, но не «как таковой», а «этот, конкретный» индивид, имеющий уникальную судьбу, собственные переживания, накладывающие свой отпечаток на формирование данной личности. Он оказывается интересен не как субъект познания, но, прежде всего, как существо деятельное, осуществляющее себя самого в свободном полагании моральных ценностей. Причем разумное начало в нем оказывается не ведущим, а ведомым, подвластным либо бессознательным порывам, либо диктату господствующих в обществе представлений о должном.

Переосмыслению подвергаются философские методы – от господства объяснения, обобщения, систематизации приходят к главенству понимания, симпатического проникновения в суть, анализа особенных, индивидуальных черт и мотивов. Размышления о природе все чаще уступают место размышлениям о культуре как среде обитания человека.

7.1. Психоанализ и философия неотрейдизма

П с и х о а н а л и з – созданный Зигмундом Фрейдом метод лечения психозов и неврозов (состояний человеческой психики, вызванных рассогласованием деятельности бессознательного, сознания и сверхсознания и проявляющихся в неадекватном поведении). С позиций психоанализа, человек не является исключительно разумным существом; в своем поведении, отношениях с другими людьми он далеко не всегда исходит из разумных оснований, руководствуется разумными доводами. Сознание, разум – лишь один из элементов в структуре человеческой психики, наряду с ним существуют бессознательное (Id, «Оно») и сверхсознание (Super-ego, «Сверх-я»).

Определяющую роль в жизни любого человека играет, по Фрейду, бессознательное. Оно представляет собой совокупность данных от природы инстинктов, а также вытесненных за пределы осознаваемого стремлений, желаний. Основу бессознательного составляют два вида первичных позывов: Эрос (любовное влечение к объекту) и Танатос

(влечение к смерти, разрушению). Оба они являются проявлениями либидозной (сексуальной) энергии.

Сверхсознание (совокупность моральных норм, тех или иных предписаний, господствующих в современном индивиду обществе) выполняет функции наблюдения и оценки действий и помыслов человека. Оно опирается на Эрос (объединительную силу любви) и выступает против Танатоса (направляя его энергию в сферу бессознательного).

Сознание оказывается зажатым между непрерывно увеличивающимся в объеме бессознательным и карающей силой Сверх-я, с течением времени все больше ужесточающим свои требования. Результатом (своеобразным защитным механизмом психики, удерживающим ее от полного разрушения) может явиться сублимация (перевод сексуальной энергии в творческое русло) или невроз, проявляющийся в неадекватном поведении. Цель психоанализа – уменьшить давление бессознательного, сузив его границы за счет осознания скрытых от человека мотивов его собственной деятельности, комплексов, сложившихся в раннем детстве. Благодаря анализу сновидений, свободных ассоциаций, воспоминаний, явившихся на свет под действием гипноза, человек получает возможность расширить сферу сознания, освободиться от гнета некоторых бессознательных побуждений.

Последователи З. Фрейда (К.-Г. Юнг, Э. Фромм, К. Хорни и др.) несколько видоизменяют теорию австрийского психоаналитика.

Карл-Густав Юнг утверждает, что доминирующим в поведении человека является не столько его личное бессознательное, сколько коллективное бессознательное (своеобразная сокровищница, хранящая опыт всех предшествующих поколений, включая животных предков человека). Главное содержание коллективного бессознательного составляют архетипы, неосознанно проявляющиеся в снах, мифах, произведениях искусства и даже в научных открытиях. Юнг выделял три вида архетипов: формы, организующие психический материал (архетипы Героя, Матери, Ребенка, Мудреца, Зверя); символы (крест, шестиугольная звезда Давида, колесо жизни); структуры личности (Анима, Анимус, Тень, Эго, Персона). Главная задача психоаналитика, по Юнгу, – привести в равновесие сознательное и бессознательное. Пренебрежение

архетипическим может полностью «загнать» его в рамки бессознательного, во много раз усилив тем самым его власть над человеком.

Карен Хорни утверждает, что для избавления от неврозов недостаточно простого осознания забытых или вытесненных детских переживаний, впечатлений. Кроме того, ее не устраивает утверждение о физиологической основе психической жизни. С точки зрения К. Хорни, на психическое развитие человека оказывают влияние его отношения с окружающими не только в период раннего детства, но и в течение всей жизни. На возникновение неврозов большое влияние оказывают также культурные условия.

В основе невроза, по К. Хорни, лежит состояние постоянной необъяснимой тревоги, вызванной внутренними противоречиями, бессознательными конфликтами, которые становятся все более острыми в современном мире. Их результатом является деформация характера и отношений человека с другими людьми, ведущая к распаду личности. Простое осознание этих конфликтов лишь усиливает их. Задача психоанализа, по К. Хорни, – научить человека разрешать внутренние противоречия, понимать собственную природу, осознавать свои желания и потребности, сделать человека внутренне независимой, целостной, самостоятельной личностью.

Эрих Фромм объединяет в своей теории учение Фрейда с марксизмом и экзистенциализмом. Предметом анализа он делает, прежде всего, проблемы этики. В рамках его концепции главная характеристика человеческого бытия – свобода. Соответственно от самого человека зависит, какие тенденции победят в его поведении – к смерти, разрушению или к жизни, любви, созиданию. От природы ему дан лишь темперамент, свой характер человек создает сам на основании выбора тех или иных жизненных ориентиров, целей, благодаря взаимодействию с окружающими людьми.

Главная задача человека (и помогающего ему психоаналитика) – обретение внутренней свободы, свободы самосовершенствования, саморазвития, необходимой для раскрытия творческого потенциала личности.

Таким образом, в рамках неопрейдизма осуществляется переход к преимущественному анализу межличностных отношений, а человек осознается как существо, прежде всего, не биологическое, а социальное.

7.2. Экзистенциальная философия в XX веке

Экзистенциализм, или философия существования (от лат. *existentia* – «существование») начинает складываться еще в XIX в. благодаря учению С. Кьеркегора, «философии жизни» Ф. Ницше, В. Дильтея, феноменологии Э. Гуссерля, а также философии Ф. Достоевского. В XX веке – в кризисные моменты истории (периоды после первой и второй мировых войн, связанные с крушением идеалов, поиском новых ориентиров в жизни) экзистенциальные идеи становятся популярными во многих странах Европы, а позже (с конца 1950-х гг.) и в США. В России экзистенциальное учение развивают Н. Бердяев, Л. Шестов, в Германии – К. Ясперс, М. Хайдеггер, во Франции – Г. Марсель, Ж.-П. Сартр, А. Камю, в США – П. Тиллих, Р. Нибур, Э. Фромм и др. Существует несколько направлений экзистенциализма: религиозный (Бердяев, Шестов, Марсель, Ясперс), атеистический (Сартр, Камю), а также учения, для которых идеи веры или неверия в божественное начало не играют существенной роли.

Центральным понятием для всех философов-экзистенциалистов является понятие существования (экзистенции), которое рассматривается не как объективное биологическое существование, но в качестве обусловленного внутренним переживанием человеком своего бытия, своего места в мире. Экзистенция не может стать объектом анализа, так как она изначально субъективна, это «я» человека, исходя из которого он мыслит, чувствует, осуществляет ту или иную деятельность. В философии М. Хайдеггера термин «бытие» осмысливается как бытие человека в мире. В отличие от него, сущее – внешний мир, наполненный разнообразными предметами, мир, в котором протекают физические процессы, существуют природные явления. Сущее оказывается лишенным смысла до тех пор, пока человек, благодаря своей «озабоченности», заинтересованности, не придаст им значение, не определит их по отношению к себе. Таким образом, главным предметом познания выступает для экзистенциалистов человек, его бытие. В этом познании философ должен опираться не на

абстрактно-логическое мышление (опредмечивающее, «умерщвляющее» живого субъекта), а на откровение, на интуитивное постижение сути.

Основной характеристикой бытия человека, выделяющей его среди других живых существ, является свобода. Благодаря наличию свободы человек способен действовать в мире не по заранее заложенной в него программе (подобно животным), а опираясь на собственные предпочтения, на представления о том, каким должен быть человек. Таким образом, осуществляя свободу, человек становится самим собой, определяет свою сущность в мире. Свобода реализуется посредством выбора того или иного поступка в так называемых «пограничных ситуациях» (в моменты, когда возникает угроза для жизни отдельного человека или группы людей, в ситуациях, связанных с переживанием смертельной болезни, страдания, вины). В таких случаях человек с наибольшей остротой осознает свою конечность, а также чуждость внешнему, «безразличному» по отношению к нему миру. Ответом на подобную обреченность может быть экзистенциальный бунт против абсурдного человеческого удела (А. Камю), обретение веры в Бога и способности вести экзистенциальную коммуникацию с другими людьми перед лицом высшего начала (К. Ясперс) или мужество совершать ответственный выбор, последствия которого абсолютно непредсказуемы (Ж.-П. Сартр).

Для всех экзистенциалистов человек предстает как трагическая личность, заброшенная в мир и обреченная на свободу. Его бытие характеризуется одиночеством, тревогой, тоской, страхом, отчаянием. Никакая наука не способна помочь человеку в его самоосуществлении и противостоянии страху перед неизбежным концом. Лишь философия занимается осмыслением экзистенции, помогая человеку в решении его насущных проблем.

7.3. Уникальность человеческого бытия как философская проблема

В рамках классической философии человеческое бытие не обладает уникальностью. Напротив, сущность человека тождественна сущности бытия вообще, благодаря чему и человек, и мир могут быть адекватно познаны наукой. Неклассическая философия отвергает возможность рационального познания мира и человека и впервые ставит проблему уникальности человеческого бытия.

Так, например, в «философии жизни» Ф. Ницше в основе всего существующего лежит безрассудная «воля к власти». Человек – единственное существо на земле, способное в результате отказа от «слишком человеческого» в себе, «самопреодоления», возвышения над собственной природой стать «сверхчеловеком», господином всего на земле.

В рамках философии экзистенциализма само бытие осмысляется исключительно в качестве человеческого существования. С. Кьеркегор пишет о нем как о главной и единственной проблеме философии. Он критикует предшествующих мыслителей за абстрактность их представлений о человеке: индивидуальность личности оказывается упущенной ими, классическая философия мыслит не индивида, но только его понятие; игнорируя все многообразие человеческих чувств и настроений, настаивает на приоритете рационального мышления как определяющего начала в жизни человека. Осознание собственного единства с другими индивидуумами, по Кьеркегору, – лишь промежуточный этап на пути становления человека личностью. Итогом этого пути должно оказаться полное отчаяние, разуверение в собственных силах, самоотречение и неизбежное обращение к Богу, являющемуся подлинным мерилom человечности в человеке. Сам путь становления личностью предстает не столько как процесс размышлений, сколько действий, в которых человек осуществляет данную ему свободу.

Атеистическое направление экзистенциализма развивает мысли о свободе. С точки зрения Ж.-П. Сартра, уникальность человека заключается в том, что его существование предшествует сущности, т. е. чтобы стать самим собой, человек должен определить себя в процессе собственной деятельности (носящей опять же не познавательный, а практический характер). «Человек есть совокупность своих поступков», он «обречен» на свободу, в результате осуществления которой он формируется как неповторимая личность. При этом никто и ничто не в состоянии помочь ему, дать ориентиры, точку опоры: в своей деятельности человек исходит только из собственных представлений о добре и зле, которые корректируются в течение всей его жизни, он сам несет полную ответственность за свои поступки.

А. Камю, рассуждая об уникальности человеческого бытия, выводит ее из положения о пропасти, отделяющей человека от остального мира: на рациональные вопросы мир отвечает безрассудным молчанием, наполняя человека чувством абсурдности существования, собственной отчужденности от мира, других людей и даже о самого себя.

Будучи уникальным, человеческое бытие представляет действительную проблему для философии, привыкшей исследовать всеобщее, а не особенное, индивидуальное. Данная проблема осознается в философии неокантианцев, прежде всего, как проблема метода познания: если науки о природе опираются на генерализирующие методы (объяснение, обобщение), то науки о духе должны опираться на индивидуализирующие методы (понимание, описание, симпатическое проникновение в суть). Человеческое бытие может быть осмыслено в процессе постижения культуры как результата его творческой деятельности. В работах Э. Кассирера, например, под бытием подразумеваются исключительно деяния человеческого духа. Бытие и человек оказываются главными проблемами философии. Уникальность человека, по Кассиреру, заключается в том, что, помимо систем рецепторов (воспринимающих стимулы со стороны внешнего мира) и аффекторов (реагирующих на эти стимулы), у человека имеется символическая система, опосредующая восприятие стимулов и задерживающая реакции на них. Человек, в отличие от иных живых существ, никогда не имеет непосредственного отношения к внешним объектам, он всегда обращен на себя, видит реальность словно через сеть символических форм, вырабатываемых человечеством в процессе истории. Именно познанием этих символических форм (мифа, искусства, религии, науки) и должна заниматься философия.

Позже, начиная со второй половины XX в. и до сегодняшних дней, проблема уникальности человеческого бытия теряет свою актуальность. В рамках философии постмодернизма осуществляется отход от антропологических проблем, понятие человека вновь подвергается переосмыслению.

7.4. Философская герменевтика. Проблема понимания

Герменевтика – философская наука, исследующая проблемы понимания, (от греч. *hermeneuein* – толковать, интерпретировать; Гермес – посланник Зевса, который должен был разъяснять людям смысл его требований). Она зародилась в эпоху раннего средневековья и была призвана истолковывать библейские тексты, помогать постигать смысл божественного Слова. Позже, в эпоху Нового времени, герменевтические методы начинают применяться не только в рамках теологии, но и в филологии, истории, юриспруденции.

Философская герменевтика обязана своим возникновением Фридриху Шлейермахеру (1768–1834). Он впервые начал рассматривать герменевтику в качестве универсального метода постижения уникальных культурно-исторических целостностей. Герменевтический подход критикует рационалистическое рассмотрение человека как существа прежде всего разумного. Герменевтика стремится сохранить в нем индивидуальное начало, проявляющееся, главным образом, в тех или иных текстах.

Шлейермахер выделял два вида понимания – основанное на мышлении (понимание текста) и основанное на «вчувствовании», интуитивном проникновении в суть (интерпретация сознательной и бессознательной сторон творчества автора). Цель герменевтики, по мысли Шлейермахера, – понять автора и его произведение лучше, чем он сам. Для этого интерпретатор должен мысленно перенестись и осознать все особенности исторической ситуации, создавшей условия для возникновения интерпретируемого текста, а также перипетии личной судьбы автора, наложившие отпечаток на его творение.

Мысли Шлейермахера продолжил развивать Вильгельм Дильтей (1833–1911). Он разделил все науки на два больших класса – науки о природе и науки о культуре. Предметом познания первых является внешняя реальность, общие законы природы; данные науки исследуют закономерные, стабильные, неизменные причинно-следственные связи. Предмет познания вторых – индивидуальные, единичные, неповторимые события и их взаимосвязи, значимые для истории. Первые призваны познавать единообразные, устойчивые законы природы, вторые –

единичные исторические события через их отнесение к ценности. Соответственно и методы исследования наук о природе и наук о культуре коренным образом отличаются друг от друга: в рамках наук о природе познание осуществляется благодаря генерализирующим методам (обобщение, наблюдение, объяснение), в рамках наук о культуре – с помощью индивидуализирующих методов (описание, анализ, симпатическое проникновение в суть, понимание). Таким образом, герменевтика становится у Дильтея основополагающим методом гуманитарных дисциплин.

Конечной целью герменевтики, по Дильтею, является понимание «целостной связности жизни» и внутреннего мира людей. При этом исследователь не может претендовать на абсолютную полноту своего понимания, так как, просто суммировав разнообразные жизненные проявления, невозможно прийти к постижению смысла целого.

В XX в. развитие герменевтики связано с именами Эдмунда Гуссерля, Густава Шпета, Мартина Хайдеггера и Ганса-Георга Гадамера. В их трудах происходит синтез герменевтики и феноменологии. Сутью понимания оказывается постижение смысла. Герменевтика занимается анализом возможностей понимания, феноменология – анализом смысла и способов его образования. Главным объектом понимания является текст (в широком смысле слова), в качестве которого может выступать любая знаковая информационная система. В нем находят свое отражение особенности исторического периода, в котором жил его создатель. Текст одновременно выступает порождением языка (сложившегося объективно, на основе всеобщих законов речевой деятельности) и данной исторической эпохи, к которой принадлежит его автор с присущим ему стилем мышления. Язык и стиль мышления анализируются в качестве предпосылок понимания.

В философии Хайдеггера субъектом речи (и, следовательно, главным предметом внимания) оказывается язык, который формирует все особенности восприятия человеком мира. Герменевтика приобретает в его философии онтологический статус, становится способом истолкования бытия.

Г.-Г. Гадамер, развивающий идеи Хайдеггера, уделяет большое внимание проблеме «герменевтического круга» (процесс понимания текста от частей к целому, и обратно). Всякий исследователь того или иного

текста, прежде чем приступить к истолкованию, уже имеет некое предварительное понимание, обусловленное традицией, в которой он живет и мыслит. В его сознании имеется предварительный набросок смысла, определяющий отношение исследователя к данному тексту и задающий горизонт его понимания. Полностью освободиться от своих «предрассудков» и тем самым абсолютно точно, адекватно постичь смысл текста не представляется возможным. Понимание движется по кругу, становясь все более глубоким благодаря «слиянию горизонтов», обретению «взаимопонимания» между интерпретатором и интерпретируемым. Герменевтика, согласно Гадамеру, представляет собой не просто один из методов наук о культуре, но важнейший аспект философии.

7.5. Особенности проблематики и способа философствования на рубеже XX–XXI веков

Философия рубежа XX–XXI столетий начинается с критики «тотализирующего проекта модерна». Суть этой критики сводится к переосмыслению установок, главенствующих во всей деятельности человека. Под сомнение ставится вера в возможность воплощения абсолюта в истории человечества, а также сам этот абсолют; целостность и упорядоченность мира; наличие некоторого центра, организующего вокруг себя мир и сообщество людей. Пересмотру подлежат основополагающие понятия, в которых западный человек мыслил о мире и представлял свое место в нем. На смену вере в прогрессивное линейное историческое развитие, венчающееся торжеством разума, порядка, справедливости, приходит разочарование в прошлых идеалах, недоверие к метанарративам (системам самооправдания общества). Возникает недоверие к «великим историям»: идеи эмансипации личности, просветительские представления о знании как средстве установления всеобщего равенства, свободы, счастья перестают быть ориентирами для человечества. Ведь попытки воплощения этих идей в действительность, по мнению большинства современных философов, привели к прямо противоположным результатам – идея всеохватывающей рациональной силы, призванной упорядочить жизнь общества, привела к господству тоталитарных режимов (Ж.-Ф. Лиотар); благодаря идее всеобщего равенства и свободы человечество пришло ко

всеобщей стандартизации мышления и поведения (Г. Маркузе, М. Хоркхаймер, Т. Адорно); прогресс науки и техники привел к отчуждению человека от своей подлинной сущности.

Современные мыслители переосмысливают главные понятия новоевропейской философии. В основании мира они усматривают не рациональное начало, а некую иррациональную силу – вечно переменчивую, непостижимую (М. Фуко, Р. Барт). Сам мир представляется не систематически упорядоченным целым, а хаотичным образованием. Образом мира в современную эпоху становится «ризом» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари) – лишенная структуры и иерархии «грибница», не имеющая начала и конца, верха и низа, левого и правого, в которой невозможно отыскать какой-то единый замысел или основу, которая постоянно воспроизводит (с незначительными различиями) саму себя, не имея ни малейшей необходимости в некоей внешней по отношению к ней организующей силе. Ничто в действительности не отсылает к некоему «смыслу», изначальному «замыслу», потаенному где-то в глубине, за пределами чувственно воспринимаемой реальности. Смысл теряет свою легитимность, перестает быть оправдательным принципом ценностной иерархии. Действительность лишается «вертикали» и «глубины», предстает исключительно как «горизонталь» и «поверхность».

Утрата веры в наличие единого смысла, «истины» мира приводит к разрыву между означаемым и означающим. «Современность разворачивается в ускользании реального» (Ж.-Ф. Лиотар). В качестве реальности перед человеком предстает теперь не природа и не некий трансцендентный мир, но исключительно «гиперреальность», сфабрикованная средствами массовой информации, искусственно создаваемая – и без конца пересоздаваемая – ими (Ж. Бодрийяр). Главной тенденцией современной культуры является виртуализация всех ее сфер: произведения искусства не отражают реальность, не подражают ей, но маскируют отсутствие реальности; в сфере экономики вследствие кризиса перепроизводства происходит «развеществление» продуктов потребления – отныне человек потребляет не вещи, а знаки, символы определенного социального статуса, престижа; в науке критерий истинности сменяется критерием пользы, любое знание, полученное в рамках той или иной науки, осмысливается как относительное, носящее вероятностный характер.

Человек в современной философии также лишается своего величия. Отныне он не только не является «господином природы», но не властен даже в себе самом – в нем нет ничего такого, что не было бы ему навязано (извне – языком, образованием, системой норм и запретов, господствующих в данном обществе; изнутри – диктатом бессознательного). Рациональное начало в человеке не является главенствующим, поскольку оно вступает в противоречие с иррациональной сутью мира. Человека перестают осмыслять в качестве субъекта познавательной и преобразующей деятельности. Единственным достойным способом его существования и самоосуществления становится игра, в том числе игра в культуру (Ж. Деррида); творчество, понятое не как создание чего-то принципиально нового, а как свобода интерпретации – бытия, отдельных культурных норм, произведений искусства.

Глава 8

ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ (РУССКОЙ) ФИЛОСОФИИ

8.1. Особенности становления и развития философии в России

Истоки отечественной философской мысли восходят к тем далеким временам, когда на Русь вместе с христианской религией пришли письменность и литературное наследие Античности. Обращает на себя внимание поразительное быстрое освоение Киевской Русью мирового культурного наследия. Как известно, христианство на Руси было введено в конце X в. А уже через полвека, в середине XI столетия, митрополит *Илларион* создает оригинальное сочинение «Слово о законе и благодати», в котором размышляет о взаимодействии личности и государства, ставит вопрос о месте Руси в мировом историческом процесса, производит сравнение Ветхого и Нового Завета.

Русская культура со времени появления первых письменных памятников и вплоть до реформ Петра I развивалась иначе, чем западноевропейская. В западной культуре с древних времен доминировало индивидуальное начало, теоретическая мысль придавала большое значение обоснованию свободы и самостоятельности отдельной человеческой личности. Личность противопоставлялась коллективному и

государственному началу, духовная или церковная власть – светской государственности. Русское мировосприятие отличалось целостностью: личность не противопоставлялась коллективу, церковная власть – государственной, вера – разуму. В определенной мере такое мировоззрение было характерно для Византийской империи, откуда на Русь пришли христианство и письменность, но в российских условиях оно получило дальнейшее развитие и определило особенности русской общественной и философской мысли на протяжении многих столетий.

В силу отмеченных особенностей отечественной культуры философия на Руси долго не складывалась в отдельную, самостоятельную форму знания. Философские идеи фактически были рассыпаны в летописях, разного рода богословских и морально-назидательных сочинениях. Идеалы русского православия – гармония, соразмерность, уравновешенность – были идеалами традиционного общества. Поэтому, когда на Западе начали складываться буржуазные отношения, вносящие динамику в социальную и культурную жизнь этих стран, контраст между российским обществом и западным стал особенно резким. XVIII в. в русской истории – период попыток преодоления этого разрыва, сближения с европейской культурой. Но делалось это зачастую ценой забвения собственных святынь и традиций.

В XIX в. на почве усвоенной европейской образованности складываются условия для создания новой отечественной культуры, находящейся на уровне исторических требований того времени. Это выразилось в формировании литературы мирового уровня, а также музыки, живописи, а затем и философии.

8.2. Религиозно-этическая направленность русской философской мысли

Созревание философской мысли в России приходится на вторую половину XIX в. К этому времени западноевропейская философия завершила цикл, связанный с разработкой научного метода с постановкой и решением различного рода гносеологических проблем. Философия на Западе, за исключением позитивистских направлений, совершает так

называемый антропологический поворот, отходя от строгой системности и ориентации на гносеологическую проблематику.

В принципе нечто аналогичное мы наблюдаем и в русской философской мысли середины и второй половины XIX в. Здесь, как и на Западе, было подвергнуто критике рационалистическое видение мира, превращение реального человека в гносеологического субъекта. Достаточно, например, сравнить воззрения славянофилов с идеями немецких романтиков, а также с философией жизни от Шопенгауэра до Ницше и Дильтея. Специфика заключалась в том, что антропологические вопросы многие русские философы обсуждали в рамках религиозных понятий. Западная Европа к тому времени прошла длительный путь секуляризации в области экономики, политики и философской мысли. Религиозная тематика была вытеснена на периферию общественного сознания.

В Россию секуляризация была занесена извне, и потому она оказалась поверхностной и непоследовательной. Основная часть населения оставалась религиозной. Религия не исчерпала свой нормативный потенциал, тогда как на Западе ее функции стали выполнять политическая и правовая система. Русская философия в ее религиозном варианте отражала эту особенность своей страны. После преобладания в среде образованной публики идей нигилизма, материализма и позитивизма начинается так называемый религиозно-философский Ренессанс. Кроме того, сказалась неразработанность собственно теоретических основ православия, что побудило русских мыслителей восполнить этот мировоззренческий пробел. Поэтому если С. Н. Трубецкой ставит задачу «возродить веру отцов», то В. С. Соловьев стремится «оправдать веру отцов», т. е. поднять православную и, шире, христианскую теорию на современный уровень.

Для большинства русских философов, как материалистов, так и идеалистов, характерно преобладание антропологической и этической проблематики. В их поле зрения – цельная личность, в которой гармонично сочетаются все духовные силы: чувственные, рациональные, религиозные, нравственные и эстетические. Особо следует отметить нравственную проблематику, которая была в значительной мере обусловлена стремлением к преображению социального и природного

бытия; т. е. преодолению эксплуатации, отчуждения от Бога и своей сущности, к победе над смертью.

8.3. Проблема места России во всемирно-историческом процессе

Для русской общественно-политической и философской мысли характерна историософская тематика. Это означает, что в ее поле зрения постоянно присутствуют вопросы о смысле исторического процесса и месте в нем России. Уже митрополит Илларион в «Слове о законе и благодати» (XI в.) касается этих вопросов в связи с оценкой решения князя Владимира о крещении Руси. В предельно четкой форме эта тема звучит в концепции псковского монаха Филофея «Москва – Третий Рим», согласно которой Московское государство является наследником и преемником двух мировых империй – Римской и Византийской.

В XV–XVII вв. идеологи православной церкви создают учение о Святой Руси – защитницы и носителя единственно верной формы христианства – православия. В XVIII в. в результате реформы Петра и в начале процесса секуляризации на смену этому учению приходит идея Великой России.

По мере роста могущества русского государства и его вхождения в контекст европейской политики все большую остроту приобретает вопрос о взаимоотношении России и Западной Европы. Полярные точки зрения по этому вопросу были выражены славянофилами и западниками, однако начало полемики было связано с публикацией первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева (1836).

Попытки определить место России в мировой истории содержатся в книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», в статьях В. С. Соловьева «Три силы» и «Русская идея», в многочисленных публикациях К. Леонтьева, Н. Бердяева, Л. Карсавина и других русских мыслителей. Последний по времени оригинальный ответ на данный вопрос мы находим в движении евразийцев, во главу угла поставивших евро-азиатское «месторазвитие» нашей страны.

8.4. Славянофильство

Отрицание П. Я. Чаадаевым какого-либо вклада России в мировую культуру вызвало бурную полемику в русской общественной мысли и

положило начало двум идейным течениям: славянофильству и западничеству. С деятельностью славянофилов обычно связывают рождение самосознания русской культуры и формирование оригинальной национальной философии.

Основателями славянофильства были А. С. Хомяков (1804–1860) и И. В. Киреевский (1806–1856). Славянофилы, в противовес Чаадаеву и западникам, стремились указать на преимущества русской жизни, культуры, политики в сравнении с Западной Европой. Эти преимущества они усматривали в общинном устройстве, православной вере, самодержавном принципе. Русской жизни и культуре, по их мнению, присущи органичность и целостность. И, напротив, они осуждали европейскую культуру и образ жизни за чрезмерный рационализм, индивидуализм и дехристианизацию. По мнению славянофилов, историческое призвание России состоит в указании должного пути для всех народов и, в первую очередь, западноевропейских.

Славянофилы создали оригинальное учение о «цельном знании», гармонично сочетающем веру и разум. Вера рассматривалась как главное условие целостности человеческого духа. В воззрениях славянофилов важное место занимает понятие соборности. В узком смысле оно подразумевает особый характер христианских догматов, которые формируются и хранятся не отдельными представителями церковной иерархии, а соборным, т. е. общим, сознанием всех членов церкви. В более широком смысле соборность означает такой принцип общественной жизни, который гармонизирует интересы отдельной личности, социальной группы и общества в целом. Соборность в интерпретации Н. Бердяева – это «общение в любви». В этом смысле славянофилы противопоставили соборность западному индивидуализму, который, по их мнению, пагубен для нормальной жизни общества. В своей критике чрезмерных притязаний рационализма, в поиске духовных основ жизнедеятельности нации славянофилы опирались на идеи немецких романтиков и на философию Шеллинга.

8.5. Западничество

Западничество – течение в русской философской и общественной мысли в середине XIX. – включало либеральное и радикальное

направления. Западники критически оценивали социально-политический строй России, ее духовное состояние и полагали, что страна должна идти путем западноевропейских народов, максимально используя их исторический опыт и достижения во всех сферах жизни.

Если либеральное крыло западников (Т. Н. Грановский, В. П. Боткин, В. Д. Кавелин) выступало за трансформацию России путем реформ и просвещения, то радикальное (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев) склонялось к революционным средствам. Либералы особенно подчеркивали позитивную роль права в странах Запада, которое обеспечивало свободу личности, условия для хозяйственной инициативы, развитие образования и науки.

В специфических российских условиях либеральное направление западничества было, по выражению Н. А. Бердяева, «бесцветным» и не получило значительного распространения. Радикальное же было, напротив, многоликим и влиятельным. Из него вышли нигилисты, народники, анархисты, а затем и русские марксисты. Слабой стороной западничества был абстрактный подход к социальному развитию, игнорированию специфики российского общества, его культуры, экономики, исторического пути.

Следует отметить, что по некоторым признакам идеология западничества сближалась со славянофильством. Так, поздний Герцен резко критиковал западноевропейский капитализм, народники, опираясь на его идеи, полагали, что Россия пойдет к социализму, минуя капитализм, то есть своим особым путем. Русские марксисты (большевики) также верили в особую миссию России в реализации программы мировой революции.

Спор между славянофилами и западниками не окончен. В своеобразной форме он продолжается и в условиях современной России.

8.6. Основные идеи философии всеединства В. А. Соловьева

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – русский философ-идеалист, мистик и поэт. Первый русский философ, создавший оригинальную систему – *философию всеединства*. Суть ее – в стремлении преодолеть разделенность, противоборство в земном мире, достичь гармонии и единства с миром Божественным. Идея философии всеединства своеобразно реализуется Соловьевым в учении о бытии,

познании, церкви, человеку. Вследствие грехопадения мир представляет собой разрозненные элементы бытия, находящиеся в состоянии противоборства и удаленные от Божественной полноты. Этот мир должен быть преобразен на путях богочеловеческого прогресса и должен обрести единство с Богом. Разделенность познания, проявляющаяся в различных его формах – философии, эмпирических науках и мистической интуиции, должна быть преодолена в результате создания «цельного знания» или «свободной теософии». Любовь означает единство двух противоположностей – мужчины и женщины. Наконец, разделенность христианских церквей и народов преодолевается на путях их объединения в «свободной теократии». Идеи философии всеединства получили развитие в творчестве П. Флоренского и С. Франка.

Учение о человеке, антропология в системе Соловьева органично дополняет его онтологию. Наиболее ярко и оригинально эти идеи изложены в небольшой работе «Смысл любви». Философ полагает, что разделение людей по половому признаку на мужчин и женщин – выражение их неполноты и ограниченности. Именно поэтому в людях так или иначе проявляется стремление к воссоединению. Свое максимальное и высшее выражение это стремление получает в любви, которая преодолевает разделенность людей и связанный с этим животный эгоизм. Однако ее значение этим не ограничивается. Она имеет поистине космические масштабы. Подлинная любовь, пишет В. Соловьев, «производит и освобождает духовно-телесные токи, которые постепенно овладевают и материальной средой, одухотворяют ее и воплощают в ней те или иные образы всеединства». Любовь, таким образом, побеждает смерть, преобразует несовершенство мира, приближает к Богу, к состоянию всеединства.

Важным элементом философской системы Соловьева является учение о Софии – Божественной Мудрости, Вечной Женственности, вдохновлявшее А. Блока и А. Белого. Представляют интерес эсхатологические идеи Соловьева о конечных судьбах мира, об активной борьбе со злом (полемика с идеей непротивления злу Л. Толстого). Основные сочинения: «Чтения о Богочеловечестве», «Оправдание добра», «Философские начала цельного знания», «Смысл любви», «Три разговора».

8.7. Русский космизм

Русский космизм – направление в русской философии, в основе которого лежит идея единства космоса и человека, макрокосма и микрокосма, представленная Николаем Федоровичем Федоровым (1829–1903), Константином Эдуардовичем Циолковским (1857–1935), Владимиром Ивановичем Вернадским (1863–1945) и др. Характерная черта русской философии – антропоцентризм – выражена здесь как антропокосмизм, выдвигающий в качестве цели познания поиски целостности, единства всех сторон природной, космической реальности и человеческого духа. Осознание бесконечности космического пространства и времени, казалось бы, ведет к признанию незначительности и ограниченности человеческих существ. Однако, если рассматривать космическую эволюцию с точки зрения человеческого сознания и мышления, т. е. того центра, где собственно и сложились представления о космосе, картина принимает совсем другие очертания. Вселенная не способна созерцать и познавать себя иначе, как глазами и мышлением человека. Человек играет роль измерителя и интерпретатора вселенной. Материя в этом контексте не может пониматься как неживая, ибо содержит в себе свойство организовывать сложные материальные объекты, в том числе и биологические, включающие в себя и те, которые обладают памятью и мышлением. Развитие и самопознание человека являются частью вселенского, космического процесса, которая способна осознавать себя. Проблема соотношения человека и космоса, их взаимодействия, роль разума во вселенной, а в конечном счете поиск вселенского смысла бытия, составляют проблемное поле русского космизма.

Н. Ф. Федоров известен как создатель «философии общего дела», основанной на своеобразном синтезе науки и неканонически понятого христианства, пропагандирующей воскрешение всех умерших предков. Основная идея его философии состоит в том, что Господь создал человеческое существо как незавершенное, как то, которое еще только должно стать, сделаться усилиями и действиями самого человека. Начало человечества тесно связано с осознанием своей смертности, конечности, зависимости, случайности. Действия человека направлены на то, чтобы обеспечить продление жизни, расширить ее область, исключить

случайность, т. е. имеют в своей основе стремление к бессмертию. Стремление к бессмертию, согласно Федорову, есть стремление к воскрешению. Смерть познается в утратах, прежде всего в утрате отцов, которые выполняли значимую функцию пробуждения, призыва к действию, сохранения общества, рода человеческого. «“Во имя отца” держались все сыны в общем духе». Бессмертие достигается в целостности мира, которое обеспечивается отсутствием столкновений отдельных его частей, ведущих к разрыву, разъединению и смерти. «Воскрешение, как акт совершающийся, объединяет не только все религии, все исповедания, оно объединяет в одном действии, во всеобщей родственной, праотеческой любви как верующих, так и сомневающихся, ученых и неученых, сословия, город и село». Объединение всех людей ради достижения бессмертия и есть общее дело человечества.

К. Э. Циолковский – основоположник космонавтики, человек, создавший реактивный двигатель, – главным своим достижением считал «космическую философию», раскрывающую смысл жизни, цели и перспективы человечества в космических масштабах. Смысл видится им в управлении жизнью и природой таким образом, чтобы все чувствующее было счастливо. Вселенная определяется как единый, бесконечно сложный организм, включающий в себя иерархию космических структур разного уровня организации – от атомов до метagalactic. Она имеет свою причину и волю. Эта причина гораздо выше самого космоса, так как способна создавать (разрушать) вещество и энергию. Причина «есть высшая любовь, беспредельное милосердие и разум, и причина, и органические существа вселенной и их разум составляют одну и ту же любовь». Вселенная – живая, в ней протекают процессы, которые компенсируют умирание и разрушение. Все космические тела состоят из мельчайших материальных частиц – атомов, обладающих способностью чувствовать и подверженных бесчисленному ряду воплощений в разных природных структурах. Все в мире непрерывно перемещается и преобразуется. Бессмертие человека состоит в бессмертии составляющих его атомов.

В. И. Вернадский – один из мыслителей, положивших начало учению о ноосфере – высшем эволюционном состоянии биосферы, которое характеризуется тесным взаимодействием общества и природы, основанном на разуме. История человечества может рассматриваться как

единый большой земной (геологический) процесс. Человечество неразрывно связано с биосферой, ее материально-энергетической структурой. В ходе геологического времени живое вещество закономерно изменяется морфологически, что в свою очередь приводит к изменению его химического состава. Эволюция живого вещества идет в определенном направлении: по меньшей мере на протяжении двух миллиардов лет наблюдается рост центральной нервной системы (мозга), начиная от ракообразных и кончая человеком. Раз достигнутый в ходе эволюции уровень мозга уже не идет вспять, только вперед. Человек является мощной геологической силой, способной освоить для жизни любое место на нашей планете и, возможно, в космосе. Мощь человечества определяется не его материей, но его разумом и направленным этим разумом трудом. Вернадский отмечает, что геологический эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей, которое нельзя нарушать.

8.8. Оценка смысла и направленности научно-технического прогресса Н. Ф. Федоровым, К. Э. Циолковским, В. И. Вернадским

Научно-технический прогресс является неотъемлемой частью развития человечества. Именно благодаря нему человек возвышается над своей природной/животной основой.

Н. Ф. Федоров неоднозначно относится к научному знанию. Оно, по его мнению, является мертвым. Дело всеобщего воскрешения, к которому призывает мыслитель, происходит на современном ему этапе только умозрительно: собираются различные культурные памятники с целью их изучения и восстановления образа мира в мысли древних людей; наука воспроизводит жизнь в лабораторных условиях; человечество созерцает небесные и земные условия, от которых зависит его жизнь. Но нельзя ограничиваться только мысленным восстановлением мира. И нельзя принять за действительный/истинный тот образ мира, который нам предлагает наука, ибо он указывает на нашу смертность. Необходимо умозрительное научное знание сделать общедоступным, чтобы народ, «не лишенный ни чувства, ни воли, живущий сердцем и нуждающийся в деятельности», смог использовать его для дела всеобщего воскрешения. Анализ, как научный метод, по Федорову, делает знание мертвым, так как

расчленяет объект исследования, лишает его целостности и связей с миром. Необходим синтез, так как «воскресение все собирает, восстанавливает и оживляет, тогда как философия все разделяет, все отвлекает и тем умерщвляет». При этом Федоров признает, что анализ – это необходимый этап познания, «ибо прежде нужно все разложить, разделить, чтобы потом сложить и соединить, так как только смертью может быть поправа смерть».

К. Э. Циолковский исходит из того, что научно-технический прогресс – существенный фактор в эволюции космоса. После осуществления глобального преобразования солнечной системы, которое возможно исключительно на основе научных знаний, человечество распространит сферу своего влияния во вселенной в качестве носителя абсолютного разума и счастья. Выход в космос с одной стороны, – естественный закон развития человечества, с другой – его моральный долг. Циолковский утверждает, что является материалистом, придерживается строго научного подхода и опирается исключительно на достижения и авторитет точных наук (математики, физики, химии, биологии), отказываясь от любого неясного, оккультного, спиритического знания. Однако его понимание материи предполагает всеобщую одушевленность всех природных структур (панпсихизм). К тому же, ища причину и принцип вселенной, Циолковский приходит к идее Бога и космической этики, которая никак не может быть обоснована наукой.

В центре исследований **В. И. Вернадского** находятся философские и методологические проблемы науки: соотношение эмпирического и теоретического уровней познания, природа научного знания, социальные функции науки, этика науки, а также закономерности перехода биосферы в ноосферу и др. Методологически он опирается на точно установленные научные и эмпирические факты и обобщения, изредка допуская рабочие научные гипотезы. Так, например, в место слишком широкого понятия «жизнь», которое включает не только научные представления о ней, но и философские, религиозные, художественные, он вводит понятие «живого вещества» (совокупность живых организмов), которое представляет собой научное, эмпирическое обобщение всех известных и легко наблюдаемых фактов. Вернадский различает логику философскую и логику естествознания: первая – логика Аристотеля – исходила из анализа

правильного пользования понятий, вторая «должна прежде всего научить правильно строить – описать понятием – естественное тело или естественное явление, причем совсем не безразлично, где оно имеет место – в биосфере или в небесном пространстве». Логика естествознания, согласно Вернадскому, еще не разработана. «Описательное естествознание имеет дело не со словами и понятиями, а с выраженными словами и понятиями реальными объектами биосферы, целиком доступными проверке всех его органов чувств. Это – естественные тела (организмы, минералы, почвы, горные породы и т.д.), которые могут и должны быть исследуемы и уточняемы не только логическим выводом из неизменного слова или понятия, а из реального естественного тела, главное содержимое которого не охвачено понятием или словом». Словесные понятия естествознания варьируют в своей точности до бесконечности, чего нет в абсолютно точных понятиях математических наук или формально-логически точных философских понятиях. «Когда мы имеем дело со словесным понятием, не имеющим за собой конкретного реального тела или конкретного реального процесса в биосфере, например, отвлеченным математическим, научным, философским понятием (энергия, сила, личность, ум, человек, лошадь, зверь, птица и т. д.), мы можем считать, что словами можем его охватить до конца и можем совершенно спокойно и безопасно из этих слов, отвечающих таким понятиям (идеям), делать логические выводы тоже до конца. Выводы, сделанные логически правильно сейчас или сто лет назад, не будут в чем-нибудь существенном один от другого отличаться». В этом состоит принципиальная разница между логикой естествознания и формальной логикой теоретических наук.

8.9. Религиозно-экзистенциальная философия

Н. А. Бердяева (1874–1948), проблема свободы и творчества

Н. А. Бердяев – русский религиозный философ, персоналист. В студенчестве примыкал к марксистам, затем перешел к неокантианству и религиозной философии. Главные темы философии Бердяева: свобода человека («Философия свободы», 1911), творчество («Смысл творчества», 1916). Созданная им система экзистенциальной христианской философии призвана объяснить проблему активности и свободы личности. Согласно

Бердяеву, свобода – первооснова бытия. Однако в реальном мире господствует объективация, упраздняющая свободу человека.

Именно в творчестве человек ощущает себя свободной личностью, по крайней мере, на какой-то момент. Однако результаты творчества неизбежно включаются в земной круговорот идей и вещей, объективируются. В этом заключается трагическая участь человека, и преодоление ее Бердяев связывает с переходом земного бытия в принципиально иное состояние, близкое по смыслу евангельскому Царству Божьему. Философ отрицает теорию прогресса в любом ее варианте, он далек даже от умеренного оптимизма В. Соловьева. Отсутствует у него также характерная для многих русских религиозных философов идея синергии – сотрудничества Бога и человека в деле преобразования материального мира.

Подобно всем романтикам, этот русский философ отстраняется от реального мира, его мысль и чувства устремлены за горизонт земной жизни к таинственным и загадочным сферам бытия.

Человек освобождается лишь в процессе творчества. Эти темы разрабатывались Бердяевым и в эмиграции в следующих трудах: «Я и мир объектов» (1934), «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация» (1947). История русской общественной и философской мысли представлена в работе «Русская идея». Обобщенная характеристика взглядов Бердяева дана в его автобиографии «Самопознание» (1948).

8.10. Особенности восприятия и трактовки марксистской философии в России

Различные слои российского философского сообщества во второй половине XIX в. – первой четверти XX в. воспринимали и трактовали марксизм по-разному, в том числе ряд авторов знаменитого сборника «Вехи» (1909): Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве и другие так называемые «легальные марксисты». Что же привлекло их к марксизму? Объективно-закономерный ход истории, постулируемый К. Марксом. Однако довольно скоро указанные мыслители вскрыли религиозно-пророческий подтекст коммунистического идеала, выдвинутого Марксом, и в «Вехах» отказались от марксизма.

Руководители российской социал-демократической партии (В. И. Ленин и др.) клеймили «веховство» как ренегатство. Но и трактовка В. И. Лениным идей Маркса была неадекватной. Ленин приспособлял эти идеи для теоретического оправдания захвата политической власти в одной отдельно взятой стране – России. В то время как Маркс полагал, что коммунизм может победить – более или менее одновременно – лишь в ряде наиболее развитых (по сравнению с Россией) стран, когда капиталистический строй исчерпает возможности своего развития.

Таким образом, употребление термина: «марксизм–ленинизм» является не вполне адекватным по сути дела. В социал-демократии России существовали и иные, помимо ленинской, интерпретации марксизма: А. А. Богданов, А. В. Луначарский и др.

Глава 9

УЧЕНИЕ О БЫТИИ

9.1. Бытие, материя, движение

Понятие «бытие». В широком смысле категория бытия означает существование и материальных, и духовных объектов. Быть – значит существовать. В истории философии понятие бытия всегда играло очень важную роль. Осмысливая существующее как бесконечное множество качественно различных вещей, мыслители задумывались над тем, что происходит с ними после того, как они исчезают, т. е. прекращают свое существование. Конечность вещей, их ограниченность в пространстве и времени невозможно было осмыслить без категории небытия. Признание небытия выступало формой осмысления преходящего характера вещей, неизбежности их качественного изменения.

Категории «бытие» и «небытие» – это самые первые философские понятия, с помощью которых пытались отразить сущность окружающего нас мира. Не случайно в античной философии признавался тезис о том, что рассуждать о смерти (небытии) – значит философствовать. Позже скептик Монтень перевернул этот тезис, так что у него получилось: «...философствовать – это значит учиться умирать» (Монтень М. Опыты. /

М. Монтень. – М.; Л., 1958. Кн. 1. – С. 102.). В нашу эпоху этот тезис был подхвачен и своеобразно переосмыслен экзистенциализмом.

Формирование философии как формы общественного сознания происходило в эпоху возникновения понятий бытия и небытия, материи, субстанции, когда ставился вопрос о том, что есть окружающий нас мир сам по себе, что получится если осмыслить этот мир, не прибегая к понятию «бог».

Вся совокупность вопросов, связанных с понятиями «бытие», «материя», «субстанция», «движение», «пространство» и «время» обозначается понятием «онтология» (от греческого *ontos* – сущее и *logos* – учение).

Фундаментальным вопросом онтологии является вопрос об общих принципах организации бытия. Для того чтобы как-то подступиться к решению этой сложной задачи, зададимся вопросом более простым: каким образом можно перевести любую вещь из состояния присутствия в сфере бытия, существования в состояние отсутствия в одной? Ответ очевиден – путем разрушения. Разрушив, например, вот этот стол, мы имеем ножки и крышку, из которых он состоял, но самого стола мы уже не имеем. Следовательно, существование стола, как и любой другой вещи, образуют не его составные части, но совокупность тех устойчивых связей, которые связывают эти части воедино.

Поразмыслив над этим примером, можем сделать следующие выводы относительно природы бытия.

Мы видим, что тот вообще-то загадочный, непонятный в своей основе мир, который нас окружает, есть все же скорее порядок, чем хаос. Все вещи связаны между собой многообразными связями. В свою очередь, любая вещь есть продукт внутренних связей, образующих ее элементы и так далее. Связи сохраняются определенное время, разрушаются, образуются вновь. В своей совокупности все многообразие связей образует мировой строй, мировой порядок. Для любой вещи быть, существовать означает быть в строю мирового порядка, занимать в нем свое определенное место: среди всего подвижного многообразия связей и взаимодействий, взаимовлияний сохранять преемственность определенного, именно данной вещи присущего набора, «рисунка» устойчивых связей ее элементов.

Конкретные свойства тех или иных форм и видов бытия, т. е. устойчивых связей определенного типа, например, атомных, молекулярных, биоорганических, социальных и тому подобное, изучают конкретные науки – физика, химия, биология, социология и др.

Философию интересует наиболее общая, фундаментальная природа бытия, сами истоки мирового порядка. Поскольку истоки бытия существования не даны нам в устойчивом повседневном опыте (ни в житейском, ни в научном), о свойствах «фундамента» бытия мы можем строить только возможно более осмысленные гипотезы.

В философском знании сложились два основных подхода к пониманию природы всеобщей основы существования – субстанции.

Первый подход рассматривает проблему субстанции со стороны выяснения отношений понятий бытия и сознания. Здесь выделяются идеалистическое и материалистическое направления в понимании истоков природы окружающего нас мира. *Идеалистическое направление* предполагает, что до и независимо от мира вещей существует особая идеальная реальность – источник и гарант мирового порядка, по своей природе сходная с человеческим сознанием, – абсолютная идея, мировой разум и т. п.

В качестве абсолютного средоточия гармонии и порядка идеальная реальность гарантирует наличие устойчивости, упорядоченности и целесообразности в среде текучего многообразия связей и взаимодействий мирового целого и является, таким образом, субстанцией, т. е. всеобщей основой существования мира вещей.

В отличие от идеалистического *материалистический подход* не признает какого бы то ни было существующего до и независимо от мира вещей особого источника и гаранта мирового порядка. Для материализма в мире нет ничего, кроме движущейся материи, и, следовательно, материя сама себя организует, сама «кристаллизует» конкретные формы своего существования.

С этой точки зрения, все вещи мира связаны своего рода «круговой порукой», ибо являются одновременно и источником мирового порядка, и его результатом.

Таким образом, материалистический подход полагает в качестве всеобщей основы существования, *субстанции* мира вещей – *материю* –

самоорганизованное и самоорганизующееся множество объектов мирового целого, некоторое подмножество которого дано нам в опыте нашего восприятия.

Второй подход к пониманию природы субстанции исследует бытие со стороны проблемы его внутреннего единства.

В зависимости от способа решения этой проблемы выделяются монистическое, дуалистическое и плюралистическое направления в понимании фундаментальных начал бытия.

Монистическое направление исходит из представлений об абсолютном внутреннем единстве бытия. При этом идеализм настаивает на существовании специального носителя и гаранта внутреннего единства бытия – мирового разума, мировой роли и т. п. Материализм, напротив, отрицает существование особой субстанции – носителя единства бытия, утверждая, что единство мира обеспечивается универсальностью одних и тех же всеобщих принципов и законов взаимодействия, движения и развития бытия.

Дуалистическое направление утверждает, что в мире существуют две не сводимые друг с другом субстанции – идеальное и материальное, которые имеют разную природу, развиваются по своим собственным законам, но способны влиять друг на друга.

Наконец, плюрализм – философское направление, полагающее, что окружающий нас мир имеет не один и не два, а бесконечное множество фундаментов-субстанций, каждая из которых живет своей самостоятельной, только ей присущей жизнью.

Отнюдь не утверждая, что современная наука дает нам исчерпывающее полное описание реального положения дел в мире, отметим, что самая строгая и авторитетная картина мира XXI в. – научная картина мира – тесно связана именно с материалистическим подходом в философии.

Наиболее последовательная философская школа современного материализма – диалектический материализм – дает обобщенное философское понятие: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (Ленин В.И. Полн. собр. соч.,

т. 18, с. 131). Это определение не содержит указания на ту или иную вещь или конкретное свойство. В целом объективная реальность есть и вещь, и свойство, и отношение в их органическом единстве. Материя как объективная реальность соотносится со своей противоположностью – субъективной реальностью, т.е. сознанием.

Привлекая результаты современной науки, рассмотрим формы и виды бытия (мирового порядка) как формы организации материи.

Материя всегда обладает определенной организацией, она существует в виде конкретных материальных систем. *Система* – это комплекс взаимодействующих элементов. *Элемент* – это далее неразложимый компонент системы при данном способе ее рассмотрения. *Структура* – это совокупность устойчивых отношений и связей между элементами. Структурность – неотъемлемый атрибут всех существующих систем.

Понятие системы и элемента соотносительны. Всякая система может быть элементом еще большего образования, в которое она входит. Точно также и элемент выступает в качестве системы, если учитывать его структурность, наличие более глубоких структурных уровней материи. Но эта соотносительность понятий не означает, что системы придуманы человеком для удобства классификации явлений. Системы существуют объективно как упорядоченные целостные образования.

Можно выделить следующие основные типы материальных систем и соответствующие им структурные уровни материи: в неживой природе – элементарные частицы (включая античастицы) и поля, атомные ядра, атомы, молекулы, агрегаты молекул, макроскопические тела, геологические образования, Землю и другие планеты, Солнце и другие звезды, местные скопления звезд, Галактику, системы галактик, Метагалактику, границы и структура которой еще не установлены.

В живой природе существуют внутриорганизменные и надорганизменные биосистемы. К первым относятся молекулы ДНК и РНК, как носители наследственности, комплексы белковых молекул, клетки (состоящие из подсистем), ткани, органы, функциональные системы (нервная, кровеносная, пищеварения, газообмена и др.) и организм в целом. К надорганизменным системам относятся семейства организмов, колонии, различные популяции – виды, биоценозы, биогеоценозы, географические ландшафты и вся биосфера.

В обществе также существует большое количество типов взаимопересекающихся систем: человек, семья, различные коллективы (производственные, учебные, научные, спортивные и др.), сообщества людей, объединения и организации, партии, классы, государства, системы государств и общество в целом.

Эта классификация является весьма общей и далеко не полной, так как на каждом структурном уровне можно выделить дополнительно большое количество взаимопроникающих материальных систем, возникающих на основе различных форм связей и взаимодействия элементов.

Факторы, определяющие целостность систем, непрерывно усложняются по мере восходящего развития материи. В неживой природе целостность систем определяется ядерными (в атомных ядрах), электромагнитными и гравитационными силами связи. Система будет целостной в том случае, если энергия взаимодействия между ее элементами больше суммарной кинетической энергии этих элементов совместно с энергией внешних воздействий, направленных на разрушение системы. В противном случае система не возникнет либо распадется.

В живой природе дополнительно к этим факторам целостность определяется информационными процессами связи и управления, саморегуляции и воспроизводства биосистем на разных структурных уровнях.

Целостность социальных систем определяется многочисленными социальными связями и отношениями (экономическими, политическими, социально-классовыми, национальными, этническими, культурными, семейными и т. д.).

Классификация основных форм материи по типам материальных систем и соответствующих им структурных уровней материи является наиболее точной и детализированной. Наряду с этим распространена классификация форм материи по ряду фундаментальных физических свойств. Так, прежде всего выделяется вещество – совокупность частиц, макроскопических тел и других систем, обладающих определенной массой покоя. Реально существует также антивещество, состоящее из античастиц (антипротонов, позитронов, антинейтронов и др.), которое иногда неправильно называют антиматерией. Атомы и молекулы из античастиц

при отсутствии обычных форм вещества могут быть устойчивыми и образовывать макроскопические тела и даже космические системы («антимир»). В них законы движения и развития материи будут аналогичны тем, которые проявляются в окружающем нас мире.

Кроме того, существуют невещественные виды материи – электромагнитные и гравитационные поля, а также нейтрино и антинейтрино различных типов. Они не обладают конечной массой покоя.

Следует отметить, что поле и вещество нельзя противопоставлять, так как поля существуют в структуре всех вещественных систем и объединяют их элементы в целостность.

Философское учение о материи и формах ее бытия служит методологическим фундаментом для научных исследований, разработки целостного научного мировоззрения и соответствующей трактовки открытий науки. При этом оно само постоянно совершенствуется и углубляется. С прогрессом научного знания формируются новые категории и законы, все более полно отражающие действительность, которая всегда будет сложнее всех наших самых совершенных представлений о ней.

Движение и его основные формы. Структурность материи, существование в ней определенного типа материальных систем предполагает взаимодействие как внутреннее, так и внешнее по отношению к каждому выделенному объекту. Взаимодействие приводит к изменению его свойств, отношений, состояний. Все эти изменения, рассмотренные в самом общем плане, представляют собой неотъемлемую характеристику бытия материального мира. Изменение в философии обозначается понятием движения. Под движением материи понимаются в философии любые взаимодействия, а также изменения состояний объектов, которые вызываются этими взаимодействиями. Движение – это и взаимное превращение элементарных частиц, и расширение Метагалактики, и обмен веществ в клетках организма, и обмен деятельностью между людьми в процессе их социальной жизни.

Основными свойствами движения являются его универсальность и противоречивость. Эти свойства тесно связаны друг с другом.

В самом деле, свойство универсальности движения можно выразить в виде следующего тезиса: быть – это значит изменяться.

Однако не менее справедлив и антитезис: быть – это значит сохраняться, не разрушаться, сохранять в той или иной форме неизменными главные свойства вещи.

Синтезируя оба тезиса, получаем итоговое выражение: быть – это значит сохранять изменения в определенном состоянии.

Например, вот этот стол сейчас покоится передо мною. В то же время стол полон внутренних движений тех частиц, из которых он состоит. Эти движения, однако, возвращаются «на круги своя», поскольку стол при этом остается все тем же столом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что явление сохранения движения в определенном состоянии чаще всего реализуется на базе так называемой возвратной изменчивости, когда серия взаимных изменений и взаимодействий возвращает процесс в исходное состояние.

В качестве примера простейших природных реализаций механизма сохранения определенного состояния движения можно указать на столь распространенные в природе вращательные и колебательные процессы.

Таким образом, понятие покоя представляет собой обозначение тех состояний движения, которые обеспечивают стабильность предмета, сохранение его качества. Поэтому покой относителен, а движение абсолютно, оно есть неотъемлемое свойство – атрибут материи.

Особо подчеркнем тот факт, что важнейшие свойства движения, связанные с его противоречивостью, такие, как единство изменчивости и устойчивости, потенциального и актуального и другие являются одновременно фундаментальными принципами любых процессов самоорганизации. Это позволяет рассматривать движение в качестве универсальной среды организации мирового порядка. Весьма абстрактное в своей всеобщности понятие движения обретает при этом более конкретный характер: движение рассматривается здесь как переход от одного качества к другому, изменение качественного состояния предмета. Это может быть разрушение предмета, распад его на составляющие элементы, которые представляют собой особые качества, возникающие в результате преобразования исходного предмета. Но может быть и более сложный процесс, когда благодаря взаимодействию объекты образуют более сложную систему, новый объект. Процессы, связанные с преобразованием качества предметов, с появлением новых качественных

состояний, которые как бы развертывают потенциальные возможности, характеризуются как развитие.

Под развитием в философии понимается уже не просто любое изменение состояния вещи, но и процесс необратимого, определенно направленного преемственного изменения структуры вещи, генерирующий ее новое качество.

В случае, если новое, появившееся в результате процессов развития качество отличается от исходного большей жизнеспособностью, гибкостью, сложностью, способностью к дальнейшему развитию, богатством реализованных возможностей, насыщенностью смыслом, то можно сказать, что развитие в этом случае является прогрессивным, если же новое качество более примитивно по сравнению с исходным, то говорят о регрессивном развитии.

Развитие необходимо отличать от схожего с ним по внешним признакам процесса развертывания.

Развертывание – это процесс реализации определенной программы воплощения в том или ином материале заранее заданного качества, образа вещи. Рост кристалла, рост растения, развитие зародыша животного во взрослый организм, планомерная производственная деятельность – примеры развертывания.

В отличие от развертывания в процессе развития, как уже отмечалось, происходит становление качественно нового, ранее не бывшего состояния, а не просто реализация в материале уже имеющегося в том или ином виде образа предмета.

Например, случайные мутации в генотипе организма могут привести к появлению у него новых признаков, которые закрепляются естественным отбором и передаются по наследству, что в свою очередь, может привести к образованию нового биологического вида.

Таким образом, развитие представляет собой нелинейный, вероятностный и необратимый процесс самоорганизации, характеризующийся относительной непредсказуемостью результата.

Наиболее общие принципы и законы развития являются предметом исследований особой философской дисциплины – диалектики.

С конкретно-научной точки зрения принципы и законы саморазвивающихся, самоорганизующихся систем исследуются одним из новых направлений современного естествознания – синергетикой.

Главная идея синергетики – принципиальная возможность спонтанного возникновения порядка и организации из беспорядка и хаоса в результате процесса самоорганизации.

Традиционная наука в изучении мира делала акцент на замкнутых системах, обращая особое внимание на однообразие, однородность, статические устойчивость и порядок. Синергетический подход, напротив, подчеркивает тот факт, что реальные процессы в природе принципиально неравновесны и нелинейны. Основное внимание синергетика уделяет изучению таких сторон мира, как его нестабильность, многообразие путей изменения и развития, раскрывает условия существования и устойчивого развития сложных структур, позволяет моделировать их скачкообразные изменения, катастрофические ситуации и т. п.

Синергетика убедительно показывает, что даже в неорганической природе существуют классы систем, способных к самоорганизации. История развития природы – это история образования все более и более сложных нелинейных систем. Такие системы и обеспечивают всеобщую эволюцию природы на всех уровнях ее организации – от низших и простейших к высшим и сложнейшим (человек, общество, культура).

Формы движения материи. Соответственно иерархии форм материи существуют качественно разнообразные формы ее движения. В основу классификации положены следующие принципы: 1) формы движения соотносимы с определенным материальным уровнем организации материи, т. е. каждому уровню такой организации должна соответствовать своя форма движения; 2) между формами движения существует генетическая связь, т. е. форма движения возникает на базе низших форм; 3) высшие формы движения качественно специфичны и несводимы к низшим формам.

Формы движения можно разбить на три блока соответственно трем важнейшим этапам развития материи и трем возникшим в этом развитии сферам материального мира: неживой природе, живой природе, обществу.

В неживой природе выделяются следующие формы движения: пространственное перемещение; движение элементарных частиц и полей;

движение и превращение атомов и молекул; изменения в структуре макроскопических тел; геологические формы движения; изменения космических систем. В живой природе: совокупность жизненных процессов в организмах и надорганизменных системах. В обществе – деятельность людей.

9.2. Пространство и время

Предельно общие свойства, выражающие структурную организацию материального мира, – свойства объектов быть протяженными, занимать место среди других, граничить с другими объектами – выступают как первые, наиболее общие характеристики пространства. Если их абстрагировать из действительности, отделить от самих материальных объектов, то мы получим представление о пространстве как таковом. Именно так и складываются представления о пространстве и понятие пространства, возникающие как результат активного взаимодействия человека с внешним миром, в ходе которого выявляются перечисленные ранее предельно общие особенности его структурной организации. Понятие пространства имеет смысл лишь постольку, поскольку сама материя дифференцирована, структурирована. Если бы мир не имел сложной структуры, если бы он не расчленялся на предметы, а эти предметы в свою очередь не членились на элементы, связанные между собой, то понятие пространства не имело бы смысла. Таким образом, понятие пространства возникает в результате деятельности человека, в ходе которой он обнаруживает особенности структурной организации мира.

Аналогичным образом можно выявить содержание понятия времени. Материальный мир состоит не только из структурно расчлененных объектов. Эти объекты находятся в движении и развитии, они представляют собой процессы, которые разворачиваются по определенным этапам. В них можно выявить качественные состояния, стадии, сменяющие друг друга. Одна стадия по сравнению с другой может наступать быстрее или позже. Такие особенности процессов характеризуются понятием длительности. Сравнение различных длительностей является основой для количественных мер, выражающих скорость разворачивания процессов, их ритм и темп. Если эти характеристики абстрагировать от самих процессов

и рассмотреть отношения длительности как некоторые самостоятельные признаки процессов, то мы получим представление о времени как таковом. Представление о времени и понятие времени имеет смысл лишь постольку, поскольку мир находится в состоянии движения и развития; если бы материя была вне движения, понятие времени не имело бы смысла.

Основные проблемы понимания сущности пространства–времени. Обсуждение вопроса о сущности пространства и времени в истории философии распадалось на три группы проблем. *Первое* – каков гносеологический статус этих понятий? Являются ли они характеристиками бытия или характеризуют устройство нашего сознания? То есть ставился вопрос об объективности или субъективности пространства и времени. *Второе* – каково отношение категорий пространство и время к категории материя? *Третье* – каковы основные свойства пространства и времени?

По первой проблеме одни философы считали пространство и время объективными характеристиками бытия, другие – чисто субъективными понятиями, характеризующими наш способ восприятия мира; были философы, которые, признавая объективность пространства, приписывали чисто субъективный статус категории времени, и наоборот.

По второй проблеме в истории философии две точки зрения: субстанциальная и реляционная концепции пространства и времени. *Субстанциальная концепция.* Пространство и время – это самостоятельные сущности. Они существуют наряду с материей и независимо от нее. Соответственно отношение между пространством, временем и материей мыслилось как отношение между двумя самостоятельными субстанциями. Это вело к выводу о независимости свойств пространства и времени от характера протекающих в них материальных процессов. *Реляционная концепция.* Пространство и время – это не самостоятельные сущности. Это системы отношений, образуемых взаимодействующими материальными объектами. Вне этой системы взаимодействий пространство и время считались несуществующими. В этой концепции пространство и время выступают как общие формы координации материальных объектов и их состояний. Соответственно допускается зависимость свойств пространства и времени от характера взаимодействия материальных систем.

С точки зрения признания объективности пространства и времени обе эти концепции равноценны. С точки зрения естественнонаучной обоснованности в XIX в. преимущество имела субстанциальная концепция: она лежала в основе ньютоновской механики, в электродинамике в ее пользу работала гипотеза светоносного эфира, который заполняет абсолютное пространство и является носителем электромагнитных волн. Наконец, сильнейшим свидетельством в пользу субстанциальной концепции пространства–времени был факт единственности евклидовой геометрии. В 1830-х гг. Лобачевский открыл неевклидову геометрию, но до открытия общей теории относительности она рассматривалась как воображаемая математическая конструкция.

В этих условиях диалектический материализм во второй половине XIX в., исходя из принципа материального единства мира, отдавал предпочтение релятивной концепции пространства–времени. Он определил пространство и время как коренные формы бытия материи – как ее всеобщие атрибутивные свойства. Допущение самостоятельности существования пространства и времени вступает в противоречие с принципом всеобщей взаимосвязи и взаимообусловленности материальных явлений, ведет к расчленению представления о мире на отдельные формы, никак не связанные друг с другом.

Количественные аспекты взаимозависимости свойств пространства и времени и связи их свойств с материей представлены в современной науке в теории относительности. Теория относительности состоит из двух частей: Специальной теории относительности (СТО; 1905 г.) и Общей теории относительности (ОТО; 1916 г.). В СТО установлено, что геометрические свойства пространства–времени зависят от распределения в них гравитационных масс. Эйнштейн пишет: «Суть такова: раньше считали, что если каким-нибудь чудом все материальные вещи исчезли бы вдруг, то пространство и время остались бы. Согласно же теории относительности вместе с вещами исчезли бы и пространство и время».

По третьей проблеме, т. е. о свойствах пространства и времени, существует относительное единство мнений. Общие свойства пространства и времени, объективность и всеобщность, вытекают из их характеристики как форм существования материи.

Пространство имеет свойства: протяженность, непрерывность, однородность (отсутствие в нем каких-либо выделенных точек), изотропность (равноправность всех направлений), мерность.

Время имеет свойства: длительность, непрерывность, одномерность, необратимость (при обратном течении времени причинная связь оказывается невозможной), однородность.

Поскольку пространство и время обладают гораздо большей общностью, чем наполняющие их материальные объекты, постольку основные свойства пространства и времени не нарушаются в самых различных условиях. Например, такие свойства, как мерность пространства, одномерность, однонаправленность времени, однородность и изотропность пространства и времени, не нарушаются нигде в сфере обыденного человеческого опыта. Подобная неизменность, устойчивость свойств пространства и времени связана с их фундаментальностью, с тем фактом, что они отражают глубинные закономерности бытия, фундаментальные свойства материи.

Диалектический подход допускает зависимость основных свойств пространства и времени от характера взаимодействия материальных систем, но не любых, а лишь тех, которые носят фундаментальный, глубинный характер: указанные свойства пространства и времени могут измениться при изменении фундаментальных свойств известных нам видов материи (например, при изменении состояния и свойств физического вакуума).

Проблема размерности пространства–времени и его бесконечности.

Пространство–время нашего мира имеет четыре измерения: три из них характеризуют пространство и одно – время. Чтобы задать положение тела в пространстве, достаточно трех координат, а временная характеристика события определяется одной координатой. Иначе говоря, пространство имеет размерность 3, а время – 1.

В истории философии и естествознания эти свойства пространства и времени не раз пытались объяснить и обосновать. Например, средневековые схоласты, опираясь на учение пифагорейцев и Аристотеля, стремились объяснить трехмерность пространства соображениями о совершенстве мира. К линии, образующей длину, может быть присоединена ширина, и тогда образуется поверхность; путем

присоединения высоты получается тело, но наглядно представить переход к другим измерениям невозможно, а поэтому утверждалось, что трехмерность дает совершенство и целостность. К этому добавлялись рассуждения о священном статусе числа 3, поскольку все в мире имеет начало, середину и конец.

Галилей, критически рассматривая эти «доводы», саркастически замечал, что если число 3 признать совершеннее, чем 4 или 2, то тогда трудно понять, почему, например, у животных и человека нет трех ног. Утверждения о невозможности мыслить пространство больше, чем в трех измерениях, Галилей справедливо считал простым обобщением опыта. Тем самым было зафиксировано, что трехмерность пространства и одномерность времени должны быть поняты прежде всего как опытный факт.

Новый подход к проблеме трехмерности пространства был намечен И. Кантом, который пытался связать размерность пространства с фундаментальными особенностями движения тел. Идея Канта опережала свой век, поскольку естествознание не располагало достаточными возможностями для конкретизации и развития этой идеи. Такие возможности появились в науке XX. Первый шаг был сделан в 1920-е гг. в работах австрийского физика П. Эренфеста, показавшего, что трехмерность пространства является условием существования устойчивых связанных систем, состоящих из двух тел. В пространстве более трех измерений такие системы невозможны, в нем не существовало бы замкнутых орбит планет и не могли бы образовываться планетные системы. Впоследствии этот вывод был обобщен применительно к атомам и молекулам. Было показано, что только в трехмерном пространстве возможно образование электронных оболочек вокруг ядра, существование атомов, молекул и макротел. Таким образом, выясняется, что многообразие видов материи в нашей Метагалактике тесно связано с такой фундаментальной характеристикой пространства–времени, как его размерность 3 плюс 1.

Проблема многомерности пространства в несколько иной постановке имеет давнюю историю. Она активно обсуждалась в науке XIX в. в связи с разработкой идеи многомерных пространств в математике и применением геометрических образов многомерного пространства при решении

различных научных задач. Точка зрения, согласно которой пространства, имеющие более трех измерений, являются абстракциями, но не реально существующим пространством природы, получила довольно широкое распространение. Однако сейчас она требует корректировки.

В современных концепциях супергравитации размерность 3 плюс 1 рассматривается как результат так называемой компактификации, т. е. из развития предшествующих многомерных пространственно-временных структур, характеризующих состояние физического вакуума.

Новейшие представления о развитии материи необходимо учитывать при рассмотрении и такой философской проблемы, как проблема бесконечности мира в пространстве и времени.

Часто бесконечность пространства и времени рассматривается как чисто количественная характеристика. Математическим образом такой бесконечности служит бесконечный натуральный ряд чисел, когда можно неограниченно прибавлять все новые и новые единицы, получая сколь угодно большие числа. Оказалось, что бесконечность материи в пространстве и времени нужно понимать не в чисто количественном, а в качественном смысле. Это значит, что на разных уровнях организации материи можно столкнуться с качественно различными структурами пространства и времени.

Таким образом, понятия пространства и времени можно определить следующим образом:

пространство – это наиболее общая закономерность, фундаментальный порядок сосуществования материальных состояний, универсальная мера устойчивости в движении;

время – это наиболее общая закономерность, фундаментальный порядок смены материальных состояний, универсальная мера изменчивости в движении.

ДВИЖЕНИЕ И РАЗВИТИЕ. ДИАЛЕКТИКА

10.1. Понятия движения и развития

Категорией «движение» мы обозначаем всякие изменения в природе. Изменение положения тел в пространстве, возвышение знаний человека в процессе обучения, перестройка общества в результате революции, появление новой техники в результате внедрения в производство достижений науки – все это примеры движения.

Категорию «движение» (как и любые другие) удобно характеризовать по следующим пунктам: 1) общее определение; 2) объективность; 3) абсолютность; 4) относительность. Общее определение мы уже дали.

2) Объективность движения. Существует ли движение в природе, или его нет, и это лишь наша иллюзия? Субъективный идеализм заявляет об искусственности, зависимости от нас этой категории. Бывают ли изменения в вещах, мы сказать не можем, просто наш познавательный аппарат устроен так, что мы не можем видеть их иначе, как движущиеся, изменяющиеся. Так, движение, по Канту, – априорная, доопытная категория нашего рассудка. Объективный идеализм и материализм отвечают на этот вопрос утвердительно: изменения – объективное свойство мира, и мы отражаем его категорией «движение».

3) В мире нет ни движущихся, ни изменяющихся предметов. «Все течет, всё изменяется», – говорил еще древний Гераклит. Мир существует за счет, посредством изменений; эта мысль – результат обобщения массы эмпирических наблюдений, и она имеет практически аксиоматическую достоверность. За всю историю познания не было найдено ни одного ее опровержения. Движение в природе, таким образом, абсолютно.

4) Относительность движения проявляется в наличии у него разнообразных свойств. Прежде всего, движение обнаруживается (и объективно существует) только относительно предметов, систем отсчета, принятых за покоящиеся. Относительно Земли мы неподвижны, но вместе с нею движемся вокруг Солнца. В таком случае можно даже сказать, что покой абсолютен, а движение относительно.

Кроме того, у движения имеются различные *формы*, соответствующие уровням организации природы. Философия различает следующие формы движения в природе: механическое, физическое, химическое, биологическое и социальное. Между ними наблюдается как преемственность, так и качественная несводимость высших форм движения к низшим.

Наконец, движение может быть неупорядоченным, хаотическим (броуновское движение молекул в газе), когда не происходит изменений в уровне организации системы. Но может быть и направленным, последовательным. В таком случае мы имеем дело с прогрессом либо регрессом – повышением сложности предмета либо с его деградацией. И то и другое – формы *развития*.

10.2. Диалектика как общая теория развития

Очевидные для практического сознания движение и развитие представляют большие трудности для теоретического их описания. Использование привычной для нашего обыденного сознания формальной логики приводит к их отрицанию. Формальная логика допускает в мышлении только однозначные, непротиворечивые высказывания, предметы мысли берутся ею как неизменные, всегда равные самим себе, предметы неспособны к саморазвитию, не могут нести причины своих изменений в самих себе, причины всегда находятся вне предмета и действуют только из прошлого в будущее и т. д. Пользуясь только этой логикой, античный философ Зенон Элейский в своих апориях (парадоксах, буквально «безвыходностях») доказывал, что человек (Ахиллес) не может догнать даже черепаху. Рассуждения тут таковы. В момент старта Ахиллеса и черепаху разделяет определенное расстояние. Придя в точку старта черепахи, человек видит, что рептилия проползла некоторое расстояние. Процедура повторяется – и так до бесконечности. Вывод из этого парадокса понятен: либо нет движения, либо для его описания необходима какая-то другая логика. Эта логика должна исходить из того, что движение – это не сумма моментов покоя и движущийся предмет в любой момент не находится в какой-либо точке, а *проходит* ее, т. е. нигде определенно не находится, он как бы размазан в пространстве.

Еще сложнее описать развитие. Это ведь появление нового. Откуда оно появляется? Если из старого, то оно не ново, а если оно действительно ново, то это значит, что оно появилось из ничего. Не зная логики, способной преодолеть это противоречие, люди склоняются к категориям чуда, творения. Поэтому, например, религия всегда отрицала органическую эволюцию. Не может, по применяемой ею логике, из одного животного вида появиться другой, он должен быть только специально сотворен. Природа тут мертва и нуждается для своего движения во внешних сверхприродных стимулах.

Однако еще древние (Гераклит, Аристотель) заметили, что природа внутренне жива, она изменяется и развивается за счет собственных внутренних сил – борьбы противоположностей, имеющих в каждом предмете. Аристотель заявил, что логика, которой мы повседневно пользуемся, способна описывать только покоящиеся, не развивающиеся предметы. Эта логика следит за правильностью вывода, производимого из посылок, принятых в качестве истинных. Но истинность этих посылок она проверить не в состоянии. Он называл мышление по этой логике рассудочным, рассудком и заявлял о возможности и необходимости другого уровня мышления – разума, который пользуется специально вырабатываемыми *категориями*. Аристотелевская таблица категорий – провозвестие новой логики, которую позже развивали Николай Кузанский, Вико, Спиноза, Кант, Гегель, марксизм.

Эта логика и есть диалектика – логика, обнаруживающая в мышлении категории, способные описать предметы как движущиеся и развивающиеся. Эта логика описывает мышление, отражающее и изучающее развитие. Следовательно, она становится логикой самого развития, общей теорией развития мира. Диалектика не отменяет формальную логику, просто сферы их внимания разные. Первая отражает статику мира, вторая – его динамику и прогресс.

10.3. Принципы диалектического понимания мира

Являясь общей теорией развития мира, диалектика, как и любая теория, имеет свои принципы, законы и категории. Принципы теории – это ее исходные идеи, становящиеся основаниями дальнейших рассуждений. Эти идеи могут формулироваться умозрительно, и тогда наука приобретает

субъективистский характер, но они могут быть и результатом широких эмпирических обобщений, и тогда научное исследование становится собственно отражением закономерностей действительности. Диалектика, следовательно, может быть идеалистической (Платон, Гегель, Кант, Фихте) и материалистической (Гераклит, Аристотель, Спиноза, марксизм). Основными принципами материалистической диалектики являются следующие.

Принцип материального единства мира. Природа, чтобы развиваться, должна быть единственной, самодостаточной, суверенной. Нет потусторонних, нематериальных сфер и миров, руководящих миром материальным. Весь мир един и представляет собой единую живую развивающуюся систему, каждый ее элемент существует не сам по себе, а в единстве закономерностей и связей всей мировой системы. Оторванный от этой целостности, предмет теряет способности изменяться и развиваться, он становится мертвым, как часть тела, отделенная от целостного организма.

Принцип всеобщей связи и развития. Каждый предмет (каждый уровень организации мира) связан со всеми другими, в каждом присутствуют, отражены свойства и процессы всех других областей мира. Макрокосм – в микрокосме. Этот принцип был сформулирован еще древней философией. Мир развивается как единая взаимосвязанная сложная система, а не представляет собой взаимопараллельную попредметную «самоорганизацию» «открытых диссипативных систем», как это представляет синергетика.

Принцип противоречия. Развитие мира, каждого его предмета происходит не в результате внешних влияний (для мира в целом это был бы потусторонний бог), а только как результат внутренних противоречий – столкновения его собственных внутренних свойств, сторон, тенденций существования, и победы одной из них. В движении мысли (познания) это проявляется как восхождение от односторонних абстрактных знаний к синтезу противоположных точек зрения, идей, концепций.

Принцип историзма. Гегель отмечал, что предмет, взятый в отрыве от его истории (без учета всего его прошлого и всего его будущего), представляет собой лишь труп. Созерцательная фиксация только настоящего – это позитивистский эмпиризм, лишаящий науку

возможности видеть предмет в его реальной жизни – в его динамике и развитии и, следовательно, не позволяющий ей проникнуть в сущность предмета. Особенно важен этот принцип для понимания общества, человека. «Структурно-функциональный анализ», господствующий в сегодняшней позитивистской социологии, – убедительный тому пример.

Другие принципы – *системности, детерминизма, практики как критерия истины, активности субъекта познания* и другие – вводятся и используются диалектикой по мере необходимости.

10.4. Механизм и закономерности развития

Согласно Г. Гегелю, у всякого развития имеются три важнейших особенности, или признака, которые описываются тремя важнейшими законами диалектики.

Признаки развития	Законы диалектики
Источник развития, которым является борьба внутренних противоположностей	Закон единства и борьбы противоположностей
Способ, механизм развития, которым является накопление количественных изменений, приводящих к изменению качества предмета	Закон перехода количественных изменений в качественные
Направленность всякого развития от низшего в высшему, накопление положительного, движение по спирали	Закон отрицания отрицания.

Закон единства и борьбы противоположностей использует категории «противоположность», «единство противоположностей», «борьба противоположностей», «абсолютность борьбы противоположностей и относительность их единства», «формы борьбы противоположностей: тождество, различие, противоречие, конфликт». Освоение этих категорий позволяет правильно понять источник, движущую силу всякого развития.

Категории второго закона – «качество», «количество», «мера», «скачек» – раскрывают процедуру, внутренний механизм всякого развития. *Качество* – это неотъемлемая от существования предмета в определенной системе связей его характеристика. Одновременно это то, что познается в предмете первоначально, до его сравнения с другими предметами или с другими его состояниями – до его количественного изучения. В одной системе связей человек может выступать в качестве студента, в другой – в качестве сына своих родителей и так далее, и мы воспринимаем это непосредственно, до анализа степени развития данного качества в человеке. *Количество* – это степень развития качества. Одновременно количественные характеристики предмета – это признаки, безразличные для его существования в определенной системе связей. Для бытия в качестве студента безразлично, на каком он курсе, какие у него оценки в зачетке. Но вот студент развивается – учится. Накапливаются семестры учебы, наполняется зачетка. И тут обнаруживаются *границы* таких изменений. Нижняя граница – двойки в зачетке, верхняя – полное заполнение матрикула. Это и есть *мера* студенческого бытия. Выход количественных признаков за рамки меры – это *скачек* в новое качество: отчисленного за неуспеваемость либо инженера.

Категории третьего закона – «отрицание», «отрицание отрицания», «снятие». Всякое новое качество есть *отрицание* старого. Но для развития нужны не одно, а как минимум два отрицания, причем первое должно быть произведено таким образом, «чтобы второе, *совершаемое в том же направлении*, сохранилось или стало возможным» (Ф. Энгельс). Только в таком случае это будет *снятие* положительного из старого качества, т. е. развитие предмета, совершаемое по восходящей *спирали*.

10.5. Объективная и субъективная диалектика

Идеалистическая философия Гегеля представляла диалектику как самодвижение Абсолютной идеи (безличного разума, порождающего мир). Изменения в природе – простое следствие этого самодвижения. Материализм, принимающий диалектику как принцип миропонимания, заявляет о том, что процессы диалектического саморазвития протекают в самой природе, и эти последние отражаются человеческим сознанием в виде законов *субъективной диалектики*. «Так называемая *объективная*

диалектика, – писал Ф. Энгельс, – царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга либо в более высокие формы» (Энгельс Ф. Диалектика природы. / Ф. Энгельс. – М., 1955. – С. 166).

Субъективная диалектика – это диалектическая логика, применение которой более полно отражает сложные процессы природы, чем логика формальная. Так, последняя помогает лишь эмпирически фиксировать различные, противоположные, противоречащие друг другу стороны предмета и остроумно замечать их несовпадения. Мысль здесь остается на уровне явлений. Диалектическая логика позволяет производить синтезы противоположностей, восходя тем самым к сущностям предметов, порождающим эти противоположности. Гегель называл такое мышление *умом* (в отличие от *остроумия*). Так в мышлении используется закон единства и борьбы противоположностей.

Недиалектическое формальнологическое мышление способно накапливать все новые и новые факты, но, не пользуясь категориями перехода количественных изменений в качественные, меры и скачка, оно не в силах остановиться в этом эмпиризме. Диалектическая логика позволяет сделать перерыв в накоплении фактов и скачкообразно возвыситься до обобщения информации, поставляемой эмпирией. Так используется в мышлении второй закон диалектики.

Третий закон диалектики показывает, что всякое развитие мысли (собственно познание) совершается сначала как высказывание *тезиса*, отражающего некоторые наглядные свойства предмета, затем познание открывает другие, исключаящие первые свойства того же предмета – высказывается *антитезис*, за которым непременно должен следовать *синтез* тезиса и антитезиса: только это может дать истинное, глубокое, сущностное понимание предмета. Без этой диалектики сущности остаются непостижимыми.

Субъективная диалектика – диалектическая логика – имеет множество других законов, правил, категорий и принципов, отражающих диалектику объективную. В своей расширяющейся совокупности все они устремлены к наиболее полному охвату и правильному отражению мира.

10.6. Категории мышления как универсальный способ логического освоения мира

Категории – это наиболее общие понятия, в которых отражаются существенные признаки как всех предметов и явлений мира, так и мира в целом. Так, категориями являются понятия «причина», «форма», «качество», «количество», «взаимосвязь», «природа», «материя», «пространство», «время», «человек», «познание» и др. Категории предельно широки по объему (касаются широчайшего круга предметов) и предельно бедны по содержанию: они скорее лишь указывают на свойство предмета, чем содержательно его характеризуют. Категории чаще всего определяются друг через друга, и тогда об их содержании можно сказать очень немного, например, только, что форма – это то, что оформляет содержание, материя – то, что первично по отношению к сознанию, человек – высшее творение природы и т. д.

Человеческое мышление исторически имеет три ступени развития (они являются и тремя формами наличного человеческого мышления): мышление образное, понятийное и категориальное. Первое отражает непосредственную данность предметов, взятых порознь; второе проникает в сущности определенных классов предметов; третье схватывает всеобщие свойства мира. С его формированием можно говорить о становлении философского мышления общества, человека. Являясь отражением всеобщих свойств мира, философские категории становятся инструментами его познания.

Первоначально философия выделяла четыре-пять таких инструментов (Платон, Аристотель). И. Кант выработал целую таблицу, состоящую из 12 категорий. Гегель выдвинул идею открытой системы категорий, ветвящихся, порождающих друг друга, посредством которых человек видит всеобщее.

Все философские категории имеют ряд общих признаков. Прежде всего, они являются обобщенным отражением универсальных свойств природы. Это рассмотрено ранее. Во-вторых, они имеют объективный, отраженный характер. Неправ был Кант, который считал их «чистыми» понятиями индивидуального рассудка, данными человеку до опыта, «априорно». Поэтому, в-третьих, категории формируются не в

индивидуальном сознании, а лишь на уровне общественного сознания, в результате исторического развития познания. Они являются своеобразными ступенями обнаружения людьми всеобщих свойств природы. И, в-пятых, все они являются (и здесь прав Кант) инструментами познания и человеческой практики. Только владея определенными категориями, мы можем видеть те или иные свойства мира. Не владея, например, категорией энтропии, мы не видим в природе этого ее свойства, оно для нас просто не существует.

Позитивистская философия признает только единичные определения и частные понятия конкретных наук. Философские категории она считает «неверифицируемыми» и потому бессмысленными. Это «метафизика», которая должна изгоняться из науки (по аналогии с лозунгом Ньютона «Физика, бойся метафизики!»). Однако всякая философия, стремящаяся быть научной, сохраняет в своем составе дискурс о категориях, в том числе и о категориях диалектики.

10.7. Диалектическая связь единичного и общего

Категорией «единичное» мы обозначаем наличную данность предмета во всем богатстве его свойств и связей. Категорией «общее» («всеобщее») – то физически или логически одинаковое, однообразное, что связывает единичные предметы в нечто общее – систему, целое.

При внешней простоте этих категорий в их употреблении в науке и в жизни кроются серьезные трудности и искажения. Прежде всего, это вопрос: что считать общим? Ранее указано: «Общее – физически или логически одинаковое...» Это и определяет разделение трактовок общего. Обыденное сознание и философы-позитивисты считают, что общим может быть только первое: например, одинаковые черты лица у родственников объединяют их в семейную общность. Однако Гегель называл такое понимание общего *абстрактным* и заявлял, что философия и наука должны быть в состоянии иметь дело с *конкретно общим* в мире. Конкретно понятое общее – это обнаружение в предметах их общей логики, общего закона их объединения в единую общность. Тогда в систему целого смогут входить и физически неодинаковые и даже противоположные по свойствам предметы, тогда весь мир можно представить как единую противоречивую систему, способную к

внутренним противоречиям и саморазвитию, прогрессу. В противном случае мир – только хаос предметов, связанных в группы внешними одинаковыми признаками, хаос, не способный к движению и развитию.

Второй вопрос: что первично, что главенствует в мире – единичное или общее? Современный позитивизм (как и средневековый номинализм) однозначно утверждает первичность, суверенность, «права» единичного, пренебрегая ценностью общего. Это очевидная философская основа мировоззренческого и житейски-политического индивидуализма. Единичное абсолютизируют сегодня также экзистенциализм, феноменология, прагматизм, философская антропология. Противоположная позиция – средневековое и современное завышение роли и значения общего, так называемый *средневековый реализм*. Он столь же очевидно является теоретической основой другого политического направления – тоталитаризма, господства общего над единичным. Правильное решение здесь заключается в понимании единства, взаимопроникновения, синтеза единичного и общего. Единичное богаче общего, но общее важнее единичного. Единичное входит в состав общего, но и общее присутствует в единичном как его «частичка, сторона или сущность» (В. И. Ленин).

Как ни странно, эта в сущности нехитрая диалектика единичного и общего до сих пор является камнем преткновения для очень многих современных политиков, естествоиспытателей, деятелей искусства, да и философов. В той или иной разрозненности либо слитности люди жили всегда; научиться жить в *единстве* – явно очень трудное дело. («Когда народы, распри позабыв, в *единую* семью соединятся», – А. С. Пушкин.)

10.8. Диалектическая связь сущности и явления

Сущность и явление – категории диалектики, отражающие внутреннюю основу, закон существования предметов (*сущность*) и внешние проявления этой основы, наличное бытие предмета (*явление*). Объективный идеализм (Платон, Гегель) представляет сущности как независимые от предметов начала, имеющие самостоятельное существование. Сущностью мира в таком случае является трансцендентный миру бог. Субъективный идеализм (Кант, современная феноменология) представляет сущности логическими конструкциями,

проецируемыми человеком на предметы. Диалектический материализм заявляет, что сущность не есть некое отдельное от предмета начало, реализующееся в предмете, а представляет собой единство всех *его* проявлений. Сущность объективна и внутрипредметна (для природы в целом – внутриприродна).

Явления не существуют сами по себе как самостоятельные процессы или предметы, они вытекают из сущности предмета, и потому их познание невозможно без их соотнесения с сущностями. Вопреки такому пониманию позитивистский эмпиризм абсолютизирует явления, отрицает наличие сущностей, отождествляет сущность с бытием предмета, т. е. с внешними его проявлениями, считает, что описание, каталогизация явлений достаточна для полного познания предмета. Такой эмпиризм используется и в *экзистенциализме*: здесь сущность человека представлена как следствие его существования («экзистенции»), которое свободно, ничем не обусловлено, субстанциально, онтично.

Диалектика (соотношение) сущности и явлений заключается в том, что «сущность является, явление существенно» (Гегель). При этом сущность, не являясь особой сверхпредметной субстанцией, не «нависает» над предметом, не диктует ему извне формы его существования (средневековый реализм, современный тоталитаризм), и в то же время явления существуют не сами по себе (средневековый номинализм, современный либерализм), а лишь в их соотнесенности, связи и обусловленности со стороны сущности. Сущность не существует сама по себе, она – сущность *этих* предметов, явлений; явления не существуют сами по себе, они – проявления *определенной* сущности.

Познание сущности и явлений также требует учета их взаимосвязи. Наука – это не просто фиксация эмпирии, а непрерывное проникновение знаний в сущности сквозь оболочку явлений. При этом диалектика явлений такова, что они всегда противоречат друг другу, это противоречие скрывает от нас сущности. Если бы этого не было, наука была бы не нужна: сущности были бы равны явлениям. Наука, проникая в сущность, обнаруживает противоречия в самой этой сущности, дающие противоречивость явлений.

Необходимость познания сущностей отрицается современной *феноменологией*: человеку достаточно пользоваться «интенциональными»

объектами, т. е. теми воображаемыми «мирами», которые он строит в своем сознании в результате отвлечения («феноменологической редукции») от предметов внешнего мира. По сути это кантовский *априоризм* и одновременно *прагматизм*: истинно (значимо для человека) только то, что полезно.

Категории сущности и явления имеют большое мировоззренческое и практически-политическое значение. Абсолютизация сущностей – теоретическая основа современного тоталитаризма, абсолютизация явлений – основа плюрализма и либерализма. Правильно проведенная диалектика сущности и явления в политической и социальной жизни – основа гармоничной организации общества.

10.9. Форма и содержание

Для понимания развития важны также категории формы и содержания. *Содержание* (развивающегося) предмета определяется достаточно просто – это все, что находится в предмете, то, из чего он состоит, единство всех элементов объекта, его свойств и внутренних процессов. *Форма* – внутренняя организация предмета, порядок связи его элементов и одновременно способ выражения содержания, внешнее его проявление.

В процессе развития содержание представляет собой подвижную, динамичную сторону предмета, содержание меняется раньше, чем форма, форма консервативна, всегда отстает от постоянно изменяющегося содержания. Так, содержательная сторона, элементный состав такого «предмета», как развивающийся студент, совершенствуется непрерывно, форма внешнего проявления остается постоянной – он все тот же студент. С ходом времени эта форма начинает тяготить человека, он претендует, например, на работу по специальности, а ему отвечают, что *студентов* не берем. Это становится стимулом поскорее сбросить эту форму и приобрести новую, соответствующую требуемому содержанию. То же может происходить в политической жизни, когда меняющееся содержание политических процессов заставляет менять формальные стороны работы – тактику, текущие лозунги. То же происходит и в движении мысли: накапливающаяся эмпирия научных

исследований требует своего выражения в новых формах – отчетах, докладах, диссертациях.

При всей своей вторичности форма оказывает активное воздействие на содержание. Добрые чувства могут быть высказаны в неадекватной форме, делающей непонятным для окружающих содержательную сторону поступка. Это случай, когда «благими намерениями вымощена дорога в ад».

Чрезвычайно важна диалектика формы и содержания в искусстве. В свое время Платон рекомендовал искусству вовсе игнорировать форму: не важно как ты поешь, важно – о чем. Другая крайность – формализм, когда становится неважным содержание и потребителю искусства предлагается только смаковать формальные его моменты, то, «как это сделано».

Подобное может происходить и в научном исследовании, когда недостатки его формы (например, математического оформления) смещают исследование к гипотетическим догадкам или увлечение формальным эмпиризмом делает исследование никому не нужным.

10.10. Превращенная форма

Форма близка к категории явления, она, как было указано, выявляет содержание, представляет предмет вовне. Было также указано, что явления могут не только демонстрировать, но и скрывать сущности. Форма, искаженно представляющая содержание, называется *превращенной формой*. Простым случаем такого искажения является, например, ложное представление о суточном вращении Земли, когда говорят, что Солнце «всходит и заходит». Более сложным – представление о том, что в классовом обществе могут существовать политические партии, выражающие интересы «всего народа». Формой, превратно выражающей метафизические (всеобщие) устремления и чувства человека, является религия. Превращенными формами труда являются деньги, прибавочная стоимость, капиталистическая прибыль. Эти последние поверхностному созерцанию представляются не связанными с трудом, не являются результатом эксплуатации труда наемного работника. Научное отображение подлинной субстанции этих превращенных форм – человеческого труда – здесь отсутствует.

Превращенная форма, будучи оторванной от содержания, представляется чем-то самостоятельно существующим, некоей самодостаточной субстанцией. Так на основе представлений об оторванности денег от человеческого труда строится иллюзия чистого их самовозрастания в результате биржевых или рыночных спекуляций: деньги якобы самовозрастают, делаются «из воздуха», не взвинчивая конфликт между трудом и капиталом. В результате теряется из виду сам подаваемый формой предмет: на место предмета как системы, порождающей формы, становится квазипредмет – сама превращенная форма.

Превращенные формы, представляя себя самостоятельными субстанциями, обеспечивают стабильность системы и противодействуют ее изменениям: в них нет внутренней динамики и противоречий, они принимаются на веру, не подлежащую сомнениям. Однако с ходом своего развития система сбрасывает эти ложные формы. Люди обнаруживают вращение земли вокруг своей оси, раскрывают тайну капиталистического накопления, земную основу мистификации метафизики человеческого бытия и т. д.

Задача познания (науки) – вскрывать внутреннее содержание предметов и искать адекватные ему формы. Остановка исследования на уровне фиксации (описания) эмпирически данных превращенных форм ведет к «вульгарному типу научности» (К. Маркс).

В то же время в реальном историческом процессе превращенные формы подчас выступают в качестве реальной социальной силы: таковы объединяющие возможности религий, значимость фактора харизматического лидерства (тоже превращенная форма коллективизма) и т. п. Однако это скорее касается стихийных социальных процессов. Развитие культуры, научного человеческого самосознания снижает социальную действенность превращенных форм.

10.11. Часть и целое

Ч а с т ь и ц е л о е – соотносительные категории, обозначающие отношение между совокупностью предметов (*целое*) и отдельными его элементами – *частями*.

Прежде всего, необходимо утвердиться в понимании реальности, объективного существования не только отдельных предметов, но и целостных их объединений. Современный позитивизм (и позитивистски мыслящие социология, психология, экзистенциалистская философия, прагматизм, феноменология и другие) по существу не признает реальности целостных систем. Первично и самодостаточно, по их представлениям, существуют лишь отдельные предметы, понятие целого в этих системах рассуждений условно, искусственно.

Диалектика настаивает на реальности целостных систем как носителей свойств, не сводимых к свойствам составляющих их частей. Отдельные птицы на юг не летят, эта способность возникает у них только в целостной системе стаи. Отдельный человек не способен научиться речи, мышлению, даже прямохождению – это свойства целого, они возникают в целостной системе общества и делегируются человеку, вкладываются в него извне в процессе воспитания. Высшие психические функции человека – речь, память, мышление, самосознание и другие – являются не результатом развития природных качеств, принимаемых в качестве «задатков», «предрасположенностей», «талантов» и тому подобное, только результатом направленного воспитания в ребенке этих функций обществом. Таков пафос педагогической доктрины советского психолога-диалектика Л. С. Выготского, теоретически полностью разгромившего господствовавшую в его эпоху педологию.

Диалектика целого и частей является одним из вечных камней преткновения в истории понимания развития, в особенности общественного. С чего начинается последнее? С чего надо начинать, желая придать обществу импульс развития – с изменений, инноваций на уровне целого или с модификаций, локального развития частей? Изменяется ли сначала целое, делегируя затем собственные новации отдельным людям («реформы сверху»), или же наоборот – первично развиваются люди, каждый человек, и они вносят тем самым каждый свою лепту в копилку общества, которое в таком случае выступает в качестве некоего фильтра или механизма «естественного отбора» наилучших индивидуальных новаций? За примером последнего далеко ходить не надо: новейший учебник Московского университета (Асмолов А. Г. Психология личности.

/ А. Г. Асмолов. – М., 2002) дает как истинную картину именно такого «естественного отбора».

В основе первой крайности лежит, несомненно, объективный идеализм: общее как внешняя духовная сущность творит для себя свое отдельное: сущность частей находится в целом. В основе второй – субъективный идеализм: целого вообще нет, есть только частные индивиды, их сущность находится в них самих, существуют только отдельные предметы, обладающие собственной онтичностью, а то, что некая диалектика называет целым, не более как механическая проекция (фикция) самостийных самодвижений того, что диалектика называет «частями». Они не части, не винтики целого, они суверенные самости, уникальные, неповторимые, несущие свою сущность только в самих себе и т. д.

Диалектический материализм преодолевает подобную формальнологическую дихотомию. Мир не разорван на извне воздействующие друг на друга крайности целого и частей. Целое состоит из *своих* частей, части принадлежат *своему* целому. Целое (например, общественное), являясь реальным субъектом социальных инициатив, в то же время не имеет собственной головы или рук и ног – они есть только у отдельных людей. И тогда становится ясно, что целое живет не само по себе, а жизнью этих людей, им делегирует и поручает для исполнения свои новации и системные качества. Части, отдельные люди в обществе не в состоянии жить человеческой жизнью вне системы целого, сама их *человеческая* сущность проистекает не из них, а из целого. Люди нуждаются в целом как источнике своей сущности, и они делегируют целому эту свою потребность, поручают ему быть первичным по отношению к ним же. Здесь нет однозначной физической, временной первичности того или другого, нет курицы либо яйца. О первичности здесь можно говорить только в гносеологическом, исследовательском смысле. В реальности существует состоящее из частей целое или, что то же самое, составляющие целое части. Единый предмет, единая система как носитель, субъект процессов, а не воздействующие извне друг на друга *разные* субъекты – «целое» и «части».

10.12. Причина и следствие

Определения этих категорий достаточно просты. *Причина* – это явление, действие которого влечет за собой другое явление. Соответственно последнее называется *следствием*. Категории «причина» и «следствие» отражают в нашем сознании генетические связи мира, существующие в нем в процессах его движения и развития.

Здесь необходимо также утвердиться в понимании реальности в природе причин и следствий и объективности содержания этих категорий. Конечно, как и все другие, эти категории являются условиями организации нашего опыта (по Канту), но они не являются лишь игрой нашего «чистого разума», они – результаты человеческого опыта, хотя, конечно, не индивидуального, а общечеловеческого и общеисторического.

Далее следует утвердиться в диалектическом понимании этих категорий. Вопреки механическому пониманию причинности как одностороннего воздействия причины на следствие и пассивности следствия, причинность следует понимать как *взаимодействие* между причиной и следствием на основе обратных связей с возможностью перестановки местами причины и следствия. Следствие не является пассивным осадком взаимодействия, оно всегда взаимодействует с причиной и изменяет ее. Кроме того, любое следствие в свою очередь становится причиной следующих процессов и их следствий.

Отсюда понятна абсолютность наличия в природе причин и следствий. Нет ни беспричинных явлений, ни «первых», либо «последних» причин. Мир бесконечен в своих причинно-следственных связях, бесконечен во времени и пространстве.

Необходимо признавать разнообразие причинно-следственных связей в природе. В макромире они одни, это чаще всего привычные нашему обыденному сознанию динамические (силовые) взаимосвязи, когда причина «работает» из прошлого в настоящее и находится вне и до следствия. В микромире эти связи причудливо иные. Там, согласно данным современной физики, следствие может опережать причину, быть неоднозначным, «веерным» и т. д. В человеческом обществе наблюдается идеальная, целевая причинность, когда наши цели, будучи потенциальным следствием наших действий, становятся реальными причинами наших

действий, направленных на достижение этих целей. Непризнание этой диалектики (этого противоречия) ведет к мистификации социальной причинности, утверждениям о том, что наши цели не вытекают из нашей реальной жизни, а являются феноменами чисто духовными и извне, из потусторонних сфер управляют нами. В отношении природы в целом такой никак не связанной с природой целью является потусторонний творец. В науке, в частности, в биологии, такое представление об оторванности целей от материальной природы порождает так называемый *витализм*, который вовсе не историческая давность, а реально противостоящая научной биологии позиция, распространенная и сегодня.

10.13. Причинность и ее свойства

Причинность есть принцип, или учение диалектики об объективной закономерной генетической связи между отдельными состояниями видов и форм материи в процессах ее движения и развития.

Причинность (детерминизм) – объективное и одновременно универсальное (абсолютное) свойство мира. В мире нет беспричинных, ничем не обусловленных предметов или процессов и нет разрывов во всеобщей причинно-следственной связи.

Эта связь не только объективна и абсолютна, но в то же время и относительна. В ней наблюдаются различные формы, соответствующие сферам бытия, в которых они протекают, либо способам и темпам их протекания. Так, причинно-следственные связи бывают материальные и идеальные, физические и химические, биологические и социальные, однозначные (динамические) и неоднозначные (вероятностные, статистические), внешние и внутренние, главные и неглавные, всеобщие, особенные и единичные и т. д.

Далее, связь между причиной и следствием всегда опосредствована условиями: в разных условиях одна и та же причина может давать различные следствия. Следовательно, любая причина несет в себе некоторый веер возможностей, реализуемых при тех или иных условиях. Кроме того, в мире существуют не только причинно-следственные (генетические) связи, но еще и связи корреляции, функциональные, симметрии-асимметрии, топологические и т. д.

10.14. Детерминизм и индетерминизм

Детерминизм – философская позиция, принцип, или учение о всеобщности, абсолютности и объективности причинно-следственных связей в мире. Наряду с этой позицией в мировой философии наблюдается и противоположное мнение о невсеобщности, неабсолютности детерминизма. Это позиция *индетерминизма*. Первая позиция связана с диалектикой, обосновывается при помощи диалектической логики, всего арсенала ее принципов, законов и категорий. Вторая проистекает из использования в миропонимании только однозначной, формальной, механической логики, не способной объяснить сложные противоречивые свойства реальной природной причинности.

Так, применяя лишь формальную логику, древние приходили к отрицанию движения (апории Зенона Элейского). Руководствуясь той же логикой, религия оказывается не в состоянии объяснить возникновение человеческого сознания, человеческой духовности. Ведь материя не дух, и, следовательно, она не может породить свою противоположность – человеческое сознание. Животное не человек, и, следовательно, никакая его эволюция не может породить его противоположность – человеческую духовность. Причинной обусловленности, генезиса, преемственности здесь будто бы нет. Следовательно, все это может возникнуть только в результате чуда, т. е. специальных актов творения из ничего, и для этого необходимо сверхприродное существо, которое не руководствуется причинно-следственными категориями, детерминизмом. Опровергнуть подобные представления можно только, владея диалектикой.

Недиалектическое формальнологическое мышление признает только один тип причинных связей – механический, динамически-однозначный, когда следствие может быть предсказано однозначно. И тогда все, что невозможно предсказать однозначно, называется беспричинным, индетерминистичным. Так некоторые сторонники современной синергетики всерьез говорят о том, что, поскольку предметы подчиняются статистическим закономерностям, они становятся непредсказуемыми, «индетерминистическими объектами», или поскольку свое будущее мы не можем предсказать однозначно, мы, следовательно, живем в непредсказуемом, индетерминистическом мире.

Индетерминизм возникает и при недиалектическом решении проблем прогресса. Механическому мышлению направленность прогресса представляется чудесной, телеологичной (направленной к нематериальной потусторонней цели), не обусловленной причинно. На самом деле здесь мысль должна работать так же, как в случае с Ахиллесом и черепахой: нужно отказаться либо от факта прогресса, либо от логики, не способной его описать, т. е. здесь нужно перейти от логики механической к диалектике, способной описать развитие посредством категорий качественного скачка, отрицания отрицания, сбрасывания формы, переделки содержания и др. В противном случае приходится отказаться от категории прогресса, что и делают сегодня многие исследователи.

Симметричное противоположное индетерминизму метафизическое (механическое) толкование причинности – это *фатализм*, непризнание вариативности причинно-следственных связей, отрицание случайности, непонимание целевых факторов развития. В фатализме часто обвиняют диалектику, приписывая ей вульгарный детерминизм, грубый механический материализм. Однако она в том и заключается, что преодолевает обе эти крайности – и крайность мистификации сложных и внешне не связанных с материей ее свойств, и крайность сведения природы лишь к грубо материальным и абсолютно однозначным зависимостям, она – синтез этих крайностей.

Богатство и новизна диалектики заключается в том, что она расширяет понятие причинности и тем спасает философию от кризиса индетерминизма и фатализма. Ситуация здесь такая же, как и в известном «кризисе в физике», который был преодолен расширением понятия материи, предложенным В. И. Лениным.

10.15. Необходимость и случайность

Необходимыми диалектика называет те процессы, которые закономерно вытекают из сущности данного предмета. Соответственно *случайными* оказываются такие процессы и события в том же предмете, которые связаны не с его сущностью, а с необходимостями и закономерностями других, внешних предметов. Отсюда видно, что нет абсолютно случайных либо абсолютно необходимых, процессов. Случайные процессы являются вполне необходимыми – но в другой

системе связей. Необходимо, чтобы учебный процесс протекал в аудиториях СПбГПУ, но случайно то, что данная лекция проводится именно в данной аудитории. Но это случайно по отношению к учебному процессу в целом, по отношению к работе диспетчерской чтение лекции именно в данной аудитории является совершенно необходимым: иных в наличии нет, в других нет необходимого оборудования и т. д.

Необходимостью в бытии предмета является его внутренне, существенное, его качественная определенность. Случайностью – внешние связи и процессы, несущественное, незначительное. В процессах развития необходимость вытекает из главных свойств предмета, случайность связана с периферийными, неглавными его характеристиками.

Необходимость коренится во всеобщем характере причинности: всякое явление имеет причину и потому необходимо. Случайность происходит из множественности связей и причинно-следственных цепочек, присущих природе. Недиалектический взгляд на случайность ищет ее причины в возможности самопроизвольного отклонения в поведении предметов, в их «свободной воле». Так, еще древний философ Эпикур говорил о самопроизвольном отклонении («клинамене») атомов в первичной пустоте.

Необходимость относительно устойчива, случайность вариативна, множественна. Всякая необходимость окружена веером случайностей. Совокупность случайных событий реализует необходимость – таковы законы артиллерийской стрельбы, массовых голосований на выборах.

Реализация необходимости характеризуется категорией вероятности. Вероятность не утрата необходимости, а конкретная форма ее проявления.

10.16. Возможность, действительность, вероятность

Возможность и действительность – это две ступени в становлении и развитии предмета или явления. Возможность – это объективная тенденция становления предмета, отражение наличия условий для его возникновения. Действительность – объективно существующий предмет как реализация некоторых, определенного числа его возможностей. Возможности предмета всегда богаче объема его наличного бытия. В то же время реальное бытие (например, человека) есть постоянная утрата возможностей: семилетний ребенок уже не сможет стать балетным

танцовщиком, пятнадцатилетний – боксером. Возможности могут быть абстрактными и реальными. Так, падение Луны на Землю – абстрактная возможность небесной механики; возможность взросления ребенка вполне реальна, хотя, конечно, и не гарантирована абсолютно.

Категория возможности демонстрирует скрытые творческие силы природы, ее самодостаточность, самопричинность, субстанциальность. Природа (материя) жива и способна порождать все новые явления. Непризнание материалистической трактовки категории возможности приводит к иллюзиям о творении природы и всего нового в ней потусторонними нематериальными силами.

Недиалектическая трактовка категорий возможности и необходимости приводит к искажениям в понимании мира. Абсолютизация (или смещение к абсолютизации) категории необходимости приводит к представлению о наличном мире и миропорядке как единственно возможном, наилучшем, совершенном, о том, что мы живем в лучшем из миров, что возможности развития исчерпаны, мы живем в «постистории», «постобществе» и т. п. Абсолютизация категории возможности ведет к релятивизму, представлению о мире как абсолютно неустойчивом, непредсказуемом, индетерминистичном.

В познавательной деятельности человека познание как возможность содержится уже в элементарном чувственном восприятии, но своей действительности достигает в науке и других развитых формах познания.

Численная мера возможности выражается в понятии *вероятности*. Иными словами, вероятность – это величина, характеризующая степень возможности некоторого события, которое может как произойти, так и не произойти. В таких случаях говорят, что событие «очень вероятно», «маловероятно» или «невероятно». Однако такие субъективные характеристики вероятности могут быть заменены строгими научными теориями, изучающими объективные закономерности вероятных событий – вероятностная логика, математическая теория вероятностей и др.

10.17. Динамические и статистические закономерности

Этими категориями обозначаются закономерные связи явлений, отличающиеся по характеру вытекающих из них предсказаний. В *динамических* законах результат взаимодействия может быть предсказан

однозначно. Так, если заданы координаты и скорость предмета, то можно точно определить его местонахождение в любой момент времени. В *статистических* законах предсказания носят не строго достоверный, а лишь вероятностный характер. Это вызвано множественностью случайных факторов, причин, условий (поведение молекул в объеме газа, поведение отдельного животного в популяции, человека в обществе, отдельных обществ в истории). В этих условиях более однозначно можно говорить о поведении коллектива элементов в целом, нежели о поведении отдельных элементов.

В статистических законах наблюдается переход случайности в закономерность при большом количестве случайностей. Детерминизм здесь не исчезает, он принимает другую, вероятностную форму. Статистические закономерности – это общий случай детерминизма, динамические – предельный случай статистических.

Недиалектическое, механическое мышление не признает специфики статистических закономерностей, из вероятностного характера предсказуемости их результатов делает вывод об отсутствии детерминизма в этих процессах, о возможности в природе беспричинных, «индетерминистических» объектов и процессов.

10.18. Догматизм, софистика, эклектика как антиподы диалектики

Диалектике как правильному, адекватному противоречивости предмета отражению его сложности противостоят крайности догматизма и релятивизма. *Догматизм* – это обнаружение одной из крайностей в сложном бытии предмета и абсолютизация этой крайности. Догматизм отрицает развитие, пластику бытия предмета, видит мир однозначным, не изменяющимся, трактует мышление, научные истины как негибкие и неизменные. Догматик всегда прав, ни в чем не сомневается, настаивает на абсолютности и неизменности своих знаний.

Релятивизм, наоборот, абсолютизирует в реальной диалектике природы подвижность, текучесть, изменчивость ее процессов. Если диалектик Гераклит замечал, что «все течет и все изменяется», следовательно, «в одну реку нельзя вступить дважды», то релятивист Кратил заявлял, что в реку нельзя вступить и однажды, потому что она ведь течет! И добавлял, уже чисто софистически, что кредитору можно не

отдавать долг на том основании, что все течет и все изменяется, и потому человека, бравшего деньги в долг, уже нет, он изменился, стал другим человеком.

Догматизм и релятивизм можно представить в виде крайностей или полюсов, или тезиса и антитезиса, синтезом которых является диалектика. Диалектика включает в себя то, что абсолютизируют догматизм и релятивизм – моменты покоя и подвижности в бытии предмета, но она не сводится к ним, улавливает их реальное взаимодействие и взаимопревращение.

Если догматизм и релятивизм чаще стихийные, не всегда осознаваемые авторами искажения и ошибки, то *софистика* – осознанное и злонамеренное извращение истины и культуры мышления. Софистика происходит от греческого слова «софизма» – хитрая уловка, измышление. Софизм – это неправильное рассуждение, выдаваемое за правильное. Примером древнего софизма является софизм «рогатый»: «То, что ты не потерял, ты имеешь; ты не потерял рога, следовательно, ты их имеешь». Софизмы похожи на парадоксы, однако, в отличие от последних, в софизмах не проявляются действительные логические трудности. Софизмы возникают в результате заведомо неправильного применения логических правил и операций.

Эклектика (эклектизм, эклектицизм, от греческого «эклектикос» – выбор, выбирающий) – это механическое, негармоничное соединение идей, взглядов или теоретических положений. Это также субъективное выхватывание отдельных сторон предмета и их произвольное, механическое соединение. Эклектика превращает объективные противоречия в мешанину, соединяет в рассуждении не обуславливающие друг друга противоположности по типу.

10.19. Значение диалектического мышления для научной и практической деятельности

Для научной деятельности. Диалектика является современной общей теорией развития всего сущего, она адекватно отображает мир в своих принципах, законах и категориях.

Диалектика учит, что мир противоречив, изменчив, подвижен, он усложняется, развивается и его нельзя правильно отразить, описать

однозначными, непротиворечивыми высказываниями, теориями. В науке недопустимы догматизм, эклектика, софистика, метафизическое окостенение мысли. Являясь общей теорией развития, диалектика тем самым становится методологией научного исследования – совокупностью законов и принципов построения обще- и частнонаучных методов исследования.

Так, принципы объективности, познаваемости, детерминизма, всеобщей взаимосвязи, развития настраивают исследователя на соответствующие общие позиции в научной работе. Владение категориями «причина» и «следствие» во всех оттенках их смыслов позволяет ученому с самого начала исследования отказаться от ложных ходов мысли, например, от абсолютизации случайности или принятия позиций индетерминизма на основе обсуждения вероятностных форм причинности или ее целевых форм (когда, например, в обществе происходит опережение следствием причины в случаях действий людей в соответствии с идеально выработанными целями, идеалами).

Диалектика, требуя проникновения сквозь оболочку явлений в сущности предметов, может предостеречь исследователя от эмпиризма – поверхностной фиксации, каталогизации явлений, от описательства и созерцательности. К сожалению, и сегодня это требование диалектики далеко не всегда учитывается, наука часто остается излишне поверхностной, избегающей исследования сущностей (особенно это касается гуманитарных наук).

Это проявляется, например, в современной биологии. Академик И. Т. Фролов отмечал в одной из своих работ (Фролов И. Т. *Философия и биология. Мировоззренческие и методологические проблемы современной науки о жизни* / И. Т. Фролов. – М., 1997), что современная позитивистская философия не признает диалектического принципа несводимости высших форм движения к низшим, рекомендует биологам ограничиваться в исследованиях живого лишь физико-химическими методами. Но в результате, отмечает И. Т. Фролов, из таких исследований ускользает сама специфика жизни, живое превращается в разновидность физико-химических процессов. И тогда сразу делаются идеалистические выводы об односторонне духовной сущности жизни и ее происхождении из потусторонних сфер.

Важным принципом диалектики является принцип системности, требующий признания в системе особых сверхэлементных свойств, которые возникают не в результате развития «онтологии» – собственных, изначальных свойств *элементов* системы, а только в самой этой системе как особом субъекте – носителе новых свойств. Сознательно руководствуясь этим требованием диалектики, советский психолог и педагог 20–30 гг. прошлого века Л. С. Выготский теоретически полностью преодолел педологию как психологически-педагогическую доктрину. Высшие психические функции человека (речь, самосознание, логическая память и др.) возникают, согласно Выготскому, не в результате *развития* биологически заданных, «врожденных» «способностей», «предрасположенностей», «талантов», как это трактует педология, а только в системе общества. Возникая как потребности *этой* системы они – от целого к частям – делегируются отдельным людям в процессе направленного *воспитания*.

Подобную ошибку совершал академик и нобелевский лауреат И. П. Павлов в своих рассуждениях о том, что научная деятельность человека является результатом развития поискового рефлекса животных, рефлекса «что такое». Опроверг академика педагог А. И. Мещеряков, который пытался развить познавательные способности у слепоглухонемых детей по этой павловской схеме. Однако, писал он, сколько мы ни старались получить эффект, применяя эту схему, у нас ничего не получалось. *По-видимому, этого механизма просто нет.* И тогда А. И. Мещеряков взял на вооружение схему Л. С. Выготского – и эффект не замедлил сказаться (см.: Мещеряков А. И. Слепоглухонемые дети / А. И. Мещеряков. – М., 1974).

Тем не менее методология Л. С. Выготского и сегодня далеко еще не освоена. Педологические принципы в педагогике сегодня возрождены и являются едва ли не главной педагогической доктриной в нашей стране. Работают кабинеты по работе с «одаренными детьми», учителя не столько воспитывают детей, сколько развивают их «врожденные» задатки и таланты. И массе людей это представляется научным, эффективным и даже вполне нравственным и гуманным.

На своем материале опровергал позитивизм (позитивистский эмпиризм) И. П. Павлова академик-физиолог П. К. Анохин. И. П. Павлов,

при всем огромном его вкладе в науку, оставался в русле позитивистской, несистемной методологии, согласно которой наука о психике должна строиться по тем же принципам, что и физика, химия; целостность живого организма, по И. П. Павлову, возникает как результат отражения мира животным; отражение осуществляется посредством рефлексов, сущность которых исключительно приспособительна; задача организма, следовательно, – уравнивание со средой, приспособление к ней. П. К. Анохин выдвинул иные, диалектически противоположные принципы понимания живого. Живое имеет специфическую сущность и закономерности, и изучаться оно должно особыми, не сводимыми к физике и химии методами; биологическое целое (организм, вид) организуется *целью* животного или вида, и этой целью является не приспособление к среде, а преодоление добиологических природных закономерностей, утверждение своих, «сверхприродных» процессов; сущность живого – сопротивление природе, стремящейся его разрушить, а не приспособление к ней; все это утверждает активность отражения и поведения, всей жизнедеятельности живого, а не пассивное отражение и приспособление (см. сайт: <http://www.galactic.org.ua/Prostranstv/n-fiz-1.htm>).

Нет нужды перечислять все примеры значимости диалектической методологии для обеспечения исследованиям высокого научного уровня. Следует только добавить, что несмотря на, казалось бы, убедительные успехи подобных примеров использования диалектики в реальных научных исследованиях, до сих пор ведутся несомненно эмпирические исследования и даже критикуется сама необходимость применения диалектики в научных исследованиях. По-видимому, не скоро еще диалектика станет всеобщим языком науки. Но то, что она должна им стать и станет, – несомненно.

Для общественно-практической деятельности. Диалектика атрибутивна (изначально присуща) человеческому мышлению. Человечество не состоялось бы как таковое, если бы оно отражало природу только как неподвижную, непротиворечивую и неизменную. Иное дело степень развитости этой «субъективной диалектики».

Первоначально диалектика была вплетена в мифологическое образное мышление. Уточка добывает горстку земли со дна мирового океана, и из нее строятся огромные материки. Малое здесь *равно* большому, из малого

вырастает большое. В рамках мифологии формируются категории «дао», «инь» и «ян», пишется древнекитайская «Книга перемен» и т. д.

С ходом истории развивалось производство, усложнялись социально-политические отношения, жизнь требовала преимущественного развития однозначного, непротиворечивого, рассудочного мышления. Это мышление опосредствовало развитие цивилизации. На протяжении нескольких тысячелетий (с перерывами и зигзагами в этом движении) человечеству было достаточно этого мышления для решения задач развития техники, организации социальной и политической жизни, даже для развития познания, наук, искусств. На основе этого мышления вспыхнул феномен античной цивилизации.

В эпоху средневековья европейское общество утратило достижения формальнологического рассудочного мышления и практически вернулось к преобладанию в мышлении первобытной мистики в виде христианской религии. В результате оно цивилизационно очевидно деградировало. Возрождение и Реформация вернули человечеству рассудочный интеллект – и в результате мы видим новый невиданный взлет технических средств жизни в Новое и Новейшее время. Без массового освоения людьми однозначной и непротиворечивой формальной логики и без вытеснения ею средневековой мистики не появился бы современный капитализм. Эта логика – его интеллектуальный, духовный фундамент или, по крайней мере, абсолютно необходимые для строительства его здания строительные леса.

Но чуткие умы (души) всегда чувствовали, что прогресс на основе формальной логики относителен, неполон, недолговечен. И Античность (Платон, Аристотель), и Новое время (Спиноза, Гегель) обращали внимание на сложность, подвижность, противоречивость, внутреннюю жизненность мира и строили логику отражения этой его внутренней динамичности. Однозначная логика, в конечном счете, консервативна. Подлинного прогресса она дать не может, потому что ей нечем его видеть и нечем вооружить людей на содействие природе в ее саморазвитии. Только диалектика обнаруживает прогресс и дает людям механизмы его осуществления. Эту логику как самое эффективное оружие борьбы против тысячелетнего средневекового застоя дала человечеству молодая

революционная буржуазия умами (и судьбами) своей интеллигенции – от Оккама и Роджера Бэкона до Спинозы, Дидро и Гегеля.

Ирония истории, однако, состояла в том, что буржуазные интеллигенты опоздали. Триумф шествия новой логики (философия Гегеля) пришелся на эпоху, когда буржуазия уже фактически победила феодализм, и перед ней встали задачи консервации своей власти и своей цивилизации. Диалектика стала не только не нужной, но и враждебной. Философия Гегеля стала изгоняться из научной и культурной жизни. Диалектику вытеснили в музей истории философии, знаменем и знамением новой культуры стал позитивизм в лице представителей новой волны интеллигенции (Конт, Гуссерль, Витгенштейн, Поппер, Деррида, Делез и масса других). Сама идея прогресса вытеснена из культуры. Провозглашаются и господствуют лозунги конца истории, постистории, постобщества, постчеловека.

Вывод простой: пока человечество в подавляющей своей массе не освоит диалектику, пока законы, принципы и правила этой логики не станут для всех столь же простыми и понятными, какими сегодня являются схемы и нормы механицизма и формальной логики, пока диалектическую логику не станут преподавать детям в первом классе и детсаду – до тех пор будет господствовать нынешняя организация общества, и в нем будет царить иллюзия счастья жить в «постистории» и «постцивилизации».

Однако жизнь остановить невозможно. Перед нами еще века и тысячелетия нашей жизни и прогресса. Жизнь, история не только не исчерпали механизмов своего бытия, но они вообще только еще начинаются. Мы все еще не стали «*homo sapiens*» – разумными, диалектически мыслящими существами. Рассудочными, мыслящими формальнологически – да, но не диалектически-разумно. У нас *все* еще впереди, и диалектика (объективная и субъективная) – проводник и посредник в этом самодвижении истории.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

11.1. Проблема становления социальной теории

Социальное знание к настоящему времени еще не приобрело вид научной картины общества, подобной естественнонаучной картине природы, и не обладает теоретическим единством, базирующимся на некотором объективном основании. Не построена фундаментальная, согласующаяся с естествознанием социально-теоретическая модель общества, показывающая развитие всех сфер общественной жизни в их целостности с позиции единых принципов и законов. Соответственно, поскольку отсутствует социальная теория, подобная теоретическому естествознанию, постольку социальной философии не на что опереться, кроме непосредственного исторического опыта и постольку у социального научного познания, в свою очередь, нет необходимой философской базы. Поэтому социальная философия и теоретическая социология по сути совпадают, социальная философия выполняет компенсирующую онтологическую функцию, как это было с натурфилософией в донаучный период.

Однако, говоря о моделях общества, не следует смешивать реальные исторические общности и теоретическую модель общества, подобно тому, как не смешивают реальное падение тел и теоретическую модель свободного падения. Естествознание не предписывает того, как должно падать тело, оно просто описывает реальное падение, т. е. то, как тело падает. Оно не говорит, правильно ли текут реки, хороший или плохой климат и т. п. То же самое можно отнести и к социально-научному познанию, которое должно указывать, что будет в том или ином случае, в той или иной ситуации. Как естествознание не указывает человеку, что нельзя прыгать с большой высоты без технических средств, что стены домов надо ставить вертикально, а фундаменты класть горизонтально, оно только указывает закон, а люди сами делают выбор, так и социально-научная теория, будучи всеобщей моделью общественного развития, должна показывать его закон, на основе которого люди могут делать сознательный выбор технического и социального действия.

От Ньютона никто не требовал определения способов применения открытого им закона всемирного тяготения и тем более способов его преодоления. Важно то, что стало понятно, почему стены домов должны быть вертикальными. Так и знание законов социальности должно явиться для социального конструирования тем же, что и законы механики для строительства зданий. Научные законы не предписывают ни истинное количество этажей в домах, ни истинные способы распределения в них квартир, они только объясняют условия, которые надо соблюдать, чтобы дома и общества не разрушались сами собой.

Естествознание, объясняя природу, устанавливает некие ограничения, запреты в области материально-технической деятельности, оно указывает, *что* невозможно или нельзя делать и только через это «невозможно» и «нельзя» определяется круг того, что возможно и можно. Видимо, и социально-научное знание должно работать по этой же схеме и определять те состояния общества, которые невозможно осуществить или нельзя допускать, иначе оно погибнет, а на этой основе уже очерчивать круг возможных состояний, определять «коридор решений».

Социально-научное знание представлено на эмпирическом уровне и лишено социально-теоретических оснований, функции которых выполняют определенные элементы идеологической сферы. Обществознание, в отличие от естествознания, не объясняет практику, а идеологически обслуживает субъектов социальной деятельности в их взаимной борьбе друг с другом. Соответственно, если практическая полезность естествознания является общечеловеческой, поскольку знание природы для всех полезно само по себе, то знание законов общества как такового, напротив, не содержит какой-либо конкретной полезности. Социальное знание становится полезным тогда, когда оно учит способам ведения социальной борьбы. Умение «перехитрить» природу и умение перехитрить человека – это качественно разные умения.

На протяжении многих лет в широком употреблении находится тезис о том, что по мере увеличения масштабов общества возрастает потребность в научных основаниях управления им. Прикладное социальное знание, безусловно, необходимо для выживания в борьбе за существование в пределах самого общества. Сюда можно отнести социологию, психологию, политологию, экономику. Но все это по типу

знания принципиально не отличается от естествознания, обеспечивающего возможность выживания людей в природе.

Как и естествознание, научно-теоретическое социальное познание предполагает возможность построения идеальной модели объекта в качестве основного средства познания. В обществознании появлению научной теории мешает его идеологический характер, поэтому в нем господствует плюрализм. На собственно научной основе, в социологии, психологии, осуществляется разработка средств борьбы (экономической, политической, идеологической, военной). Теоретическое социальное познание не в состоянии ни построить модель всеобщей социальной гармонии, ни обосновать чье-либо преимущественное право на существование. Поэтому социальная теория всегда остается, во-первых, утопией и мифом, а во-вторых, идеологией, духовным средством реализации определенных материальных интересов. С одной стороны, она направлена на предотвращение вхождения общества в состояние тотальной войны всех против всех, а с другой – мобилизует людей на борьбу за свое выживание.

Исходная методологическая позиция в рассмотрении общества состоит в определенном ответе на вопрос о том, может или не может общество (человек как вид) в принципе полностью обеспечить себя необходимыми ресурсами жизни, т. е. обеспечить полное выживание всех своих членов, подразумевая под полным выживанием принципиальную возможность для каждого отдельно взятого индивида прожить всю жизнь, продолжительность которой определяется его естественными особенностями и достижениями цивилизации. Выбор ответа здесь не связывается с вопросом о численности народонаселения (за исключением абстрактных предельных значений) и действием всякого рода случайностей на уровне индивидуальной и общественной жизни. Критерием принципиальной возможности полного обеспечения общества ресурсами жизни является отсутствие необходимости внутривидовой борьбы за их распределение. Иначе говоря, это главная теоретическая альтернатива в объяснении законов общественного бытия, а именно может или не может человечество обеспечить в процессе материального производства всеобщее благополучие, т. е. (в простом витальном измерении) накормить, обуть и одеть всех жителей Земли? Либо «да»,

либо «нет» – именно тут находится ключ к пониманию человеческого способа жизни.

В зависимости от ответа мы получаем два варианта понимания всеобщего социологического закона, в соответствии с которым возможны принципиально разные социально-теоретические модели общества. На базе любой из двух противоположных посылок строится самостоятельная система социальной философии и философской антропологии. Следовательно, прежде чем начинать *теоретические* дискуссии по тем или иным социальным проблемам, надо определиться с выбором исходной позиции. Если они разные, то дискуссия оказывается бессмысленной.

Величайший миф индустриальной эпохи – это вера в абсолютный прогресс, позволяющий обществу достичь гармонии во всех сферах бытия на основе неуклонного роста производительных возможностей. При всей гуманистической направленности он в конечном счете всегда служил прикрытием и оправданием глубокой социальной дифференциации, вселяя в представителей низших слоев веру в лучшее будущее, общеисторический оптимизм, выходящий за пределы живущего поколения. От религиозного мифа он отличается только тем, что во главу угла ставит другой источник всеобщего блага – труд на основе научно-технического прогресса.

Исходя из этого мифа, сформировалась и основная социально-философская парадигма, единая для большинства направлений, зачастую далеко отстоящих друг от друга в общефилософском плане. В соответствии с ней несовершенство человеческого бытия обусловлено главным образом действием «закона людей», а не «закона вещей». Это означает, что со стороны природы нет непреодолимых препятствий для нормального обустройства жизни людей; основные препятствия на пути к такому обустройству исходят от самих людей, от их собственных пороков и неумения наладить свою общественную жизнь. Иначе говоря, люди могут преодолеть природу, но не могут преодолеть себя. Отсюда следуют два альтернативных вывода: либо надо менять существующую систему отношений, создавать новую, обеспечивающую каждому индивиду возможность человеческого существования (путем социальной революции или социальных реформ); либо надо смириться и принять все как предустановленную данность природного или божественного происхождения.

Дальше всех в раскрытии закона вещей пошел К. Маркс, показавший, как из особенностей материальной жизни проистекают особенности общественного устройства. По К. Марксу, на определенном этапе материально-технического развития, когда наука становится непосредственной производительной силой, а человек вытесняется из непосредственного производственного процесса и начинает управлять им, общественное устройство становится последним и единственным препятствием для обеспечения всеобщего блага. Устранив это препятствие и опираясь на высокоразвитые производительные силы, люди смогут вступить в подлинное царство свободы, как над вещами, так и над самими собой; и тогда ничто уже не будет мешать неограниченному прогрессу во всех сферах человеческого бытия, причем все будут иметь равный доступ к достижениям этого прогресса. Слабым местом марксистской модели общества является отсутствие ее позитивно-научного обоснования, вследствие чего, как и в объективно-идеалистической схеме, в основу направленности общественного процесса ставится допущение абсолютного прогресса, а на первый план выступает фактор коммунистического воспитания человека.

В рамках абсолютистской модели общества параллельно с марксистской сформировалась и в настоящее время стала господствующей противоположная оценка человеческого фактора, которая состоит в том, что именно коммунистические отношения являются тормозом, мешающим реализовать людям все свои потенциальные возможности для своего собственного и общего блага. Только свободная деятельность и личная предприимчивость на базе частной собственности позволяют обществу достичь наиболее высоких результатов и обеспечить соблюдение естественного равенства людей, состоящего в личной свободе и равенстве прав.

Эмпирически общество может быть представлено в виде блоков:

СФЕРА ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ: общественное сознание;

СФЕРА СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ: политические, правовые, национальные, религиозные, семейные отношения;

СФЕРА МАТЕРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ЖИЗНИ: производительные силы и производственные отношения;

СФЕРА ЕСТЕСТВЕННО-ПРИРОДНОЙ ЖИЗНИ: природная среда и народонаселение.

С позиций исторического материализма общественное бытие (природа, материальное производство и социальная жизнь – то, как люди живут) определяет общественное сознание (то, что люди думают). С позиций исторического идеализма наоборот, общественное сознание определяет общественное бытие.

Природа (совокупность географических и демографических факторов) является необходимым исходным условием жизни общества. Направление, которое абсолютизирует роль географических факторов, т. е. признает их решающими, получило название *географический детерминизм*, его история восходит к античной философии, а в настоящее время оно представлено различными моделями геополитики и геостратегии. Направление, которое абсолютизирует роль демографических факторов, можно обозначить как *биологический детерминизм*, представленный, в частности, мальтузианством. Исторический материализм признает природу обязательным, но не решающим фактором общественной жизни. Таким фактором является материальное производство.

Материальное производство (обмен веществ между обществом и природой) характеризуется двумя отношениями – отношение людей к природе, обозначаемое понятием *производительные силы*, и отношение людей друг с другом, обозначаемое понятием *производственные отношения*. Производительные силы (то, из чего производится, – предметы труда; то, чем производится, – орудия труда; и те, кто производит, – рабочая сила) определяют производственные отношения. В своем единстве производительные силы и производственные отношения составляют определенный *способ производства*. История есть движение от одних способов производства к другим: *первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический ...* Что дальше? Это одна из современных социально-теоретических и социально-философских проблем.

Направление, которое абсолютизирует определяющую роль производительных сил и не учитывает обратное воздействие на них со стороны производственных отношений, получило название *технологический детерминизм*, представленный целым рядом

технократических теорий. В рамках технологического детерминизма различаются технологический оптимизм, полагающий, что наука и техника решат все проблемы, и технологический пессимизм, полагающий, что наука и техника в конечном счете ведут общество к гибели. Технологический детерминизм получил широкое распространение во второй половине XX в. в различных социально-экологических учениях.

Производственные отношения определяют все остальные общественные отношения, т. е. всю социальную жизнь. Соответственно они обозначаются как базис, а все остальные отношения – как надстройка. Базис определяет надстройку, но подвергается с ее стороны обратному воздействию. Направление, которое абсолютизирует определяющую роль базиса и не учитывает обратного воздействия на него со стороны надстройки, получило название *экономический детерминизм*, принадлежность к которому незаслуженно приписывают К. Марксу.

Общественное сознание есть отражение общественного бытия. Вместе с тем, это регулятор общественной жизни – система знаний, нормативов и ценностей, т. е. всего того, чем руководствуются люди в своей жизнедеятельности. Содержание и структуру общественного сознания можно представить в виде следующих элементов:

УРОВНИ СОЗНАНИЯ: *обыденное сознание* (отражение бытия на уровне явления), *теоретическое сознание* (отражение бытия на уровне сущности);

ВИДЫ СОЗНАНИЯ: *рациональное сознание* (отражение предмета самого по себе), *ценностное сознание* (отражение нашего отношения к предмету), *практическое сознание* (отражение способов действий с предметом);

СФЕРЫ СОЗНАНИЯ: *идеология* (отражение общественной жизни на теоретическом уровне), *общественная психология* (отражение общественной жизни на уровне обыденного сознания), *естествознание* (отражение природы);

ФОРМЫ СОЗНАНИЯ: *правовое сознание, политическое сознание, нравственное сознание* (мораль), *эстетическое сознание* (искусство), *религиозное (и атеистическое) сознание, наука* (как система знаний), *философия*.

Общество, взятое во всей его целостности, рассматриваемое как система вышеперечисленных выше элементов, т. е. как единый социальный организм, в историческом материализме обозначается как *общественно-экономическая формация*. Перечень формаций такой же, как и перечень способов производства. При этом предполагается, что все общности последовательно проходят формационные ступени своего исторического развития. В настоящее время формационный подход зачастую отвергается из-за необходимости указывать коммунистическую формацию и заменяется цивилизационным или культурологическим подходом, когда чередование исторических этапов рассматривается как чередование разных типов цивилизаций или культур. По-видимому, данные подходы неправомерно противопоставлять друг другу, целесообразно рассматривать их в единстве.

В целом в основе социально-философской парадигмы периода индустриальной эпохи лежит технологический утопизм, общий для основных форм социального утопизма – буржуазного и коммунистического. Нужен теоретический прорыв в области фундаментального объяснения общественной жизни, начиная с самого исходного акта возникновения социальности, с момента отделения человека от природы.

11.2. Техносоциальная формула общества.

Общеизвестная формула жизни состоит в том, что численность живых организмов определяется массой пищевых ресурсов, имеющихся в среде обитания, и не может превысить уровень равновесного состояния, являющийся абсолютным. Существование общества также можно описать как функционирование и развитие органической системы, поддерживающей свое существование потреблением ресурсов среды. Соответственно масса системы ограничивается массой доступных ресурсов и изменяется вместе с ней в некотором интервале между критическими значениями минимума и максимума. Но в отличие от природных ассоциаций живых организмов, общество с помощью техники универсализирует использование окружающей среды, непрерывно наращивает ресурсную базу и обеспечивает свое расширенное

воспроизводство, постоянно преодолевая уровень максимума, устанавливаемого определенным технологическим способом жизни.

Объективный закон существования людей в окружающей природной среде тот же, что и закон существования живых организмов в среде обитания, а именно выживание. Никакого особого предназначения общества в природе нет, и это следует признать, если не покидать естественнонаучных позиций. Человек и животное совершенно одинаковы по статусу потребителей ресурсов среды, и людей отличает лишь то, что, во-первых, их отношения строятся на основе производственно-природного равновесия, когда природная среда, благодаря труду, используется универсально и сфера материального единства общества и природы постоянно расширяется; во-вторых, столь же универсален и предмет их отношений, не ограничивающийся, как у животных, пищей и брачностью; в-третьих, отношения между людьми осуществляются в виде осмысленных действий на основе нормативно-ценностной ориентации и с использованием технических средств воздействия. Разумеется, указанные различия являются качественными, но они касаются только способа освоения ресурсов природной среды и способа регулирования отношений по поводу их потребления; закон отношения к среде и к себе подобным одинаков для всех живых существ, независимо от того, являются они разумными или нет. Определение этого закона и реконструкция механизма его действия могут рассматриваться в качестве ключа к объяснению возникновения социальности, поскольку здесь находится та клеточка в отношениях самой природы, из которой образуются и развиваются дальше социальные отношения.

Человек преодолел границы естественно-природного равновесия, получив на основе использования техники дополнительные средства жизни сверх данного самой природой и увеличив свою численность в той же самой среде обитания. Его жизнедеятельность осуществляется в рамках производственно-природного равновесия, переходящего с одного уровня на другой по мере расширения сферы материального единства общества и природы. Тем не менее в качестве потребляющей системы в границах одного и того же типа материально-технического развития общество принципиально не отличается от любой другой органической системы в том плане, что извлекает из окружающей природной среды вполне

определенные ресурсы, конкретные вещества и в силу их исчерпаемости всегда ограничено в своем росте. На каждой очередной ступени производственно-природного равновесия, соответствующей историческому типу материально-технического развития, имеется абсолютный предел роста, не преодолев который, общество не только не поднимется на более высокий уровень, но не сможет удержаться и на существующем, поскольку потребляет ресурсы сверх суммы их фиксированных запасов и естественного воспроизводства.

Следовательно, однажды вырвавшись за пределы естественно-природного равновесия, общество обрекло себя на вечную смену технологических ступеней, не будучи в состоянии окончательно закрепиться на какой-либо из них, поскольку безвозвратно исчерпывает невозобновляемые ресурсы и превышает уровень восстановления возобновляемых ресурсов. На каждом этапе материально-технического развития оно необходимо достигает предельного уровня производства и, чтобы не погибнуть, вынуждено переключаться на использование качественно новой ресурсной базы. В целом материально-техническое развитие общества предстает перед нами как поступательный необратимый процесс, при этом каждый новый производственно-технологический переход осуществляется ценой все более возрастающих дополнительных затрат.

Однако общественная практика поставила вопрос о наличии абсолютных границ, связываемых в общественном сознании с достижением планетарного рубежа материально-технической деятельности. Хотя, с одной стороны, для его преодоления в том или ином виде нет каких-либо принципиальных препятствий, делающих это преодоление невозможным, и для перехода на очередной уровень производственно-природного равновесия нужно только одно — дополнительные ресурсы. Но, с другой стороны, объем этих ресурсов так велик, что дальнейшее существование общества становится все более неопределенным. Если до сих пор линия его развития целиком вписывалась в линию развития биосферы в ее прошлом и настоящем существовании и, благодаря этой предметной преемственности, была устойчивой, то теперь предметная преемственность развития общества сузилась до пока еще не ставшего существенно значимым перечня форм

неорганической материи, с использованием которых можно было бы достаточно определенно связывать его дальнейшее существование вне зависимости от ограничений условиями Земли.

Выход из критической ситуации часто связывается со становлением так называемого *информационного общества*. Достижения информатики стали символом перехода к новому способу жизни. Во-первых, предполагается, что на смену материальному производству придет производство информации и услуг и человек наконец освободится от труда в его традиционном понимании. Во-вторых, речь идет о достижении возможности просчитывать общественную жизнь и полностью взять ее под свой контроль, *управлять* ею (как и любой другой системой) во имя всеобщего блага. Последнее издавна возлагают на кибернетику, – достаточно вспомнить социальные схемы Ампера. Эти два пункта являются принципиальными и требуют особого рассмотрения в контексте *рождения новой социальной мифологии*.

Достижение общепланетарного рубежа во взаимодействии общества и природы положило конец абсолютистскому подходу в оценке общественного прогресса, основанному на убеждении в возможности обеспечения человечеством такого гармоничного состояния, когда будет покончено с голодом, неравенством, войнами и различными человеческими пороками, когда появятся неограниченные возможности совершенствования людей и т. п. Такое убеждение базировалось на признании неограниченности материально-технического развития, уходящего в неопределенное будущее. И вот человечество достигло предела в возможности того непрекращающегося роста, к которому оно привыкло и с которым связывались прогрессивистские идеи, а все перечисленные и им подобные проблемы не только не исчезли, но даже обострились.

Итак, линия материально-технического развития общества складывается в результате взаимодействия двух переменных: рост производства средств жизни и снижение ресурсного потенциала природной среды. При этом чем более истощается природная среда, тем более дополнительного труда требуется даже для сохранения достигнутого уровня производства, а на определенном гипотетическом этапе, когда научно-технический прогресс уже не сможет обеспечить компенсирующий

прирост новых ресурсов в среде, производство и вовсе перейдет в фазу абсолютной неэффективности.

Модель предотвращения всеобщей экологической катастрофы обычно строится на введении двух главных ограничений: сокращение численности населения Земли (по некоторым расчетам – до 1 миллиарда) и прекращение роста материального потребления, переход к преимущественно духовному развитию человека, что в совокупности обеспечит решение проблем неравенства, эксплуатации, насилия и т. п. Данная модель представляет собой типичный образец технологической и социальной утопии, потому что не учитывает действие главного закона материально-технического развития, который выражает не соотнесенность абсолютных показателей материального производства и ресурсного потенциала природной среды, когда теоретически оказываются равновероятными модели предельного и беспредельного роста производства и потребления, а соотнесенность ресурсов, затрачиваемых на осуществление производства, и ресурсов, получаемых в его результате, что означает при переводе на один и тот же эквивалент соотношение расходуемых и воспроизводимых ресурсов жизни.

В зависимости от оценки данного соотношения мы получаем ту или иную формулу производства, в соответствии с которой строится вся модель общества: определяемый уровнем знания тип материально-технического развития, обусловленная им система социальных отношений и отражающая ее сфера духовной культуры. Данная формула производства, выражая его главное материальное отношение и будучи своеобразным ядром социальной кристаллизации, по сути своей является предельно свернутой техносоциальной формулой общества в целом.

Для соизмеримости массы затрачиваемых на процесс производства ресурсов и массы ресурсов, получаемых в результате производства, необходимо определить общую единицу измерения, в качестве которой можно обозначить количество ресурсов, расходуемых на условную единицу жизни. Данную абстракцию можно по-разному конкретизировать. Например, отдельная человеческая жизнь или определенный промежуток времени поддержания жизни с ее определенным качественным наполнением, т. е. условиями проживания жизни, где минимальным значением, нижним уровнем, порогом будет простое биологическое

выживание. В принципе единица жизни может рассматриваться как абсолютная величина, позволяющая соизмерять любые ресурсные массы, независимо от места и времени их существования. Важно лишь задавать однотипность, однородность условий жизни подобно тому, как определяется единица измерения стоимости по количеству рабочего времени при одинаковой сложности труда.

Однако при рассмотрении функционирования и развития общества в качестве органической системы вопрос об оценке его эффективности (соотношение затрачиваемых и создаваемых ресурсов жизни) является не только главным, но одновременно и самым трудным. С точки зрения отношения общества к окружающей природной среде это абсурдный вопрос, ибо общество не выполняет никакой внешней функции, не совершает никакой полезной работы и потому не может характеризоваться, подобно машине, коэффициентом полезного действия. Как и любая другая живая система, оно существует за счет дезорганизации внешней среды, потребляет созданные самой природой ресурсы. Понятие эффективности общественной системы означает соотношение затрачиваемых ею усилий на поддержание собственного существования, необходимо совершаемой работы и получаемых результатов, объема возможного существования. Иными словами, речь идет о соотношении затрачиваемой массы живого труда и получаемой в его результате массы воспроизводимой жизни, потенциала нового цикла труда, его источника.

В соответствии с общепринятой в настоящее время точкой зрения в рамках абсолютистского понимания общественного прогресса предполагается, что производимые обществом ресурсы жизни превышают массу затрачиваемых ресурсов необходимой деятельности (формула имеет вид неравенства), за счет чего в обществе наблюдается исторический рост трех главных показателей его прогрессивного развития: численность народонаселения, уровень производства и потребления, количество свободного времени.

В таком опережении усматривается всеобщий закон материального производства. Источник роста очевиден – это расширяющееся использование готовых, «бесплатных» сил и веществ природы. В пределах данной абсолютистско-прогрессивистской концепции развития общества, ставящей во главу угла неограниченные возможности человеческого

разума в деле познания и преобразования окружающей природы, изначально признается только один безответный вопрос – о естественных абсолютных границах человеческого существования, будь то на уровне фундаментальных закономерностей мироздания или в масштабах экологической предельности жизни на Земле.

Однако эта концепция первоначально имела и до сих пор имеет главным образом мировоззренческо-идеологический характер и по степени научной обоснованности не выходит за пределы понимания природного и социального бытия в эпоху Просвещения. Построить на ее основе удовлетворяющую современным критериям научности целостную теоретическую модель общества, демонстрирующую главные законы его функционирования и развития, не представляется возможным.

Абсолютистско-прогрессивистская модель общества не указывает фундаментальных законов его функционирования и развития. Да, общественное производство с непреодолимой силой непрерывно растет, но при этом никогда не достигает уровня, обеспечивающего всеобщее простое выживание. Следовательно, рост потребностей как движущей силы роста производства есть выражение всего лишь непреодолимого дефицита средств жизни, а не спонтанного развития человека, которому «все мало»; и так называемый закон возвышения потребностей, не позволяющий обществу остановиться на каком-либо одном типе материально-технического развития или одном уровне производства, является объективным общественно-производственным законом роста, а не субъективно-психологическим законом отсутствия меры потребления.

Как указывалось, в условиях достижения обществом планетарного рубежа материально-технического развития в недрах политики и идеологии вполне логично рождается призыв к сознательной стагнации материального производства, сокращению численности народонаселения и переключению общественного прогресса на сугубо духовные показатели, якобы единственно не имеющие объективных ограничений. Предлагается формула производства преобразовать из неравенства в уравнение, а материальные ценности заменить духовными. В рамках релятивистского подхода формула, наоборот, имеет вид неравенства с противоположным знаком по сравнению с описанной выше формулой абсолютного прогресса и выглядит следующим образом:

Затраты труда	>	Созданные трудом средства жизни
Народонаселение, определяемое производством	>	Народонаселение, определяемое произведенными средствами жизни
Разрушаемая природная среда	>	Восстанавливаемая природная среда
В целом:		
Ресурсоемкость системы необходимой деятельности ТРУД	>	Ресурсоемкость комплекса возможной жизни РЕЗУЛЬТАТ

Следовательно, совокупная масса ресурсов, непосредственно и опосредованно расходуемых на осуществление процесса производства, в конечном счете растет с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнильском варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Иначе говоря, материально-техническое развитие, позволяя на основе научно-технического прогресса осуществить абсолютный рост производства средств жизни и численности народонаселения, ни при каких обстоятельствах не может устранить указанное выше неравенство, «преодолеть» данную техносциальную формулу, т. е. общество не в состоянии догнать самого себя в непрекращающейся гонке необходимых и производимых ресурсов жизни. Иначе говоря, с одной стороны, имеется реально живущее и производящее население, а с другой – масса производимых им ресурсов жизни, недостаточная для выживания всего этого населения.

Переход от естественно-природного равновесия к производственно-природному и последующее никогда не прекращающееся движение по его историческим ступеням возможны только на основе создания и постоянного обновления техники. Научно-техническое творчество оказывается единственным способом превращения природы в ресурс

человеческой жизни, наука по сути создает природное богатство, и человечество оказывается обреченным на безостановочную поступательность научно-технического прогресса. Он является всеобщим источником роста общественного производства, воплощая в себе неограниченность интеллекта и неисчерпаемость природы, за счет чего оказывается возможным результативный труд. Постоянно действующей движущей силой производства является стремление к выживанию в условиях действия техносоциальной формулы. Соответственно вопрос о пределах роста имеет сугубо экологические основания.

Живой труд овеществляется и накапливается в технике, увеличивающей производительность последующего живого труда. За счет этого нарастает общая масса производимого продукта. По классической абсолютистско-прогрессивистской схеме общественного производства доля участвующего в нем живого труда уменьшается по сравнению с массой овеществленного труда, что ведет к росту общественного богатства не только по общей массе, но и в среднем на душу населения, занятого непосредственно или опосредованно в процессе производства. Однако, несмотря на этот рост, материальное производство принципиально не достигает уровня, обеспечивающего всеобщее выживание данного населения, необходимая масса которого увеличивается с опережением.

Физический смысл техносоциальной формулы общества состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, то есть нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Иначе: масса прожитой (сохраненной) жизни требует большей массы расходуемой жизни. Созданная за всю историю человечества масса ресурсов жизни не обеспечила и не могла обеспечить его всеобщего выживания, т. е. полного проживания жизни всеми членами совокупного населения.

Общий баланс эффективности машинной техники до недавнего времени был положительным, но в том и заключается техническое содержание так называемого экологического кризиса, что затрачиваемые ресурсы на переход к новому типу материально-технического развития все меньше компенсируются получением дополнительных ресурсов, т. е. авансируемый труд все меньше «оплачивается». Техника постоянно

стремится к достижению предельного уровня производственно-природного равновесия, на котором она исчерпывает свою всеобщую функцию быть средством выживания человека. Вопрос о реальном достижении такого предела является предметом острых дискуссий в самых разных областях и получает альтернативные решения в виде технологического оптимизма и пессимизма, провозглашаемых различными технократическими концепциями, развиваемыми на общей методологической основе технологического детерминизма в рамках абсолютистской социально-теоретической модели общества.

Всеобщее обесценивание прошлого труда особенно наглядно проявляется в периоды социально-производственной реконструкции, например, в процессе коренного реформирования всей общественной жизни на постсоветском пространстве, где при переходе к рыночному регулированию и экономической открытости резко выросли цены и упала зарплата. В случае дальнейшего технологического отставания этот провал будет только углубляться, а преодоление разрыва требует дополнительных материальных средств. Вопрос об их источнике является главной проблемой для большинства бывших советских республик.

Техника периода первобытной дикости, представленная примитивными ручными орудиями, была, по образному выражению К. Маркса, данным самой природой органом деятельности человека, который он присоединял к органам своего тела, удлиняя их естественные размеры. Она позволяла человеку расширить экологическую нишу своего существования, но не могла обеспечить выхода за пределы ограничений естественно-природного равновесия. Здесь качественное отличие человека от животного в том, что люди с помощью техники добывали ресурсы не только непосредственно из природы, но и захватывая ресурсы, добытые другими людьми, включая и их самих. Распространение человека в природе происходило не только как расширение вида путем вытеснения других видов, но и как результат внутривидовой борьбы, которая стала главным фактором отбора и развития.

Все отличие человеческого существования от животного в конечном счете сводится к выживанию за пределами естественно-природного равновесия, благодаря способности человека находить дополнительные ресурсы в окружающей природной среде. Но главным таким ресурсом,

изначально-обязательным и исторически-всеобщим, явился человеческий труд, но не самого человека, а другого человека, т. е. чужой человеческий труд, созданная самой природой готовая рабочая сила. И только при наличии такой (чужой) рабочей силы оказалось возможным использовать другие предметы и процессы природы. Образно говоря, для того чтобы «поймать» силы природы и заставить их «работать», человек должен был сначала поймать другого человека и заставить его трудиться. Первоначальным источником авансированного труда является готовая рабочая сила захваченных рабов. А потом она пропорционально возрастала, как проценты на банковский вклад.

Наступление эпохи цивилизации ознаменовалось созданием техники, позволившей человеку перейти к универсальному использованию окружающей среды в качестве источника ресурсов своего существования и тем самым преодолеть ограничения естественно-природного равновесия. Но если эффективность труда изначально имеет отрицательное значение, когда расход рабочей силы изначально выше полученного результата, то для осуществления процесса производства недостаточно покорения сил природы, необходимо еще покорение сил другого человека, превращение его всего лишь в говорящее орудие. Качественное отличие техники цивилизованного общества от первобытной техники состоит в том, что она позволяет человеку превратить другого человека в средство своей целесообразной деятельности, использовать его как данную самой природой рабочую силу. Соответственно вся техническая история цивилизации характеризуется двойственным отношением человека к технике, проявляющимся в общественном разделении людей, когда для одних техника является средством жизни и собственного развития, а другие служат ее живым придатком, развивающимся в границах выполнения предписанной им техносервисной функции.

Таким образом, бытие техники в качестве второй природы есть всего лишь субстратное выражение ее сущности. Главное в технике – ее функциональность: техника не только средство материально-предметной деятельности, она есть средство превращения одного человека в средство другого человека. Без этого технический способ жизни просто неосуществим. Следовательно, призыв жить в согласии с природой означает призыв вернуться в природу, отказаться от человеческого способа

жизни, смысл которого состоит не в применении ножа и вилки, а в выживании в природной среде за пределами ее ресурсов на основе фундаментального социального отношения «цель–средство».

Как естественная органическая жизнь не выходит за рамки существования природы и является одной из форм природного бытия, так и человек представляет собой специфический способ существования живого, главные особенности которого состоят, во-первых, в предметно-орудийной деятельности, т. е. в производстве на основе техники, во-вторых, в особой организации совместной жизни на базе фундаментального социального отношения «цель–средство». Впрочем, использование техники само по себе не создает человеческого способа жизни, а является лишь его необходимой предпосылкой. Поэтому не имеют достаточных оснований популярные рассуждения о разумности некоторых животных и об их способности к целенаправленному созданию и систематическому использованию орудий труда, именно технических средств, а не просто случайно попавших в поле внимания предметов. Создание и использование техники оказывается возможным лишь при условии превращения одного человека в средство существования другого человека, только за счет этого компенсируется отставание получаемой в процессе производства массы ресурсов жизни от массы ресурсов, затрачиваемых на производство. И наоборот, превратить одного человека в средство существования другого человека можно только с помощью техники. В этом синтезе человека и техники в виде говорящего орудия их взаимодополняемость симметрична – здесь можно равнозначно говорить о присоединении человека к орудию или орудия к человеку.

Интеллектуальная и материально-предметная деятельность по созданию орудий труда качественно отличает людей от животных не сама по себе, а в контексте включенности человека в систему производственного функционирования орудия в качестве простого средства. Именно орудийное функционирование одного человека в руках другого человека явилось конечным результатом материально-деятельностной эволюции, высшим выражением технического первобытного гения. Как жизнь животного сводится к поиску пищи, так и жизнь человека сводится к производству средств существования. Однако

человек, в отличие от животного, осуществил внутривидовое раздвоение на цель и средство и основал на этом раздвоении *систему общества*.

Главное социальное отношение господства и подчинения, бытие людей в отношениях друг с другом в качестве цели и средства составляет столь же необходимое условие осуществления материального производства, как и техника, это две равноправные и неразрывно связанные стороны процесса производства. Данное общественное отношение «цели и средства» само по себе, как таковое, не зависит от уровня материально-технического развития и всегда остается базовым элементом любой социальной системы. В ходе технического прогресса меняются лишь его исторические формы, и именно в этих пределах детерминации можно говорить об определяемости производственных отношений характером и уровнем развития производительных сил. Что касается *социальных революций*, то они сводятся к перераспределению мест в системе социальной дифференциации, не будучи в состоянии упразднить ее в принципе.

Следовательно, стержневую основу так называемого технического прогресса, понимаемого как прогресс в подчинении природы человеку, составляет прогресс в подчинении человека человеку. А поскольку «оба» человека – разумные существа, то это стремление превратить другого в свое средство сугубо взаимно, а потому и технический прогресс в этом плане двусторонен, симметричен, что наглядно выражается в непреходящем соревновании снаряда и брони, замка и отмычки и т. п.

В условиях одиночного существования человек не может создавать технические средства и вести собственно человеческий (орудийный) образ жизни. В этом случае интеллект бессилён и, следовательно, не нужен, а значит, возникновение человека, понимаемое как выделение животного из природы, оказывается невозможным. Техника является результатом совместной материально-предметной деятельности, осуществление которой требует интеллекта, необходимого как для идеального моделирования среды в ходе целеполагания и определения средств, так и для коммуникации, позволяющей координировать предметные действия. Однако концентрация индивидуальных усилий, увеличивающая производственную мощность, не ведет к пропорциональному увеличению получаемого конечного результата; последний, наоборот, оказывается

200

относительно меньшим в том плане, что не обеспечивает воспроизводства затраченных сил и, следовательно, выживания всех участников производства. Отсюда вытекает, что совместная производственная деятельность, будучи необходимым условием человеческого способа жизни, характеризуется единством противоположных отношений сотрудничества, кооперации (координации) деятельности и борьбы за место в социальном пространстве.

Таким образом, человек не может выжить в одиночку, для этого требуется совместность жизнедеятельности. Данное обстоятельство обусловлено двумя основными факторами – обязательным использованием техники и необходимым установлением отношения «цель–средство». Уже в первобытном стаде применение простейших орудий и разделение производственных функций обеспечивает выход за пределы ограничений существования рамками биологического равновесия. Отношение «цель–средство» здесь двоякое: во-первых, выживание одних за счет гибели других (например, в процессе коллективной охоты). Высокая рождаемость при высокой смертности, быстрая смена поколений при маленькой продолжительности жизни – все это обуславливает общественное выживание (трансформированное, социализованное видовое выживание), когда его целевым субъектом является общность как таковая. Во-вторых, в первобытном стаде есть биосоциальное ядро в лице вожака как хозяина – распорядителя, концентратора и транспортера социальной информации. Не случайно вожак проживает два века, сосредоточивая в себе лучшую пищу, лучший генетический материал за счет большего разнообразия пищи и брачных связей. Можно предположить, что нынешние долгожители наследственно связаны со своими далекими предками – вожаками.

В природе внутривидовая борьба за существование ограничивается устранением конкурентов путем их вытеснения с территории или, в крайнем случае, уничтожения. Для человеческого способа существования этого недостаточно – борьба за выживание между людьми предполагает *превращение жизни одних в средство жизни других*. Вместе с тем эта борьба ведется не на атомарном (индивидуальном) уровне и не является буквально войной всех против всех, борьба индивидов за существование опосредована соответствующей борьбой между общностями (социальными группами).

Понятие борьбы за выживание имеет давнюю историю и является широко употребительным. Однако объяснение самому феномену борьбы дается либо натуралистическое (ограниченность ресурсов природной среды), либо психологическое (врожденная агрессивность и эгоистичность человека), но в обоих случаях сугубо феноменологическое, поверхностное. Разработка социально-научной модели общества, теоретически объясняющей борьбу за выживание как фундаментальное социальное отношение, находится на начальной стадии.

Борьба за выживание неотвратимо втягивает всех и каждого, избежать ее, уклониться от нее не может никто. Каждый человек в той или иной форме делает (осознанно или неосознанно) свой выбор в безраздельной принадлежности к «мы» и, следовательно, ставит себя в бескомпромиссное противостояние по отношению к «они». Либо мы их, либо они нас – третьего не дано. Люди с сильной верой и сильной волей (волей духа, прежде всего, ибо ее физиологическое выражение – только сопутствующий материал) легко и свободно делают свой выбор. Люди слабые либо не могут сделать окончательного, разового выбора, поскольку не обладают устойчивой верой, либо по слабости духа (воли) всегда подчиняются, меняются, предаются, а потому они всегда страдают. Осознание действия техносоциальной формулы выводит борьбу за существование за рамки ценностных суждений, она не может быть *справедливой или несправедливой*, гуманной или антигуманной, – борьба за выживание характеризуется только *степенью результативности*. Но в доведенном до логического конца виде, в абстракции, осознание формулы предстает как полная рационализация, очищение от каких бы то ни было мифов абсолютной свободы воли к жизни. Реализация такой абстракции неизбежно привела бы к социальной катастрофе.

Принадлежность к «мы», оправдание любого воздействия на «они» может быть выражена не только активно, но и в виде молчаливого согласия, одобрения, а также равнодушия. Но никто и никогда не сможет избежать выбора между «мы» и «они», потому что никто и никогда не сможет выжить вне общества. От выбора не уйти, потому что объективную реальность не обмануть.

Социализация человека означает его включенность в систему общественных отношений, стержень которых составляет

фундаментальное социальное отношение «цель–средство». Соответственно образование – это формирование свойств, необходимых для данного включения, и, следовательно, образование есть условие социализации человека, но не сама социализация.

Положительная величина эффективности производственного функционирования общественной системы, будь то отдельное предприятие, целая историческая общность или объединение нескольких общностей, может быть достигнута либо за счет низких затрат на рабочую силу, энергоносители и сырье, либо за счет высоких цен на готовую продукцию. Низкие затраты на рабочую силу означают эксплуатацию работников (своих или чужих), низкие затраты на энергоносители и сырье указывают на их колониальное происхождение, высокие цены на готовую продукцию возможны либо на основе силовой монополии, либо на основе достижений научно-технического прогресса, передовых технологий. Но в любом случае положительная величина эффективности производственного функционирования общественной системы необходимо предполагает ее подпитку извне за счет отрицательной величины эффективности функционирования другой общественной системы, будь то классы или слои внутри одной исторической общности, или целые общности в рамках систем межобщностного взаимодействия.

Никогда не прекращающаяся борьба за выживание, порождаемая и воспроизводимая всеобщим непреодолимым дефицитом ресурсов жизни, насквозь пронизывает общество в виде перепадов уровней жизни от богатства до нищеты и в совокупности образует постоянную напряженность общества, определенное *социальное давление*. Это понятие методологически работает как в аспекте существования индивида, подверженного давлению со стороны социальной среды, аналогичному давлению какой-либо материально-предметной среды (например, воды, газа, магнитного поля), но с тем отличием, что от социальной среды невозможно изолироваться (гарантированно защитить карман, квартиру, зарплату, информацию, жизнь, свободу, честь и т.д.), т.е. от социального давления нигде нельзя укрыться; так и в аспекте существования общности, уровень социального давления в которой характеризует ее состояние, степень устойчивости (социальное здоровье). Повышенное социальное давление говорит о состоянии общественного кризиса.

Учитывая, что социальное давление субъектно по источнику и адресной направленности, одни люди оказывают давление на других людей, а не просто люди давят друг на друга, *социальное давление* может быть обозначено как *насилие*, имеющее сквозной, всеобщий характер. Данное понятие обычно рассматривается в рамках ценностного сознания и имеет негативное значение. Соответственно, из тезиса о всепроникающем характере социального давления следует тезис о неотвратимости насилия, драматизирующей человеческую жизнь, которая характеризуется непрекращающимся состоянием напряженного ожидания насилия и готовности к определенному действию. У одних людей это выражается в страхе и желании спрятаться, у других, напротив, в агрессивности и стремлении опередить в насилии. Возможно, здесь заложены исходные психологические различия социального поведения, естественный природный материал формирования социальной структуры общества.

Рост общественного богатства оказывается изначально возможным за счет того, что рабочая сила является таким же готовым продуктом, как и сила природы. Человек производящий – это всего лишь материальный носитель, субстрат рабочей силы, объект организационно-производственной деятельности, вынесенный за скобки человеческого бытия, находящийся вне сферы собственно человеческого существования. Исторические формы рабочей силы развиваются от простейшей организации подневольного рабского труда в древности до информационно-технологического колониализма в современном глобальном мире, когда за счет резкого перепада уровней материально-технического развития производственное функционирование одних общностей подчинено существованию других общностей.

С одной стороны, масса человечества растет, казалось бы, вопреки законам живой природы. С другой стороны, этот рост вполне вписывается в рамки естественной закономерности, имея своим источником расширение сферы использования природных ресурсов, включая рост численности народонаселения как увеличение массы рабочей силы. Однако наращивание объема ресурсов становится все труднее и дороже, в том числе увеличивается и трудоемкость воспроизводства рабочей силы. Абсолютное снижение эффективности общественного производства компенсируется достижениями научно-технического прогресса. Данное

постоянно разрешаемое противоречие материально-технического развития сопровождается обостряющимся социальным противоречием, обусловленным интеллектуализацией технологической функции рабочей силы при сохранении ее социального функционирования в качестве средства.

В изолированном состоянии первичная человеческая общность достигает предельного уровня материально-технического развития и дальше не может расти. Она либо раскалывается при благоприятствующих росту естественных условиях, либо существует на некотором фиксированном, допредельном уровне. Для подъема на более высокий уровень материально-технического развития, для перехода к производственно-природному равновесию необходима уже совместная межобщностная жизнедеятельность, организованная по той же схеме, что и внутриобщностная, межиндивидуальная, т. е. с установлением отношения «цель–средство». Общности – «цели» тоже воплощают в себе функции носителей социальной информации, у их членов тоже большая продолжительность жизни, в них тоже сосредоточивается большее количество ресурсов жизни при более высоком качестве.

Таким образом, человек включен в сферу бескомпромиссной борьбы за место в системе отношений господства и подчинения через сферу единения и сотрудничества, в тенденции стремящихся к достижению полного социального тождества. Иначе говоря, отдельно взятый индивид лишь опосредованно является субъектом отношения «цель–средство» и, будучи членом той или иной общности, ориентирован на позитивную нормативность жизнедеятельности (например, христианские заповеди), в той или иной форме свойственной каждой исторической общности. В пределах своей общности жизнь человека извне задается справедливостью, а изнутри – совестью. Вне общности, в сфере межобщностного взаимодействия борьба за место в системе отношений господства и подчинения имеет непосредственный характер, является абсолютной. Союзы и объединения здесь сугубо относительны, а нормативность исключительно однонаправлена: в отношениях между общностями закон и справедливость отсутствуют.

Итак, социальное отношение «цель–средство» превращает просто живое существо в человека и определяет все коллизии человеческого

существования с точки зрения его социального бытия. Это отношение обуславливает принципиальную незавершимость человеческой истории и ненасыщаемость сферы материально-предметного бытия человека. Не имеющий логического предела самовозбуждающийся процесс материально-технического развития происходит как гонка, борьба за выживание и одновременно как всеобщее стремление к преодолению техносоциальной формулы общества, подобное вечному стремлению к реализации принципа вечного двигателя.

Социальная дифференциация есть отношение различия, устанавливаемое и поддерживаемое активно. Это отношение зависимости, а не просто различия не зависящих друг от друга людей. В конечном счете социальная дифференциация выражается в дискриминации, как узаконенном неравенстве, по самым разным признакам – расовым, национальным, религиозным, имущественным и пр. Бедными и богатыми не рождаются изначально, подобно брюнетам и блондинам, ими становятся в процессе борьбы за выживание, происходящей без объективно заданных правил и беспристрастного судейского надзора. В собирательном виде *социальная дифференциация – это разное право на жизнь вообще.*

Таким образом, жизнь за пределами естественно-природного равновесия является сущностным признаком человека как особого существа в природе. Освещается ли он электричеством или живет при свечах, пользуется ли самолетом или перемещается на телеге, воюет ли он с помощью огнестрельного оружия или «вручную», удерживает ли работника с помощью железного ошейника или «привязывает» его к рабочему месту зарплатой – все это само по себе не является показателем собственно человеческого бытия человека, критерием общественного прогресса. Устойчивость, запас прочности выживания – вот главный показатель для человечества в целом, здесь не может быть никаких ценностных суждений, поскольку по техносоциальной формуле *благополучная, ровная жизнь возможна только на основе дезорганизации другой жизни.*

Закон техносоциальной формулы обуславливает насильственный характер производства, потому что добровольно никто не будет затрачивать энергию (ресурсы жизни) больше, чем будет получено в

результате. Абсурдно затевать изначально нерентабельное производство. Однако в реальной действительности производство организуется и приносит прибыль. При этом никто не собирается обманывать природу, и новое производство затевается лишь в том случае, когда, во-первых, уже имеется отдача от авансированного ранее труда и когда, во-вторых, есть возможность опередить других и успеть воспользоваться природной рентой. Кроме того, в общественном производстве всегда есть неэффективные отрасли, существующие как в силу технологической необходимости и экологической целесообразности, так и из соображений гуманизма и социальной поддержки, за счет эффективных отраслей. Следовательно, производство, взятое в целом, т. е. в единстве всех его отраслей, и рассматриваемое в общеисторическом плане, является неэффективным и постоянно дотируется за счет нарастающей массы не компенсируемого, отчужденного труда.

В самом общем виде производственное действие включает в себя определение производимого продукта, приобретение оборудования, технологий, сырья, рабочей силы, организацию производственного процесса, сбыт и многое другое. Система экономики, национальной или мировой, складывается из множества субъективных производственных действий и не поддается прямому расчету, регулируется рынком, т. е. функционирует и развивается стихийно, на основе баланса спроса и предложения. Однако главная причина невозможности прямой, непосредственной регулируемости экономики состоит не в ее чрезвычайно сложной многомерности, а в действии техносциальной формулы, которое обуславливает включенность в экономическое действие не только элементов собственно предметного расчета, но также элементов игры и борьбы. Это означает, что для получения положительного результата экономического действия наряду с его предметным расчетом необходимо еще преодолеть определенное субъективное и объективное противодействие со стороны поставщиков, кредиторов, конкурентов, потребителей и так далее, т. е. нужно еще переиграть субъектов противодействия, а при необходимости победить их силой. *Обычно экономический расчет и игру обеспечивают сами экономисты, а борьбу осуществляют уже политики.* Не случайно политика определяется как концентрированное выражение экономики.

Рост общественного богатства происходит по схеме построения печально известной финансовой пирамиды, поддерживаемой увеличивающимся притоком новых вкладчиков, т. е. за счет расширения такого же притока дополнительной рабочей силы на основе расширенного воспроизводства народонаселения. Однако, в отличие от абсолютной предельности размера пирамиды в соответствии с числом потенциальных вкладчиков, рост общественного богатства не имеет какого-либо достоверно установленного предела в силу отсутствия достоверно установленных пределов ресурсного потенциала природы.

Техносоциальная формула общества, как его познавательная модель, позволяет подвести под социальную теорию естественнонаучные основания. Она выражает всеобщий принцип существования общества в природе и в технологическом плане представляет собой неравенство затрачиваемых и получаемых в производстве ресурсов жизни, состоящее в непреодолимом отставании массы производимых ресурсов от массы затрачиваемых. Соответственно в социальном плане данная формула предполагает установление отношения «цель–средство» как фундаментального общественного отношения, обеспечивающего возможность поддержания общественного производства при изначально отрицательном значении его эффективности. Следовательно, основным средством осуществления процесса производства является насилие одних людей над другими, исторически меняющее свою форму вслед за изменением формы технологического способа жизни (типа материально-технического развития). В свою очередь отношение «цель–средство», как базовое социальное отношение, определяет всю систему человеческой духовности, насквозь пронизывая ее переживанием этого отношения, составляющего главное содержание человеческого способа жизни.

Действие техносоциальной формулы определяет все особенности строения общества – собственность, семья, государство, культура (вера, любовь, мораль). Ее понимание позволяет развить дальше исторический материализм и соединить объективность и субъективность в рассмотрении социальной деятельности, в первую очередь, показать объективный закон материального производства, за пределы которого человек не может выйти ни при каких обстоятельствах, в результате чего труд никогда не перейдет

от статуса внешней необходимости к статусу свободно развиваемой потребности.

С введением в социально-научный оборот модели техносоциальной формулы появляется возможность теоретического, а не эмпирического анализа общественной жизни. В частности, становится возможным находить и обозначать те теоретически предельные показатели, принципиальные ограничения в области материально-предметной и социальной деятельности, аналогично теоретическим пределам и ограничениям в технике. Однако техносоциальная формула общества, как абстрактная теоретическая модель, не может служить человеку непосредственным руководством к действию в конкретной социальной практике. Она представляет собой всего лишь один из ее фундаментальных законов (принципов), устанавливающих объективные пределы человеческой жизнедеятельности.

История управления обществом демонстрирует неуклонное движение от субъективистского произвола к признанию объективной обусловленности социального бытия и ограничению социального действия рамками объективно-возможного. Высшим уровнем признания этой объективности является осознание техносоциальной формулы общества. Оно не ведет к всеобщему отказу от условностей общественной нормативности и открытому провозглашению войны всех против всех. В сфере социального управления осознание формулы выражается в овладении методологией построения целостных моделей общества, на уровне индивидуально-массовой жизни оно сводится к установлению рационально-эгоистической расчетливости в ее организации. Но в доведенном до логического конца виде, в абстракции, осознание формулы предстает как полная рационализация, очищение от каких бы то ни было мифов абсолютной свободы воли к жизни. Реализация такой абстракции неизбежно привела бы к социальной катастрофе.

Техносоциальная формула заключает в себе всеобщее общественное противоречие (или является его основанием), которое состоит в том, что самоутверждение человека, как человека, выражающееся в превращении природы в средство своего существования, одновременно содержит в себе и его самоуничтожение, относительно выражающееся в превращении одних людей в средство существования других, и абсолютно – в тенденции

к полному самоуничтожению по логике необратимого разрушения природы и беспредельного нарастания разрушительной мощи оружия. К этому противоречию в конечном счете сводится все многообразие общественных противоречий в той мере, в какой техносоциальная формула обуславливает человеческий способ жизни вообще.

В целом техносоциальная формула позволяет ответить на некоторые принципиальные теоретические вопросы, поставленные перед социальной наукой в связи с переломным моментом переживаемой нами истории. И прежде всего на главный из них – о наличии объективной закономерности общественного развития, поддающейся научному анализу. Техносоциальная формула определяет эту закономерность, вытекающую из преемственности естественно-природного и социального развития, описывает их единство и различие и показывает точку изгиба в эволюции живой материи, перешедшей в эволюцию социальную, раскрывает структуру этого перехода.

11.3. Крайности либерализма и централизма

Управление обществом в конечном счете сводится к управлению системой социальной дифференциации: именно она задает структуру целевого потребительского комплекса, а через него и всей материально-технической системы, выступая тем самым в качестве движущей силы материально-технического развития. В соответствии с техносоциальной формулой, которая обуславливает наличие в обществе социальной дифференциации и насилия в организации производства как внутри общности, так и в ее взаимодействии с другими общностями, возможны два основных типа организации общности, теоретически представляемые *централизмом* и *либерализмом*. В зависимости от положения общности в мире (изоляция, господство–лидерство, подчиненность–отсталость) складывается баланс соотношения централизма и либерализма.

Поскольку вся совокупность проблем обеспечения материально-технической целостности имеет ярко выраженный социальный характер, постольку их решение всегда связано с совершенствованием общественных отношений. В частности, с целью такого совершенствования осуществлялась и социалистическая революция, оно было сквозной задачей всей семидесятилетней истории реального

социализма, начиная со зловещего тезиса об усилении классовой борьбы и кончая «лебединой песней» теории социализма – так и не сформулированной концепцией перестройки.

Непосредственной причиной крушения системы социализма в России явилось то, что перестала работать сквозная схема централизованной социальной структуры, сложившаяся в определенных исторических условиях. Изначально в ее основу была заложена простая идея: при переходе от частной собственности к общественной устанавливается *всеобщее централизованное управление общественной жизнью*, задачей которого является точный расчет всех параметров общественно-экономической системы и принятие необходимых решений. При обеспечении их достаточной компетентности и соответствующей точности выполнения всеми элементами (отдельными индивидами и группами) своих общественных функций будут достигнуты высокий уровень экономического развития и адекватная социализму социальная справедливость.

Однако в условиях поддержания общественной целостности преимущественно с помощью директивных методов управления постепенно стали все более проявляться две отрицательные тенденции: 1) администрирование переросло в устойчивый бюрократизм, носитель которого стал формироваться как определенный социальный слой; 2) деятельность исполнительных элементов получала все более формальный характер и все более подменялась показным выполнением распоряжений. Как это ни парадоксально звучит, но *чем больше бюрократического централизма, тем меньше порядка*. В конечном счете созидательная деятельность на всех уровнях перерастает в простое функционирование, социальная активность неуклонно снижается, а сущность человеческого фактора все более дегуманизируется и находит свое выражение в так называемых негативных явлениях.

Основу исторической нежизнеспособности социализма составил выход из-под контроля целостности общества, его фундаментальной характеристики, хотя, как всегда считалось, именно эта характеристика составляет основное преимущество социализма. Централизованное управление в течение всего периода своего существования очень легко справлялось с неудобными местными инициативами, но не знало врага

страшнее ведомственности, которая так и не была побеждена и благополучно пережила централизм. Иначе и быть не могло, потому что ведомственность в условиях господства государственной собственности есть адекватная ей форма социальной дифференциации, и пытаться ее устранить – то же самое, что придать прямоугольную форму жидкости, налитой в круглый сосуд. Вместе с тем ведомственность – лишь обратная сторона медали, а лицевая сторона представлена бюрократизмом как прямым выражением централизма, т. е. главной формой социальной дифференциации, для которой ведомственность – по сути «конкурирующая фирма».

Критика централизма ведется давно, она началась еще задолго до возникновения реального социализма. Но она велась и до сих пор ведется преимущественно в социально-психологической плоскости: нет свободы действия, отсутствуют основания для инициативы, неизбежны злоупотребления властью и т. д. Но все это тем не менее декларативно, поверхностно и в принципе применимо для критики либерализма – антипода централизма: те же злоупотребления властью, манипулирование общественным сознанием, формальный характер демократии, бюрократизм и пр. Значит, надо вести поиск в материальных основаниях жизни, который позволил бы объективно сопоставить централизм и либерализм как формы устройства общества. Но именно такой подход пока что еще не проявил себя хоть сколько-нибудь заметно, рассуждения ведутся, как правило, от противного, когда опровержение одного выдается за утверждение другого.

Разница между централизмом и либерализмом в идеологической плоскости рассмотрения в конечном счете видится как разница в уровне благосостояния народа, тогда как в социально-теоретическом плане – это разница в формах социальной дифференциации, которую сторонники либерализма всячески приглаживают, но видят в ней двигатель прогресса, а сторонники централизма считают тормозом общественного развития и провозглашают ее устранение конечной целью социалистической революции, достигаемой за счет непрерывного повышения производительности труда. Планирование, как расчет, является обязательным элементом материально-технической деятельности и в этом смысле его нельзя считать изобретением и преимуществом централизма.

Однако рамки планирования ограничены мерой предметной сопряженности, объемом элементной полноты системности, т. е. планирование осуществимо только в том случае, если есть возможность точно определить, соотнести друг с другом цели и средства деятельности, все ее объективные составляющие, когда результат деятельности зависит лишь от точного выполнения программы субъектами деятельности.

Приоритет централизма заключается в расширении планирования до масштабов управления всем обществом, но перевешивающий положительный результат здесь получить невозможно. На «выполнение» планов фашистской Германии работала вся Европа, а пятилетки в Советском Союзе истощали собственную страну. Более того, при тотальном планировании оказывается невозможным реальное планирование и в целостных системах, поскольку их включают в общую систему «незавершенки» и не позволяют добиться необходимой элементной полноты. В условиях господства директивно-административных методов управления экономикой расчет целостности предприятия принципиально не мог выйти за рамки его текущего функционирования, поскольку для расчета развивающейся целостности изнутри у предприятия не было хозяйственной и тем более социальной самостоятельности.

Централизм и либерализм можно наглядно представить как два разных способа установления определенного уровня в множестве сообщающихся сосудов. Централистский способ не признает закона сообщающихся сосудов и требует устанавливать уровень в каждом сосуде по отдельности; либерализм, напротив, полагается только на автоматическое действие закона и не учитывает, что жидкость где-то может переливаться через край, а где-то не достигнет необходимого уровня, поскольку сосуды стоят на разной высоте.

Сущность централизма в том, что существование общества (общности) выше существования индивидов. Целое, в данном случае социальное, больше суммы составляющих его частей – вот объективное основание централизма. Данное положение не означает признания наличия общества как такового, самого по себе, как отдельного субъекта, представленного, например, в лице государства. В обществе нет ничего, кроме совместно живущих индивидов, но эта совместность является

необходимым условием их существования, а не внешней заданной неизбежностью общего пространства или общего порядка.

Централизм обеспечивает верховенство общего интереса над частным, т. е. существование общности как целого. Формы властной организации исторически многообразны, будь то личная власть вождя, монарха, президента, диктатора или парламента. В этом смысле централизму нет альтернативы, и все различия между социализмом и капитализмом представляют собой нечто вторичное. Соответственно капиталистическое общество в США является не менее централистским образованием, чем был социалистический СССР. Весь вопрос в масштабах централизации, степени охвата ею разных сфер общественной жизни, глубине проникновения в них. Все это определяется особенностями геоисторической формулы общности, а в условиях глобализации, в первую очередь, – характером ее вхождения в систему мирового взаимодействия.

Предельно возможная всеобщая централизация приводит к так называемому тоталитаризму, рассмотрение и оценка которого вне конкретно-исторических обстоятельств не имеет смысла. Не поддается централизм однозначному определению и в плоскости оппозиции категорий демократии и диктатуры. В конечном счете все измеряется объемом ее общественно значимого наполнения, степенью направленности на выражение общественного интереса. В зависимости от соотношения частного и общественного в централизме он может быть как разрушительным, так и созидательным (конструктивным и деконструктивным) механизмом общественной организации. Как правило, борьба против централизма оборачивается борьбой против самой общности, в результате чего последняя, освободившись от централизма внутри себя, попадает в жесткую централистскую систему международных отношений. При этом отдельные члены общности становятся независимыми от нее и получают полную свободу действий, обретают статус граждан мира, способных в защите своих интересов противостоять общности в целом. В лидирующих общностях, казалось бы, неограниченно либеральных, такое противопоставление частного общественному жестко пресекается.

Самым главным при анализе места и роли централизма в общественном развитии является вопрос о соотношении экономики и

политики. Здесь особенно важно исходить из верховенства общественного интереса в его отношении с частным. Как известно, политика есть концентрированное выражение экономики. В лидирующих общностях, находящихся примерно на одном уровне экономического развития, будь то целостные унитарные государства или отдельные структурные элементы федераций и конфедераций, экономический и политический либерализм взаимосогласуются друг с другом как во внутренних, так и во внешних отношениях.

В зависимых, подчиненных общностях экономический либерализм и политический централизм обеспечивают придаточный характер их существования, при этом политический централизм имеет преимущественно диктаторскую форму и во многом зависит от личностных факторов. Исходя из географических и демографических условий развития современной России и ее особого места в геополитическом мировом пространстве, создание устойчивой общественной системы, саморегулируемой на основе последовательно реализуемых принципов либерализма, в обозримом будущем представляется маловероятным. Соотношение тенденций демократизма и либерализма, с одной стороны, авторитаризма и централизма – с другой, определяется не столько внутренними, сколько внешними движущими силами развития России. Либерализм в современных условиях не обеспечивает главного – сохранения устойчивой самостоятельности в системе внешней социальной дифференциации.

Таким образом, в независимой, крупнодержавной общности, какой является Россия с ее чрезвычайно дифференцированной по экономическим возможностям и условиям жизни территорией, *сочетание политического централизма и экономического либерализма весьма проблематично, а сквозной либерализм просто несовместим с ее общностной целостностью.*

В связи с объективной незавершенностью системы материально-технического развития, невозможностью законченного сопряжения ее элементов, в хозяйственной деятельности наряду с точным расчетом, как правило, бывает необходим и риск. Его нельзя отождествлять с принятием произвольного решения вслепую. Риск в экономике – это расчет, основанный на определенной модели ее целостности, на «вычислении» ее

определяющих элементов. Но поскольку система принципиально незавершима и потому многовариантна в своих построениях, экономические отношения, будучи взаимодействием интересов, несмотря ни на какие достижения информатики, всегда сохраняют характер игры. В результате *деловой успех* всегда будет зависеть от известной доли *риска*, поскольку хозяйственная деятельность под влиянием объективных и субъективных факторов принципиально не может быть свободной от непредсказуемости стечения обстоятельств. Образно говоря, рисковать может лишь тот, кто умеет считать, а выигрывает необходимо тот, кто рискует. Ясно, что в схеме жесткого централизма такой подход представляется немислимым, а в условиях рыночных отношений без него просто не обойтись.

Безусловным преимуществом централизма на определенном этапе явился плановый подход в масштабах всего общества к сфере социального развития. Однако при отсутствии достаточной материальной базы это во многом свелось к уравнительству очереди, с одной стороны, и иерархии привилегий – с другой. Иначе говоря, процесс свелся к планированию социальной дифференциации. Либерализм предполагает неограниченность процесса обогащения и вытекающую отсюда неограниченность развития во всех сферах. Для тех, кто обогащается, нет пределов, а потому нет и цели обогащения, кроме стремления не опуститься ниже достигнутого уровня. Те, кто существует фиксированно (типа российских бюджетников), необходимо испытывают чувство обреченности и сопутствующей ей неизбежной неудовлетворенности, ибо для них задача – выжить в буквальном смысле, абсолютно. Централизм устанавливает предел обогащения, а потому упрощает проблему удовлетворенности в рамках всеобщего относительного равенства, но одновременно устанавливает и предел развития.

Всеобщая целостность общества нереализуема на основе одной программы в силу своей принципиальной незамыкаемости, несводимости к какой-либо единообразной структуре. Иначе говоря, основное противоречие целостности общественного развития в социальном плане состоит в том, что все многообразие стоящих перед людьми задач в своей совокупности не имеет полной конечной разрешимости, причем не только

по средствам, но даже по самой постановке при сведении их друг с другом в одну общую программу.

Таким образом, *управление функционированием и развитием всеобщей целостности* (общностью в целом) принципиально не может быть осуществлено сугубо централизованно. *Централизованное управление* целостностью устанавливает жесткую фиксированность ее структуры, но в общественной целостности объединены люди, наделенные суверенным сознанием, обладающие свободой воли и поведения. Чем выше уровень их развития, тем сильнее внутреннее противоречие социальной организации – между централизованным и самостоятельным управлением, где последнее относится и к отдельным индивидам. Это противоречие в конечном счете выражает межличностные отношения, и центр управления есть лишь орудие организации общественной жизни в соответствии с интересами определенных социальных групп и слоев.

Сильная авторитарная власть в условиях централизма необходима не на временный период от революционного переворота до «полной и окончательной победы», она необходима постоянно по объективной причине принципиальной системной незамыкаемости, незавершенности материально-технической целостности, когда все время требуется принимать волевые корректирующие решения в условиях хронических «прорывов» во всех сферах общественной жизни. Здесь научно-статистическими функциями не отделаешься. Поэтому сама первоначальная идея централизованного устройства общества, хотя этого ее сторонники или не хотят, неуклонно ведет к потребности в мудром учителе и вожде; а известная ленинская схема коллективного руководства при регулярной сменяемости, всеобщем контроле и прочем проблему не решает и является сугубо переходной, пока в процессе борьбы не останется последний член первоначального руководящего коллектива, что, собственно, и произошло на практике.

Следовательно, *централизм объективно не может достичь целей, во имя которых провозглашается*. Функционирование и развитие общественной системы оказывается подчиненным единой воле, элементы системы связываются в целое этой волей, и системы фактически нет, без действия воли она сразу же рассыпается. В этой связи централизм отвергается не потому, что он ограничивает свободу как самоцель, но как

условие выживания. Централизм сам по себе не деформирует материально-техническую целостность, и уровень компетентности вождей или степень управленческой мобильности бюрократической системы здесь не главное.

Исходя из техносоциальной формулы общества, коллективизм, как основополагающий принцип организации производственной жизни, теоретически абсурден, поскольку провозглашает равенство в сфере, где движущей силой является социальная дифференциация, а организующим началом насилие; следовательно, практически он разрушителен и нежизнеспособен, так как формально устраняет это действительное начало и подменяет его фикцией централизованного управления, якобы объективно выражающего единство всеобщих интересов, а фактически ведет к засилию бюрократической элиты, не способной обеспечить устойчивое функционирование и развитие общности.

Взаимное противопоставление централизма и либерализма на том основании, что централизм за счет сознательной планомерности преодолевает разрушительное действие стихийности, а либерализм обеспечивает недоступную для централизма свободу, по своей социальной сути является мнимым противопоставлением. Во-первых, они одинаково порождают стихийность, но с той разницей, что либерализм включает в себе стихию массового действия, а централизм – стихию единоличного произвола на всех уровнях управления. Во-вторых, они одинаково не обеспечивают всеобщей свободы, различаясь лишь по форме ее ограничения в разных системах социальной дифференциации. Реальное эффективное управление необходимо включает в себя элементы централизма и либерализма, но не как «среднее арифметическое», а будучи свободным от их крайних значений.

Централизм, как и либерализм, – всего лишь средство сохранения, фиксирования определенной формы социальной дифференциации. К тому же историческая практика показала, что социальная структура общества в персонифицированном плане характеризуется значительной преемственностью. Можно предположить, что централизм характерен для переломных исторических моментов, при коренной смене системы социальной дифференциации; либерализм типичен для ее эволюционного развития. В своем крайнем выражении они одинаково ведут к ослаблению жизнеспособности общественного организма и одинаково неприемлемы в

качестве средства его долговременного развития, ибо если централизм есть «*дорога к рабству*», то либерализм – это путь хаоса и стихии.

Централизм необходимо ведет к авторитарному тоталитаризму, но и либерализм, доведенный до крайности, порождает условия для установления диктатуры. Только централизм начинается с установления «порядка» и кончается распадом, а либерализм начинается с анархии и кончается установлением такого же порядка – типичный случай схождения крайностей. Видимо, прав был поэт, когда говорил, что *две вещи могут погубить мир – это хаос и порядок*. В кризисных условиях централизм и либерализм конвергируют, одинаково смещаясь к какой-либо разновидности фашизма с его главным лозунгом – идеей исключительности, провозглашаемой применительно к внутренней или внешней социальной дифференциации общности. Централизм и либерализм, воплощенные в реальных системах управления, постоянно испытывают потребность в некоторых условиях, обеспечиваемых противоположной системой. Так, централизм всегда апеллировал к сознательности членов управляемой общности, их дисциплинированности, инициативности и т. д. В свою очередь, либерализм постоянно обращает взоры к государству, ожидая от него неких бесконфликтных законов, позволяющих всем обогащаться, не затрагивая ничьих интересов.

Централизм и либерализм, диктатуру и демократию нельзя рассматривать абстрактно, вне связи с конкретно-исторической формулой общности. В лидирующих (богатых) общностях существует диктатура закона, а не личностей. Свобода не зависящих друг от друга людей есть норма и ценность, поскольку свобода здесь не может быть орудием для превращения одних в средство других, диктатура личности здесь просто абсурдна. Наоборот, в отсталых (бедных) общностях свобода становится именно орудием, условием для превращения одних в средство других. Здесь устанавливается диктатура не закона, не формального равенства, а диктатура идеи справедливости, которую реализует личность. Социальная дифференциация тут будет глубже, но она регулируется. Конкретное соотношение централизма и либерализма, в конечном счете, определяется местом общности среди других общностей.

Таким образом, не следует подходить к диктатуре и демократии как самостоятельным, абсолютным ценностям со знаком плюс или минус. Есть

просто разные формы организации общества, но содержание социальной организации постоянно: всегда действует техносоциальная формула общества, всегда остается фундаментальным социальным отношением отношение «цель–средство», никогда не прекращается борьба за выживание. Весь вопрос в том, как это реализуется во внутренних и внешних отношениях общности. Декларация государственников провозглашает, что если все будут исправно выполнять свои обязанности и жить в соответствии с нормами морали (не воровать и т. д.), то жизнедеятельность общности будет эффективной. Но дело заключается в сути обязанностей. В соответствии с техносоциальной формулой права и обязанности в обществе прописываются господствующими социальными группами. В отношениях между общностями диктатура и демократия сливаются воедино: отношения демократии (свободы) устанавливаются силой. В итоге сильные общности делают то, что они хотят, а слабые – то, что их заставят.

Централизм и либерализм в равной мере опираются на утопическую абсолютистскую модель неограниченного прогресса, позволяющего решить проблему всеобщей обеспеченности средствами жизни, но при условии создания определенной социальной системы – в этом пункте они взаимно отрицают друг друга. Тем не менее абсолютистская модель позволяет реализовать в равной мере и централистскую, и либералистскую схему, одинаково утопические. Утопия централизма – добродетельный, просвещенный авторитаризм, утопия либерализма – всеобщее соблюдение правил игры. В сознании либерального общества доминирует идеология, централизм выводит на первый план общественную психологию.

Противопоставление централизма и либерализма имеет вполне определенный рациональный смысл только в границах действия техносоциальной формулы. Вне ее дискуссия сторонников централизма и либерализма имеет сугубо абстрактный характер и не может быть признана научной. В силу отсутствия эмпирической базы, это просто схоластика, выполняющая функцию идеологического обоснования практической борьбы частных интересов. Не менее абстрактны и попытки противопоставления свободы и справедливости как принципов общественного устройства. Таким же образом противопоставляются справедливость и эффективность.

Каждая общность в соответствии с ее геоисторической формулой характеризуется своей мерой централизма, обусловленного наличием общественно необходимых затратных элементов (армия, образование, здравоохранение, культура и т. п.), на почве совместного содержания которых не возникает антагонистических противоречий, связанных с уравниловкой или просто убыточностью. *Действительное управление обществом* всегда осуществляется где-то в промежутке между крайностями тотального централизма и абсолютного либерализма, больше или меньше склоняясь в ту или иную сторону в зависимости от конкретно-исторических условий. В той и другой системе своя форма социальной дифференциации, свои слои, постоянно борющиеся за государство; и абсолютизировать разницу между этими системами не имеет смысла. При гипотетическом допущении возможности преодолеть естественно-природные ограничения материально-технического развития всякие различия между централизмом и либерализмом исчезнут, как, впрочем, исчезнут и движущие силы материально-технического развития.

Государственное управление не может не быть централизованным, но дело не в централизованности самой по себе, а в *способе управления*. Одно дело, когда государство выступает как единоличный собственник и управляет директивно-распределительными методами, и совсем другое, когда оно регулирует общественную жизнь с помощью законов, налогов, заказов и других политических и экономических методов. Конечно, всегда будет борьба за овладение государством в качестве орудия достижения чьих-то групповых и личных целей, но государство будет тем сильнее, чем в большей мере окажется способным отражать интересы всей общности. А критерий здесь один – выживание. Централизм всегда отождествляется с самовластием государства, которое подминает под себя общество. Но такое «ничейное» государство никому внутри общности не угрожает и таких государств просто не существует. Централизм так или иначе объективно связан с властью одних групп людей над другими, и лишь поэтому против него всегда кто-то выступает. Следовательно, понятие сильного государства неотделимо от понятия сильной общности; если в системе мировой социальной дифференциации общность является подчиненной, то ее государство может быть в какой угодно степени диктаторским и заставляющим трепетать своих подданных, но оно никогда

не будет сильным. Соответственно функционирование командно-административной системы будет эффективным, если оно обеспечит подпитку общности из внешних источников. Однако последнее достигается экономическим путем, а это требует либерализма (иначе не выдержать конкуренции). В итоге получается, что в передовых общностях складывается устойчивое единство либерализма и сильнейшей бюрократии. В отсталых, подчиненных общностях преобладает централизм диктаторского типа, обеспечивающий демократизм политики открытых дверей.

Таким образом, современное (гражданское) общество имеет две тенденции развития, содержит в себе две основные модели – централизм и либерализм. Возможности роста, технического прогресса толкают к либерализму; невозможность всеобщего обеспечения средствами жизни, отбраковывание человеческого материала, осознание неравенства толкает к централизму. Преобладание черт той или иной модели определяется положением общности среди других общностей: либерализм – в господствующих общностях, централизм – в подчиненных.

Из абсолютистской модели общества логически необходимо в равной мере вытекают альтернативные конструкции централизма и либерализма. Их взаимная критика имеет сугубо антропологический характер и не опирается на какие-либо объективно-истинные теоретические основания, а вместо упорядоченной системы аргументации в ней используется набор декларативных штампов. Общеизвестное теоретическое отрицание либерализма строится на показе разрушительной сущности частной собственности, проявляющейся в неуправляемой стихии рынка, непреодолимой кризисности производства, антигуманных отношениях эксплуатации, разрушении природной среды, милитаризме и т. д. Столь же общеизвестное теоретическое отрицание централизма строится на тезисе об отсутствии заинтересованности в производительном труде в условиях государственной собственности и невозможности обеспечить эффективное управление обществом посредством жесткой командно-административной системы. Однако, кто или что мешает хорошо работать, например, в колхозе и вообще во всей системе общественного производства на основе государственной собственности? Почему общее благо не может быть общей целью? Из абсолютистской модели общества объективно никак не

222

вытекает, что частник необходимо будет работать лучше, чем работник государственного предприятия.

В рамках релятивистской модели общества централизм и либерализм представляют собой крайности, абстракции, в чистом виде совершенно не осуществимые.

На микроуровне разница между централизмом и либерализмом хорошо просматривается на конкретном примере реальной деятельности индивидов, в частности, по их отношению к ней, по их мотивации. Люди действуют в конечном счете во имя собственного, а не всеобщего блага, общее для них – всего лишь средство для личного, и искать здесь разницу между централизмом и либерализмом бесполезно. При действии принципа «работай хорошо и будешь жить хорошо», когда для этого не нужны ни Бог, ни идея, централизм представляется более целесообразным. Здесь понятно, как и зачем надо жить. В релятивистской модели не определить, как и зачем надо жить, потому что сначала надо просто выжить, но выжить можно только за счет других. Тогда смысложизненный вопрос не в том, как и зачем надо жить, а как оправдать уничтожение другой жизни. Без идеологии, без мифа здесь не обойтись.

Централизм и либерализм различаются по критериям и способам оценки достигнутых результатов, по самому механизму их определения. Централизм означает сугубо иерархическую персонализацию управления – безраздельную персональную власть в подведомственной области, будь то территория или социальная структура, и сугубо адресную персональную ответственность перед вышестоящей властью. Классическими примерами персональной власти и персональной ответственности за все, что происходит в общности, были монархическая и партийная система власти в России, ответственные перед «верхами» и безответственные перед «низами». Такая система личной власти и ответственности представляет собой жесткую вертикаль, стержень, нанизывающий и пронизывающий общество. В условиях централизма непосредственным результатом деятельности, от которого зависит получаемое благо, является не столько его предметное выражение, сколько оценка деятельности со стороны вышестоящего элемента командно-административной системы (вышестоящей инстанции). В сфере действия данной системы не столь важно, что конкретно сделано, важно, чтобы было одобрено «сверху». Вся

деятельность насквозь подчинена этому, вся социальная конкуренция сводится к борьбе за высшее мнение. Соответственно объективность результата подчинена иерархической субъективности оценок. Драматизм централизма начинается с того, что лидеры всех уровней, в том числе монархи, вожди и тому подобное – все это обыкновенные люди, для которых их властное положение всего лишь средство устройства собственной жизни. Не случайно наибольшей результативности и общего признания добивались те, кто превращал жизнь общности в дело всей своей жизни и потому выпадал из общего ряда носителей нормального сознания.

Либерализм характеризуется качественно иной схемой *персонализированного управления*, когда система вертикали власти имеет форму не иерархического стержня, а монолитной пирамиды, за счет чего власть на всех уровнях остается ответственной именно перед управляемой общностью. В условиях либерализма результат определяется его востребованностью обществом. Реальное выражение оценки осуществляется уже не в системе иерархических отношений, а в системе реального потребления. Такой способ оценки гораздо ближе к объективной необходимости, а потому и более действенный. Но потребительскую субъективность как критерий оценки можно формировать, например, с помощью рекламы. Так что и в данном отношении централизм и либерализм как противоположности есть всего лишь абстракции, в чистом виде не реализуемые и не поддающиеся ценностному сравнению. Действительно, что может быть лучше, чем централизм как единое системное управление обществом при условии всеобщей добродетельности? Ничего! Но коль скоро она по независящим от людей обстоятельствам отсутствует, то что может быть лучше либерализма как полной свободы человеческих действий при условии их подчиненности единым нормам и правилам? Ничего! Но коль скоро и это отсутствует, то бессмысленно искать некую лучшую социальную систему вообще. *Нет хороших и плохих социальных устройств, есть сильные и слабые общности.*

Соответственно теоретическое противостояние данных концепций есть в конечном счете форма идеологической борьбы, отражающей интересы определенных социальных сил в реальной экономической и

социально-политической борьбе за более приемлемую структуру системы социальной дифференциации общества. Понятия истинности и ложности в контексте их общечеловеческого признания здесь просто не работают.

Полемика централиста и либерала теоретически бесплодна, поскольку с той и другой стороны она сводится только к обличительной критике, отбрасыванию позиции оппонента. Тот и другой в своей критике всегда будут правы: либерализм без элементов централизма ведет к хаосу, а всеобщий централизм – к злоупотреблениям власти и застою. В силу объективной противоречивости социальной жизни исторический спор либерализма и централизма абстрактно-теоретически не рассудить. *Реальна только борьба конкретных людей, объединенных в конкретные группы, – этнические, сословные, корпоративные, религиозные, партийные.*

Централизм – это миф, иллюзия возможности целостного развития общества и за счет этой целостности – наиболее эффективного развития. Однако, во-первых, развитие общества, как одной глобальной социально-производственной системы, невозможно, а во-вторых, с точки зрения обеспечения общественной целостности централизм и либерализм разнокачественны и несопоставимы. В плоскости действия техносциальной формулы общества централизм есть форма насилия, установления отношения «цель–средство» и регулирования его волевым, командно-административным путем. Экономика и политика сливаются в нераздельной, концентрированной власти: господствует тот, в чьих руках сосредоточена власть, кто близко к власти. В межобщностных отношениях централизм существует в форме империй.

Тем не менее централизм не является исторической аномалией, это объективно обусловленный и отработанный тысячелетиями способ выживания общности, существующей на основе фиксированного производственно-природного равновесия, а по сути – социализированного, технизированного естественно-природного равновесия, иначе – истощающего окружающую среду материально-технического эволюционирования.

Либерализм есть форма насилия, отношения «цель–средство», устанавливаемого и регулируемого преимущественно экономически. Однако для того, чтобы превратить одних людей в средство для

других, чисто экономических способов принуждения недостаточно, поскольку экономические отношения характеризуются симметричной взаимозависимостью продавца и покупателя. В чисто экономические отношения вступают равные партнеры, свободные, не зависящие друг от друга субъекты, целью отношений которых является выгода от взаимного дополнения, а не от неравного обмена, т. е. в чисто экономической сфере отсутствует присвоение результатов чужого труда. И в этом смысле экономическая деятельность, как только экономическая, не может быть источником прибыли (не дает превышения результата над затратами, не эффективна). Следовательно, экономические отношения в чистом виде, т. е. чисто рыночные отношения, а значит, и сотканное из них либеральное общество – это не что иное, как идеальная модель, подобная идеальным моделям в естествознании. В реальном обществе соревнование, как таковое, имеет подчиненное значение, а стержневая социообразующая функция выполняется насилем, экономическое принуждение необходимо дополняется внеэкономическим, собственно насилем в той или иной его форме, той или иной степенью опосредования. Это значит, что в действительно либеральном обществе свобода рыночных отношений предполагает и свободу внеэкономического принуждения.

В системе рыночных отношений господствует тот, у кого больше собственности, знаний, необходимых деловых качеств. Расовая, этническая, сословная, религиозная принадлежность становятся несущественными факторами. Имея деньги, менеджера и адвоката, индивид в либеральном обществе может жить уверенно и спокойно. Но это возможно только в высокоразвитой, самостоятельной общности, где независимы друг от друга экономика и политика, где разделены ветви власти. В противном случае либерализм становится формой узаконенного грабежа (приватизация в России – типичный пример ограбления, осуществленного «законным» путем). Во внешних отношениях господствует рынок, подчинение осуществляется экономическим и технологическим путем, а для поддержания необходимого порядка создана система международных органов, санкционирующих в случае необходимости проведение международных военно-политических акций.

Противоположность централизма и либерализма относительна в том смысле, что они различаются не по отсутствию в одном случае и

226

наличию в другом случае социальной дифференциации в обществе, а по механизму ее регулирования. Централизм предполагает приоритет власти по отношению к собственности, тогда как либерализм означает приоритет собственности по отношению к власти. Но в конечном счете власть и собственность не существуют отдельно и в своем единстве представляют собой господство одних людей над другими. Иначе говоря, сами по себе централизм и либерализм не являются ни добром, ни злом. Их оценка зависит от конкретных параметров геоисторической формулы общности, прежде всего от характера и соотношения ее внутренней и внешней социальной дифференциации. В абстракции до конца выдержанный, крайний либерализм предполагает войну всех против всех, в которой не может быть единых правил, ставящих всех участников войны в равные условия, государство здесь просто излишне. Централизм, напротив, предполагает власть государства над всеми. Однако в действительности в том и другом случае государство является орудием осуществления власти одних людей над другими.

При устойчивом развитии централизм и либерализм не являются альтернативами, проблема выбора между ними связана прежде всего с переживанием обществом кризиса, когда сами централизм и либерализм рассматриваются в качестве радикальных средств его преодоления, выступая по отношению друг к другу как болезнь и лекарство. Для жизни сильной, социально сплоченной общности противопоставление централизма и либерализма столь же отвлеченно и несущественно, как противопоставление лечебных методик для здорового человека.

Общественное развитие характеризуется единством стихийной и сознательно-целевой, плановой регулируемости. С одной стороны, человеческая жизнедеятельность просчитывается и направляется в соответствии с определенными целями, т. е. *управляется*; с другой стороны, в результате человеческой жизнедеятельности возникают непредвиденные следствия, которые требуют внесения в нее необходимых корректив, т.е. человеческая жизнедеятельность *саморегулируется*. По мере роста ее масштабов значение регулируемости общественной жизни увеличивается, усиливается ответственность за принимаемые решения, поскольку растут и масштабы непредвиденных следствий. Поэтому сфера стихийной, неупорядоченной деятельности людей должна сокращаться,

однако переход на всеобщее, централизованное управление общественной жизнью объективно невозможен в силу отсутствия объективной направленности ее развития вне рамок поддержания самой жизни.

Дискуссия о регулирующей роли государства в функционировании и развитии общности, строго говоря, не имеет под собой объективных оснований, если под общностью понимается управляемая система, а не простое скопление людей, требующее лишь единообразия правил поведения во избежание стихии беспорядка. Именно государство управляет общностью как целостной системой, обеспечивает ее необходимую организацию для сохранения устойчивой жизнеспособности в процессе внутреннего и внешнего взаимодействия. Используемый противниками государственного регулирования в экономике тезис о недопустимости вмешательства государства в распределение между гражданами шнурков для ботинок свидетельствует либо о непонимании сущности государства, либо об идеологической диверсии, направленной против одной общности в интересах другой.

Другое дело – вопрос, о какого рода государстве идет речь, поскольку общности с разной геоисторической формулой объективно характеризуются разными типами и формами государства. Оно может быть либо полновластным хозяином общности, заботливо-рачительным или бездумно-расточительным, либо сменно-дежурным распорядителем общности, ее поочередно-выборным управляющим. Но оно всегда остается главным регулятором отношения «цель–средство», т. е. либо непосредственно само по себе является «целью», либо является орудием в руках «цели»; соответственно государство защищает общность от превращения ее в «средство» другой общностью, а по сути охраняет свое владение, свою территорию от всякого рода внешних посягательств.

При недостаточности сил для законного осуществления господства отношение «цель–средство» реализуется незаконным путем, а общность попадает под опеку конкурирующих друг с другом преступных группировок. Вообще понятия законности и незаконности здесь относительны, и в определенных случаях борьба правоохранительных структур с криминальными мало отличается от бандитской междоусобицы. Что касается преобладающей характеристики государства с точки зрения мотивационной направленности его функционирования, от сугубо

эгоистической, узкогрупповой до всеобщностной, то в современном обществе она определяется местом общности в системе внешней социальной дифференциации. В частности, чем более авангардное место занимает общность в окружающем мире, тем более полно и широко она охватывается (ее граждане) действенной защитой своего государства, обеспечивающего ее положение в качестве равноправного партнера в отношениях с сильными общностями и в качестве «цели» в отношениях с более слабыми общностями.

Исходя из этого, можно более точно определиться в понимании социалистического устройства общества, по крайней мере, в двух принципиальных пунктах: во-первых, *социализм – это способ управления общностью как целостностью*, т. е. в интересах всех ее членов; во-вторых, социализм предполагает благоприятствующее положение общности в отношениях с окружающим миром. Исторический опыт советского социализма оказался неудачным по причине невыполнения второго пункта.

Идеологический спор о капитализме и коммунизме (либерализме и централизме) не является выдумкой идеологов, это реальный исторический спор (теоретический в Европе и практический в России), действительная проблема исторического выбора. При этом оба подхода к общественному развитию являются в одинаковой мере истинными (правомерными) и ложными (неправомерными) при абстрактном рассмотрении общества. В абсолютистской модели централизм, безусловно, более приемлем, ибо позволяет управлять процессом общественного роста. При всеобщем благополучии, «коммунистическом изобилии», где распределение «по потребностям», без централизма не обойтись, поскольку необходимо плановое, регулируемое развитие материального производства, жесткое обеспечение всеобщей полезной деятельности. На практике, в силу нереализуемости абсолютистской модели общества, централизм необходимо перерастает в тоталитаризм, несовместимый с изначальными целями коммунизма. Борьба либерализма и централизма здесь – это борьба несовместимых приоритетов общества и человека, в результате гуманистическая утопия реализуется в античеловеческой реальности. Коммунизм в данном случае утопичен уже просто по человеку, которого невозможно заставить работать из любви к

труду. Тезис о превращении труда в первую жизненную потребность оказался искаженным в том плане, что труд изначально является первой *общественной* жизненной потребностью, т. е. потребностью общества. В условиях техносоциальной формулы действует объективный закон отчуждения труда, в результате чего идея труда «на благо общества» изначально является фикцией.

В отличие от светской мифологичности централизма, либерализм не может обойтись без мифа религиозного, поскольку без Бога не объяснить и не оправдать неравенство.

Признание и осознание техносоциальной концепции общества, переход к его релятивистской модели лишает логических и исторических оснований спор либерализма и централизма, он делает его просто бессмысленным. Переход к релятивистской модели общества рождает другие типы идеологии и мифологии.

11.4. Управление и право

Для существования за пределами естественно-природного равновесия недостаточно труда самого по себе, нужна и объединяющая воля, обеспечивающая единство системы его общественного разделения и, в конечном счете, целостность общественного развития вообще. Общественное разделение труда начинается вместе с выходом за пределы естественно-природного равновесия, в рамках которого оно не нужно и невозможно. Общественное разделение труда есть форма социальной организации в условиях действия техносоциальной формулы, опосредование социальной дифференциации общества, ее предметное выражение. Оно изначально возникает не как договор, а как насилие, навязывание воли одних людей другим.

Опосредованность отношений господства и подчинения выражается в нормативном характере общественной жизни. *Нормативность* – это давно отмеченный и ставший классическим признак социальности. Однако недостаточно или вовсе не отмечено, что нормативность вытекает не просто из организованности в связи с разделением труда, а из социальной дифференцированности. *Нормы устанавливаются не для всеобщего удобства жизни и не всеобщим соглашением, а в борьбе, – они навязываются обществу господствующими социальными силами на всех*

*уровнях социального взаимодействия – от межиндивидуального до международного. Все это позволяет прийти к выводу, что **социальность** есть особая форма отношений борьбы за существование вне пределов естественно-природного равновесия, **организация общественной жизни по поводу выживания.***

В таком случае социализация человека есть его включение не просто в общественные отношения, а в систему социальной дифференциации, и социализированное (общественное) отношение человека к предметам, его социальное поведение вообще следует рассматривать через призму социальной дифференциации, действия техносоциальной формулы. Следовательно, степень социализированности, или, что то же самое, уровень социального развития, определяется степенью опосредованности борьбы за выживание, что до настоящего времени выражается в производственных отношениях, стабильностью которых измеряется стабильность общности. Соответственно в периоды общественных кризисов, связанных с социальными революциями, когда производственные отношения становятся нестабильными, борьба за выживание становится непосредственной. Как средство выживания, на первое место выходит уже не производство, а обращение, сопровождаемое ростом преступности.

В соответствии с техносоциальной формулой, в обществе нет объективно заданных норм истины, добра, красоты, а также противоположных им лжи, зла и уродства, т. е. в обществе нет ничего, кроме совместно живущих и в борьбе друг с другом выживающих людей. Интеллект, разум есть всего лишь средство их выживания, порождающее в ходе борьбы миф о некой сущности разума как такового, разума самого по себе, будь то объективно существующий абсолют или некий экзистенциал субъективной реальности.

Нормативность не разделяется ни на внутреннюю, присущую самому человеку, не зависящую от социальности (досоциальную), ни на внешнюю, надсоциальную. Любое общественное действие индивида в конечном счете социально опосредовано и детерминировано, будь то соблюдение или нарушение правил перехода улицы при отсутствии транспорта, оплата или неоплата чего-либо при отсутствии контроля, наконец, самопожертвование или предательство без какого-либо свидетельства. Нормы регулируют

отношения между совместно живущими индивидами, разделяющимися на своих и чужих. В «своих» продолжается сам человек, здесь не требуется внешних нормативов, однако сам состав «своих» определяется конкретно-исторически.

Индивидуальные способы жизни различаются по схеме: стремление к достижению истины и победе правды (справедливости) безотносительно к результату или стремление к получению результата безотносительно к истине и правде. По формуле они не совпадают принципиально, поскольку истины как таковой (абстрактно-всеобщей, т. е. как идеи) просто не существует, а правда (справедливость) невозможна или просто отсутствует при абстрактно-всеобщем наполнении. По этой схеме различаются как индивиды, так и общности. Люди-средства выступают за истину и правду, люди-цели выступают за результат.

В абсолютистской социально-теоретической модели общества правовая и нравственная нормативность человеческого поведения обосновывается тем, что допускается возможность абсолютного выживания каждого индивида при относительных различиях способов самого проживания в соответствии с индивидуальными различиями людей по способностям или просто по стечению обстоятельств. Следовательно, в абсолютистской модели общества отсутствует объективная основа нарушения социальной нормативности, прежде всего правовой. Имеющаяся в этой модели система права целостна и непротиворечива, в соответствии с чем преступление рассматривается в буквальном смысле, т. е. как абсолютно антиобщественное действие (умышленное или неумышленное, рациональное или иррациональное), как проявление социальной патологии, девиации, независимо от породивших ее причин.

Правовая нормативность имеет объективные основания в релятивистской модели общества и вытекает из самой техносоциальной формулы общества, по которой ему объективно присуща социальная дифференциация в качестве фундаментального общественного отношения. Социальная дифференциация не ограничивается различиями в способах проживания, а выражается в различиях по возможностям выживания как такового. Иначе говоря, когда одна жизнь необходимо базируется на разрушении другой, преступление имеет объективные основания и является нормальным фактом социального бытия, с какой бы стороны его,

преступление, ни рассматривали, будь то преступление против установленного закона или признание преступным самого закона. В релятивистской модели само выживание может рассматриваться как преступление, но, в отличие от абсолютистской модели, не поддающееся ценностному измерению. В релятивистской модели оно рационально, а в абсолютистской – иррационально.

Таким образом, существование права обусловлено наличием социальной дифференциации общества. Вне социальной дифференциации, т. е. в рамках естественной дифференциации, отношения между людьми регулируются естественным путем. Процесс социальной дифференциации регулируется правом и оценивается по нормам морали, хотя социальная дифференциация, как таковая, не поддается ни морально-ценностному, ни рационально-правовому определению, – сама по себе она не может быть ни справедливой или несправедливой, ни законной или незаконной. При этом законность и справедливость не совпадают.

Отношения между свободными людьми в условиях социальной дифференциации устанавливаются на договорной основе. Общественные отношения, как отношения между свободными людьми, представляют собой отношения взаимных обязательств. В рамках социальной дифференциации они осуществляются на договорной основе между индивидами, корпорациями, государствами. Сами договоры могут быть либо непосредственными, либо опосредованными, т. е. не требующими специального оформления в каждом конкретном случае, коими являются законы. Основная проблема договора – достижение полноты его нормативного охвата и недопущение разночтения. Эта проблема обусловлена тем, что интересы договаривающихся сторон противоположны в том смысле, что объективно каждая из них заинтересована в выполнении условий договора другой стороной, но не заинтересована в выполнении своих собственных обязательств. Поэтому главный фактор действительности договора – наличие вышестоящей третьей стороны, равноотстоящей от договаривающихся сторон и обладающей возможностью силового воздействия.

Общественный закон есть установленная, принятая правильность поведения людей. В отличие от него, *закон природы* открывается, а не устанавливается, он общезначим и объективно истинен, обозначая

объективный порядок предметного бытия, будучи относительным лишь гносеологически. Он не может быть правильным или неправильным, его нельзя обойти или не признать, отвергнуть. Правовой закон относителен социально и в рамках действия техносоциальной формулы означает борьбу. Так, для вора закон представляет собой объективную данность и условность одновременно. Он признает его как данность, но игнорирует как условность, нарушает закон тайно, главное для вора – наличие или отсутствие доказательств его вины. Напротив, революционер открыто, явно отвергает закон, не признает саму его данность в качестве закона, борется с ним. Делец не протестует и не нарушает закон, он использует его в своих интересах, находит упущения в самом законе, подгоняет его под свои интересы, для чего проходит во власть или покупает ее законно (лоббизм) или незаконно (коррупция). В самом безотрадном положении оказывается среднестатистический законопослушный гражданин. Закон в большей мере действует против него, ставит его в жесткие рамки и почти не защищает реально. *Для законопослушного гражданина в законе больше обязанностей, чем прав.*

Правильность, справедливость, правосудие – все это однокоренные слова, означающие истинность поведения людей в отношениях друг с другом. Но суть вопроса в том, что отношения не могут быть истинными или ложными сами по себе. Здесь нет абсолютности в рамках объективности истины. Истина абсолютно объективна, поскольку ее критерий – обеспечение выживания, но одновременно всегда относительна, поскольку ее критерий – не вообще, а конкретно чье-то выживание. На каждом уровне субъекта выживания (от индивида до человечества) – своя истинность отношений.

Закон есть всего лишь установленная людьми (либо путем соглашения, либо путем насилия) норма поведения. В законности нет ни объективной истинности, ни высшей справедливости, в следовании законности есть только следование соответствию. Иначе говоря, суд не устанавливает истину и не восстанавливает справедливость, он соотносит с законом представление в деле (бумагах) тех или иных событий, но не самих событий, когда, например, тот или иной документ, не приобщенный к делу (бумагам), не имеет юридической силы, хотя бы в нем и

содержалась главная информация. Отсюда, наверное, и буквальное, а не образное выражение: «Это не имеет к данному делу никакого отношения».

В состязательности судебного процесса устанавливается не истина, а степень соответствия закону рассматриваемых в суде действий. Одна сторона, обвинение, доказывает их несоответствие и определяет степень этого несоответствия. Другая сторона, защита, опровергает доводы обвинения и обосновывает либо соответствие действий закону, либо уменьшение степени несоответствия.

Поскольку закон не воплощает в себе ни объективную истинность, ни высшую справедливость, постольку борьба по поводу законности, в конечном счете, представляет собой борьбу интересов, где закон является лишь средством и средой этой борьбы. В таком случае даже борьба полицейского и преступника есть частный случай такой борьбы, в которой у каждого свои интересы: у преступника – не попасться, у полицейского – поймать. В противном случае тот и другой не смогут получить средства на свое существование в данном социальном качестве. Отсюда следует категорический вывод о том, что закон необходимо должен опираться на некий абсолют, прежде всего мораль. Но *мораль есть миф*, хотя без него, мифа, в регулировании общественной жизни не обойтись.

Право не может быть правильным или неправильным (законы – ложными или истинными). Право может быть действенным или недейственным, обеспечивающим или не обеспечивающим власть. Право выражает конкретный интерес, поэтому борьба идет не за истинное право, а за власть, обеспечивающую реализацию определенных интересов. Дискуссии по поводу законодательства есть выражение борьбы. На индивидуальном уровне это выглядит так: юрист (адвокат) обслуживает не закон, а клиента, он должен обеспечить даже не торжество закона, а цели, потребности клиента.

Вообще получается: закон для индивидов – это только арена борьбы, условия борьбы, правила борьбы. Но и у общности в целом есть свой интерес, он выражается лидерами общности. Потому и должна быть власть легитимной. Интерес общности – ее собственное выживание и благополучие как общности. Применительно к общности *система права – это система целесообразности выживания общности* как субъекта социального взаимодействия. В отношениях между индивидами с точки

зрения целесообразности *право* выступает как *законность*, а с точки зрения абстрактно-всеобщей человечности – как *справедливость*. Обеспечение их тождества невозможно. Поэтому *законность*, *целесообразность*, *справедливость* никогда не совпадают друг с другом, находятся в состоянии противоречия.

Итак, закон как регулятор отношений между людьми сугубо относителен. Для его установления и исполнения в качестве объективного норматива необходим контроль вышестоящей силы, т. е. должны быть люди, ориентированные на объективную истину и справедливость, абсолютную законность. Но в реальной действительности нет ни абсолютной законности, ни людей, на нее ориентированных. Такое возможно лишь в случае совпадения интересов этих людей и содержания законности.

Человечество есть совокупность людей на Земле, полностью предоставленных самим себе. Здесь уместна аналогия с поселением группы людей на острове при полном отрыве их от общества. Никаких высших сил, регулирующих их отношения, нет, и человек может рассчитывать только на себя, людей некому рассудить и некому защитить. Но и введение закона не меняет сути дела, так как он будет всего лишь дополнительным фактором внешней среды. Тогда складывается следующая модель: на одной стороне среда с ее природными и социальными законами, на другой – люди, не связанные никакими обязательствами, не подвластные никакой высшей законности, обладающие потребностями, разумом и свободой воли, в том числе свободой в выборе средств их удовлетворения.

Нормативная сила закона действует в общности только при наличии других общностей, именно внешнее отношение консолидирует общность. Но даже от внешнего нападения у общности нет абсолютно надежной защиты, ибо и военные люди не абсолютны в исполнении своих обязанностей.

Действенность правовой и политической систем – коренной вопрос существования общности, ибо борьба за выживание осуществляется только как групповая, межобщностная борьба. Поэтому *чем лучше организована общность, тем она сильнее и жизнеспособнее*.

Каждый человек имеет право на все, что связано с его жизнью: например, открыть окно и дышать свежим, прохладным воздухом, как, впрочем, и другой человек имеет право закрыть окно, потому что ему холодно. Если это одно и то же окно, налицо одно из общественных противоречий, которые в своей всеобщности сводятся к действию техносоциальной формулы и выражаются в итоговом противоречии: *каждый имеет право на жизнь, но на всех жизненного ресурса не хватит*, в жизненном пространстве все не поместятся, кто-то оказывается лишним, потому что людям требуется большее жизненное пространство, чем то, которое они могут создать. Есть совокупная масса жизни, с одной стороны, и совокупная заявка на жизнь – с другой; масса заявленной жизни превышает массу предоставленной, т. е. всегда нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Следовательно, провозглашенное право на жизнь означает не что иное, как право на борьбу с другой жизнью и потому оно лишается самого статуса права.

Общественным нормативам придается сакральный характер, их изменение сопровождающееся обличением старых и провозглашением новых, истинно сакральных норм, в тенденции образует стремление к полному разоблачению социальной условности всяких норм, к всеобщей секуляризации, а в конечном счете к полному исчезновению тайны человека. *Вся жизнь становится публичной, а ее мотивация понятной*. На мнимой понятности, не опирающейся на понимание техносоциальной формулы, базируются нигилизм и цинизм, не способные адекватно сформулировать тезис о том, что *цель борьбы (а деятельность есть борьба) сводится к выживанию, но само по себе выживание бессмысленно и бесцельно*.

Сущность секуляризации общественного сознания наиболее полно выражается в рационализации нормативности, которая, в свою очередь, воплощается в интеллектуализации субъективности. Однако в ходе социальной борьбы рождаются новые мифы, религиозные и светские, сакрализируются новые сферы общественной жизни, возникают новые основания субъективности. *Бог никогда не умирает, но, вместе с тем, умирает постоянно и возрождается заново*.

Цинизм есть вызов условности и вообще нормативности, вызов, но не протест. В частности, можно не отрицать Бога (высшее выражение

нормативности), но бросить ему вызов. Следовательно, цинизм – это вызов от безысходности, от отчаяния, а не от рационального осознания бытия. В цинизме есть отражение техносоциальной формулы, но нет ее понимания. Цинизм, как вызов нормативности, остается в абсолютистской модели общественного бытия. Вообще нормативность в абсолютистской и релятивистской моделях качественно различна, как, например, различен порядок на плывущем и тонущем корабле, порядок среди смертных и бессмертных людей.

Осознание техносоциальной формулы общества делает цинизм нормальным, рационально обоснованным. Цинизм отвергает условность, отвергает игру. Он позволяет человеку свободно выражать свои стремления, не прибегая к их маскировке игрой, условностью. А можно ли перевести всю общественную жизнь на принципы цинизма, т. е. полностью преодолеть условность? Условность не есть договор, скорее не условность определяет поведение (поступки) людей, а мифологичность. Мифологичность – это, ведь, тоже условность, но не осознанная явно, не обговоренная.

Цель человеческой деятельности – получение для себя блага, а это может быть достигнуто только при получении определенного общественно признанного результата деятельности. Отметим, кстати, что специфика преступной деятельности как раз и состоит в ее направленности на получение блага непосредственно, минуя получение общественно значимых результатов.

Таким образом, *модель общественного устройства*, как единая общепринимаемая система нормативов (правил игры), *невозможна по техносоциальной формуле.* Складывание совокупности совместно живущих людей в целостную систему общества обеспечивается не единым стремлением к созданию такой системы, а *борьбой* за место в ней, *борьбой* по определенным основаниям, вытекающим из определенности человеческого существования. По той же причине *оказывается невозможной всеобщая толерантность*, она достижима лишь в ограниченном виде в областях (сферах) жизни, частично перекрывающих общество и не связанных с всеобщими интересами.

В основе человеческого способа жизни лежит совместная техническая деятельность по получению ресурсов, характеризующаяся

техносоциальной формулой, препятствующей спонтанной самоорганизации общества, в силу чего для регулирования общественной жизни одной только координации (например, дирижирование оркестром) или согласования (например, в ООН) недостаточно. *Человеческий способ жизни базируется на управлении, сущность которого составляет организующее насилие. Управление, как особое явление бытия, присуще только обществу, поскольку, во-первых, в обществе не достает природной самоорганизации для обеспечения его выживания, и именно управление обеспечивает целостность его функционирования и развития на всех уровнях; во-вторых, в силу действия техносоциальной формулы общества, обуславливающей фундаментальность отношений господства и подчинения (отношение «цель–средство») и вытекающую из этого насильственную природу управления. Управление – это всегда усилие, напряжение, без которого управляемая система угасает и распадается.*

Управление необходимо там, где имеется дефицит ресурсов, оно предполагает постоянное принятие решений, составляющих организационную основу общественной жизни, ее главное содержание. Вне сферы действия формулы нет решений, ибо сущность решения состоит в выборе, определении приоритета, кто и в каком качестве остается в жизненном пространстве, а кто выбывает, т. е. принятие решения есть определенное решение техносоциальной формулы, наполнение ее конкретным содержанием. Управление – это всегда принуждение, оно соткано из решений, в основе которых лежит выбор приоритетов в ходе регулирования социальной дифференциации как внутри управляемой системы, так и в ее взаимодействии с другими системами.

Традиционно проблема управления рассматривается в контексте усиления роли так называемого человеческого (субъективного) фактора в общественном развитии по мере возрастания его масштабов и сложности. Данное положение имеет определенный эмпирический смысл, но с точки зрения понимания сущности управления оно малосодержательно. Управление необходимо рассматривать на фоне закона самого общественного развития, только при этом условии можно вести речь о его социально-научном, а следовательно и о методологически результативном социально-философском анализе.

В основе управленческих решений лежат интерес и объяснительная модель окружающего мира. Интерес может быть в большей или меньшей степени осознанным, рационально или иррационально выраженным, а объяснительная модель окружающего мира – мифологической или научной. Соответственно управленческие решения могут быть адекватными или иллюзорными, утопическими. Но в любом случае *субъективность управления имеет объективное основание – борьбу за выживание*. В этом смысле становится понятным афоризм о том, что в политическом управлении ошибка хуже преступления. Еще точнее можно сказать, что *управление не может быть истинным или ложным, оно либо выигрышное, либо проигрышное*. Успех в управлении одной системой предполагает поражение управления другой системой. Таким образом, персонализация управления обусловлена действием техосоциальной формулы. Вне последнего обстоятельства, в абсолютистской модели общества, персонализация управления просто не нужна.

Функция управления – обеспечение целостности системы, сохранение ее функционирования и развития. Управление – это организация действий общности, направленных на получение ресурсов жизни из окружающей природной и социальной среды. Здесь два направления (два момента) управленческой деятельности: первое – занятие общностью (управляемой системой) лидирующего положения «цели» (благоприятного положения для выживания). Второе – установление и поддержание внутренней социальной дифференциации, позволяющей добиться наиболее устойчивого существования общности. В целом, сущностью управления является организационная деятельность по превращению одних людей в средство существования других, в том числе использование групп людей в качестве исполнительных орудий. Разумеется, здесь необходимо различать характер управляемых систем. Одно дело, когда речь идет об управлении помещичьим имением от имени и в интересах его владельца, и совсем другое дело – управление фирмой от имени и в интересах не только ее владельцев но и ее работников в системе отношений фирмы с окружающей социальной средой, а тем более – управление демократическим государством, страной от имени и в интересах ее народа в системе мирового культурного, хозяйственно-политического взаимодействия, т. е.

следует учитывать особенности субъектного наполнения регулируемого управлением отношения «цель–средство».

Политика в свете техносоциальной формулы общества лишается своей таинственности и запутанности, становится прозрачной для понимания. В частности, обретают свой рациональный смысл тезисы о свободе политики от морали, о вседозволенности средств в получении результатов. Из скандального характера выборных кампаний с их особыми технологиями в виде «черного пиара», вбрасывания компромата, подкупа избирателей, заказных убийств и тому подобное следует, что *борьба за власть – это борьба не за идею и всеобщее благо, а за частный интерес*, столкновение людей здесь – это не столкновение идей, а столкновение интересов. Революционная борьба, по сути, та же самая, но с качественно измененным составом участников.

Таким образом, *наличие управления предотвращает войну всех против всех, войну как хаос*. Вместе с тем, *управление не означает существования некой надобщественной силы, оно означает поддержание порядка, устанавливаемого в интересах победителей в войне всех против всех*.

Сущностное понимание управления необходимо предполагает вычленение и анализ двух свойственных ему фундаментальных моментов:

1. Спонтанная самоорганизация человеческой (общественной) жизнедеятельности принципиально невозможна по техносоциальной формуле, общественная организация имеет централизующее волевое, силовое начало. Вместе с тем, это силовое начало (властный центр) по причине несовпадения общественных интересов устанавливается только в непримиримой борьбе и всегда имеет ограниченный ресурс (потенциал) регулирующего, подчиняющего воздействия на общность. Следовательно, *сфера управления изначально и всегда остается предметом бескомпромиссной борьбы – борьбы за власть*, за господство над общностью. Силовые структуры – это средство в руках власти, определенных социальных сил. Если власть ведет антиобщностную политику, то силовые структуры просто распадаются, ибо они не могут быть средством разрушения общности по определению. Если власть слабая, то силовые структуры морально разлагаются, ибо, как люди, они играют по существующим правилам, а если это правила растаскивания

национальной собственности, то они активно в этом участвуют, пользуясь своим преимуществом – владением информацией.

2. *Главной функцией управления*, ради которой общность, как объект управления, терпит насилие со стороны власти, как субъекта управления, является *обеспечение возможности выживания общности в окружении других общностей* и превращение их жизнедеятельности в средство ее собственного существования. При этом в лидирующих общностях власть ответственна за общество и перед обществом (перед большей частью населения), а в отстающих общностях власть ответственна за себя и перед собой (перед меньшей частью населения).

Поскольку борьба за власть в конечном счете представляет собой общественно выраженную, организованную борьбу за выживание, принципиально незавершенную в силу действия техносоциальной формулы, постольку существование власти всегда будут сопровождаться наличием оппозиции, двойственной по своей социальной природе. Одно ее направление отождествляет себя с подчиненной массой населения (людьми–средствами), провозглашает защиту ее интересов и декларирует уничтожение самого отношения «цель–средство». Данное направление традиционно обозначается как левое. Другое направление, соответственно, правое, является составной частью господствующего населения («людей–целей»), имеющей иные интересы в общих рамках господства, конкурирующей с его властью имущей частью и борющейся с ней за более приемлемые для себя условия своего привилегированного положения.

В лидирующих общностях современного мира оппозиция не делится на левую и правую в той мере, в какой там отсутствует внутреннее разделение населения на цель и средство. Функцию последнего выполняют другие общности, т. е. отношение «цель–средство» вынесено вовне (или привносится извне в виде иностранной рабочей силы). В отстающих или изолированных общностях оппозиция вообще нетипична по причине их глубокого социального раскола и авторитарности власти, в силу чего левое движение имеет характер стихийных бунтов, а правая оппозиция реализуется в виде заговоров, и смена власти происходит по сценарию дворцовых переворотов. XX в. продемонстрировал варианты левого и правого тоталитаризма, когда идеологическое единство общества оказывается настолько сильным, что не только политическая оппозиция,

но даже идеологическое инакомыслие переводится в ранг уголовной преступности и подлежит абсолютному уничтожению.

В принципе по такой же схеме разделяются власть и оппозиция в системе межобщностного социального взаимодействия. Там есть доминирующие общности, наиболее полно реализующие свое лидерство (власть), есть лидирующие общности, претендующие на передел мировой власти (правая оппозиция) и есть подчиненные общности, объективно заинтересованные в обретении самостоятельности (левая оппозиция). По мере расширения глобализации и в силу неравномерности материально-технического развития мировое сообщество будет все более стремиться к образованию данной трехэлементной социальной структуры при одновременной тенденции к перераспределению ролей в системе отношений «цель–средство».

Таким образом, *главное в понимании управления* состоит не в вопросе о признании или отрицании борьбы как сущностной характеристики управления, а *в вопросе о характере этой борьбы*, т. е. о соотношении, соподчиненности ее внутриобщностных и межобщностных отношений.

11.5. Техносоциальная модель глобального мира

Общество, как человечество, представляет собой относительно сбалансированную систему множества общностей, сложившихся в результате определенных объективных причин природного и социального характера, будь то целенаправленная деятельность правителей и завоевателей или просто статистический расклад обстоятельств и действующих сил. Общности различаются по объему (массе), уровню материально-технического развития, этническим и социально-культурным особенностям.

Способ взаимодействия и вообще соотносимость общностей друг с другом определяется присущей каждой из них геоисторической формулой, складывающейся из географических, демографических, технологических, социально-культурных, геополитических факторов. Иначе говоря, указанная формула общности обуславливает два основных взаимозависимых показателя ее существования: тип внутреннего социального устройства и характер включенности в мировое сообщество (то и другое берется в аспекте отношения господства и подчинения как

взаимоотношения в качестве цели и средства). В зависимости от своей геоисторической формулы общность может существовать либо самостоятельно, будучи непосредственно встроенной в мировую или региональную систему, имея свою нишу в мировом природном и социальном пространстве, либо обязательно входит в какое-либо другое целое, в общность более широкого плана.

Основным итоговым результатом предшествующего развития общества, как в плане его всеобщей истории, так и с точки зрения завершения XX столетия, является становление глобального человечества как целостной системы материально-технического, социально-политического и духовно-культурного взаимодействия. Динамика доглобального мира определялась наличием свободных общественных связей и свободного географического и социального пространства, географической и социальной разрозненности. За последние триста лет в Европе появились новые равноправные субъекты социального взаимодействия – Россия и Германия, в Америке образовались США, в Азии высоко взлетела Япония, обрели самостоятельность гиганты Китай и Индия. Вместе с тем, в XX в. с карты исчезли Османская и Австро-Венгерская империи, развалились колониальные системы Англии и Франции, распался Советский Союз. В глобальном мире пространства заполняются и становятся однородными, связи и отношения обретают постоянство.

Понятие глобализации – это социальное понятие, означающее расширение сферы какого-либо явления до масштабов всеобщности человеческой жизни. До недавнего времени проблема ограничивалась глобализацией воздействия человека на окружающую природную среду, имеющего своим следствием ее истощение и загрязнение в ходе материального производства или иного воздействия, например, в военных целях. Теперь речь идет о глобализации техники, экономики, политики, социальной и духовной сферы, т. е. о глобализации общественной жизни вообще, но, прежде всего, экономики. По всем показателям своего бытия общество превращается в целостную систему, элементы которой оказываются связанными друг с другом.

Понятие глобальности означает достижение обществом некоторого предельного состояния, возможного при существующем способе

жизнедеятельности. Во-первых, это исчерпание материального производства, обнаружение его ресурсных и технологических пределов при отсутствии видимого альтернативного пути материально-технического развития. Во-вторых, в ходе социального взаимодействия, борьбы за жизненное пространство общностям уже некуда расширяться или отступить без столкновения с другими общностями, – человечество сомкнулось в ограниченном пространстве. В-третьих, возникновение новой социальной реальности сопровождается качественными сдвигами в общественном сознании: переходом к новой теоретической модели общества (смена парадигмы), а также к новой системе норм и ценностей, в которой базовым объективным показателем уровня общественного развития является способность к выживанию в изменяющемся мире.

Глобализация общественной жизни представляет собой процесс становления единой общемировой системы социального взаимодействия, но не ведет к формированию единой социальной общности людей, не означает возникновения общественной системы, требующей единого управления. Человечество не становится одной общностью землян, но жизнь каждой отдельной общности начинает зависеть от его состояния как общей системы социального взаимодействия. В силу действия техносоциальной формулы общество всегда остается социально дифференцированным, пронизываемым всеобщим социальным отношением «цель–средство». Лидирующие общности воплощают в себе цель общественного развития (прогресса), остальным уготована функция средства, производственного материала, обеспечивающего существование лидеров.

Предметом оживленных дискуссий на всех уровнях – в правительственных и деловых кругах, научном сообществе и средствах массовой информации, на партийных форумах и бытовом общении является деятельность транснациональных корпораций, международных политических надправительственных структур, свободное движение товаров и услуг, технологий и информации, капитала и рабочей силы. Одни видят во всем этом прогресс, другие выражают сомнения и страх, третьи консолидируются в антиглобалистские организации и устраивают демонстрации протеста, перерастающие в побоища. В условиях глобализации существования общества понятие национальной

безопасности перешло из разряда периодически употребительных в группу обязательных понятий, с помощью которых оценивается состояние какой-либо общности (нации, страны, этноса и т. п.) с точки зрения возможностей ее выживания. При этом решающее значение имеют факторы окружающей социальной среды, т. е. взаимодействия с другими общностями, а не с природой.

Социальное отношение «цель–средство», будучи исторически непреходящим, реализуется в разных формах экономических и политических отношений, регулируется разными способами. В диком обществе это просто грабительские набеги на соседей, в древних цивилизациях наряду с грабежом устанавливается порабощение, средневековые феодальные владения – это преимущественно территория сбора податей (тот же грабеж, только упорядоченный). Потом был период колониальных империй, сменившихся после их развала периодом неоколониальной, сугубо экономической зависимости.

Общественный характер производства выражается не только в непосредственно насильственном отчуждении труда, но и в обмене результатами труда, т. е. в его опосредованном отчуждении. Хозяйство является замкнутым только в масштабах всего человечества – островного, материкового, глобального. Его рост оказывается возможным только при расширении сферы отчуждения труда. В этом плане глобализация экономики означает исчерпание сферы расширения. Возникает принципиально новая модель общественного развития, но одновременно это абстрактная модель, ибо в ходе материально-технического развития меняются технологии, само развитие неравномерно, отсталые и передовые общности могут меняться местами. Получается, что сфера непосредственного и опосредованного отчуждения труда расширяется за счет изменения предметного содержания производства.

В процессе глобализации в равной мере имеют место и выступают в качестве средства расширения системы социального взаимодействия «сотрудничество и соперничество», «единство и борьба». Вопрос в том, кто, с кем и как сотрудничает и борется. Борьба за выживание опосредована множеством связей и отношений, т.е. «люди-цели» и «люди-средства» не связаны друг с другом непосредственно, определить персонально, кто за чей счет живет, невозможно, и все различия в

246

положении людей предстают как результат большего или меньшего умения и везения. Здесь каждый находится в противостоянии всем, поэтому обвинять преуспевающего дельца некому и не за что. Межобщностная борьба менее опосредована, столкновение жизненных интересов в ней обнаруживается более наглядно. Однако глобализация опосредует и это, становится трудней определить, какие общности за чей счет живут. В настоящее время передовые страны более солидарны друг с другом в своих отношениях с отстающими странами. Напротив, отстающие страны менее солидарны друг с другом в этом противостоянии. У передовых стран большая заинтересованность и больше возможностей для координации своих действий.

Основу, главное содержание глобализации, как интеграции, формирования единой системы общества, составляет борьба, присоединение, насаждение, распространение тех или иных элементов, установление господства друг над другом, а не их взаимовыгодное объединение. Объединение одних, как правило, направлено против других. В каких бы формах ни шел процесс глобализации, ее движущей силой остается борьба за выживание, понимаемая не как уничтожение конкурента или вытеснение его из жизненного пространства, а как превращение одних в средство существования других. Следовательно, и сотрудничество, и соперничество являются средством борьбы за выживание, такова объективная диалектика социальной жизни.

В глобальном мире отношение лидерства и отсталости общностей одновременно предполагает отношение господства и подчинения. Насилие, связанное с ним, страшно своей неотвратимостью. В отличие от природы, где жертва может спрятаться, убежать от преследования, в глобальном мире некуда убегать и негде прятаться, в нем можно только бороться и либо побеждать, либо терпеть поражение. Глобализация надвигается на недостаточно устоявшиеся общности и недостаточно уверенных в себе индивидов, она представляется им источником опасности, грозящей раздавить. По мере увеличения своей массы общество приобретает все более тотальный характер. Деятельность спецслужб, организованная преступность и экстремистский терроризм полностью пронизывают и контролируют общественный организм, делая поднадзорной и уязвимой жизнь каждого человека, которому негде

скрыться от этой тайной и явной всепроникающей публичности. Глобальное общество является тотальным по своей изначальной сути.

Современная система отношений господства и подчинения становится предельно обобществленной, опосредованной отношениями так называемого открытого, демократического общества, в котором формируется система постэкономического принуждения, когда насилие осуществляется даже не через собственность на средства производства, а через технологию, информацию. По сути становится не так важно, кому принадлежат ресурсы природы, более важно то, кто умеет их использовать. Отсюда и политические (с экономической подоплекой) лозунги – демократия, открытость, права человека, плюрализм и пр. Рыночные отношения становятся главным способом превращения одних общностей в средство для других общностей.

Здесь надо либо принимать вызов и бороться, либо сдаваться на милость кредиторов, к чему, собственно, и призывают коллаборационисты нового типа, обеспечивая себе тем самым привилегированные места в складывающейся системе социальной дифференциации. Либо надо закрываться, самоизолировать, обрекая себя на материально-техническую отсталость, глубокую социальную дифференциацию, вечное давление извне и вечную смуту внутри. Ярким примером попытки закрыться от давления рынка, а по сути от разграбления, явилось возведение Берлинской стены в ГДР. Но и бетонная стена, и железный занавес не выдержали этого давления и рухнули.

Таким образом, современное общество с его индустриализмом, рыночной открытостью, экономическим колониализмом обнаруживает черты постсовременного общества – глобальных коммуникаций и информационно-технологического колониализма. Для установления господства в этом обществе не надо завоевывать территории, не надо вывозить сырьевые ресурсы, достаточно иметь монополию на информацию. Главной опасностью для общности становится ее информационно-технологическая отсталость.

Информационно-технологический колониализм начинается с того, что общность (страна) не может самостоятельно использовать доставшиеся ей в силу геоисторических обстоятельств природные богатства в соответствии с возможностями и потребностями мирового уровня

материально-технического развития. Казалось бы, в мире должна установиться симметричная взаимозависимость: с одной стороны, владелец сырьевых ресурсов, а с другой – собственник информации и технологии. Но природа богата или бедна не сама по себе как таковая, элементы природы становятся природным богатством в результате человеческой деятельности, в настоящее время – научно-технической. Складывается, на первый взгляд, парадоксальная ситуация, когда, например, некие кочевые племена, не бедные и не богатые, а просто дикие, вдруг становятся обладателями несметных сокровищ только лишь потому, что кто-то где-то изобрел двигатель внутреннего сгорания, открыл способ перегонки нефти, создал технику для ее добычи на суше и на море и нашел эту самую нефть под принадлежащими этим племенам верблюжьими пастбищами. Спрашивается, кто же в таком случае настоящий хозяин богатства? На этот сугубо абстрактный вопрос история дала сугубо конкретный ответ – тот, кто умеет им пользоваться. А тот, на чьей территории оно находится, уже не может ни просто оставить их без внимания и продолжать жить по-старому, ни использовать их без посторонней помощи в качестве рычага воздействия на окружающий мир, шантажировать его. Из колоний давно не вывозят рабов, не организуют рабский труд на месте с помощью белых надсмотрщиков с кнутами, колонии перестали быть и так называемыми сырьевыми придатками бывших метрополий.

Отношение разделения труда, будучи отношением обмена результатами деятельности, равнозначно по своему предметному содержанию в том смысле, что субъекты обмена равно заинтересованы в нем, будь то очевидный классический пример сапожника и портного или неочевидный пример хозяина и наемного работника. Однако оно не всегда эквивалентно, поскольку обмениваемые предметы и услуги не всегда равны по затраченной на их производство массе труда, ресурсов жизни. Эта масса определяется в конечном счете уровнем используемой техники и технологии в той зависимости, что по мере совершенствования последних производство удешевляется, т. е. в обмене результатами деятельности выигрывает тот, кто ушел вперед по линии научно-технического прогресса. Следовательно, обмен между общностями продуктами производства может быть взаимовыгодным в потребительском плане, но

никогда не будет равноценным в стоимостном отношении. Классическим примером такого обмена является обмен мехов на стеклянные бусы. Субъективно он выгоден как цивилизованному купцу, так и первобытному охотнику. Но объективно это неравноценный обмен, поскольку при его систематическом характере ресурс дикого добытчика исчерпывается быстрее, чем ресурс цивилизованного производителя. В принципе, то же самое относится и к обмену нефти и газа, например, на компьютеры. Общность с сырьевым характером производства всегда находится под угрозой исчерпания ресурсов и лишения источника существования. Неэквивалентный обмен существенен даже на индивидуально-бытовом уровне, когда, например, жители страны, где более высокая зарплата, отовариваются в другой стране, где более низкая зарплата, т. е. более низкая покупательная способность населения, но и более низкие цены. В частности, так было в Берлине при его разделении на Западный и Восточный условной линией между сторонами улицы или станциями метро.

Достижение глобальности означает, что в систему разделения труда втянут весь мир, и областей, параллельных мировой системе, сосуществующих с ней, больше нет. Последний этап такого параллельного существования был представлен противоположными системами социализма и капитализма. Соответственно перед Россией и другими республиками бывшего Советского Союза стоит проблема вхождения в мировую систему: в каком качестве и в каком объеме (границах)? Ясно, что вхождение в СССР и вхождение в мировую систему обуславливают разные требования и возможности сосуществования в одном целом. Видимо, в таком ключе следует рассматривать перспективы интеграции в Европу некоторых бывших советских республик. Ясно, что у прибалтийских республик здесь шансов было больше по сравнению с Украиной, хотя по ресурсам она гораздо богаче и вопрос об интегрировании Украины в Европу будет определяться скорее военно-политическими, а не экономическими факторами. В данном случае опять видно верховенство политики над экономикой.

Как известно, более производительные технологии по сравнению с менее производительными заключают в себе больше овеществленного, прошлого труда и меньше живого труда. Одновременно более

производительные технологии требуют более высокой квалификации работников. Соответственно в ходе расширения сферы материально-технического развития по мере исчерпания старой ресурсной базы возрастает стоимость сырья и энергоносителей, а также удорожается воспроизводство рабочей силы.

В результате образуется стоимостный перепад сфер производства общностей с разными уровнями материально-технического развития. С одной стороны, в технологически лидирующих общностях с большой массой накопленного общественного богатства устанавливаются высокие цены на средства поддержания жизни и высокие доходы, в том числе и заработная плата наемных работников. С другой стороны, в отстающих общностях цены и доходы, включая зарплату, остаются на относительно низком уровне. В ходе нарастания темпов материально-технического развития разрыв между передовыми и отстающими общностями увеличивается, при этом отношение «цель–средство» все более опосредуется, а внеэкономические формы насилия, принуждения, свойственные периоду примитивного и потому в целом примерно одинакового уровня техники (вплоть до средневековья), сменяются экономическими (Новое время, становление капитализма) и перерастают в условиях глобализации в постэкономические. В межиндивидуальных отношениях внутри общности это выражается, в частности, в резком увеличении зависимости места человека в обществе от уровня его образования, квалификации, творческих способностей, тогда как раньше здесь главными условиями были принадлежность к сословию и/или владение собственностью. В межобщностных отношениях на смену грабительским походам и колониальным захватам приходит политика установления открытых дверей, формируется открытое в глобальных масштабах общество, в котором господствующее положение занимают передовые в научно-техническом отношении общности. Таким образом, борьба за выживание на всех уровнях все больше перемещается в область научно-технического соревнования, что, впрочем, не отменяет ни собственности на средства производства, ни прямого насильственного воздействия, в том числе военного, которое приобретает полицейский характер и переходит на высокие технологии.

Научно-технический прогресс обуславливает расширение и углубление использования природы в качестве источника ресурсов жизни и по сути сам является их источником, современное научно-техническое освоение мира эквивалентно его географическому освоению в прошлом. В этом положении состоит одно из главных противоречий глобального мира, заключающееся в том, что у природных богатств, как правило, оказываются два хозяина – собственник территории, не способный в силу технологической отсталости воспользоваться ими, и собственник технологий, не имеющий свободного доступа к источнику сырья. Передовые общности, владельцы информации и технологии, используют демократизацию в качестве универсальной «отмычки», обеспечивающей всеобщий режим открытых дверей и соответственно необходимый доступ к природным кладовым. Отстающие общности, владельцы этих кладовых, требуют, напротив, доступа к передовым технологиям. Данное противоречие является антагонистическим и разрешается преимущественно с позиции силы, а также в ходе самого материально-технического развития, в процессе смены поколений техники и производств.

Глобализация формирует открытое общество, которое характеризует общность с точки зрения способа ее взаимодействия с внешним миром и означает свободу перемещения людей, товаров, сырья, финансов, идей и вообще любых материальных и духовных ценностей. Предполагается демократия в области межобщностных отношений – правовое равенство граждан разных общностей. Ясно, что для этого необходима демократия внутри самих общностей – экономические и политические свободные отношения. Следовательно, открытое общество есть сугубо гражданское, правовое общество, в котором можно все, что не запрещено. Иначе говоря, открытое общество предполагает тотальность рыночных отношений, это свободный мировой рынок, регулируемый лишь в плане поддержания общественного порядка.

Разумеется, в реальности модель открытого общества – миф, в действительности такого общества-рынка не существует в силу неравномерности, разноуровневости развития общностей уже по причине исходной дифференцированности естественно-природных условий жизни, которые нивелируются всем ходом научно-технического прогресса, но

относительно, не полностью, и первоначальная дифференцированность постоянно воспроизводится в процессе материально-технического развития. Каждая из взаимодействующих общностей заинтересована во всеобщей открытости в тех областях жизни, в которых она обладает преимуществом, и наоборот, стремится закрыться в сферах, где она оказывается уязвимой при равенстве условий взаимодействия. Иначе говоря, каждая общность желает быть свободной в выборе своего присутствия у других и присутствия других у себя. Отсюда государственные границы, таможенные барьеры, налоги, пошлины, квоты и т. п. И чем более высок уровень развития общности, тем более сильны ее позиции в отношениях, прежде всего экономических, с другими общностями, тем в более широкой открытости этих отношений она заинтересована. Для общностей-лидеров принцип открытых дверей есть не что иное, как орудие подчинения менее развитых общностей без применения военной силы. В принципе, и война как агрессия – это всего лишь силовой взлом закрытой общности, навязывание ей своих правил игры путем открытого вооруженного воздействия. У более развитых общностей более развита и система правовых и нравственных нормативов (социально-культурный иммунитет) – им свобода не страшна, а то, что представляет опасность, надежно перекрывается. Незрелое в гражданском отношении общество не имеет ни надежного нравственного иммунитета, ни действенной системы правовых нормативов. А потому даже свобода духовной жизни (идеологический и прочий плюрализм) оборачивается средством подчинения слабых сильными.

Лидирующей, благополучной общности присущи передовая техника и технология, их обеспечивают передовая наука и образование, высокая эффективность деятельности высококвалифицированных людей обеспечивается высоким уровнем жизни (пища, жилье, транспорт, медицина, отдых) и надежной защищенностью прав и свобод во внутреннем и внешнем существовании общности. Все это в своей совокупности означает способность общности эффективно (выгодно для себя) взаимодействовать с другими общностями, осуществлять обусловленный неравенством уровней технологического развития обмен неравными стоимостями.

В ходе цивилизационного развития подготовительный, предпроизводственный и завершающий послепроизводственный периоды человеческой жизни необходимо увеличиваются. Но хорошее образование и достаточное пенсионное обеспечение – привилегия богатых стран. Уравнилельская система, обеспечившая советские достижения в этих областях, исторически быстро исчерпала свой ресурс. Пропасть между передовыми и отсталыми странами углубляется в том числе и за счет разницы поколенческой структуры населения. С одной стороны, в богатых странах увеличивается продолжительность проживаемой человеческой жизни, увеличивается масса социально зрелого населения, вырабатывающего и накапливающего основной объем всех видов необходимой информации. С другой стороны, в бедных странах основная масса населения не может дожить до зрелого возраста, поколения быстро сменяются без необходимой преемственности социального опыта, а неизбежное старение населения богатых стран при увеличении продолжительности жизни компенсируется иммиграцией наиболее способной и образованной молодежи из бедных стран. В итоге единый, как и природа, интеллектуальный ресурс распределяется неравномерно и все более концентрируется отдельными общностями. Таким образом, независимо от уровня материально-технического развития народонаселение остается главным ресурсом существования общества, и до сих пор этот ресурс оказывается в распоряжении технологически более развитых стран как нечто готовое, как данное самой природой.

Глобализация общественной жизни ведет к реструктурированию общностей таким образом, что лидирующие общности принимают наиболее продвинутых представителей менее развитых общностей и становятся для них своими. Старая общность (родина) остается своей по культурным, религиозным, языковым и другим признакам. Новая общность становится своей на основе более высокого, привилегированного положения по отношению к предыдущему (подобно перемещению из деревни в город как из одной общности в другую). Это позволяет рассматривать глобализацию как всеобщую мировую урбанизацию.

Глобализация техники, экономики и политики вполне поддается рациональному объяснению и описанию, она по-разному оценивается, но принимается как объективный процесс, данность объективной реальности.

Духовная жизнь тоже глобализируется, национальные различия размываются, мифы развеиваются, по мере осознания техносоциальной формулы общества духовная сфера рационализируется. Но вместе с новым типом рациональности возникают и новые типы мифологии, будучи отражением новых типов исторической общности. Однако, если в технике, экономике, политике «чужие» достижения заимствуются и принимаются достаточно спокойно, то в области духовной культуры «чужое» чаще воспринимается как враждебное, духовная сфера оказывается наиболее чувствительной к разрушающему воздействию извне, реакция отторжения в ней является следствием действия инстинкта самосохранения общности.

Таким образом, модель открытого общества – это и теоретическая абстракция, и художественный образ, и идеологический лозунг, средство борьбы за господство, и таким средством становится даже борьба за так называемые права человека, когда, например, под предлогом недопущения демпингового характера цен с рынка устраняются конкуренты. В тенденции, хотя и не в конечном итоге, происходит формирование двух полярных элементов – господствующего и подчиненного. Первый организован и социально сплочен, второй дезорганизован и разобщен.

С одной стороны, идет процесс нарастания социальной энтропии: свободное передвижение товаров, услуг, финансов, информации, рабочей силы и т. д. Но, с другой стороны, все это имеет своим результатом концентрацию самого передового, самого лучшего в одних местах и деградацию, опустошение других мест. Либерализация жизни на уровне индивидов обеспечивает концентрацию наиболее дееспособного населения в лидирующих общностях, составляющих центр глобального мира. Следовательно, глобальный мир, как система взаимодействующих и взаимозависимых общностей, глубоко дифференцирован и на этом структурном уровне не может быть демократическим. Современным терминологическим эквивалентом глобального открытого общества является понятие однополюсного мира, необходимо перерастающего в глобальное ... закрытое общество, – такова объективная диалектика социального развития, диктуемая его техносоциальной формулой.

Однако данная однополюсная конструкция глобального мира, подразумевающая внутреннюю дифференциацию в интегрированной системе общностей-лидеров, наличие абсолютного мирового лидера в лице

самой сильной державы, является идеальной моделью. Реальное общественное развитие неравномерно, неуправляемо и непредсказуемо. Решающим фактором этой объективной неопределенности является неопределенность материально-технического развития, неоднородность и неопределенность самих природных оснований общества (географических и демографических), а следовательно, магистральных направлений научно-технического прогресса, определяемых революционизирующими жизнь общества научными открытиями и техническими изобретениями. В реальном мире всегда будет существовать весь диапазон уровней развитости и степеней самостоятельности общностей, и список претендентов на мировое лидерство и кандидатов в аутсайдеры никогда не будет исчерпан.

Глобализация общественной жизни означает ее всеобщую стандартизацию, унификацию, включенность индивидов и общностей в единую систему взаимосвязанных элементов, которая формируется путем подчинения одних элементов другим, а в конечном счете определяется единым системообразующим центром. Глобальный мир, в идеале предельно обобществленный и специализированный, в соответствии с техносоциальной формулой общества необходимо разделен по схеме «центр–периферия». Вопрос в том, каково содержание и формы этого центрo-периферийного разделения? В цивилизациях всегда был центр, но сосуществующих цивилизаций было достаточно много. Означает ли становление глобального мира складывание единой цивилизации? Это сугубо абстрактный вопрос, не имеющий определенного ответа. Глобальный однополюсный мир представляет собой скорее идеальную модель, чем действительно существующий объект.

Эффективность функционирования любой отдельно взятой общности, рассматриваемой в качестве производящей системы, необходимо снижается в условиях ее изолированного существования, поскольку в этом случае, с одной стороны, неуклонно исчерпывается ресурсная база, а ее расширение обходится все дороже; с другой стороны, исчерпываются возможности минимизации затрат на содержание участников общественного производственного процесса за счет уменьшения их занятости и снижения уровня жизни, включая условия труда. Однако в ходе межобщностного взаимодействия, в основе которого лежит борьба за

256

выживание, более организованные общности наращивают ресурсный потенциал и повышают эффективность его использования за счет эксплуатации других, менее организованных общностей. Глобализация экономики ведет к исчерпанию этого резерва повышения эффективности в той мере, в какой исчезает не занятое, свободное от эксплуатации социальное пространство. В глобальном мире нет ни свободного географического пространства, являющегося дополнительным источником природных ресурсов, ни свободного социального пространства, являющегося дополнительным источником трудовых ресурсов. Глобальность мира означает его полную занятость и поделенность, человечество еще не переживало такого состояния, и потому никто не может достаточно обоснованно (без лозунгов и пророчеств) сказать о том, что будет дальше.

В современном мире географически больше нечего открывать и некого и нечего завоевывать в старом смысле этого слова, мир к XXI в. полностью освоен и поделен. Но борьба за выживание остается. Однако стихийная неупорядоченность, спонтанность и хаотичность войны, как средства урегулирования международных отношений, в эпоху глобализации сменяется упорядоченностью и регулируемостью наказания или уничтожения противника, с одной стороны, четко спланированными террористическими актами, а с другой – экономическими санкциями и точечными ракетно-бомбовыми ударами по выборочным целям. Война, в соответствии с техносоциальной формулой, принципиально не может быть устранена из жизни общества. В глобальном мире с его всеобщей взаимозависимостью элементов любой конфликт вызывает цепную реакцию противостояния, эскалацию насилия и раскола. Глобализация означает переход к всеобщей непрерывной войне, которая по сути и является мировой войной и которая по причине неравномерности общественного развития всегда таит опасность перерастания в глобальный военный конфликт с очередным порядковым номером в мировой истории.

Общности развиваются неравномерно, в силу чего равновесие сил и интересов постоянно нарушается, система общества разбалансируется, и, как следствие, становится неизбежным перераспределение ресурсов жизни. Действие техносоциальной формулы делает невозможной его плановость и вообще общеприемлемую

регулируемость; перераспределение ресурсов, как правило, осуществляется насильственным путем, хотя и в разных исторических формах, но в конечном счете – путем военного воздействия на конкурентов. Война до сих пор остается решающим аргументом в извечном споре претендентов на места в жизненном пространстве.

Состояние без войны возможно только при большом перепаде уровней материально-технического развития, когда более слабых просто покоряют или уничтожают, как всегда было с коренным населением при вторичном освоении территории; война предполагает отношение равенства и представляет собой вооруженное взаимодействие, а не просто вооруженную акцию одного субъекта против другого. Модель однополюсного мира – это и есть модель общества, в котором на смену войнам пришли военно-полицейские акции.

Современные процессы глобализации не дают достаточного материала для построения реальных сценариев возможных вооруженных конфликтов в глобальных масштабах. Однако объективная неравномерность материально-технического и социального развития не позволяет экстраполировать современную мировую динамику в необозримое будущее и исключить возможность воспроизведения в глобальных масштабах силовых противостояний, аналогичных тем, которые неоднократно переживала Европа в многополюсном и двухполюсном распределении сил. Тем не менее траектория движения центров тяжести в социальном пространстве и конфигурация будущей мировой конфронтации оказывается непредсказуемой.

Одну из форм насильственного утверждения личностей или общностей в социальном (жизненном) пространстве представляет террор. Он может быть направлен как сверху вниз (военные и экономические санкции, вплоть до открытой агрессии), так и снизу вверх (внеэкономическое и внеполитическое, в том числе вневоенное, насильственное воздействие). При таком рассмотрении социальная революция неизбежно оказывается связанной с террором, являющимся активным выражением отчаяния от бессилия и потому приводящим к бескомпромиссной жестокости и бессмысленным жертвам. Масштабы источника – носителя террора – от подполья до всеобщей диктатуры, т. е. от подчиненности до полного господства в обществе. При подчиненности

довлеет иллюзия возможности всеобщего блага, когда зло насилия оправдывается пришествием будущего блага. Затем данная иллюзия утрачивается, и совершается переход в противоположность. Революционный восторг, романтизм насилия по отношению к эксплуататорам сменяется холодным высокомерием и презрением к классовым врагам.

Поскольку революция начинается с веры в добро, свободу, равенство, постольку она притягивает молодых романтиков, добродетельных людей и тем самым всегда оборачивается жестокой трагедией, пожирая в конечном счете своих собственных детей. В революцию верят и идут в нее наиболее способные, талантливые. Впоследствии их уничтожают. Активные противники революции тоже выдвигаются из числа талантливых людей. В этом взаимном идейном противостоянии, бескомпромиссном и жестоком, выражается особый трагизм и губительная бессмысленность революции в общечеловеческом плане. Но, как справедливо заметил К. Маркс, социальная революция является необходимостью поступательного хода истории, ее локомотивом.

Международный терроризм не означает стирания границ общностного разделения, он представляет собой специфическую форму межобщностной борьбы за выживание в условиях глобализации. Международный терроризм является неявным придатком государственной политики и тем самым качественно отличается от международной преступности. В целом глобализация общественной жизни характеризуется расширением транснациональной экономики (материальное основание глобализации), межнациональной организованной преступности и международного терроризма, эксплуатирующего религиозный фундаментализм. Транснациональная экономика складывается на почве клуба лидирующих общностей, занимающих господствующее положение в мире, межнациональная организованная преступность существует на основе перепада уровней материально-технического развития разных общностей, международный терроризм проистекает из претензий богатых, но не самостоятельных в информационно-технологическом и военно-техническом плане общностей, претендующих на мировое лидерство. Исходя из этого, определение

международного терроризма, как врага всего человечества, недостаточно корректно.

Период войн, как битв больших масс людей в виде армий, остался в прошлом. В глобальном мире на смену дискретным войнам, складывающимся из ряда отдельных сражений и линий фронтов, приходит тотальная непрерывная война, включающая в себя непрерывную череду локальных конфликтов, террористических актов и полицейских акций, разворачивающихся во всем мировом пространстве, включая космос и подводный мир, и втягивающих все мировое население без разделения на военное и гражданское. Террористический акт, в отличие от военного действия, персонифицирован по исполнителям, жертвам и требованиям. Впрочем, многие военные действия имеют характер террористических актов, например, артобстрелы и бомбардировки городов.

Терроризм имеет глубокие исторические корни, это не случайный выброс общественного развития, не социальная аномалия. Сущность социальной жизни не меняется, бескомпромиссная борьба за выживание остается, однако организационные и материально-технические возможности ее ведения неуклонно возрастают.

Целью террора является устрашение и на его основе достижение нужного поведения, необходимых действий со стороны оппонентов, противника, жертвы и т. п. Террор, в отличие от войны, несимметричен в том смысле, что, с одной стороны, недостаточно сильный для ведения открытой борьбы, он ведется тайно, замаскированно (партизанский или бандитский террор – в зависимости от оценки его целей), а с другой – он ведется открыто, явно, ибо точечные удары, карательные спецоперации силами быстрого реагирования и прочее – это тоже терроризм. С обеих сторон главным средством воздействия является превращение обычных, не участвующих в борьбе людей в заложников, с обеих сторон – это государственный терроризм, связанный с определенным разделением мира.

Терроризм является крайним выражением войны всех против всех, которая характеризуется всеобщностью, но меняет свои исторические формы. В условиях глобального мира терроризм стал политически организованным и обрел международные масштабы, превратился в один из характерных элементов новой социальной реальности, в которой все

отношения настолько переплетены и опосредованы, что классическая прямая и открытая война исчерпывает свои возможности в качестве их регулятора. Государство, как орган, предотвращающий войну всех против всех, в условиях глобализации оказалось бессильным.

Применительно к отдельному индивиду, простому человеку террор представляет собой дополнительный источник социального давления, к которому человек должен привыкнуть и научиться с ним жить, как он привык жить с возможностью кражи имущества, нападения бандита или маньяка и т. п. Терроризм, становящийся обыденным явлением окружающей социальной среды и формирующий специфический образ жизни, порождает и новые формы социальных различий в виде различия возможностей обеспечения личной безопасности людей.

Вместе с тем, поскольку борьба за выживание неустраима в принципе, а средства борьбы становятся все более разрушительными и способными при выходе их из-под контроля привести к всеобщему самоуничтожению людей, постольку вольно или невольно осуществляется поиск путей, ведущих к взаимопониманию. В связи с этим терроризм можно интерпретировать как выражение исчерпания ресурса взаимопонимания, герменевтический тупик как отражение объективно неразрешимого противоречия в отношении «цель–средство». Одни общности предлагают систему отношений, в которой другие общности объективно будут служить их средством, а эти другие общности категорически отвергают такую систему, но обычным производственно-технологическим (тем более военным) путем добиться своего не могут и обращаются к террору как единственно возможному для них средству борьбы.

Как уже указывалось, изолированное существование общности позволяет сохранять независимость, но обрекает на отсталость. Однако в условиях глобализации от столкновения с внешним миром не уклониться, «в лес не уйти, спрятаться негде», а отсталость обуславливает неизбежную подчиненность. Следовательно, выход только в активном социальном поведении, в поиске ключевых позиций в жизненном пространстве. Вот здесь и выступает на первый план фактор воли, организующего начала.

Провозглашение лозунга цивилизованных отношений, подразумевающего отказ от насилия, объективно выгоден лидирующим общностям,

получающим дополнительные ресурсы за счет неэквивалентного обмена. У отстающих общностей нет иного выхода, кроме как протестовать против такой дискриминирующей системы, и если бы не угроза возмездия в той или иной форме, они бы воевали открыто, а не прибегали к террору, который, в конечном счете, оказывается в руках не бедных и обездоленных, а в распоряжении богатых претендентов на мировое лидерство. Здесь ясно одно – насильственную борьбу за выживание не предотвратить.

Абсолютная либерализация общественной жизни необходимо оборачивается свободой действий одних по отношению к другим. Она выражается в установлении всеобщего жесткого порядка отношений господства и подчинения. Поэтому не случайно, как это ни кажется парадоксальным, активнейшими участниками бурных выступлений против глобализации являются анархисты.

Глобальное общество можно рассматривать как практическую реализацию модели информационного общества. Господствует тот, кто владеет информацией – научно-технической, производственно-экономической, социально-политической, а владеет информацией тот, кто способен ее произвести, купить или просто снять с мировой информационной сети, будучи в состоянии обзреть и процедить все информационные потоки в мире, вплоть до бытовых телефонных разговоров. В этом тотальном просматривании и прослушивании, всеобщем контроле и регулировании человеческой жизни понятия прав и свобод переводятся в иную плоскость и утрачивают реальное содержание. Таким образом, либеральное общество в глобальном мире переходит в свою противоположность.

Модель глобального мира с его максимально возможной обобщественностью и плановой управляемостью в определенном смысле тождественна модели всемирного коммунизма «с противоположным знаком», реализуемого не по схеме абсолютного прогресса с его неограниченностью роста производства и потребления, а в соответствии с техносоциальной формулой с ее фундаментальным социальным отношением «цель–средство». Глобальный мир предполагает установление единого мирового хозяйства, единой системы производства с разделением его результатов не по потребностям и не по труду, но даже,

262

возможно, не по капиталу. Рациональному объяснению не поддаются ни модель коммунистического изобилия, ни модель «цель–средство» в едином человечестве. В том и другом случае нет реального стимула общественной деятельности. Остается только борьба за выживание, меняющая формы своей цивилизованности и духовные оболочки мифологизации. В принципе здесь уместно ставить вопрос о переходе к другому типу цивилизации.

В описании влияния глобализации на социальную структуру общества имеет место противопоставление форм структурного деления мира – общностной и корпоративной. По такой логике получается, что на смену общностному делению общества идет корпоративное. Иначе говоря, вместо национальных государств как субъектов социального взаимодействия в мире будут транснациональные корпорации. Кстати, до общностного деления при капитализме было сословное деление при феодализме, когда границы владений в Европе были фамильные, а армии – наемные. Сейчас нет оснований для такого противопоставления. Во-первых, происходит объединение общностей, растягивающееся на многие десятилетия. Если Европе суждено стать единой, то на это уйдет почти столетие, если вести отсчет от начала пятидесятих годов XX в. Во-вторых, это объединение равных, в отличие от присоединения раньше слабых сильными, т. е. это объединение по схеме укрупняющей взаимодополняемости экономического развития. Новые общности складываются на основе отраслевого объединения (кооперации и специализации), а политика, идеология, культура здесь вторичны. Тем не менее, хотя содержание общностей, как субъектов социального взаимодействия, меняется, но их географическая и демографическая выраженность, отграниченность в той или иной форме остается, ибо это главное в содержании общностей. Для прогнозов в данной области не хватит жизни одного поколения, ибо процессы эти бурные, но, вместе с тем, длительные.

Таким образом, содержательным наполнением глобальности оказывается всеобщий кризис социума как такового. Это второй фундаментальный итог прошедшей истории. Перечень проявлений кризиса стандартный: в аспекте материально-предметной деятельности – это голод и болезни, истощение и загрязнение природной среды; с точки зрения

социальной жизни – насилие в виде войн, преступности и эксплуатации; в плане духовности – ложь и невежество. Указанные и другие явления свойственны человечеству на протяжении всей его истории, меняются только их формы. Соответственно весь так называемый общественный прогресс – это вечный выход из непрекращающегося кризиса, вечное выздоровление после нескончаемых приступов неизлечимой болезни. Строго говоря, цивилизация никогда не была здорова, по крайней мере, в ощущениях современников, а образ процветающей цивилизации – это либо легенда, либо мечта.

Как известно, общественное развитие циклично по самым разным показателям. В том числе и по характеру своей системности, чередующимся периодам устойчивой и неустойчивой социальной структуры. Генеральная тенденция в этом плане состоит в движении к становлению единой системы мирового социума, глобального взаимодействия. История демонстрирует ряд сложившихся устойчивых мировых структур с последовательным увеличением их масштабов. Каждая из этих структур проходила этапы становления, пикового развития и кризиса, завершаемого распадом и разрешаемого в войнах и революциях, с которыми часто связываются определенные исторические периоды: до- или после- (военные и революционные).

Широко употребляемое в настоящее время понятие устойчивого развития имеет преимущественно лозунговый характер и объективно предполагает сугубо неравновесное состояние взаимодействующих общественных систем, одни из которых находятся в относительно устойчивом, равновесном, организованном состоянии за счет дезорганизации других. В целом это равновесие перетекания ресурсов, когда одна система накапливает энергию и повышает степень организации, а другая снижает свой потенциал и стремится к равновесию с внешней средой по модели тепловой смерти. Вопрос о достижении абсолютного предела в возможности поддержания устойчивого равновесного состояния общества в научно-техническом плане остается открытым. Любые определенные ответы на него представляют собой утопические модели в рамках мифологического сознания.

Достижение человечеством уровня глобальности делает его дальнейшее развитие неопределимым с помощью действующего

социально-познавательного аппарата. С одной стороны, становится ясным, что вечные проблемы, например, проблемы голода и социальных конфликтов, с решением которых до сих пор связывался общественный прогресс, объективно неразрешимы. С другой стороны, оказались исчерпанными возможности дальнейшего расширения человечества, за счет которого данные проблемы на протяжении всей истории переходили в другую фазу, приобретали другие формы, что и служило основанием для веры в возможность их полного устранения в некотором отдаленном будущем. Соответственно слышится все больше заявлений о некоем тупике, откуда нет выхода, а если и раздаются отдельные оптимистические высказывания, то в них совершенно не обнаруживается каких-либо свидетельств понимания направленности общественного прогресса на стадии достигнутой человечеством глобальности – развитие общества на этой стадии в настоящее время не поддается адекватному моделированию. Наоборот, именно с движением мира к глобальности связывалась до сих пор модель направленности исторического процесса.

Современный мир бурлит, его сотрясают национальные и религиозные конфликты, социальные столкновения и терроризм. В соответствии с техносциальной формулой общества это никогда не кончится, в чем и заключается драматизм человеческого существования вообще. Меняются только исторические формы социальной борьбы. Современные тенденции в ее развитии связаны с тем, что человечество перестало быть дискретным образованием, и столкновения перестали быть эпизодическими. Борьба пронизывает всю ткань человеческого общества.

В этом процессе еще не определили, не выявили свою мировую сущность азиатские гиганты – Китай и Индия вместе со своим окружением. Неясны также место и роль мусульманского мира: то ли это целостная историческая общность со своей геоисторической формулой, то ли это цивилизация или просто идея, не привязанная к определенной территории и определенному населению?

Мы являемся свидетелями складывания качественно нового мира, организуемого либо по схеме изолированной общности, вписанной в устойчивую систему естественно-природного равновесия и характеризующейся жестко фиксированной системой глубокой социальной дифференциации, либо по схеме глобального противостояния

мировых систем, непреодолимо антагонистических в силу самого факта своего существования в ограниченном жизненном пространстве. Реализация первой схемы означала бы установление длительной эпохи социальной эволюции, подобной эпохе средневековья; последствия реализации второй схемы имеют сугубо апокалиптический характер. Но вероятнее всего в данном случае мы имеем дело не с альтернативными направлениями общественного развития, а с закономерными историческими ступенями, последовательному прохождению которых может помешать лишь вмешательство так называемой исторической случайности, абсолютно непредсказуемой по самой своей природе. Однако, так или иначе, устойчивым может быть только глобальное развитие.

В условиях глобализации мировой экономики речь может идти уже не столько о разных по уровню развития странах, сколько о формировании глобально дифференцированного мира с единым центром и единой всеобщей периферией. Глобализация растворяет старые границы межобщностной дифференциации. Господствующими общностями нового типа, хозяевами нового мира становятся владельцы техники и информации, а за счет этого и соответствующих типу материально-технического развития природных ресурсов.

Марксовская схема абсолютного и относительного обнищания пролетариата по сути дела подтверждается общественно-исторической практикой, но ее теоретическое обоснование, ставшее возможным в условиях глобализации экономики, теперь совершенно иное. Вывод об ошибочности данной схемы в свое время был сделан на основании факта роста национального богатства и общего уровня жизни населения в развитых капиталистических странах, а также появления широкого слоя абсолютно обеспеченных людей, бедных лишь относительно (по сравнению со слоем сверхобеспеченных). Этот вывод, во-первых, опирается на абсолютистскую модель общества, которая предполагает возможность полного обеспечения ресурсами жизни всего населения на основе научно-технического прогресса. Но несостоятельность абсолютистской модели общества теперь стала понятной.

В о - в т о р ы х, Маркс опровергал по устаревшей схеме отношения «цель–средство», а именно – по классовой, тогда как в XX в. главными

субъектами отношения «цель–средство» стали не классы, а целые исторические общности (страны). В современном мире продолжается накопление массы богатства и рост численности населения, увеличивается разрыв между бедностью и богатством (отсталыми и передовыми общностями), но главное – увеличивается численность неграмотного, голодного, пораженного болезнями, вымирающего населения.

В принципе остается в силе тезис о формировании мировой буржуазии и мирового пролетариата, но не в той конфигурации, как это представлялось в классическом марксизме. Более того, глобализацию можно рассматривать как мировую революцию, завершающую постепенный процесс социальной конвергенции. В соответствии с техносциальной формулой общества глобализация экономики ведет к одному и тому же результату, независимо от гипотетического победителя в историческом соревновании централизма и либерализма. Абсолютность обнищания видится в том, что всегда кто-то идет на дно и вообще гибнет, а отношение «цель–средство» равно отношению «буржуазия–пролетариат».

Модель глобально единого человечества, которому больше некуда расширяться и остается лишь перегруппировываться и переструктурироваться, объективно базируется на экстраполяции современного типа материально-технического развития, породившего ряд фундаментальных проблем, от решения которых зависит возможность дальнейшего существования общества, но способы самих решений до сих пор неизвестны. Никто не знает, есть ли еще пространство для дальнейшего расширения сферы материального единства общества и природы или достигнут абсолютный предел. Собственно, этого никогда никто не знал, например, Европа долго не расширялась, а только перегруппировывалась. Но, в отличие от прошлого, сейчас осознаны сами проблемы, что требует новых методологических подходов. В частности, требует осмысления то обстоятельство, что история знает лишь примеры вторичного расширения человечества, т. е. расширения не как освоения девственной природы, а как завоевания новых территорий, растекания по Земле второго слоя людей, когда вместе с новыми источниками природных ресурсов осваивались и новые источники трудовых ресурсов. Было ли когда-либо иначе, история этого не знает. Но перспектива новых этапов послышного расширения общества вполне определена, существует вполне

определенная перспектива новых этапов послышного расширения общества.

Сущностные характеристики глобального мира становятся понятными в свете техносоциальной формулы общества. И наоборот, лишь глобализация, как новая социальная практика, дала необходимый материал для осознания формулы и ведет к радикальному пересмотру системы социального знания.

Если в XIX в. еще господствует классическая рациональность с ее верой в разумность бытия и человека, модернизмом и прогрессизмом, то для XX в. характерна неклассика с ее иррационализмом, релятивизмом, постмодернизмом, когда человеческая рациональность опрокинута, миром владеет подсознание, толкающее к насилию. XXI в. начался под знаком техносоциальной формулы и обещает переход к неорациональности, т. е. к рациональному пониманию человеческой жизни как борьбы за выживание.

Процесс глобализации заставляет пересмотреть традиционный смысл понятия постиндустриального общества, предполагающего сосредоточение основной массы населения на производстве информации и услуг при соответствующем сокращении занятости в сфере материального производства за счет научно-технического прогресса. Тем не менее материальное производство остается главным фактором социального бытия, однако оно переходит с опытно-практической, эмпирической базы функционирования и развития на научно-теоретическую. Научно-технический прогресс становится главным средством ресурсного обеспечения людей как в сфере взаимодействия с природой, так и в сфере отношений друг с другом. Оказалось, что положение о постиндустриальном обществе справедливо только по отношению к передовым общностям и не распространяется на отсталые общности, на долю которых выпадает именно материально-производственное функционирование в рамках глобального разделения труда.

В ходе глобализации образуется единое поле социального взаимодействия – экономического, политического, образовательного, культурного. Соответственно необходимо формируется единое знаковое (в тенденции – единое языковое) пространство, в конечном счете вырисовывается единая модель мира. Все это означает становление единого технологического и информационного общества, единой мировой

цивилизации. Однако общество может быть единым технологически и информационно, но принципиально не может быть единым социально.

Следовательно, понятие информационного общества, понимаемого ранее как высшая стадия общества постиндустриального, оказалось *буквально* соответствующей характеристикой глобального мира. Глобальный мир по определению находится в едином информационном пространстве, поддерживается единым герменевтическим основанием. Человечество все больше характеризуется единством понимания материально-технической жизни и все больше превращается в единую цивилизацию, но принципиально не может достичь всеобщего социально-культурного взаимопонимания в силу действия техносоциальной формулы общества. Проблема понимания в области социального взаимодействия людей в условиях становления глобального общества обостряется. До этого было возможным как подчинение, навязывание понимания бытия – системы ценностей, идеалов, веры и тому подобное, так и уклонение от борьбы, уход в другое географическое пространство, с другой стороны. В XX в. еще были признаваемы социальные модели Шопенгауэра и Ницше, исключающие сосуществование различных волей и представлений мира как воли к жизни и власти. В глобальном обществе нет свободного пространства, где можно было бы укрыться от внешнего давления, однако, хотя социальная борьба усложняется и обостряется, неизбежно допущение признания права на иное, чужое существование, от которого никуда не уйдешь и которое не подавишь.

Глобализация общественной жизни, будучи объективным процессом, не подлежит какой-либо социальной оценке, не поддается ценностному измерению вообще. Ее можно и нужно понять, но бессмысленно приветствовать или проклинать. Одновременно она не содержит социальной двойственности и не может быть направлена в ту или иную сторону в аспекте справедливости или несправедливости, ей нельзя придать прогрессивный или реакционный характер. В основе глобализации, как объективного общественного процесса, в соответствии с техносоциальной формулой общества лежит борьба за выживание, являющаяся двигателем социального прогресса. Глобализация является следствием, результатом этой борьбы, а не наоборот. Поэтому альтернативные модели глобализации типа «мировой коммунизм» или

«мировой капитализм» методологически столь же бесплодны, как и всякого рода футурологические пророчества. Мы не можем знать, как пойдет этот процесс, но мы должны знать его закон.

11.6. Философия прогресса

Все течет, все изменяется. Данное высказывание является предметом дискуссий с самого начала существования философии. Однако оно многоаспектно и на каждом историческом этапе на первый план выступают его разные стороны. Во времена древних греков речь шла о признании или отрицании самого факта движения мира, в более поздние исторические периоды и в настоящее время центральным является вопрос о его источнике и направленности.

Движение, рассматриваемое не только как просто изменение, переход от одного состояния к другому, а понимаемое как определенно направленное, упорядоченное, закономерное, получило название развития, представленного двумя формами, или ветвями (название условно), – прогрессом и регрессом. Первая форма выражает восходящую поступательность развития (от низшего к высшему, от простого к сложному, от менее совершенного к более совершенному), а вторая – противоположную, нисходящую поступательность. При этом следует учитывать, что движение, как изменение, необратимо и соответственно в определенном смысле однонаправленно, и поэтому регресс не является обратнопоступательным движением. Прогресс и регресс не есть самостоятельные циклы развития, они различаются относительно, и, следовательно, любое изменение предмета в одном отношении прогрессивно, а в другом регрессивно. Таким образом, общие положения о прогрессе в той же мере распространяются и на регресс. Принципиальным является вопрос о понимании направленности развития вообще, т. е. о признании или отрицании объективного содержания таких понятий, как простое и сложное, высшее и низшее, менее и более совершенное.

Обычно использование понятий прогресса и регресса относится к отдельным, конечным объектам, существование которых сопоставимо с другими конечными объектами и имеет свою историю. Бесконечные объекты (мир, природа в целом) не характеризуются ни тем, ни другим, поэтому нет оснований ставить вопрос о какой-либо направленности их

движения, они не развиваются в том смысле, что не имеют начального и конечного состояний.

Несмотря на неразрывное единство понятий прогресса и регресса, собственно предметом осмысления является понятие прогресса, поскольку в общем соотношении прогрессивных и регрессивных изменений считается преобладающей восходящая поступательность развития, что делает прогресс абсолютным, а регресс относительным. Однако неограниченное, беспредельное накопление совершенства, бесконечное приближение к абсолюту, не поддается моделированию даже в рамках теистического понимания бытия. Методологическое значение такого абсолютистского понимания прогресса невелико. Вместе с тем с признанием или отрицанием именно восходящей ветви развития связывают существенные мировоззренческие и методологические различия, понятие прогресса содержательно более определено по сравнению с понятием регресса, понимание которого базируется преимущественно на формальных основаниях.

В общем виде проблема понимания прогресса состоит в признании или отрицании его объективных критериев, например в виде повышения уровня организации материи. Наиболее типичная и широко признаваемая модель (схема) прогресса выражается в восходящей последовательности: от неживой природы к живой, от живой природы к обществу, а в обществе – от одной цивилизации (культуры, формации) к другой цивилизации (культуре, формации). Менее очевидным представляется вопрос о наличии линии прогрессивного восхождения по отдельности в неживой и живой природе, безотносительно к их переходам к следующим ступеням развития – от неживой природы к живой и от живой природы к обществу.

Изменения неживых образований не складываются в определенно направленную линию переходов от одного состояния к другому, поскольку для выстраивания разных состояний неживых предметов в линию восходящей или нисходящей последовательности нет объективных критериев. Ставить вопрос о прогрессивных изменениях в неживой природе можно лишь под углом зрения возникновения жизни.

Критерием сопоставимости разных состояний живых систем является степень устойчивости их существования. Однако в данном случае для характеристики изменений более конкретны понятия благоприятности и

неблагоприятности, чем прогрессивности и регрессивности. Только признание прогрессивной поступательности в общественном развитии позволяет говорить о прогрессивной направленности в биологической эволюции, рассматриваемой как закономерное движение к становлению человека.

В живой природе наблюдается естественное различие благоприятных и неблагоприятных условий существования тех или иных ее видов. Слабые представители вида вытесняются на периферию жизненного пространства или вообще за его пределы. Но в каждом конкретном условиях происходит адаптация (видоизменение), в результате чего условия существования видоизмененной жизни становятся благоприятными. И вновь происходит вытеснение слабых на периферию. В конечном счете вся Земля оказывается охваченной (покрытой) биосферой. Таким образом, условия жизни на Земле изначально и всегда дифференцированы, а соответственно и формы жизни. Образуется сложная система взаимодействия, переплетений, идет непрерывный процесс видообразования, вытеснение и расселение живого по второму, третьему и далее слоям. Понятие благоприятных условий жизни оказывается относительным в определенном интервале показателей.

То же было и с людьми в период их жизни в условиях естественно-природного равновесия: на юге и севере, морском побережье и в горах, в лесу и пустыне. Благоприятность условий жизни в данном случае также относительна в определенном интервале показателей, здесь тоже происходит вытеснение слабых на периферию жизненного пространства, но для адаптации путем видоизменения возможностей уже нет. Расовыми различиями тут можно пренебречь, да и механизм этих различий не установлен.

Поскольку при наличии интеллекта использование ресурсов среды интенсифицируется, а среда остается исчерпаемой и ограниченной в качестве жизненного пространства, постольку по мере интенсификации получения ресурсов обостряется конкуренция. Логическим завершением этого процесса является переход к производящему способу жизни на основе новой технологии (техники) и новой организации (социальной дифференциации, превращения одного человека в средство другого человека).

В условиях производственно-природного равновесия фактор благоприятности природных условий остается, но он определяется трудом, научно-техническим прогрессом, а не самой природой. Соответственно более развитые общности подчиняют себе менее развитые общности исторически меняющимися способами – внеэкономическое, экономическое, постэкономическое (информационно-технологическое) принуждение. Конечно, за основу социальной дифференциации всегда принимают отношение собственности, однако ее субстратное (материально-предметное) содержание и социальное оформление исторически изменчивы. На смену имущественному разделению приходит сословное, на смену сословному – классовое, на смену классовому – стратификационное (на информационно-технологической основе).

Переход к созданию техники и социальной организации совместной жизни, в основе которой лежит отношение «цель–средство», можно обозначить как переход к техносоциальному способу жизни. Он позволил человеку выйти за пределы естественно-природного равновесия и обеспечить большую выживаемость, т. е. большую плотность населения по сравнению с той, которая возможна в естественных условиях. Одновременно качественное изменение содержания жизнедеятельности привело к определенным изменениям условий существования, возникновению новых потребностей, связанных с материально-технической деятельностью. Соответственно меняется предметное выражение социальной дифференциации, но ее суть остается неизменной – проживание одной жизни за счет другой, хотя речь здесь идет уже не столько о жизни в буквальном, организмическом смысле, сколько об условиях существования в качестве человека. Вместе с тем это не означает перехода социальной дифференциации в разряд относительных различий в рамках общеисторического повышения уровня жизни, когда, например, условия существования современного рабочего признаются лучшими, чем условия существования короля более ранних эпох. Действительно, общая продолжительность жизни людей под влиянием научно-технического прогресса увеличивается, однако отношение «цель–средство» остается абсолютным в той мере, в какой жизнь одних людей полностью вбирает в себя достижения цивилизации, а другие проживают ее так и столько, как и сколько они могут функционировать в качестве средства.

С позиций всеобщности бытия жизнь представляет собой период радости как состояния самого бытия, а именно как удовольствия. Бытие вне ощущения жизни пусто. В этом смысле общественный прогресс выражается в нарастании ощущения радости жизни и понимании жизни как ценности. Следовательно, призыв к жертвенности или смирению служит всего лишь средством подчинения одних – другим.

Свойственный абсолютистской модели общества модернизм предполагает исторический подход к общественной жизни, различение прошлого, настоящего и будущего с позиций прогрессивизма, в ценностном аспекте, т. е. как движение от неосознаваемого несовершенства жизни (прошлое) через ее осознанное недостаточное совершенство (настоящее) к достижению полного совершенства (будущее). Надежды на лучшее связывают с будущим, вера в него поддерживает, позволяет терпеть трудности настоящего, с будущим связан оптимизм.

Современность рождает страх перед будущим, экстраполируя на него негативные изменения жизни, обусловливаемые цивилизационным развитием общества, светская модель Апокалипсиса все сильнее затемняет горизонт будущего. Осознание техносоциальной формулы лишает человека будущего в том плане, что устраняет его ценностно-прогрессивистское наполнение, лишает надежды и веры в лучшее, заставляет принять настоящее и предстоящее как должное. Лучше не будет, но и хуже не станет. Люди живут один раз, причем не только в своем времени (относительно), но и во всеобщем времени (абсолютно); люди *как люди* одинаковы, будь то древние греки или современные французы; и то, *как* они проживают, например, по возможности пользоваться достижениями цивилизации, определяется не принадлежностью к эпохе (допустим, электричества или компьютеров), а местом в социальном пространстве, т. е. доступностью этого самого электричества и компьютеров.

Относительность социального бытия представляет собой частный случай всеобщего принципа относительности, выражающегося в отсутствии абсолютного пространства и времени как абсолютных форм существования материи и абсолютной формы движения материи как способа ее существования, т. е. в отсутствии смыслоцелевой заданности,

абсолютных критериев и всеобщей направленности общественного развития. Человеческая жизнь сама в себе заключает свой смысл и является самоцелью. От животной жизни она отличается производящим (технологическим) способом существования в природе и особой внутренней организацией (установлением социального отношения «цель—средство»).

Таким образом, наибольшей определенностью в рациональном истолковании прогресса характеризуется все-таки общественное развитие, применительно к которому можно вести речь об объективно сопоставимых показателях, рассматриваемых в качестве критериев. Безотносительно к общественному развитию категория прогресса при рациональном рассмотрении лишается какого бы то ни было смысла. Только при наличии восходящей поступательности в общественном развитии можно построить модель направленности изменений бытия, поэтому признание общественного прогресса рассматривают в качестве исходного пункта для признания всеобщего, рационально понимаемого прогресса вообще.

В свою очередь, общественный прогресс обычно сводится к человеку, к неким интегральным объективным показателям производственно-технической, социально-политической и духовной жизни, к достижению неких идеалов наподобие всеобщего равенства, справедливости, свободы, разностороннего и гармоничного развития и т. п. Однако данные показатели и идеалы объективно не имеют каких-либо абсолютных значений и могут рассматриваться лишь в их относительном выражении.

Всякая система предельна в своем прогрессировании в силу предельности окружающей среды как базы ее существования. Непрерывность материально-технического развития обеспечивается научным познанием, расширяющим сферу материального единства общества и природы, т. е. расширяющим окружающую среду в качестве основы человеческой жизнедеятельности. Следовательно, материально-технический прогресс конкретно-исторически относителен, а вопрос о его абсолютной предельности или беспредельности сугубо абстрактен и в настоящее время не имеет какого-либо определенного ответа вне рамок идеологического рассмотрения. Главное здесь заключается в том, что техносциальная формула общества остается непреодолимой и

материально-технический прогресс не обеспечивает всеобщего выживания, будучи и в этом смысле всегда относительным.

Для указанных выше и им подобных социальных идеалов содержание понятия прогресса сугубо ценностно и объективно выразимо лишь в качестве возможности всеобщего выживания, поскольку развитие одних социальных систем за счет деградации других не может быть признано общественным прогрессом. Но всеобщее выживание невозможно в соответствии с техносоциальной формулой, идеал – за ее пределами, и общественный прогресс представляет собой вечное стремление к выходу за эти недостижимые пределы.

Итак, в истории философии прогресс необходимо связывают с общественным развитием, которое в одном случае является высшей ступенью всеобщего прогресса, а в другом – единственной сферой бытия, развивающейся по восходящей линии. Но в любом случае признание прогресса требует ответа на вопрос о достижении некоего конечного результата и гипотетическом переходе в новое качество – о постсоциальной форме движения, где на смену материальным показателям прогресса приходят идеальные, с чем в последнее время (особенно в свете экологических проблем) и связывают достижение высшего уровня в развитии общества.

Однако здесь, кроме неясности общих рассуждений о прогрессе, обнаруживается и чисто логическое противоречие между отрицанием направленности движения мира в целом, что само по себе очевидно, и выстраиванием указанной выше последовательности прогрессирующих ступеней «неживая природа–живая природа–общество», которые в своем единстве образуют именно линию всеобщего прогресса. Если для устранения противоречия подвести данную последовательность под понятие конечной системы, хотя и невообразимо большой, то надо определить, *что*, помимо неживой природы, живой природы и общества, входит в содержание мира в целом.

А перехода в новое качество в общественном развитии как раз и нет. Ни новой ступени нет, ни достижения идеала. И вся линия прогресса рассыпается, поскольку она скреплялась именно этой направленностью. Только с осознанием техносоциальной формулы общества, методологически базирующейся на исходных принципах исторического

материализма, понятие общественного прогресса обретает позитивную определенность в понимании своего содержания и выходит за рамки абсолютистской модели и сугубо мировоззренческой, идеологической значимости.

Субъективно-идеалистическая трактовка прогресса лишена какого-либо объективного содержания и имеет сугубо антропологический характер, т. е. соотносится исключительно с существованием человека. Прогресс окружающего мира состоит в том, что человеку в нем становится все лучше и лучше, а в человеческом ощущении жизни нет ни пределов, ни направленности.

Объективно-идеалистическое понимание прогресса придает ему максимально возможную определенность, представляя его как беспредельное развертывание бытия в направлении недостижимой абсолютной идеи. Столь же беспределен, но никуда не направлен прогресс в интерпретации метафизического абсолютистского материализма.

Отрицание прогресса базируется либо на его замене регрессом (развитие цивилизации по технологическому пути рассматривается как упадок), что по сути то же самое, но с противоположным знаком; либо на том, что признание прогресса требует признания телеологической модели бытия и поэтому не удовлетворяет требованиям научной рациональности, поскольку мистифицирует процесс развития.

Понятие прогресса недостаточно разработано с точки зрения позитивной определенности его содержания, прежде всего, в рамках научной рациональности. Оно остается, в первую очередь, мировоззренческо-идеологической категорией, содержательно видоизменяющейся в ходе социально-исторического развития. То или иное понимание прогресса является стержневым показателем понимания бытия в целом, определенной картины мира. В этой связи его изменение необходимо сопутствует переходам от одних мировоззренческих моделей, идеологических систем к другим. Признание прогресса всегда основывается на некотором допущении.

Таким образом, определяемый значением техносоциальной формулы закон материально-технического, социального и духовного развития состоит в ускорении его темпов при непрерывном, неотвратимом увеличении объема общества. Объективно закономерным является

непрерывный рост материального производства, в том числе увеличение массы и энергетической мощности всеобщей материально-технической системы, постоянное обновление предметного содержания материально-технического развития, т. е. вовлечение все новых и новых предметов и процессов природы, разработка новых конструкций и технологий. Столь же закономерно увеличение требуемой численности народонаселения, порождающее ряд специфических проблем. Соответственно в социальной области наблюдается обновление, расширение форм конкуренции и насилия при наращивании мощности и поражающей эффективности средств социальной борьбы.

Фактор случайности при внедрении новых производственных, медицинских и социальных технологий становится более значимым по мере увеличения степени целостности общества. Говорить об абсолютном уменьшении его устойчивости было бы недиалектично, но сохранение неопределенности и следующего из нее риска представляется несомненным.

В сфере материально-технического развития:

Это экологический риск – истощение сырьевых и энергетических ресурсов, загрязнение окружающей природной среды при увеличении масштабов непредвиденных отрицательных следствий, а в целом – возможность достижения абсолютного экологического порога в материально-техническом развитии общества;

техничко-экономический риск – исчерпание технологического способа жизни, выражающееся в достижении пределов положительной эффективности авансируемого труда (относительный предел материально-технического развития), а также достижение абсолютного предела в разработке новых средств расширенного воспроизводства ресурсов.

В социальной сфере:

Это непрерывное накопление материальных средств социальной борьбы (увеличение их совокупной массы и мощности) при объективной невозможности ее преодоления вообще или перехода к ненасильственному решению социальных конфликтов в частности, иначе говоря, достижение того предела эффективности средств материального подавления, за которым их применение становится обоюдодопасным.

В конечном счете речь идет об общем неравновесном состоянии материально-технической сферы общества, о цикличности материально-технического развития, связанной со сменой уровней производственно-природного равновесия, когда можно говорить, с одной стороны, об относительности положительных и отрицательных следствий материально-технической деятельности людей, а с другой – об абсолютном возрастании степени риска по мере выхода общества за пределы естественно-природного равновесия.

В функционировании технических систем нет объективной неизбежности катастроф, но действует объективная случайность как форма проявления необходимости. Сбои в функционировании техники происходят в пределах статистической вероятности, определяемой состоянием технических систем (надежность конструкции, степень изношенности), свойствами среды функционирования, качеством подготовки и состоянием человека в период взаимодействия с техническим средством. Эти показатели в своем единстве определяют вероятность технологических аномалий, причины которых классифицируют как природные, техногенные и человеческие.

Возрастает ли риск в общем процессе материально-технического развития? В абстрактной схеме это модель соревнования снаряда и брони. Но каково фундаментальное изменение положения техники, обеспечивает ли она неограниченное выживание и какова историческая динамика рисков: остаться без энергии, задохнуться, погибнуть от голода и пр.? Социальная дифференциация, деление на цель и средство делает все это относительным. Проблема переходит на другой уровень: неизбежны ли социальные катаклизмы?

Критерий общественного прогресса, не выразимый ни в типе техники, ни в форме социальной организации, ни в объеме знаний и духовной устремленности, в конечном счете сводится к одному показателю – способности к выживанию общества, не имеющему каких-либо абсолютных значений относительно пространства и времени. В свою очередь, в общественном развитии всегда сохраняется возможность утраты этой способности, что и составляет интегральное содержание социального риска.

Устойчивое существование социума до настоящего времени проявлялось в трех основных вариантах:

первобытный, доцивилизационный способ жизни народов тропической и арктической зон, живущих в рамках естественно-природного равновесия;

восточные цивилизации, просуществовавшие тысячелетия в рамках консервативного производственно-природного равновесия;

европейская цивилизация, вышедшая на путь прогрессирующего производственно-природного равновесия, поддерживаемого в настоящее время технологическими лидерами на основе динамичного инновационного развития.

Разные цивилизации имеют в своей основе различные технологические способы производства. Объективный критерий их сопоставимости один – устойчивость существования общества. В процессе материально-технического развития, в ходе смены технологических способов производства расширяется сфера материального единства общества и природы, т. е. расширяется перечень предметов и процессов природы, вовлекаемых в человеческую деятельность. В результате стираются локальные цивилизационные различия, и в перспективе по мере все ускоряющегося и уплотняющегося чередования отдельных, фиксированных способов производства формируется единый способ технологической жизни людей, обусловленный, во-первых, единством земной природы, геокосмической среды, во-вторых, глобализацией общественной жизни.

Соответственно глобализация современного мира обуславливает возможность глобального исчерпания технологического способа производства и неизбежной угрозы глобального кризиса, который по причине неравномерности материально-технического развития общностей сопровождается обострением борьбы за существование, стремлением некоторых общностей разрешить кризис силовым путем за счет других общностей. Глобализация кризиса делает его постоянным и угрожающим существованию общества. Однако в глобальном материально-техническом развитии на смену ступенчатому чередованию технологических способов производства приходит состояние непрерывного инновационного развития. Вопрос о его пределах остается открытым, но признание

неисчерпаемости природы и неограниченности человеческого интеллекта в ее универсальном использовании в качестве источника ресурсов жизни позволяет отвечать на него оптимистически. В конечном счете все сводится к тому, как часто и как сильно общество будет погружаться в состояние социального коллапса.

Глава 12

СМЫСЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

12.1. Роль ценностей в жизни общества и человека

Философия как рефлексия мировоззрения имеет аксиологический аспект. Аксиология – это философское учение о ценностях как общественной (социальной) значимости вещей и идей в нашей жизни и культуре. Это краткое определение говорит о том, что ценности могут быть материальными и духовными (ценность идей, идеалов и т. д.). Культурная значимость предмета (материального и идеального) определяется прежде всего его функцией быть средством связи между людьми, взаимным посредником людей, объединяющим их в процессе совместного существования и исторического развития. Это более развернутое определение ценностей говорит нам о том, что нарушение системы (иерархии) ценностей данного общества свидетельствует о размывании, размягчении ядра общественной солидарности людей, разрушении их морально-политического единства. Ценностная анархия ведет к социальной аномии, фактическому беззаконию, «правовому беспределу», как сейчас говорят.

12.2. Проблема происхождения и иерархии ценностей.

Виды ценностей

Ценности имеют социокультурное происхождение. Вне человека и человеческого общества, т. е. в природе, взятой без человека, ценностей нет. Высшие ценности, наполняющие жизнь человека духовной осмысленностью, конкретизируются в идеалах. В первом приближении идеалы характеризуются как формообразования сознания, которые служат интеллектуальными целевыми основаниями деятельности и полагаются субъектом как предельное выражение того, что в системе его ценностей

несет в себе характеристики высшего блага. Поэтому идеалы не столько образец будущего, сколько выражение должного в сущем. Связка: должное (предпочитаемое) – сущее есть основная ценностная структура, через которую воспринимается мир.

Ценности подразделяются на виды в зависимости от критерия их выделения. Так различают ценности материальные и духовные. В соответствии с различными формами духовной культуры выделяют ценности политические, правовые, моральные, эстетические, религиозные и т.д. Различают также ценности, реально действующие в обществе и декларируемые, абсолютные («ценности-цели») и инструментальные («ценности-средства»), социальные и индивидуальные.

12.3. Свобода и ответственность

С в о б о д а – это мера возможности произвольного выбора. Эта мера довольно ограничена в реальной жизни. Часто приходится делать не то, что хочется (свобода), а то, что должно. Свобода – сугубо человеческое измерение бытия.

Мера внутреннего овладения человеком свободой входит в понятие человека. Эта мера у каждого своя: она зависит от культурного развития личности. В экзистенциальном смысле речь идет о нравах и свободах человека не в политическом, экономическом, юридическом их выражении, а о свободе как внутреннем духовном состоянии, заключающемся в возможности делать свой выбор по собственному желанию, а не по принуждению извне.

Когда ребенок впервые крикнул: «Я сам...», он тем самым заявил о свободе своей воли. Мы не можем сказать ребенку в ответ: «Тогда и ответственность за все свои деяния ты должен взять на себя». Ответственность – это внутренняя обязанность индивида брать на себя ответ за свои действия и поступки. Чувство ответственности не может сформироваться прежде, чем у ребенка сформируются такие нравственные чувства, как стыд, вина, совесть, чувство долга. Нравственная культура человека проявляется в том, насколько плотно сопряжены в нем внутренняя свобода с социальной ответственностью.

12.4. Смысл жизни как интегральная базовая система ценностей

Основная проблема всей философии и в особенности философии экзистенциальной – вопрос о смысле или бессмысленности человеческого бытия. Исторический тип духовности, т. е. интегральная базовая система ценностей, это, разумеется, не та или иная ментальная структура, тип рациональности. Когда человек задаётся вопросом о том, имеет ли его жизнь смысл, т.е. значимость и ценность для себя и других людей, тогда и происходит осознанное сопоставление стихийного потока повседневной обыденной жизни с тем или иным идеальным представлением о ней, ее идеалом, принимаемым индивидом за путеводный маяк.

Жизненный выбор, т. е., по сути дела, выбор высокозначимой жизненной задачи должен быть личностно осмысленным. Индивид сам определяет, что для него свято, какие святыни (высшие ценности) ему дороги. Речь идет в данном случае о ценностном смысле, ценностном содержании сознания, духовном наполнении жизни, ибо «не хлебом единым жив человек». Высшие ценности конституируют смысл бытия за счет того, что показывают индивиду его место и предназначение в окружающем мире.

12.5. Представления о совершенном человеке в разных культурах

Указанные представления всегда присутствовали в истории мировой культуры. В античной культуре существовал свой образ совершенного человека. До наших дней дошел только скульптурный образ такого человека – Аполлон Бельведерский (скульптор Леохар, IV в. до н. э.), но в ходе исторического процесса меняется и сам человек. На смену античному представлению о героической личности в Средневековой культуре приходит мир страждущего, униженного, раздираемого противоречиями маленького греховного (миф о «первородном грехе» пронизывает все Средневековье) человека. Он бесконечно унижен и слаб, но он и бесконечно велик, ибо безгранично верит в своё спасение в иной жизни.

Теперь попробуем охарактеризовать этику «рыцарей» так называемого первоначального (буржуазного) накопления капитала (капитализм). Эта этика проанализирована М. Вебером в работе «Протестантская этика и дух капитализма». Сакральной, приближающей

человека к Богу считалась религиозно-этическая, ценностно-мотивационная оценка труда как средства к спасению души. Главную роль играет нравственное напряжение, самоотреченное служение, которое делает профессиональную деятельность средством к спасению души, свидетельством нравственно-религиозной избранности. В данном случае нами используется типологический подход, т. е. обрисовывается своего рода «идеальный тип», далеко не всегда совпадающий с реальной действительностью. Но такова судьба всякого идеала.

12.6. Объективные и субъективные, всеобщие и индивидуальные основания смысложизненного поиска

Формулировка этого вопроса не должна предполагать, что человек всю жизнь думает о смысле жизни. Это – удел духовно развитой личности. А большинство мало задумывается над этой проблемой: других проблем в жизни хватает. А ведет по жизни здравый смысл и житейская логика. Смысложизненный поиск – это поиск такого ценностного сознания, которое бы удовлетворяло индивида, давало ему душевное равновесие, осмысленность жизни: во имя чего и ради чего жить?

Ценности могут быть как индивидуальными, так и надиндивидуальными. Социальные ценности трансцендентны (внеположны, объективны) по отношению к индивидуально-психологическим образованиям, имеющим ценностную нагруженность: мотив, потребность, интерес, ценностная установка. В этом аспекте можно говорить о ценностно-мотивационном ядре личности, определяющем смысл ее жизни и ее поступки.

В принципе необходимо различать поиск смысла жизни, который (поиск) всегда индивидуален, и ценностно-ориентационную деятельность общества, которая для индивида выступает как деятельность всеобщая и объективная. Эта деятельность проявляется, во-первых, в идеологии как способе обоснования и защиты определённой системы социальных ценностей; во-вторых, в выработке обыденным сознанием различных социально-психологических образований, имеющих ценностную нагруженность: идеалов, норм, вкусов, моды, суеверий, общественных мнений, ценностных стереотипов.

12.7. Мораль, справедливость, право

В подходах к определению морали в современной литературе выделяют, во-первых, функциональный подход: как «работает» мораль, в чем специфика морального регулирования поведения личности в отличие от правового регулирования и т. д.? Во-вторых, субстанциальный подход, отвечающий на вопросы о том, какие потребности лежат в основе морали, каково ценностно-императивное содержание морали, т. е. критерий моральности.

С п р а в е д л и в о с т ь – понятие о должном, соответствующее определённого пониманию сущности человека. Справедливость – категория морально-правового сознания, поскольку оно оценивает социальную действительность с точки зрения долженствования. Понятие справедливости требует соответствия между практической ролью различных индивидов (социальных групп) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость.

Одна из главных проблем социологии (в частности социологии морали и социологии права) заключается в том, чтобы выяснить, каким образом общество как целое регулирует поведение своих членов. Специфически общественным видом регуляции выступает нормативная регуляция. Нормативные регуляторы – нормы поведения, системы правовых предписаний и ограничений, понуждений и запретов, а так же социальных санкций, призванных согласовать поведение индивидов с общественными потребностями – создаются посредством особой исторической деятельности людей – нормотворчества (правового, морального и т.д.). Отличие правового регулирования от морального заключается в том, что первое требует принуждения, т. е. санкций со стороны общества в отношении девиантного (отклоняющегося от правовой нормы) поведения индивида.

12.8. Нравственные ценности. Их роль в формировании личности

Вершина нравственных ценностей – этический идеал. Предъявляя этот идеал посредством разнообразных требований в качестве образца поведения, этика ставит человека в определенное, а именно духовное отношение к абсолютному, вечному. Помня о должном, ориентируясь на него, человек преодолевает сущее, доверяясь высшему, вечному, человек побеждает преходящее, сиюминутное. Таким образом, в морали человек оценивает сущее с позиции должного, т. е. нравственного идеала. Фундаментальные моральные ценности: присмиренность, взаимопонимание, солидарность, милосердие. В итоге: межличностное единение, единение человека с миром, Богом, природой.

В процессе формирования личности действуют три механизма: социализации, воспитания, самоформирования. В социализацию необходимо включать то, что непосредственно способствует приобщению молодого человека к социальному опыту, включению его в определённые социальные структуры, среди которых на первом месте находится семья. Нравственное сознание первично «закладывается» в семье и усваивается в ходе приобщения детей к ценностям взрослых. «Ценностная эстафета» передается только из рук в руки, от личности к личности в процессе эмоционально насыщенного общения. Наконец, сущностно, духовно человек формирует себя сам (самоформирование). Личность представляет собой не только извне детерминированную, но и самодетерминированную систему со своей внутренней структурой детерминации.

12.9. Эстетические ценности и их роль в человеческой жизни

Эстетика изучает область выразительных форм любой сферы действительности (в том числе художественной), данных как самостоятельная и чувственно непосредственно воспринимаемая ценность. Эстетика долгое время развивалась преимущественно как философия прекрасного, и оно воспринималось как главная эстетическая ценность. Однако в последние десятилетия показано, что прекрасное есть только одна разновидность эстетического наряду с такими его формами, как возвышенное, низменное, трагическое, комическое, безобразное, ирония,

юмор и т. д. Выявление ценностной природы различных форм эстетического сделали актуальным вопрос о специфике эстетических ценностей по отношению к ценностям нравственным (хотя взаимосвязь этих двух видов ценностей никогда не отрицалась). Как нечто непосредственно данное в содержании эстетическое отличается от этического, в основе которого лежит акт волевого выбора. Эстетические ценности могут вступать в конфликт с нравственными (эстетический имморализм Ф. Ницше, декаденство и т. д.). Самоценный характер эстетического отличает его от полезного, утилитарного. Но в принципе полезность предмета нисколько не исключает его эстетической ценности.

Роль эстетических ценностей в жизни человека проявляется в его эстетическом воспитании. Оно в самом общем виде означает формирование восприимчивости человека к искусству и всему прекрасному, существующему в творениях человека и в природе. Облагораживая человеческие чувства, эстетическое воспитание одновременно становится и моральным воспитанием, ибо, по Канту, прекрасное должно пробуждать доброе.

12.10. Религиозные ценности и свобода совести

Указанные ценности относятся к классу ценностей духовных, связанных с духовностью: «Как жить, чтобы святу быть». На протяжении многих веков развитие духовности (а стало быть, и религиозных ценностей) протекало для православных в лоне христианской религии. Религиозная вера означает аксиологическое отношение к Абсолюту: «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершенен». С точки зрения христианской антропологии, главная ценность в человеке – его духовное достоинство. «Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Евангелие от Марка, 8:36). Утверждение духовного достоинства личности дано в христианской формуле человека как «образа и подобия Божия». Сфера религиозных ценностей конституируется противоположностью греховности (учение о «первородном грехе» человека) и праведности, как одной из главных религиозных ценностей.

Христианство не отрицает принципа свободы воли верующего и личной моральной ответственностью индивида. Здесь и возникает вопрос о

свободе совести. Это выражение является общепринятым в европейских языках. Обозначает оно свободу вероисповедания, т. е. духовную свободу личности. Как религия, так и ее отрицание (атеизм) не могут быть предметом государственного понуждения, а могут быть лишь предметом свободного выбора индивида.

Глава 13

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

13.1. Основные концепции происхождения и сущности сознания

Поскольку речь идет о сознании человека, то суть вопроса практически сводится к рассмотрению проблемы антропосоциогенеза – естественно-исторического происхождения человека и общества. Решение этой проблемы возможно только в рамках материалистической философии (в ее союзе с частными науками). Поэтому все другие концепции происхождения сознания (идеалистические, религиозные и т. д.) нами не рассматриваются. Появление на Земле человека как высшей формы живого, с его развитыми возможностями отражения и самоотражения, означало поворотный пункт в развитии живого: с появлением *homo sapiens* биологическая эволюция человека потеряла свое значение. С этого момента основным фактором развития сознания стала социокультурная эволюция.

В эволюционном отношении сознание возникло из потребности регулировать социальные отношения людей. История сознания (и подсознания) впечатана в структуры головного мозга как субстрата деятельности. Во-первых, это ретикулярная формация. Ею обеспечивали свою жизнедеятельность хладнокровные рептилии. Отсюда наименование этого нижнего напластования – «мозг рептилии». Во-вторых, это подкорковые структуры мозга, т. е. лимбическая система («лимб»), полученная человеком в наследство от теплокровных млекопитающих. «Лимб» обеспечивает так называемое подкорковое мышление, выводящее на тот или иной уровень осмысления чувственно-эмоциональные резервы психики. В-третьих, это верхний, собственно человеческий этаж мозга, именуемый корой больших полушарий. Это название удачно выражает

масштабы сознания и подсознания: сознание – тонкая пленка, скрывающая под собой глубокий «водоем бессознательного». В познавательном отношении сознательное и бессознательное сопоставимы как рациональное и иррациональное, как логика и интуиция.

13.2. Структурные элементы сознания и их взаимосвязь

Ответ на вопрос, что такое сознание и какова его структура, зависит от того, в системе каких координат рассматривается сознание как многокачественное целое. В психологической системе координат в сознании будут выделяться такие компоненты, как чувственное восприятие мира (ощущения, восприятия, представления), абстрактное мышление, эмоциональная сфера, волевые процессы, память, воображение, внимание и т. д. В философской литературе сознание структурируется порой более узко. Например, выделяют такие его компоненты, как знание, переживания и воля. В соответствии с этим в сознании можно вычленить три основные сферы: когнитивную (без знания нет сознания), эмоциональную и мотивационно-волевую.

Единство и взаимосвязь трех указанных выше сфер сознания можно проследить в сознательном поступке, из цепи которых и состоит жизнь человека. Для их свершения мало знаний и эмоций, хотя и те и другие, конечно, необходимы, чтобы не совершить необдуманый поступок. И. И. Обломов из одноимённого романа И. А. Гончарова обладал знанием и эмоциями. Ему не хватало воли. Последняя проявляется как: а) целеустремленность, б) волевая напористость, т. е. решительность, решимость, в) самообладание, самоконтроль, т. е. умение властвовать собой. Волевые импульсы выполняют две функции: побудительную, т. е. побуждающую к действию, и тормозящую, проявляющуюся в сдерживании, удержанию себя в «узде». Свобода – это власть интеллекта над аффектами (эмоциями). Воля здесь посредствующее звено.

13.3. Отражение как общеприродное свойство

Всеобщность отражения как общеприродного свойства зиждется на всеобщности причинно-следственных связей. Там, где есть причинно-следственная связь, там с необходимостью существует и отражение. Именно поэтому причинно-следственные связи оказываются цепями

передачи информации. Итак, в отличие от простого взаимодействия процесс отражения характеризуется односторонней зависимостью взаимодействующих объектов.

Второй отличительный признак отражения заключается в следующем: отражение всегда характеризуется воспроизведением отображаемого объекта в иной модальности, когда решающее значение имеет не физическое тождество компонентов, а структурное соответствие и сходство. Указанное соответствие может быть изоморфным (взаимным, обоюдным) и гомоморфным – однонаправленным.

Третьим отличительным признаком отражения как общеприродного свойства является способность его носителя к сохранению следов, отпечатков. С появлением живых организмов осуществляется историческое накопление отражательного опыта, откладываемого в виде генетической информации. Способность накопления кодированного отображения означает: отражение внешнего мира живыми организмами по сути дела является опережающим, ибо каждое внешнее воздействие на организм непременно мобилизует в нервной системе – на молекулярном уровне – опыт прошлого.

13.4. Психика животных, отражение в «автоматах», сознание человека

Результаты психического отражения живыми организмами внешней среды кодируются в нейродинамических структурах. В них «оседает» генетическая информация, видовой и индивидуальный опыт прошлых взаимодействий со средой. Живой организм в столкновении со средой активно реализует свою внутреннюю программу, так называемую «модель потребного будущего». Сама по себе нейрофизиологическая модель, кодирующая программу поведения живого организма, в принципе не отличается от программирующего устройства компьютеров. Отражение в «автоматах» осуществляется на основе закодированной в «памяти» машины программы. Ее задает инженер-программист. В нейрофизиологическом отражении программа задана биологической эволюцией данного вида животных организмов.

В проведенном выше сравнении пропадает, выпадает идеальность информации, свойственная отражению на самом высоком его уровне – на

уровне человека. Идеальность не есть свойство нервной ткани самой по себе. В противном случае можно было бы говорить об идеальности психики животных, что является неверным. Идеальность как свойство человеческого сознания – это социально обусловленный продукт общения и совместной деятельности людей. Таким образом, сознание имеет общеприродные (в частности биологические) предпосылки и общественно-историческую сущность. Категория идеального фиксирует именно социальную сущность и природу сознания.

13.5. Сознание и мозг

Сознание необходимо прежде всего анализировать с точки зрения его материального субстрата. Здесь речь должна идти о том, как энергия внешнего раздражения переходит в мозг и нервной системе в энергию физиологического возбуждения, а эта последняя – в факт сознания. Конечно, это – идеальная схема, так как не всякое физиологическое возбуждение переходит в факт сознания. Кроме того, необходимо отметить факт функциональной асимметрии мозга. Кора его больших полушарий состоит из двух полушарий. Правое отвечает в гораздо большей степени за эмоционально-чувственное, образно-интуитивное, объемно-пространственное восприятие действительности. Левое специализируется обычно на речевых функциях и обеспечивает абстрактно-логическое мышление человека.

Далее, необходимо отметить тот факт, что мозг отражает не сам себя. Он лишь орган, посредством которого человек мыслит. Стало быть, необходимо отличать вопрос о нейрофизиологическом субстрате сознания от вопроса о содержании сознания. Отношение сознания к мозгу – суть отношения органа к его функции, которая заключается в отражении внешнего мира (мы абстрагируемся здесь от внутриорганических ощущений). Отношение сознания к внешнему миру суть отношение субъективного идеального образа к объективно реальному источнику, идеальной копии к объективному оригиналу, схематично выражаясь.

13.6. Сознание, самосознание, личность

Сама конструкция слова «сознание» с формальной точки зрения предполагает акцент на рациональном знании, на информационной

стороне дела: это та информация, которой совместно владеют люди. С этой точки зрения термин «сознание» означает: совместность, совместимость знаний (иначе люди не будут понимать друг друга), их рациональное осознание.

Самосознание – исторически развивающееся образование, выступающее в разных формах. Первой его формой является электронное осознание своего тела. Второй уровень связан с осознанием себя членом того или иного общества, культуры, социальной группы. Самый высокий уровень самосознания – возникновения образа, Я, осознание своего Я, выстраивание «Я-концепции». Самосознание – это не только самопознание, но также самооценка и самоконтроль. Явные формы самосознания, становящиеся предметом специальной аналитической деятельности субъекта называются рефлексией.

Тезис: сознание – функция мозга выражает частичную истину. Строго говоря, мыслит не мозг сам по себе, а человек с помощью мозга. Мыслит «общественно развитая» голова, т. е. человек как биопсихосоциальная целостность, личность. Строго говоря, сознание, мышление есть функция личности. В последней воедино связаны и чувственность, зависящая от физиологии человека, и нравственная чуткость, выражающая «души прекрасные порывы».

13.7. Общественное и индивидуальное сознание

Трудность рассмотрения данной проблемы заключается в том, что индивид сам по себе – социальная категория. Содержание его психики социально, как и сознание общества. Вместе с тем отношение индивидуального сознания к миру опосредовано его отношением к формам общественного сознания. Это опосредование индивидуального сознания общественным начинается уже с момента усвоения ребенком языка, норм поведения, мышления и социальных чувств: нравственных, религиозных, эстетических и др. Сознание каждого человека вбирает в себя опыт, знания, убеждения, верования, ценности той социальной среды, к которой он принадлежит.

Подобно тому, как общество не есть простая сумма составляющих его людей, так и общественное сознание не есть сумма «сознаний» отдельных личностей. Оно есть особая система, которая живет своей относительно

самостоятельной жизнью. Итак, носителями общественного сознания являются не только индивиды, но и социальные группы, общество в целом.

Общественное сознание имеет свои способы объективации, воплощаясь в произведениях искусства, достижениях науки, религиозных, правовых, политических, философских и других концепциях. Тем самым общественное сознание приобретает некоторую самостоятельность по отношению как к автору оригинальных идей, так и к их «потреблению».

Глава 14

ПОЗНАНИЕ

14.1. Предмет и основная проблематика гносеологии

Гносеология (от *греч.* *gnosis* – знание) – особый раздел философии – философская теория познания. В англоязычной философской традиции (США, Великобритания и др.) этот раздел носит название *эпистемологии* (от *греч.* *epistemé* – знание). В отечественной и континентальной европейской философии термин «эпистемология» относится к изучению особенностей познавательных процессов в науке; для характеристики же общих закономерностей познавательного процесса используется термин «гносеология» и производные от него.

Отдельные стороны процесса познания исследуются широким спектром частных научных дисциплин: психология познавательных процессов, логика, социология познания, эвристика (наука о творчестве) и т.д. В отличие от них гносеология конституирует саму возможность познания, стремится определить сущность познания и знания как его результата, выявить всеобщие закономерности этого процесса.

К основным проблемам философской теории познания относятся:

- определение сущности знания в отличие от незнания, мнения;
- выявление отношения содержания знания к окружающему миру;
- анализ того места, которое занимает в структуре духовного мира личность, его соотношения с оценкой, нормой, верой, надеждой и другими элементами, сознания;

- анализ возможностей и способов достижения адекватного знания, каналов связи знания с окружающим миром, процедур, обеспечивающих достижение адекватности;

- выявление барьеров, объективных и субъективных препятствий, возникающих на пути познания, факторов, влияющих на результат познавательного процесса, направляющих и ограничивающих его протекание;

- изучение взаимовлияния формы и содержания знания.

Исходными, фундаментальными категориями гносеологии являются понятия «объект» и «субъект», которые обозначают *два полюса гносеологической ситуации: субъект познания* – это тот, кто познает, объект – это то, на что направлена познавательная активность субъекта. Субъекту приписывается наличие сознания, целенаправленная активность и свобода. Именно субъект является исходным пунктом гносеологической ситуации – направляя свою познавательную активность на разные фрагменты реальности, он превращает в объект познания любые вещи, свойства, связи и отношения, других людей, само наличное знание и даже определенные стороны себя самого (самопознание). Очевидно, что субъектом познания может быть только человек или гипотетическое антропоморфное существо (Бог, инопланетяне и т. п.). Но важно иметь в виду, что этот термин обозначает не человека как такового, а лишь его *функцию* в познавательном процессе, *место* по отношению к объекту. Это не более чем абстракция, но абстракция, необходимая для выявления общих свойств знания. Субъектно-объектное видение мира предполагает жесткое и последовательное разграничение субъекта и объекта и, соответственно, тех свойств знания, которые возникают при их взаимодействии. Знание в этом смысле – это более или менее удачное, воспроизведение, отображение свойств объекта субъектом.

Всякий гносеолог строит свою модель отношений субъекта и объекта. Во-первых, он наделяет абстракцию «гносеологический субъект» набором свойств, обеспечивающих или препятствующих познанию объекта, – индивидуальных и общих, телесных и духовных, прирожденных или социокультурных – выстраивает их иерархию и анализирует характер влияния на познание объекта. Во-вторых, в этой модели фиксируются

каналы связи субъекта и объекта, те общие черты субъекта и объекта, которые и позволяют эту связь осуществить. Чем более абстракция «субъект познания» сближается с реальным субъектом (человеком, обществом), тем глубже и плодотворнее решаются основные проблемы гносеологии.

Философские ориентации в гносеологии – гносеологический оптимизм и агностицизм или скептицизм.

Гносеологический оптимизм исходит из принципиальной возможности получения объективного знания. Его крайняя форма – «наивный реализм» – полагает, что предметы внешнего мира действительно таковы, какими человек их воспринимает. Наивность такой позиции очевидна: в ней постулируется непосредственное сходство, взаимное соответствие свойств субъекта и внешнего мира.

Агностицизм – это отрицание возможности познания. В англоязычной философской традиции этот термин обычно применяется к проблеме познания Бога (агностик – это тот, кто полагает, что мы ничего не можем сказать о Боге, доказать или опровергнуть идею его существования). По отношению к проблеме познания вообще используется термин «скептицизм», сложившийся еще в Античности. Античные скептики исследовали проблему относительности знания и выражали обоснованное сомнение в возможности достижения абсолютной истины. В европейской континентальной и отечественной философских традициях эти термины используются и как синонимы, и как характеристики степени последовательности и однозначности отрицания познаваемости объекта. Удобнее всего термином «агностицизм» характеризовать общую направленность этой ориентации и ее крайнюю точку, полностью разрывающую связь субъекта и объекта, а термином «скептицизм» – невозможность различения субъективного и объективного моментов знания.

Важно иметь в виду, что эта философская ориентация в гносеологии базируется не на произвольном постулате невозможности объективного знания, а на глубоком, хотя и одностороннем изучении механизмов познавательного процесса. На этом пути философы, традиционно относимые к агностикам, выявили многие существенные характеристики познавательного процесса, барьеры на пути к знанию и тем самым не

только внесли вклад в решение ряда гносеологических проблем, но, зачастую, определяли общий путь дальнейшего развития гносеологии. Так, Юм сыграл важную роль в преодолении наивного реализма сенсуалистов XVII–XVIII вв. и стал зачинателем психологии познания. Кант совершил переворот в гносеологии, сходный по масштабам с коперниканским переворотом в астрономии.

Всеобщими основаниями агностицизма (скептицизма) являются:

1) качественное различие свойств объективной реальности (материальных, вещественных) и свойств познавательного образа, идеальных по своей природе;

2) сложность структуры субъектно-объектных отношений, в которых объект дан субъекту в опосредованной форме;

3) противоречие между бесконечным многообразием свойств, связей и отношений, присущих любой вещи, и конкретно-исторической ограниченностью познавательных способностей субъекта, включая как его родовые, телесные свойства, так и уровень развития искусственных средств познания;

4) диалектичность, т. е. противоречивость, скачкообразность, зигзагообразность познавательного процесса.

В чисто логическом плане позиция агностицизма (скептицизма) неопровержима. Как подчеркнул индийский мыслитель Шри Ауробиндо, «результатом европейской мысли ... всегда должен быть агностицизм, явный или неявный». Практическим же его преодолением служит включенность результатов познания в общий процесс деятельности человека и общества, их выживание в природном мире, преобразование мира, создание и использование техники, воплощающей познавательную мощь человечества.

14.2. Познание и практика. Знание, мнение, вера

Бытие человека в мире – это его освоение. Базисным способом освоения мира является *практика* – система деятельности, преобразующей объективную реальность в интересах выживания человека и общности. Практическое освоение мира реализуется в формах общественного производства, хозяйственно-бытовой деятельности, изменения общественных отношений, научного эксперимента.

Наряду с практическим освоением мира в структуру человеческой деятельности входят его духовное и духовно-практическое освоение. Духовное освоение мира – это его познание, оценка, мысленное наделение какими-то значимыми свойствами (в мифе, религии), эмоциональное переживание (страх, наслаждение). Духовно-практическое освоение – это введение фрагментов реальности в структуру общественных отношений и человеческой деятельности. Например, лес как фрагмент природы может быть вырублен, распахан и засеян в целях обеспечения земледельческого производства (практическое освоение). Тот же лес (или созданное поле) может быть мысленно наделен разнообразными свойствами (миф), стать предметом эстетического наслаждения, объектом познания (духовное освоение). Этот же лес (поле) может использоваться для ритуальных плясок, жертвоприношений, игры в прятки, он может быть превращен в собственность отдельных людей или общностей (духовно-практическое освоение).

Познание играет ведущую роль во всех возможных способах освоения мира. Значимость его тем выше, чем большее место занимает практически-преобразовательный компонент деятельности. Для эстетического наслаждения знать лес вовсе не обязательно; для игры в прятки или определения границ владений какие-то знания желательны; для практического его использования они совершенно необходимы. В духовном и духовно-практическом освоении мира могут играть важную роль иллюзорные образы реальности, но в отношении практики они бессильны.

Принципиально важным является соотношение знания и *мнения*, с различения которых в античности, собственно, и началась история европейской гносеологии.

Знание как наличие в сознании адекватных образов каких-то фрагментов реальности соотносится с *незнанием* (отсутствием таковых). Граница знания и незнания подвижна, диалектична. Определение этой границы само является видом знания. В современной терминологии «знание о незнании» называется проблемой. Если эта граница не определена, размыта, заменителем знания (его суррогатом) становится *мнение* – преимущественно субъективный образ реальности, в котором фиксируются не столько свойства объекта, сколько состояние внутреннего

духовного мира субъекта. В формировании мнения прослеживается определенная диалектика. С одной стороны, наличие собственного мнения есть индикатор свободы и целенаправленной активности субъекта, с другой – подавляющее большинство «собственных мнений» суть продукт воспитания, давления среды, средств массовой информации и т. д.

Познание – одна из существенных функций сознания. Познавательная (когнитивная) сфера сознания неразрывно связана с другими сферами.

Ценностно-смысловая сфера сознания отражает объект в виде ценности, т. е. фиксирует его *значимость* для человека или общества. Знание – это фиксация свойств объекта безотносительно к желаниям и оценкам субъекта. Оно составляет базу для оценки. Однако налицо и обратное воздействие: ценностные структуры сознания определяют, что считать знанием, незнанием, мнением, иллюзией в каждом конкретном случае.

Аналогично обстоит дело с взаимоотношениями знания и *мотивационно-волевой* сферы сознания. В ней формируются цели и мотивы деятельности, *желаемые* образы реальности. Их диалектика проявляется во взаимном обосновании и взаимном стимулировании. Познание объективных законов направляется, организуется разнообразными желаемыми образами реальности.

Механизмом поддержания целостности сознания является *вера* – волевой акт принятия каких-то образов, ценностей, желаний за адекватные, соответствующие миру, месту человека в мире и самой сущности человека. Эта функция веры относится и к поддержанию целостности знания как такового. В силу бесконечного многообразия реальности и относительности границы «знание–незнание» любое отражение объекта (знание) всегда фрагментарно, неполно, неопределенно. Однако человек как в духовном, так и в практическом освоении мира нуждается в определенности. Бесконечный перебор аргументов «за» и «против» конкретного решения (в том числе производственно-технического) в условиях неоднозначности и неопределенности знаний и ценностей уподобил бы его сороконожке, так и не решившей с какой ноги начать движение. Вера ставит предел неопределенности. В этом смысле можно сказать, что любая система знаний и ценностей основана на вере в их адекватность.

Можно выделить три существенных стороны знания и соответственно три возможных подхода к его трактовке.

1. Со стороны содержания *знание* – это отражение объекта, что вытекает не только из формальных принципов субъектно-объектного подхода к познанию, но и из функции знания как обоснования и ориентира практическо-преобразовательной деятельности. Утрата такого понимания знания растворяет его в калейдоскопе многообразных феноменов сознания, выполняющих иные функции. Абсолютизация его чревата догматизмом.

2. Со стороны происхождения *знание* – это мысленная конструкция, основанная на определенном уровне развития познавательных способностей человека, испытывающая влияние ценностно-смысловых и мотивационно-волевых структур сознания. Утрата такого понимания отбрасывает гносеологию к докантовскому наивному реализму. Абсолютизация его направляет гносеологию в сторону агностицизма.

3. Со стороны результата *знание* – это определенное состояние сознания субъекта, что очевидно для любого студента. На экзамене предметом оценки (которая ставится «за знания») является именно состояние сознания студента, наличие или отсутствие набора требуемых мысленных образов. При этом соответствие их реальности и происхождение (результат творческого мышления или механического заучивания, или даже гипнотического внушения) остается «за кадром». Эта сторона знания характеризует его реальное бытие – оно всегда воплощено в содержании и структурах сознания определенного субъекта. Абсолютизация этого момента стирает грань между действительным знанием и субъективными фантазиями, галлюцинациями.

Эти три стороны знания всегда существуют в единстве. В разных конкретных ситуациях на первый план может выходить одна из них в качестве ведущей.

Для освоения мира через его практическое преобразование с помощью техники, безусловно, ведущей является трактовка знания как отражения. В освоении мира путем приспособления сознания к ситуации («психотехника», характерная для многих восточных религиозно-философских систем) на первый план выступает трактовка знания как состояния сознания. На основе восточной традиции возможно достижение весьма значительных результатов в управлении собственной психикой, но

технику создавать принципиально невозможно. Характеристика знания как результата целенаправленного конструирования образа реальности очевидна на примере научно-теоретической деятельности.

14.3. Структура субъектно-объектных отношений в познании

Представления о характере субъектно-объектных отношений в познании опираются на принципы, сформулированные в классической и современной философии:

- активность субъекта познания;
- опосредованность связи субъекта и объекта;
- социокультурная обусловленность познания.

Активность субъекта воплощена в деятельном характере познавательного отношения. Уже в простейшем акте механического, «бездумного» созерцания какого-либо объекта (например, стола) кинограмма движения зрачка показывает, что глаз человека воспринимает стол активно – как бы ощупывает его, непроизвольно скользя по значимым контурным точкам. В более сложных познавательных ситуациях активность субъекта становится еще более очевидной и многообразной. Она реализуется в осознанной (или неосознанной) *целенаправленности* познания, использовании определенных познавательных *средств* (зачастую специально создаваемых), в выделении в качестве предмета познания определенных фрагментов реальности, наконец, в *интерпретации* результатов взаимодействия с объектом. Таким образом, мы воспринимаем вещи такими, какими они вплетены в нашу деятельность – духовную и практическую, осознанную и бессознательную и т. д.

Опосредованность контакта с объектом, прежде всего, определяется использованием средств познания. Более глубокое осмысление этого принципа связано с констатацией того, что между объектом и духовным миром человека существует принципиальная разница: объект не может быть элементом сознания; чтобы стать таковым, он должен быть превращен в «образ», «идею», «понятие». При этом субъективные образы, накопленные в духовном мире человека (человечества), сами становятся опосредующим звеном любого взаимодействия с объектами. Таким образом, мы всегда имеем дело с объектом в его опосредованной («превращенной») форме. Материальный (практический) контакт с

объектом и духовный, познавательный контакт с его «образами» причудливо переплетаются в любом познавательном акте.

Социокультурная детерминированность познания означает зависимость субъектно-объектных отношений от общества в самом широком смысле – социальных отношений и устойчивых социальных структур; от ценностей и знаний, функционирующих в общественном сознании; от потребностей, интересов; от практических и интеллектуальных ресурсов, которые используются в познавательном процессе; от общественных предрассудков, иллюзий и т. д. Социокультурная детерминированность придает познавательному процессу общезначимость, является способом преодоления индивидуальной ограниченности субъекта.

Все эти три момента взаимообуславливают, опосредствуют и взаимодополняют друг друга. Под этим углом зрения рассмотрим основные элементы субъектно-объектных отношений.

В структуре познания важную роль играют *познавательные установки субъекта*. Они характеризуют предрасположенность сознания воспринимать объект и информацию о нем определенным образом. Известным аналогом познавательных установок является кантовский априоризм, впервые отвергший возможность беспредпосылочного опыта. Современные представления о роли познавательных установок значительно шире кантовских – они базируются на результатах психологических и историко-научных исследований, показавших зависимость контакта субъекта с объектом от многочисленных эмоционально-психологических и интеллектуальных факторов. В научном познании роль познавательных установок выполняет весь массив профессиональных знаний, которыми обладает ученый.

Познавательные установки предопределяют видение объекта в определенной плоскости. Они, зачастую, бывают источниками иллюзий и заблуждений, но они же составляют необходимую базу формирования знания, упорядочивая хаотическую фрагментарность опыта и обуздывая безудержность фантазий. Являясь достоянием субъекта и характеризуя его активность, они опосредуют видение объекта; причем по происхождению познавательные установки во многом надындивидуальны, сформированы

системой образования, опытом жизни в рамках определенного общества и его культуры.

Средства познания создаются или задействуются субъектом на основе его исходных (целевых) установок. В бесконечном многообразии средств познания принято выделять естественные (органы чувств), искусственные, материальные, вещественные (приборная аппаратура) и идеальные (язык, математический аппарат). Средства познания не только обеспечивают контакт с объектом, но и, зачастую, воздействуют на него, заставляя объект проявлять определенные свойства.

Важным моментом в понимании гносеологической проблематики является разграничение объекта и *предмета познания*. Если объект (по определению) существует независимо от субъекта и лишь *выделяется* им, попадая в зону познавательной активности субъекта, то предмет познания *формируется* субъектом на базе его познавательных установок и наличных средств. Очевидно, что в идеале свойства объекта и предмета познания должны совпадать (в противном случае неизбежен агностицизм), но это совпадение относительно. Во-первых, из всего многообразия свойств объекта предметом познания становится лишь их часть (каждая отдельная наука формирует свой предмет, абстрагируясь от тех свойств, которые изучают другие дисциплины). Во-вторых, предмет познания – это некое видение объекта, его модель, аналог, сконструированный субъектом.

О различии объекта и предмета познания свидетельствует существование *мнимых предметов*, порожденных человеческой субъективностью и ограниченностью практических и познавательных ресурсов. Классическими примерами «мнимых предметов» являются «флогистон», «теплород» и «светород» в химии XVII–XVIII вв., «эфир» в физике XVIII–XIX вв., «преимущества развитого социализма» в советской социологии и т. д. Бесконечное многообразие мнимых предметов характерно для обыденного, религиозно-мистического, эзотерического знания («астральные тела», «тонкие энергии», «философский камень», лешие, «барабашки» и др.). Во всех случаях источником возникновения «мнимого предмета» является человеческая субъективность, наделение предмета познания такими свойствами, которые не присущи объекту.

«Мнимые предметы» следует отличать от «идеализированных объектов». «Идеализированные объекты» (математическая точка,

идеальный газ) не обладают вещественной реальностью – они конструируются наукой для познания неких универсальных свойств реальных объектов, являются их обобщением. Такое конструирование не вполне произвольно, коль скоро отражает объективную реальность. «Идеализированный объект» есть, по сути дела, одно из средств познания, но, одновременно, может выступать и вполне respectable предметом познания. Важно иметь в виду, что предметом познания в данном случае являются именно универсальные свойства, присущие какому-либо классу объектов. Гносеологические проблемы, возникающие при переносе знания об «идеализированном объекте» на реальные объекты, изучаются философией науки, эпистемологией.

Результатом взаимодействия субъекта, объекта и средств познания является *информация*. В обыденном языке этот термин иногда используется как синоним знания. В действительности это неверно. В отличие от информации знание не может существовать вне субъекта. Именно субъект превращает информацию в знание, придавая ей идеальное и субъективное значение, формируя на ее основе чувственный или мысленный образ реальности.

В процессе интерпретации велика роль оценочно-нормативных и мотивационно-волевых факторов, в нем наиболее очевидно проявляется целостность всех компонентов внутреннего духовного мира человека. В этом процессе изменяются и сами познавательные установки – они корректируются в соответствии с новой информацией, возможностью ее осмыслить и результатами этого осмысления. Именно в этом смысле познание плодотворно рассматривать как изменение состояния субъекта.

Субъектом познания может выступать и отдельный человек, и научный коллектив, и социальная группа, поколение, в предельном случае – все человечество в целом. Каждое из этих и других структурных образований характеризуется своими познавательными возможностями, опытом взаимодействия с объектами, структурой мышления, предрассудками. Отдельный человек является субъектом познания, концентрируя в своей деятельности познавательные способности и недостатки, присущие тем структурным уровням, в которых он сформировался как личность. Тем самым процесс познания оказывается социально детерминированным «изнутри», со стороны субъекта.

Внутренняя социокультурная детерминированность дополняется действием «внешних» по отношению к познавательной ситуации факторов – потребностей, интересов, мотивов деятельности, вытекающих из общественных отношений и особенностей культуры. Познавательное значение социокультурной детерминированности знания неоднозначно. Она придает общезначимость результатам познания и способствует движению к адекватному отражению реальности, является инструментом преодоления индивидуального несовершенства человека, случайности и фрагментарности видения им мира. Но она же сама может быть источником иллюзий, сознательного или неосознаваемого искажения реальности.

14.4. Чувственное, рациональное, иррациональное в познании

Ранее процесс познания рассматривался с формальной стороны: были зафиксированы основные элементы гносеологического отношения и обозначены их структурные связи. Придать этой схеме содержательный характер – это значит проанализировать познавательные способности человека, выявить разные способы отражения объекта и типы образов, возникающих в этом процессе, исследовать их взаимосвязь и динамику. В гносеологии эта задача решается через изучение чувственной, рациональной и иррациональной сторон сознания субъекта.

Чувственная сторона познания определена способностью органов чувств (зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания) испытывать воздействие объективного мира, преобразовывать результат этого воздействия в субъективные наглядные образы сознания и оперировать этими образами. Органы чувств являются исходными каналами связи человеческого сознания и объективным миром. На их базе формируются такие формы отражения мира, как *ощущение, восприятие, представление*.

Ощущение – это отображение отдельных свойств предметов с помощью конкретного органа чувств. Можно выделить зрительные, слуховые, вкусовые и другие ощущения. На этом уровне отражения мира происходит субъективация объективных взаимодействий предметов с рецепторами нервной системы. В природном мире не существует зеленого, красного и других цветов – там есть лишь световые волны разной длины и поверхности, способные генерировать или отражать эти волны в

определенном диапазоне. Взаимодействие этих волн со зрительным аппаратом и порождает «цвет», как субъективное ощущение. Аналогичным образом обстоит дело со звуком, вкусом, теплом, шероховатостью – все это суть элементарные субъективные образы свойств предмета.

Все органы чувств работают в строго определенном диапазоне – из бесконечного многообразия свойств, связей и отношений они «выхватывают» те, которые оказываются наиболее значимыми в процессе биологической эволюции. Активность субъекта в познании проявляется уже на уровне ощущений – через избирательность, присущую органам чувств, и зависимость ощущений от общего состояния организма и предшествующей настройки органов чувств.

Является ли конкретный набор органов чувств, которыми обладает человек, достаточным для адекватного познания мира? Этот вопрос широко обсуждался в XVII–XVIII вв., в контексте дилеммы сенсуализма и рационализма. Для сенсуализма, отводящего разуму и рассудку лишь роль классификации и обобщения данных органов чувств, ответ очевиден – чем шире диапазон связи с объектом, тем адекватнее его отражение. Однако в действительности дело обстоит сложнее. Фиксация в ощущениях абсолютно всех свойств материальной реальности не позволила бы сознанию выделить ни одного конкретного предмета: все связано со всем. Частичное расширение диапазона (летучая мышь, улавливающая ультразвуковые колебания, или служебно-розыскная собака с обостренным нюхом) совершенно неприципиально для гносеологии. Выход в иные диапазоны человек осуществляет с помощью искусственных средств познания.

Восприятие – образ конкретного предмета (вещи), возникающий при непосредственном контакте с ним как синтез разных ощущений. Если в ощущениях возникает образ свойств, то в восприятии человек получает образ вещи. Ведущим органом чувств при этом выступает зрение, схватывающее пространственные характеристики предметов. Активность субъекта в процессе восприятия, помимо тех моментов, которые указывались для ощущения, воплощена в неразрывной связи восприятия с мышлением.

Представление – чувственно-наглядный образ, формируемый в сознании с помощью памяти и воображения без непосредственного контакта с предметом. Представление возникает на базе опыта предшествующих восприятий и элементов рационального мышления. В представлении обобщающая функция сознания проявляется в том, что мы можем представить «стол вообще», в отличие от любого непосредственно воспринимаемого стола. В этот образ войдут наиболее типичные характеристики тех реальных столов, с которыми сталкивался человек. Представление предмета более абстрактно, чем его непосредственное восприятие.

Рациональная (логическая) сторона познания определена способностью человека оперировать мысленными заместителями предмета (понятиями), конструировать модели реальности, абстрагируясь от чувственной наглядности. Рациональное познание осуществляется в формах логического мышления, которыми выступают понятия, суждения и умозаключения.

Понятие – это элементарная форма мышления, абстрактный мысленный образ, в котором фиксируются общие и существенные свойства предмета, класса предметов. Понятие качественно отличается от представления – представленный «стол вообще», как правило, будет обладать четырьмя ножками, тогда как в понятии «стол» зафиксированы лишь его существенные и необходимые признаки (свойства).

Понятие характеризуется *объемом* и *содержанием*. Объем понятия – это совокупность всех предметов, схватываемых данным понятием. Содержание понятия – это совокупность существенных, отличительных признаков предмета. Между объемом и содержанием существует очевидное логическое взаимоотношение: чем больше объем, тем беднее (меньше) содержание, и наоборот. Самые общие (т. е. широкие по объему) понятия являются наименее содержательными (в них фиксируется меньшее число признаков). Такие фундаментальные понятия онтологии, как «бытие» или «материя», применимые к бесконечному массиву событий, обладают минимальным содержанием: в них фиксируется один-два признака. Это, однако, не превращает их в бессмысленные абстракции, ибо зафиксированные признаки являются существенными и необходимыми для познания других, более частных предметов.

Познание в его рациональной (логической) форме – это оперирование понятиями: уточнение их объема и содержания, выявление отношений между разными понятиями, связывание понятий друг с другом. Предметом отражения в понятии могут быть как сами процессы, вещи и их свойства, так и отношения, связи между ними. Собственно, мир, представленный в логическом мышлении, – это совокупность соотносительных, взаимосвязанных понятий.

Суждение – это форма мышления, в которой связываются несколько понятий. В языке суждение выражается предложением (высказыванием). Так, фраза «стол стоит у стены» является фиксацией отношения четырех понятий. Три из них очевидны: «стол», «стена», «стоять» (а не «валяться»). Но и за словом «у» в данном суждении стоит фиксация определенной степени пространственной близости стола и стены.

В познавательном суждении за связью понятий предполагается связь объектов. В суждениях иных типов («хорошо, что стол стоит у стены», «я хочу, чтобы стол стоял у стены») фиксируется субъективное отношение к реальности.

Умозаключение – форма мышления, в которой из имеющихся суждений выводятся новые. С помощью умозаключений и рождается новое знание. Формы мышления, законы и правила умозаключений изучает логика, как специальная наука. Например, умозаключение «стол стоит у стены, следовательно, жизнь хороша» является некорректным, ибо в формулировках первого и второго суждения отсутствуют общие понятия, позволяющие делать сколько-нибудь обоснованные переходы от одного суждения к другому.

Наличие двух типов познавательных способностей породило в гносеологии дилемму *сенсуализма* и *рационализма* (XVII–XVIII вв.). Недостаток этих позиций не в том, что они отрицали или «принижали» один из типов познавательных способностей человека, а в том, что они не видели их взаимосвязи: либо стирали их различие (сенсуализм), либо считали особыми, самостоятельными источниками знаний (рационализм).

Чувственная и рациональная стороны познания находятся в противоречивой взаимосвязи. *Качественное различие* образов чувственного и рационального типа означает принципиальную несводимость понятия к представлению и восприятию. Переход от

чувственного образа к понятию носит характер скачка в познании. С другой стороны, существует *взаимное проникновение* чувственного и логического. В живом созерцании предмета его восприятие постоянно корректируется имеющимся набором понятий. Предмет воспринимается не как комбинация ощущений, а как «стол», «персик» на основе исходного (не обязательно верного) понятия, определения. Рациональная сторона познания «направляет» деятельность органов чувств, заставляя их выделять и фиксировать вполне определенные свойства предмета. Аналогичным образом любое понятие, сколь бы жестко и строго оно ни было определено, несет некоторую эмоциональную нагрузку, «тянет» за собой широкий спектр чувственных образов, представлений. Для познания характерна зигзагообразность, постоянный переход от чувственных образов к логическим, и наоборот. Этот переход осуществляется как сознательно, так и бессознательно.

Наряду с чувственным и рациональным, сознание включает *иррациональные* компоненты и структуры. Иррациональность означает в данном случае неосознанность, неконтролируемость рассудком, невозможность вербального (словесного) выражения протекающих в сознании процессов и их результатов. Применительно к проблематике гносеологии речь идет о выделении в составе познавательных способностей человека интуиции, как самостоятельного фактора познания.

Интуиция – это способность постижения истины путем прямого ее усмотрения без обоснования с помощью доказательств. Интуитивное знание проявляется в разнообразных обстоятельствах: в научном открытии, когда возникает принципиально новое объяснение явлений, не выводимое логически из имеющихся теорий; в общении, когда нам внезапно открывается внутренний мир собеседника, до той поры закрытый и забаррикадированный словами и ритуальными формами поведения; в техническом конструировании.

Проблема интуиции всегда привлекала интерес философии в силу ее «таинственности», скрытости механизма озарения. Постановка и решение этой проблемы зависят от общефилософской ориентации. Для субъективного идеализма интуиция – это сугубо субъективный, спонтанный, индивидуальный процесс, не подчиняющийся никаким общим закономерностям. Для объективного идеалиста это способ связи

субъекта с Богом. Направление в гносеологии, абсолютизирующее роль интуиции, называется интуитивизм.

Хотя психологические механизмы действия интуиции изучены еще недостаточно, можно зафиксировать некоторые ее существенные черты.

1. Непроизвольность и неожиданность интуитивного решения проблемы, порывающего с установленными канонами, догмами. По-видимому, бессознательное протекание психических процессов приводит к ослаблению привычных познавательных установок, гносеологического фильтра. Ассоциативные связи представлений и понятий, которые в рамках традиционных познавательных установок выглядели бы некорректными, создают новые образы реальности.

2. Способность сознания представить предмет (ситуацию) в целом, не дробя на части, как это характерно для рационального познания. Поэтому результат интуиции выглядит алогичным, не вытекающим с логической необходимостью из наличного знания. По-видимому, это связано с цельностью работы сознания и, в частности, обеспечивает связь рациональной и чувственной сторон познавательной деятельности. В этом смысле интуиция – это неосознаваемый переход от чувственного образа (представления) к понятию, и наоборот.

В рамках научного изучения механизмов интуиции разрабатываются правила и приемы ее стимулирования.

14.5. Проблема истины и ее критериев. Истина и правда

Центральной категорией гносеологии является истина, ибо к проблеме разграничения истины и заблуждения стягивается вся остальная ее проблематика. *Истина* – это цель и идеал познания, характеристика адекватности его результата. Большая или меньшая степень истинности характеризует любое знание, отличая его от других феноменов сознания. *Критерий истины* – это способ различения истинного и неистинного в совокупности знаний, мнений, иллюзий. В рамках субъектно-объектного понимания познания истина с необходимостью должна трактоваться как достоверное отображение объекта. Такое классическое толкование истины принято называть концепцией *корреспонденции* (корреспонденция – соответствие). Здесь и возникает сложнейшая гносеологическая проблема: объект представлен в сознании в виде ощущений, восприятий, понятий,

т. е. в неизбежно субъективной форме. Каким же образом можно отделить объективную сторону знания (его истинность) от субъективной формы?

Возможны следующие варианты решения этой проблемы.

1. Отказ от рассмотрения истинности как характеристики знания, прямо ведущий к скептицизму и агностицизму. Наиболее отчетливо это выражено в формулировках Д. Юма «убеждение в человеческой слепоте и слабости является результатом всей философии» и Ф. Ницше «истина – это совместная человеческая ложь». В этом случае проблематика истины отбрасывается.

2. Наделение каких-либо познавательных способностей человека привилегированной ролью в установлении истинности знаний. Этим способностям придается статус непосредственной достоверности. Сенсуализм наделяет этим статусом ощущения. В близких к сенсуализму вариантах позитивизма статус непосредственной достоверности может приписываться результатам научного опыта или «протокольным предложениям», сформулированным в его ходе. Последовательное проведение этого подхода приводит к тому, что объект вытесняется той стороной субъекта, которой придан привилегированный статус, в конечном счете, оказывается, что субъект изучает собственные ощущения.

Рационалистический подход считает разум самостоятельным способом познания, который связывает сознание субъекта с некоторыми фундаментальными основаниями бытия. Тогда истина – это соответствие знания универсальным логическим закономерностям. Этот подход неизбежно приводит к объективному идеализму, коль скоро сам объект наделяется свойствами разумности, рационального устройства. Полагая, что изучает объект в его существенных и фундаментальных отношениях, объективный идеалист, рационалист подставляет на место объекта законы человеческого мышления.

Соответственно для интуитивизма критерием истинности является самоочевидность, интуитивная ясность знания, коль скоро привилегированный статус отводится этому виду познавательных способностей.

В целом трактовку истинности как согласованности внутри массива знаний принято называть концепцией *когерентности*.

3. Попытка выйти за пределы сознания отдельного субъекта, трактовка истины как intersубъективного содержания знаний называется концепцией *конвенциональности*. Конвенционализм полагает критерием истины общепринятость каких-либо положений, междисциплинарную конвенцию, выраженную в первую очередь в языке. Однако такой выход за пределы сознания отдельного субъекта (преодоление «гносеологической Робинзонады») в действительности может приближать знание не к адекватности, а к совокупным предрассудкам, характеризующим сознание общественных групп.

4. Стремление выйти за пределы сознания субъекта и соотнести содержание знаний с разнообразными формами человеческой деятельности. В таком случае критерием истины будет полезность, работоспособность знания в совокупной деятельности человека. Такой подход называется *прагматической* концепцией истины. Он реализован в прагматизме и его разновидности «инструментализме», который трактует научные положения как удобные инструменты видения мира. Однако полезность – понятие субъективное: незнание или заблуждение в каких-то случаях оказываются полезнее истины.

Итак, если гносеолог не желает ограничиться чисто декларативным утверждением о достижимости истины как отражения объекта и одновременно осознает все трудности сопоставления содержания знаний со свойствами объекта, он должен выявить в человеческой деятельности такие компоненты, которые связывают человека с объективной реальностью, выводят за рамки сознания. В диалектико-материалистической гносеологии таким компонентом является практика, в частности, создание и использование техники.

Истинность (адекватность, объективность) знания устанавливается через способность человека преобразовывать реальность и воплощать результаты познания в искусственных материальных системах – технике. Очевидно, что практика как критерий истины противоречива – она абсолютна и относительна одновременно.

Абсолютность практики как критерия истины состоит в том, что она является единственным способом реального прорыва границы между субъектом и объектом, человеческим сознанием и материальным миром. *Относительность практики* как критерия истины заключается, во-

первых, в том, что ее результаты могут по-разному осознаваться и трактоваться субъектом. Во-вторых, в том, что она осуществляется в конкретно-исторических формах, ее доказательные и опровергающие способности ограничены уровнем развития самой практически-преобразовательной мощью человечества. Поэтому ссылки на практику как абсолютный и окончательный приговор по отношению к каким-либо положениям (например, научным гипотезам) является некомпетентным, а часто и недобросовестным. Так, в советский период развития отечественной науки апелляция к «практике», «практическим результатам» часто оказывалась средством идеологического давления на свободную, творческую научную мысль.

Таким образом, выявляются следующие свойства истины.

1. Истина объективна по содержанию и субъективна по форме своего существования. Это не предмет как таковой, который нужно познать, а характеристика степени объективного знания. Отсюда вытекает нелепость часто встречающегося высказывания «у каждого своя истина». Ясно, что у каждого человека свой набор знаний, предпочтений и стремлений принять желаемое за действительное. Однако истинность характеризует содержание знаний со стороны соответствия объективной реальности, а она едина для всех и безразлична к индивидуальным, субъективным переживаниям.

2. Истина имеет свойства, противоположные, но находящиеся в некоем диалектическом единстве. Она относительна, но содержит элемент, частицу абсолютности. Она одновременно конкретна и абстрактна в каком-либо отношении. Любые формулировки неизбежно выходят за рамки границ истинности, а потому и требуют дальнейшего уточнения и конкретизации.

3. Истина не столько конечный результат познания, характеристика «ставшего» знания, сколько процесс, тенденция развития познания, движение в сторону все более объективного, абсолютного и конкретного его содержания. Отдельное, вырванное из исторического контекста высказывание не истинно и не ложно или, что то же самое, истинно и ложно одновременно. Оценить его со стороны объективного содержания можно лишь в рамках общих тенденций развития знания и человека.

Истина и правда. Полнота понимания проблемы истины требует поставить ее не только в контекст отношения знания к объекту, что было сделано ранее, но и в контекст отношения знания к другим феноменам сознания, к цельности внутреннего духовного мира личности. Если в практически-преобразовательном отношении к миру на первый план выступает объективное, безличностное содержание знания, то в целостном осознании человеком своего бытия в мире неизбежен вопрос о соотношении истины с ценностями, стремлениями человека, его экзистенциальными переживаниями.

В наиболее последовательной форме эта проблематика отразилась в исканиях русской философии XIX–XX вв. с характерной для нее идеей связи познания с нравственным совершенствованием личности.

«Правда», в понимании русских философов, – это соотношенность истины с нравственным содержанием сознания, высшими ценностями, придающими смысл человеческому существованию. «Правда» – это истина в действии, приложение знания к решению вечных социальных и экзистенциальных проблем. «Правда» базируется на истине, но превосходит ее по значимости и направляет познание и деятельность в том направлении, которое соответствует идеалам и духовно-нравственным потребностям человека. Наиболее наглядно этот момент выражен Н. Ф. Федоровым: «Смерть есть истина, но не есть правда», который считал необходимым сосредоточить усилия человечества и, в частности, науки, на преодолении индивидуальной смертности человека, реализации божественной правды воскрешения.

Поиск «правды» – это поиск смысла индивидуальной и общественной жизни. Социальная «правда» (справедливость) и индивидуальная «правда» (самообоснование и самоутверждение личности) относительно и в значительной мере субъективны по содержанию. Если выражение «у каждого своя истина», как было указано ранее, нелепо по существу, то выражение «у каждого своя правда» вполне корректно, ибо отражает различие людей в системе социальной дифференциации и уникальность, неповторимость экзистенции каждого человека.

Антиподами истины выступают заблуждения (или ложные высказывания), которые не соответствуют действительности. Антиподы

правды – это «кривда» (неподлинность жизни, уклонение от нравственного пути) и ложь (как сознательное искажение действительности).

Категория «правда» указывает на связь познания и всех остальных структур сознания человека, подчеркивает бессилие и бессмысленность чистого познания, лишенного нравственных ориентиров.

14.6. Объяснение и понимание в структуре познания

Задача познания не исчерпывается воспроизведением отдельных свойств и связей объекта, *описанием* его поведения. Целостное отображение предмета (процесса), «встраивание» его образа в общую мысленную модель действительности требует *объяснения* и *понимания*. Здесь активность субъекта прослеживается наиболее ярко.

Процесс *объяснения* раскрывает связи между какими-либо фрагментами знания, в которых фиксируются отдельные события, процессы, стороны действительности. Объяснение – одна из важнейших функций научной теории, но и в обыденном познании его роль очевидна. При этом возможны объяснения формальные и содержательные.

Формальное объяснение предполагает, во-первых, установление значений терминов и правил их использования, дедуктивное выведение высказываний; во-вторых, проведение аналогий, т. е. установление сходства объясняемого явления с известными, считающимися познанными явлениями.

Содержательное объяснение связано с подведением объясняемых явлений под некоторые общие закономерности, раскрытием тех необходимых объективных связей, в которые вовлечено объясняемое явление.

Наиболее распространенными способами содержательного объяснения являются:

- 1) *причинностное объяснение* – выявление генетических связей;
- 2) *структурно-функциональное объяснение* – установление места объясняемого явления в какой-либо системе;
- 3) *телеологическое объяснение* – предполагает ответ на вопрос «зачем?».

В результате объяснения знания упорядочиваются и обосновываются. Однако превращение их в достояние субъекта, вхождение в структуру его

внутреннего мира не исчерпываются процедурой объяснения; оно связано с переходом на более высокий уровень освоения знания – *понимание*. Каждый человек сталкивался с ситуацией, когда все термины определены, высказывания логически упорядочены, информация обоснована ссылками на разнообразные теоретические схемы, но суть ее ускользает от сознания. Студент, заучивающий определения и формальные правила решения задач, не может на экзамене ответить на простейший, но нетривиальный вопрос. Наконец, два человека, долго и, казалось бы, плодотворно общаясь, устанавливают в конце беседы, что они говорили о совершенно разных вещах. Эти примеры показывают, что между знанием и пониманием существуют сложные и неоднозначные отношения.

Проблема понимания разрабатывается в русле *герменевтики*.

Интерес к проблеме понимания характерен для любых современных философских направлений. Так, можно говорить о герменевтике психоаналитической, марксистской, постмодернистской. Для философской герменевтики главной задачей выступает «понимание понимания».

Отметим четыре важные момента, характеризующие особенности понимания.

1. Способность сознания строить разные варианты объяснительных моделей, порой противоречащих друг другу, определяет исходный пункт анализа проблемы понимания. За столкновением разных объяснительных схем, смысловых структур лежит нечто скрытое, глубинное, ускользающее от сознания, ограниченного процедурами описания и объяснения. Выявление этого *скрытого* неявного *содержания* и составляет задачу понимания.

2. Понимание предполагает включение знания в общий контекст известных связей и отношений. Так, в классической науке XVIII–XIX вв. основой понимания нового явления была возможность построения его мысленной механической модели и соотнесение ее с механической картиной мира.

3. Понимание дает человеку возможность действовать на основе знания, определяя способность варьировать форму знаний, производить разнообразные операции с понятым знанием, наращивать его массив, решать нетривиальные задачи.

4. Понимание предполагает соотнесение знания с элементами ценностно-смысловой и мотивационно-волевой сфер сознания. При этом событию (информации) придаются значение, цель, смысл. Понять – значит вскрыть или постулировать смысл информации.

В субъективно-личностном плане часто возникает иллюзия понимания как привыкания к определенной объяснительной схеме.

Таким образом, объяснение и понимание характеризуют знание с разных сторон: через обоснование и субъективное его принятие. Понимание невозможно без объяснения, базируется на нем и включает объяснение как один из своих этапов. С другой стороны, объяснение возможно лишь на основе некоторого уровня предварительного понимания сути и смысла объясняемого события. Познанный предмет – это, в конечном счете, понятый предмет.

14.7. Особенности познания социальных явлений

Познание общественных явлений имеет ряд специфических черт. Характеризуя различия естественнонаучного и социогуманитарного знания, К. Поппер утверждал, что в области истории, социологии нельзя сформулировать ни одного научного закона. Т. Кун подчеркивал отсутствие единой парадигмы (общепринятого объяснительного канона) в любой из социогуманитарных дисциплин. В. Дильтей и Г. Зиммель полагали, что в социогуманитарной сфере невозможна генерализация (т.е. обобщение знаний), а метод историка или социолога – индивидуализация событий, «вживание» во внутренний духовный мир их участников.

Особенности социогуманитарного познания определяются спецификой самого предмета изучения, спецификой субъектно-объектных отношений в процессе познания общества, а также спецификой цели познания и характером использования его результатов. Перечислим наиболее важные показатели и следствия этих обстоятельств.

1. Особая сложность изучаемого объекта связана с тем, что общественная жизнь протекает на многих взаимосвязанных, но относительно самостоятельных уровнях (бытовом, производственном, политическом, религиозном и т. д.) и реализуется в самых разнообразных формах. В ней замысловато переплетаются материальные факторы и факторы идеальные, духовные, характеризующие общество как продукт

целенаправленной сознательной деятельности, а каждое событие – как результат пересечения взаимных интерпретаций людьми своей и чужой деятельности. Любая конечная система постулатов (парадигма) при изучении общественных явлений оказывается ограниченной. Конкретное событие или исторический период могут быть описаны и объяснены принципиально разными способами, фиксирующими его разные стороны и связи.

2. Все предметы и процессы, которые изучает историк или социолог, являются продуктами сознательной деятельности людей и несут отпечаток их внутреннего духовного мира, ценностей и целей, которые они преследовали. Так, любые исторические документы, на которые опирается исследователь, были созданы при вполне определенных обстоятельствах вовсе не с целью раскрыть действительный ход событий, но зачастую по прямо противоположным мотивам. Отсюда специфическая для социокультурного знания задача «критики источников» и применения разнообразных герменевтических процедур.

3. Сам объект познания изменяется под воздействием развития знаний о нем. Типичным примером могут служить эффекты самооправдания и саморазрушения прогнозов в социальной сфере. Доведенный до массового сознания или сознания управляющей элиты прогноз сам становится фактором, направляющим деятельность людей, базой для своей реализации или дискредитации. В этой связи любые выводы и предсказания в социогуманитарной сфере возможны лишь как вероятностные, учитывающие возможность альтернативных вариантов поведения людей.

4. Изучение общества ведется не извне, а изнутри самого общества. Субъект познания сам включен в ткань описываемых и объясняемых событий. Историк или социолог сами занимают определенное место в системе социальной дифференциации, испытывают влияние тех факторов и тенденций, которые составляют предмет изучения. Ценности, нормы деятельности, предрассудки и тому подобные характеристики изучаемой ими культуры, в осознанном или неосознанном виде присутствуют в сознании познающего субъекта, направляют выбор методологии и объяснительных принципов.

5. Целью познания общественной жизни является не столько позитивное описание событий как таковых, сколько установление их смысла. В естественнонаучном исследовании за фактами выявляются законы – объективные, а потому и безотносительные к ценностям. В социогуманитарном познании неизбежна оценочная сторона исследования. Постигание истины неизбежно дополняется стремлением к достижению «правды» будь то социальная справедливость или самоутверждение отдельной личности.

Перечисленные особенности социального познания свидетельствуют о его сложности и неоднозначности. Общие тенденции и закономерности общественной жизни могут быть выделены на основе вполне позитивного подхода. Но реализация этих тенденций в конкретных социальных обстоятельствах многообразна и противоречива. Перечисленные возможности придают социальному познанию и использованию его результатов неоднозначный и драматичный характер, требуют широты взгляда и глубины понимания со стороны историка или социолога. Значительную роль при этом играют нравственные качества исследователя.

Глава 15

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

15.1. Гносеологический статус научного знания.

Научная рациональность

Научное познание – особый вид познавательной деятельности, направленный на выработку новых систематизированных, объективных знаний.

Научное познание социально организовано (институционализировано), опирается на строго определенные для конкретной области методы, правила, нормы. В отличие от обыденного знания научное знание универсально, оно отражает сущность изучаемого предмета, законы его функционирования и развития. В гносеологическом плане специфика научного познания выражается в его *интерсубъективности* и *научной рациональности*.

Интерсубъективность как характеристика научного знания связана с особенностью субъекта научно-познавательной деятельности. В конечном счете таковым является все научное сообщество – совокупность прежде и ныне живущих профессионалов. Научное сообщество структурировано по предметным областям (так называемое «дисциплинарное сообщество»), особенностям используемых методов («научная школа»), конкретным способам взаимодействия ученых («формализованный научный коллектив» или «невидимый колледж»).

В известной мере научное знание является результатом соглашения (конвенции) между субъектами науки. Изучая любую научную дисциплину, человек «вступает» в эту конвенцию – принимает базовые постулаты, правила интерпретации показаний приборов, осваивает методы и язык науки.

Научное знание является интерсубъективным достоянием, что делает его не только независимым от отдельного ученого, но также обязательным для него. Однако интерсубъективность не тождественна объективности. Это необходимая ступень в достижении объективности.

Рациональность характеризует научное знание как продукт сугубо интеллектуальной деятельности, очищенной от любых привходящих моментов и конкретных обстоятельств. В основе науки лежит убеждение, что только разум, правильно используемый и строго контролируемый, способен вскрыть объективную сущность явлений.

Требования *научной рациональности* можно свести к следующим.

1. Научное знание должно быть очищено от всего субъективного – эмоций, настроений, личных желаний познающего субъекта. Преодоление субъективности предполагает и исключение из сферы науки оценочных высказываний. Закон Ома формулируется независимо от того, нравится ли он Ому, современным физикам или всему человечеству. Все личные обстоятельства и духовные коллизии ученого, перипетии его жизненной судьбы безжалостно изгоняются из научного результата.

2. Научное знание должно отвечать требованиям системности, упорядоченности. Рациональность придает научному знанию выводной характер – следствия выводятся с логической и математической необходимостью из ограниченного числа посылок. Первым собственно научным продуктом была геометрия Евклида, послужившая эталоном

научной рациональности. Донаучное (и вненаучное) знание не только фрагментарно и пронизано иррациональными элементами (например, эмоциональными и магическими элементами, как средневековая алхимия), но и организовано принципиально иным способом. Так, вавилонская и древнеегипетская математика, послужившая материалом для формирования в Греции математики как науки, была организована рецептурно – как набор правил и приемов вычислений, не базирующихся на аксиоматике и не выводящихся с логической необходимостью.

3. Научное знание должно быть универсальным, независимым от конкретных обстоятельств. Например, принцип единства физических законов предполагает независимость этих законов от места их действия. Именно универсальность научного знания позволяет ему воплощаться в технике. Требование универсальности наиболее полно реализуется в построении научной теории, реальные объекты которой заменяются их идеализациями (материальная точка, идеальный газ). Это порождает серьезные проблемы, связанные с переносом знаний о свойствах идеальных конструкций на реальные объекты.

4. Научное знание должно отвечать требованию четкости формулировок, однозначности используемой терминологии.

5. Научное знание должно быть обоснованным. Способы доказательства могут сильно варьироваться в разных научных дисциплинах, но имеют общую основу. Обоснование науки сводится к логическому (математическому) выведению из характерных для данной дисциплины оснований и к правильно поставленному эксперименту.

6. Научное знание должно опираться на использование строго определенных для каждой предметной области науки методов исследования, приборной аппаратуры и других средств познания.

7. Научное знание должно подвергаться сомнению. Критика – одно из главных требований научной рациональности, реализующее проверку гипотез, устанавливающее границы истинности научных положений и теорий.

Конкретизация этих требований научной рациональности различается в зависимости от особенностей разных наук. Наиболее существенными являются различия между математическим, естественнонаучным и социально-гуманитарным идеалами научной рациональности.

В историческом плане принято различать классический идеал (характерный для классического естествознания XVII–XIX вв.), неклассический (возникший в связи с революцией в физике на рубеже XIX–XX вв.) и постнеклассический идеал научной рациональности, характерный для современной науки.

Требования научной рациональности регулируют все стороны и этапы научной деятельности. Они являются основой критериев научности, позволяющих отличать подлинную науку от ее имитации, идеологизированных или паранаучных (наукообразных, псевдонаучных) рассуждений.

15.2. Уровни научного познания

Структуру науки можно рассматривать в разных отношениях. Наиболее важным аспектом является выделение взаимосвязанных, но относительно самостоятельных, не сводимых друг к другу уровней, на которых осуществляется познавательная деятельность. Такими уровнями, прежде всего, являются эмпирический и теоретический с характерными для них целями, средствами, методами и результатами познания.

Эмпирический уровень научного познания заключается в установлении научных фактов (описании событий реальности, проведении измерений) и их первичном обобщении. Познание направлено от частного к общему: от единичных фактов – к статистической выборке, выявлению корреляции событий и, в конечном счете, к выведению так называемых эмпирических законов. То, что на этом уровне исследователь имеет дело с предметами и событиями реального мира, придает эмпирическому знанию статус объективности, непосредственной достоверности, известной первичности по отношению к теории.

Теоретический уровень предполагает не простое обобщение фактического материала, но, главным образом, объяснение выявленных эмпирических закономерностей. На теоретическом уровне создаются мысленные модели изучаемого процесса, что позволяет предсказать дальнейший ход событий. Познание направлено от общего (исходных постулатов) к частному. При этом теоретик имеет дело с идеализированными объектами.

Соотношение эмпирического и теоретического знания – одна из вечных проблем гносеологии и методологии науки, начиная с Ф. Бэкона и Р. Декарта. Позитивизм XIX–XX в. стремился обосновать приоритет эмпирического, полагая возможным не зависящее от теории, беспредпосылочное знание фактов. Такое представление характерно и для обыденного сознания: по широко распространенному убеждению, теория зависит от фактов (проверяется ими), тогда как факты от теории не зависят, они «упрямая вещь». Современная философия науки подчеркивает не только взаимосвязь, но и взаимопроникновение этих двух уровней. Беспредпосылочного эмпирического опыта не существует, он в значительной степени организован, сконструирован теорией, а любой факт – «теоретически нагружен», т. е. несет отпечаток теоретических моделей.

Можно зафиксировать следующие каналы проникновения теории на эмпирический уровень исследования:

- познавательные установки экспериментатора, наблюдателя сформированы господствующими теоретическими представлениями;
- используемое оборудование, прежде всего, приборная аппаратура являются продуктом теоретических представлений об изучаемом фрагменте реальности;
- средства фиксации результата (терминология, язык), методы исследования и средства интерпретации результата («что же, собственно, мы увидели?») также определяются теорией, имеют внеэмпирическое происхождение.

В последнее время принято выделять так называемый «метатеоретический» уровень науки, придающий единство и определенность научной деятельности как таковой. К нему относят основания науки, стиль научного мышления, трактовку самой научной рациональности.

Основания науки включают:

- идеалы и нормы исследовательской деятельности, регламентирующие применение познавательных средств (идеалы и нормы описания и объяснения, обоснованности и доказательности знания, его построения и организации);

- научную картину мира (общенаучную, или специальную, характерную для данной дисциплины), в которой зафиксированы представления о наиболее общих свойствах изучаемой реальности. Она представляет фундаментальный каркас для построения любых теорий, претендующих на научность;

- философские принципы, вненаучные по своему происхождению, но необходимые для обоснования как научной картины мира, так и тех норм и идеалов, которых придерживается исследователь. Речь идет не об идеях, которые философия извне «навязывает» науке, а о тех элементах философского знания, которые выделяет, адаптирует и привносит в свою деятельность сам исследователь. В ситуации, когда в готовом виде этих идей еще не существует, возникает необходимость в «философствующем ученом», образцом которого явились И. Ньютон, А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг, И. Пригожин, В. И. Вернадский.

В *стиле научного мышления* зафиксированы стереотипы интеллектуальной деятельности, способы постановки и решения интеллектуальных проблем. В нем сконцентрирован как уровень развития самой науки, так и особенности философской методологии конкретного исторического периода.

Так, для стиля мышления классического естествознания XVII–XIX вв., опиравшегося на философскую методологию Нового времени, были характерны:

- редукционизм (мысленный прием сведения сложного к простому, более известному, а потому кажущемуся более фундаментальным – например, объяснение физических и химических процессов механическим перемещением);

- элементаризм (стремление разложить предмет на составные части, кирпичики, через свойства которых можно объяснить свойства целого);

- жесткий («лапласовский») детерминизм (представление об однозначности причинно-следственных связей и отрицание объективной основы случайности).

Стиль современного научного мышления определяют:

- представление о многокачественности явлений, из которой следует принципиальная несводимость свойств предмета и их взаимопревращение;

- принцип системности, согласно которому свойства целого принципиально отличаются от свойств частей;
- вероятностное видение мира, проявлением которого является принцип неопределенности в ядерной физике и принцип спонтанности развития в синергетике.

15.3. Методы научного познания

Термин «метод» обозначает совокупность способов и приемов познания или преобразования действительности. Современная наука может быть охарактеризована как целенаправленное, систематическое применение разнообразных методов: общих и частных, эмпирических и теоретических, содержательных и формальных, качественных и количественных и т. д. Исследование поисковых (эвристических) возможностей каждого из них, их систематизация и установление границ применимости являются предметом методологии научного познания.

Объективным основанием познавательного метода является сам изучаемый предмет, его существенные свойства и закономерности развития. Субъективная сторона метода заключается в том, что в нем в максимальной полноте выражена познавательная активность субъекта. Напомним, что субъективность в научном познании всегда предстает как интересубъективность.

Для эмпирического исследования характерны следующие методы:

1. *Наблюдение* как систематическая и планомерная фиксация свойств предмета в его естественных связях. Оно дает первичную информацию о мире в форме эмпирических утверждений. Однако применение этого метода не дает возможности вычлнить свойства и факторы изменения объекта в чистом виде: в силу включенности объекта в систему всеобщей взаимосвязи явлений, проявляемые им свойства замысловато переплетаются с многообразными внешними воздействиями, функциональными и причинными связями, зависят от конкретной ситуации.

2. *Измерение* – выявление количественных значений каких-либо величин через сравнение с эталоном (единицей измерения). Именно в этом состоит особая ценность измерения как метода, однако следует иметь в

виду, что полученный результат становится относительным по отношению к средствам и единицам измерения.

3. *Эксперимент* представляет собой метод исследования, при котором ученый активно воздействует на объект, создает искусственные условия, изменяющие течение естественных процессов. В процессе эксперимента достигается изучение объекта в «чистом» виде за счет устранения всевозможных побочных факторов. Помимо требования «чистоты» к научному эксперименту предъявляется требование воспроизводимости. Эти требования выводят за пределы науки всевозможные оккультные, мистические, парапсихологические эффекты и явления. В силу своих особенностей эксперимент является видом практики и приобретает доказательную или опровергающую функции. Эксперимент может быть прямым (натурным) или модельным, где экспериментатор имеет дело с заменителем объекта – моделью. Оба эти вида эксперимента следует отличать от так называемого «мысленного эксперимента», относящегося к теоретическому уровню научного познания.

Наиболее острой гносеологической проблемой, возникающей на эмпирическом уровне, является проблема гносеологической сущности прибора, как основного средства наблюдения, измерения и эксперимента. В классической науке превалировало представление о гносеологической нейтральности прибора – его применение либо вообще не оказывает влияния на ход изучаемого процесса, либо это влияние сравнительно легко может быть учтено или устранено. Классический идеал научной рациональности предполагал возможным описание поведения объекта безотносительно к средствам наблюдения. Вторжение физики в область микромира рассеяло эту иллюзию, что побудило Н. Бора говорить о принципиальной неконтролируемости воздействия прибора на предмет исследования: прибор не только фиксирует, но и сам формирует свойства изучаемой реальности. В социологии аналогичная картина возникает при анкетировании как методе выявления общественного мнения: сам характер постановки вопросов в анкете формирует у опрашиваемого вполне определенное мнение.

Это методологическое затруднение привело к переходу от классического типа научной рациональности к неклассическому. Последний предполагает, что прибор является неотъемлемой составной

частью познавательной ситуации, полностью устранить его влияние на объект невозможно, а следовательно, описание свойств прибора и особенностей конкретных обстоятельств его применения должно войти в описание результата эмпирического исследования.

Для теоретического уровня исследования характерны следующие методы:

1. *Идеализация* – конструирование идеальных объектов, с которыми работает теоретик.

2. *Формализация* – изучение самых разнообразных объектов через отображение их содержания и структуры в знаковой форме при помощи искусственных языков – математики, матлогики и т. п. Использование знаковой символики позволяет зафиксировать структурные связи изучаемых объектов в чистом виде.

3. *Аксиоматический метод* – такая организация научной теории, при которой ряд утверждений, имеющих фундаментальный характер, принимается без доказательств, а все остальное знание выводится из них по определенным правилам. Выводы в аксиоматизированной системе характеризуются логической необходимостью.

Классическими примерами аксиоматизированных систем являются математические дисциплины. В физике образцы высокоаксиоматизированных систем дает классическая механика И. Ньютона, теория электромагнитного поля Д. К. Максвелла, теория относительности А. Эйнштейна. В большинстве случаев полная аксиоматизация знания затруднена, поскольку встает вопрос о степени произвольности самих аксиом и трудностей вывода из них всего содержания научной дисциплины.

4. *Гипотетико-дедуктивный метод* является частным случаем аксиоматизации, при котором в качестве аксиомы выступает гипотеза (предположение, вероятностное знание). Суть метода состоит в том, что сначала создается некоторая гипотетическая конструкция, которая дедуктивно развертывается, образуя целую систему гипотез, подвергаемую опытной проверке, в ходе которой этот массив гипотез уточняется конкретизируется.

5. *Мысленный эксперимент* как способ выявления взаимосвязи разнообразных факторов, принимаемых в расчет данной теорией, обсуждение теоретически ожидаемого поведения идеальных объектов.

Целый ряд методов не связан с определенным уровнем научного познания и может применяться как в эмпирическом, так и в теоретическом исследовании. Наиболее важные из них следующие:

1. *Классификация и систематизация.*

2. *Абстрагирование* – отвлечение от несущественных свойств явления с одновременным выделением интересующих исследователя признаков и отношений.

3. *Анализ и синтез.* Анализ – это мысленное или реальное расчленение исследуемого предмета на составные части, в качестве которых могут выступать как вещественные элементы, так и отдельные свойства, отношения. Синтез – обратная, более сложная процедура воспроизведения целостности предмета с учетом взаимосвязи и взаимодействия всех его составных частей.

В теоретическом познании синтез часто выступает как способ интеграция разных предметных областей и даже научных дисциплин. Такой междисциплинарный синтез сыграл важную роль в формировании биофизики, биохимии, эконометрии и тому подобных стыковых дисциплин. В XX в. возник целый ряд дисциплин, в которых синтезируются данные о структурных свойствах объектов самой разнообразной природы – кибернетика, семиотика (наука о знаковых системах), синергетика и т. д.

4. *Индукция и дедукция* – движение мысли от частного к общему либо, напротив, от общих посылок к их частным следствиям. Следует отметить, что индукция всегда неполна, поэтому результат индуктивного вывода всегда носит вероятностный характер. В дедукции вывод носит характер логической необходимости, однако неизбежен вопрос о степени достоверности и полноты исходных предпосылок.

5. *Аналогия* – перенос информации об одном объекте на объяснение свойств другого. Этот метод используется достаточно широко, но, как и индукция, способен дать лишь вероятностное знание.

6. *Моделирование* – исследование копии-заменителя объекта, созданной на основе аналогии. Выбор модели предполагает наличие объективного сходства между моделью и исследуемым объектом.

Модель – это своего рода объективизированная, овеществленная абстракция, отражающая уровень теоретических представлений о свойствах объекта, поэтому перенос информации с изучения модели на объект ставит серьезные методологические проблемы.

15.4. Формы развивающегося научного знания

Научное знание всегда существует в конкретных формах – факт, проблема, гипотеза, закон, теория, принцип, постулат и т. д. Каждая из форм имеет свои функции в науке и характеризуется специфическими для нее критериями научности.

Научный факт – форма знания, в которой фиксируется некоторое конкретное явление, событие. В быденном языке понятие «факт» смешивается с объективно происходящими событиями, что, разумеется, является нелепостью. Событие составляет объективную основу факта как формы знания, а субъективной его стороной является деятельность ученого по фиксации, описанию событий. С другой стороны, научный факт следует отличать от вненаучного сообщения о событии, построенного с нарушениями требований научности.

Научный факт должен удовлетворять следующим требованиям:

- отнесенность к определенной предметной области науки и соответствие стандартам этой области;
- содержательное описание процедуры и обстоятельств фиксации события с целью устранения неопределенности;
- усредненность результатов наблюдений и измерений;
- воспроизводимость в научной деятельности других исследователей, что служит барьером для отсекаания всякого рода субъективных ошибок;
- включенность единичного факта в некоторую систему, т. е. совокупность фактологического материала.

Степень выполнения этих требований определяет доказательные и опровергающие способности факта.

Научная проблема – активная фиксация некоторого реального или мнимого противоречия в структуре научного знания. Это своего рода «знание о незнании».

Постановка научной проблемы включает целый ряд процедур. Помимо формулировки исходного вопроса к ним относятся:

- построение проблемы (расщепление на подвопросы, их упорядочивание, отграничение известного от неизвестного, выявление границ исследовательского поля и т. д.);
- оценка проблемы, выявление условий, границ и возможностей ее решения;
- обоснование проблемы (установление ее связей с другими проблемами, приведение доводов в пользу ее реальности);
- обозначение проблемы – подбор и шлифовка понятийно-терминологического аппарата.

Тщательное выполнение таких процедур призвано отсеять мнимые проблемы, давно решенные либо лишенные научного смысла.

Научная гипотеза – форма теоретического знания, которая содержит предположительное объяснение каких-либо фактов или эмпирических законов. Потребность в гипотезе возникает при рассогласовании предсказаний теории с фактическим материалом. Гипотетическое знание носит вероятностный характер и нуждается в проверке. По мере проверки, уточнения, развития исходной гипотезы в работоспособную объяснительно-предсказательную систему она может претендовать на статус научной теории либо быть скомпрометированной и отброшенной. Как правило, один и тот же эмпирический материал можно объяснить многими способами, поэтому научное познание – это конкуренция, отбор наиболее правдоподобных, привлекательных по каким-то параметрам, работоспособных и тому подобных гипотез. Гипотезы организуют, упорядочивают процесс исследования.

Критериями научности гипотезы являются:

- соответствие фундаментальным законам, нормам и идеалам, характерным для данной дисциплины;
- логическая непротиворечивость;

- полнота по отношению к фактическому материалу (гипотеза должна в идеале объяснять все факты, относящиеся к ее области);
- внутренняя логическая полнота (гипотеза должна содержать полный набор постулатов, необходимых и достаточных для единообразного объяснения всех фактов);
- принципиальная проверяемость;
- методологическая плодотворность, реализующаяся, в частности, в способности гипотезы предсказывать новые события.

Научный закон – фиксация внутренней, существенной, повторяющейся, необходимой связи явлений. Закон может формулироваться как обобщение фактического материала, выявление корреляции явлений (эмпирический закон, упоминающийся в разд. 15.3) или выводиться из фундаментальных постулатов теории. В последнем случае закон выступает как ключевой элемент теории, обладающий статусом всеобщности и логической необходимости.

Научная теория – целостная, высокоструктурированная система знаний, дающая отображение связей и отношений определенного типа или определенной области действительности.

Научная теория выполняет следующие функции:

- синтетическая (объединение фрагментов знания о реальном мире в целостную систему);
- объяснительная (выявление причинностных и иных зависимостей, характерных для данной области действительности);
- методологическая (формулировка методов и способов познания, вытекающих из содержания теории и направляющих исследовательскую деятельность);
- предсказательная (способность делать выводы о существовании еще не известных объектов, о будущем состоянии и т. п.);
- практическая (способность служить средством преобразования действительности).

15.5. Рост научного знания. Эволюции и революции в науке

Как и почему возникают новые теоретические схемы? На каком основании отдаются предпочтения той или иной гипотезе? В чем причины

научных революций? Подобные вопросы обсуждаются в рамках моделей роста научного знания, рождающихся на стыке гносеологических, логическо-методологических и историко-научных исследований.

До середины XX в. развитие науки трактовалось как кумуляция (накопление) проверенных на опыте и, соответственно, истинных теорий. Кумуляция, или традиционная модель развития науки, полагала, что опытный факт является основой теории, абсолютно независим от нее, а стало быть, является ее верхним судьей – может однозначно подтвердить или опровергнуть гипотезу. Тогда содержание науки – это массив подтвержденных («верифицированных») гипотез.

К. Поппер показал, что опровергающая и подтверждающая способности факта неравноценны. Самая вздорная гипотеза может мнимо подтверждаться за счет своеобразной интерпретации фактов, внесения изменений в ее содержание. В этой связи подтверждаемость еще не означает не только истинности, но даже научности гипотезы. Подлинная значимость факта – в его способности опровергнуть выводы из гипотезы. Признак научности не в подтверждаемости (верификация), а в принципиальной опровергаемости (фальсификация). Весь массив подлинно научного знания, по мысли Поппера, состоит из гипотез, пока не опровергнутых, но четко обозначивших, какие именно факты будут считаться опровергающими.

В таком понимании главным механизмом развития науки является критицизм – заинтересованность ученых в скорейшем опровержении и обновлении теоретического знания. Сильным моментом этого подхода является стремление найти критерий для различения научных и спекулятивных гипотез. Однако слабые стороны явно перевешивают. В о - п е р в ы х, сама опровергающая способность факта относительна в силу его теоретической нагруженности. Что именно опровергается в случае рассогласования факта и гипотезы – содержание гипотезы или ее расширительная трактовка, или нестрогая интерпретация самого факта – это еще вопрос. В о - в т о р ы х, данная модель имеет мало общего с реальным поведением ученых. История науки показывает склонность научного сообщества придерживаться устоявшихся теоретических взглядов и «не замечать» неудобных фактов.

Т. Кун в сенсационной для своего времени работе «Структура научных революций» (1963) предложил принципиально новую модель механизмов роста научного знания. Центральным понятием его модели функционирования и развития науки является «парадигма» – набор теоретических положений, методологических принципов и эталонов исследования, составляющих фундамент определенной научной дисциплины. *Парадигма* разделяется всеми исследователями, работающими в какой-либо области, она направляет и организует их деятельность. «Нормальная наука» (терминология Т. Куна) отличается от до-науки и не-науки наличием устойчивой и не подвергающейся сомнению парадигмы. Рост научного знания в рамках определенной парадигмы – это «решение головоломок», т. е. рациональное согласование теоретического знания, опирающегося на парадигму, с напором фактического материала. «Опровергающие факты» либо не замечаются, либо интерпретируются в духе защиты парадигмы.

Научная революция заключается в смене парадигмы. Этот процесс связан не столько с количеством неудобных фактов, сколько с появлением новой парадигмы, диктующей принципиально иной взгляд на реальность («теоретический раскол»), и психологическим предпочтением этой парадигмы новым поколением ученых. Отсюда вытекают следующие констатации: «наука не логична, а психологична», «парадигмы несовместимы» (т. е. не существует никакого «критического эксперимента», позволяющего опровергнуть какую-либо из них: просто старое поколение ученых вымирает, а для нового привычно работать в рамках новой парадигмы).

По сути дела, «парадигма» – это основания науки, картина мира, нормы и идеалы научного исследования. Впервые в объяснении механизмов развития науки обращается внимание на реальную картину научной деятельности, а не на ее умозрительную схему. В то же время проблема объективности, истинности научного знания уходит на задний план, а сама научная деятельность лишается рациональных компонентов.

В действительности научная революция – более сложный процесс, нежели произвольное предпочтение новой парадигмы. Смена фундаментальных теоретических установок подготавливается рядом количественных изменений в массиве научного знания, появлением новых

методов исследования и их апробацией, открытием новых видов движения, новых типов связей в материальном мире, влиянием новых философско-методологических взглядов, новых общественных потребностей и т. д. Новая парадигма – это всегда более глубокое понимание объективных связей и отношений, а не просто иная интерпретация познавательного материала. В становлении новой парадигмы переплетаются разнообразные факторы и далеко не в последнюю очередь критерий плодотворности использования новых идей.

Прорыв к объективности знания, как фундаментальное требование научной рациональности, достигается не столько через соотнесение теории с фактическим материалом, сколько через создание новой техники, в которой находят воплощение вновь открываемые наукой закономерности объективного мира. Именно воплощенность в технике свидетельствует об успехе научного познания.

15.6. Проблема ценности науки: сциентизм и антисциентизм

Сциентизм и антисциентизм – две полярные ориентации в философии, связанные с противоположной оценкой ценности научного познания, его социального, культурного и антропологического значения.

В *сциентизме* наука выступает высшей формой духовной деятельности человека, стержнем культуры, эталоном знания, способом решения социальных проблем. Он строит некий миф о науке, уходящий корнями в эпоху Просвещения с ее культом разума и верой в совпадение принципов гуманизма и научной рациональности. Сциентизм выделяет роль науки как главного источника технического прогресса.

В *антисциентизме* наука обвиняется во всех грехах современной цивилизации. «Мягкий» вариант антисциентизма – отрицание приоритета науки по сравнению с религией, магией и другими видами вненаучного знания. В наиболее последовательной форме антисциентизм отрицает всякую значимость науки, подчеркивая ее отрыв от действительных проблем, стоящих перед человеком и обществом.

1. Вторгаясь в структуры мироздания (физика микромира, генетический код организма, нейрофизические процессы и т. п.), создавая технические средства для эффективного манипулирования этими структурами, исследователь порождает новые, неведомые прежде опасности для

биосферы и человечества. Неконтролируемое воздействие на объект исследования, невозможность предсказать конкретные следствия этого воздействия на современном уровне экспериментальной научной деятельности (например, в генной инженерии) могут стать не менее разрушительными, чем сознательная разработка новых видов оружия.

2. Реальные результаты науки оказались значительно скромнее, чем надежды эпохи Просвещения. Наука не избавила человечество от голода, страданий, вражды, не сделала его более гуманным, моральным и духовным. Сциентистские утопии, ведущие отсчет от «Новой Атлантиды» Бэкона и достигшие апогея в проекте «Общего дела» Федорова, так и остались красивыми мечтами. Антисциентизм подчеркнул, что научная рациональность не является синонимом добра, а потребность в знании объективных законов не является единственной и даже главной компонентой в поиске человеком смысла своего существования, обретения опоры и надежды.

3. Усложнение предмета и средств научного исследования, высокая степень специализации приводят к тому, что суть научных идей оказывается непонятной не только для рядового обывателя, но зачастую и для представителя другой научной дисциплины. Массовое сознание воспринимает результат научного познания лишь в популяризированной, а точнее, вульгаризированной и сенсационной форме. При этом стирается разница между возможным и действительным, гипотетическим и доказанным, содержанием идеи и ее популярной интерпретацией. Показательно в этом плане распространение так называемого «паранаучного» знания, не укладывающегося в рамки современного типа научной рациональности, но претендующего на статус научности. Появление паранаук (уфологии, парапсихологии, концепции холотропного сознания и т.п.) служит средством преодоления отчужденности обывателя от науки как таковой, показателем неудовлетворенности актуальным состоянием тех областей познания, близ которых формируются паранаучные дисциплины.

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

16.1. Проблема направленности и смысла истории

Одной из задач философии истории является постановка вопроса о смысле и направленности развития планетарного социума.

В социально-философской литературе представлены различные интерпретации смысла истории:

К. Ясперс полагал, что он в движении к всеобщему объединению культур;

Ф. Фукуяма – к состоянию демократизации и правовому миропорядку;

марксизм – к «царству свободы» – коммунизму;

В. И. Вернадский – к ноосфере;

Представители русской православной традиции – к обожению мира.

Таким смыслом общечеловеческой истории на современном этапе может стать необходимость предотвращения глобальных угроз, носящих как экзогенный, так и эндогенный характер.

Совокупность деятельности субъектов истории вызывает динамизм общественной системы. Куда же ориентирован вектор социальных перемен?

Идея *регрессивного* развития общества была превалирующей до конца XVIII в. Золотой век – исходное состояние человеческого общежития, последующие эпохи – деградация.

Волнообразно-циклическая модель эволюции социума также имеет много сторонников. Ее истоки следует искать в древнеиндийской, древнекитайской, античной философии. Основная мысль: изменения в обществе подчинены закону повторяемости и обратимости. Подобные взгляды разделяли А. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Л. Н. Гумилев, П. Сорокин.

История как всеобъемлющий *прогрессивный процесс*, подчиняющийся единым закономерностям, представлена в *идеалистическом* варианте наиболее полно концепцией Гегеля. История – это «прогресс в сознании свободы». По степени наличия в сознании этой свободы Гегель и выделяет

основные этапы всемирной истории и наиболее значимые типы лидирующих народов в ее эволюции.

Материалистическая интерпретация истории наиболее зримо реализована в марксизме. Ее суть: производительные силы и производственные отношения, образуя экономическую субстанцию любого общества, определяют в общих чертах и в конечном итоге всю иерархию общественных отношений: и политико-правовую и социально-культурную сферы общества во всей их полноте.

16.2. Сущность и критерии общественного прогресса

Историю часто воспринимают как прогресс. Но в чем состоит критерий этого прогресса? *Критерий* – это показатель, индикатор, мерило, т. е. то, посредством чего можно выявить и определить степень приближения или отдаления системы от значительного зафиксированного уровня ее исходного состояния. Предлагались разные варианты: Кондорсе – разум, Сен-Симон – братство, солидарность людей, Шеллинг – правовое устройство государства, Гегель – сознание свободы, Белл – наука и техника.

При определении критерия общественного прогресса многие указывают на целесообразность комплексного подхода, исходя из правильной мысли о сверхсложности и структурированности социума как многоуровневого образования. Тогда для экономической сферы таким специфическим критерием станет уровень развития производительных сил, для социальной – рост свободы и справедливости, политической – правовое государство и демократизация, духовной – саморазвитие и совершенствование личности. Однако недостатком подобной трактовки является трудность или невозможность применения количественных методов оценки уровня прогрессивности общества в целом. Это, во-первых. А во-вторых, например, экономический рост автоматически не ведет к социальному и духовному расцвету, и наоборот, ибо социальные многоплановы и противоречивы. Поэтому комплексный критерий не может быть выбран в качестве общеисторического материала социального прогресса, что отнюдь не означает его неприменимости для сравнения обществ, стоящих на одотипных уровнях развития. В свою очередь, производительность труда фиксирует лишь статистику, то, что есть в

данный момент времени, не учитывая внутренние ресурсы, резервы и перспективы, таящиеся в глубинах общественных структур.

Представляется, что этот критерий – **интересы развития производительных сил**, т. е. ускоренное, оптимальное, масштабное и гармоничное сочетание как вещественных элементов (предмет труда, орудия труда, технология, инфраструктура, научный комплекс), так и людей, их созидательных творческих потенциалов; интересы, сопряженные с возможностями биосферы планеты во имя сохранения целостности природы человека.

Данное положение ярко, доходчиво и убедительно сформулировал поэт А. Вознесенский:

Все прогрессы реакционны,
Если рушится человек.

Прогресса в чистом виде не существует, он всегда связан с негативными сторонами. Так, техническое развитие оборачивается созданием средств массового поражения, экономический рост оказывает загрязняющее влияние на биосферу Земли, подрывая основы планетарной Жизни, и т.д.

16.3. Межцивилизационные отношения в современном мире

В XX–XXI вв. отношения между цивилизациями продвинулись от фазы, когда преобладало однонаправленное влияние одной цивилизации на все остальные, к фазе интенсивного устойчивого взаимодействия всех цивилизаций. Межцивилизационное столкновение культур и религий вытесняет рожденное Западом внутрицивилизационное столкновение политических идей.

Баланс военной, экономической силы и политического влияния изменился. Запад продолжает оказывать заметное воздействие на другие общества, но в его отношениях с иными цивилизациями все больше стала преобладать реакция на происходящие там события. Незападные общества, далекие от того, чтобы быть простыми объектами истории западного типа, все больше превращались в мотор и творца как собственной, так и западной истории. Экспансия Запада способствовала модернизации, вестернизации незападных обществ. Ответ их политических и интеллектуальных лидеров на западное влияние

принимает одну (или больше) из трех форм: **отвержение** как модернизации, так и вестернизации, **кемализм** как внедрение того и другого и **реформизм**, т. е. принятие первого и отказ от второго.

Стратегия отвержения преследует бесперспективную цель – изолировать общество от современного мира, который становится все более тесным. Кемализм ставит трудную травмирующую задачу – уничтожить существовавшую веками культуру и заменить ее совершенно новой, привнесенной из другой цивилизации. Третий выбор заключается в том, чтобы попытаться совместить модернизацию с сохранением ценностей, практики и институтов коренной культуры общества. По понятным причинам этот выбор популярнее всего ради незападных элит.

Изначально вестернизация и модернизация тесно связаны друг с другом, незападные общества впитывают существенные элементы западной культуры и медленно прогрессируют по направлению модернизации. Когда же шаг модернизации начинает шириться, интенсивность вестернизации падает и местная культура начинает возрождаться. Затем модернизация меняет цивилизационный баланс между Западом и незападными обществами и усиливает привязанность к собственной культуре. Таким образом, на ранних стадиях перемен вестернизации помогает модернизации. На более поздних – модернизация двояким образом способствует девестернизации и возрождению местной культуры. На уровне общества модернизация увеличивает его экономическую, военную и политическую мощь и укрепляет доверие людей к собственной культуре, делает их более уверенными в культурном отношении. На личностном уровне модернизация рождает ощущение отчуждения и аномии, поскольку разрушаются традиционные связи и общественные взаимоотношения. Возникает кризис идентичности, ответ на который дает религия.

В этих вопросах нет постепенного приближения к культурно однородному миру. Вместо этого, по-видимому, сохраняются неизменные образцы, разработанные в четких формах на исторических и ранних стадиях развития. Теория заимствования, разработанная среди прочих Фробениусом, Шпенглером и Боземан, подчеркивает пределы, в которых цивилизации-реципиенты избирательно заимствуют отдельные элементы у других цивилизаций, приспособливают, преобразуют и ассимилируют их,

338

чтобы укрепить и обеспечить выживание основных ценностей, собственной культуры.

16.4. Выживание и устойчивое развитие человечества как центральная проблема современности

Тенденции взаимосвязи биогенеза и социогенеза под воздействием человека как субъекта **экологических отношений** вошли в состояние острейшего противоречия по широкому спектру факторов.

Тотальное загрязнение всех геосфер планеты оказывает негативное воздействие на природу человека, ослабляя и деформируя ее до опасных пределов, за которыми становится проблематичным само бытие *homo sapiens*.

Где выход? В переходе к ноосфере? Но согласно учению В. И. Вернадского ноосфера не отрицает и не изменяет биосферу, а является закономерным продуктом ее саморазвития и без сохранения существовать не может. Разрушение биосферы есть расшатывание основ ноосферогенеза.

Экологический вызов требует комплексного рассмотрения, т. е. органического увязывания философского, эстетического, культурно-исторического, социально-политического и естественнонаучного аспектов.

Результатом совместных научных усилий являлась концепция **«устойчивого развития»**, основные контуры которой содержались в докладе, подготовленном «Международной комиссией по охране окружающей среды и развитию». Ее суть – построение такого общества, в котором удовлетворение потребностей настоящего времени не ставит под угрозу возможность будущих поколений реализовывать свои собственные, что достигается системой ограничений в технической и социальной сферах, обусловленных потенциальными способностями биосферы.

В социально-экономическом и политическом аспектах программа устойчивого развития предусматривает решение следующих задач:

1) ограничить рост производства и потребления в странах – экономических лидерах, являющихся основными ресурсопользователями и поставщиками загрязняющих соединений в окружающую среду. На долю населения США, Западной Европы, Канады и Японии приходится 2/3 мировых источников жизнеобеспечения, а США – около 40–50 %;

2) сократить темп прироста народонаселения в развивающихся странах;

3) уменьшить поляризацию стран Севера и Юга;

4) способствовать установлению демократии, гражданского общества, обеспечению основных конституционных прав и свобод;

5) добиться плодотворного сочетания различных форм собственности и хозяйственных укладов, регулирования стихии свободного рынка, общечеловеческих, региональных и национальных государственных интересов;

б) на основе достижений НТП изменить технологический способ производства с целью минимизации негативных последствий жизнедеятельности социума.

16.5 . Взаимодействие цивилизаций и возможные сценарии будущего

В годы «холодной войны» страны устанавливали связь со сверхдержавами в качестве союзников, сателлитов, зависимых, нейтральных и неприсоединившихся государств. После окончания «холодной войны» страны устанавливают связь с цивилизациями в качестве стран-членов (member states) и расколотых (torn state) стран. **Страна-член** полностью идентифицирует себя с одной цивилизацией (например, Египет – с арабо-исламской цивилизацией, а Италия – с европейско-западной).

Число **сердцевинных государств** и их роль различаются от цивилизации к цивилизации; они могут меняться и во времени. Японская цивилизация практически идентична с единственным японским сердцевинным государством. У китайской, православной и индуистской цивилизации есть по одному абсолютно доминирующему сердцевинному государству и, кроме него, еще и другие государства-члены, а также люди, связанные с цивилизацией, но живущие в странах, где доминируют люди другой цивилизации (заокеанские китайцы, ближнее зарубежье России, тамилы в Шри-Ланке). У Запада исторически всегда было по несколько сердцевинных государств; сейчас у него два ядра: Соединенные Штаты и франко-германское ядро в Европе; Великобритания – дополнительный центр силы, блуждающий между ними. У ислама, Латинской Америки и Африки сердцевинных государств нет. Отчасти это объясняет

империалистической политикой западных держав, которые поделили между собой Африку, Ближний и Средний Восток, а в более ранние века и менее отчетливо – и Латинскую Америку.

Самая значительная **одинокая страна** – Япония. Никто не делит с ней ее особую культуру, даже японские эмигранты в других странах немногочисленны и не поддаются ассимиляции (например, японо-американцы). Одиночество Японии усиливается еще и благодаря тому, что ее культура в высшей степени специфична и не включает в себя какой-либо универсалистской религии (христианства, ислама) или идеологии (либерализма, коммунизма), которые могли бы быть экспортированы в другие общества и тем самым установить культурную связь с людьми других обществ.

Почти все страны внутренне разнородны и включают в себя по две или более этнических, расовых или религиозных групп.

Однако вероятность появления глубоких расколов гораздо выше в «**надтреснутых**» странах, где крупные группы населения принадлежат к разным цивилизациям. Такие деления и сопровождающие их напряженности часто возникают, когда более крупная группировка, принадлежавшая к одной и той же цивилизации, пытается превратить государство в собственный политический инструмент, а свой язык, религию и символы – в государственные; это попытались сделать индусы, сингалы и мусульмане в Индии, Шри-Ланке и Малайзии.

Расколотые страны отличаются от надтреснутых тем, что в них преобладает одна цивилизация, но их лидеры хотят изменить цивилизационную идентичность.

Россия была расколотой страной со времен Петра Великого, мнения там расходились относительно того, является ли страна частью западной цивилизации или сердцевинной особой евразийской православной цивилизаций.

Холодный мир, холодная война, торговая война, квазивойна, нелегкий мир, запутанные отношения, острое соперничество, сосуществование-соревнование, гонка вооружений – в таких выражениях чаще всего описывают отношения между целостностями, принадлежащими к различными цивилизациями.

Межцивилизационный конфликт принимает две формы. На локальном уровне возникают конфликты по линиям разлома – между соседними государствами, относящимися к различными цивилизациями, между разноцивилизационными группами внутри государства или же между группами, которые, как в бывшем Советском Союзе и Югославии, пытаются создать новые государства на развалинах старых. Конфликты по линии разлома особенно часто возникают между мусульманскими и немусульманскими странами. На глобальном уровне возникают конфликты между сердцевиными государствами различных цивилизаций. Предметы таких конфликтов являются классическими для международных отношений.

Глобальная война с участием сердцевиных государств основных мировых цивилизаций весьма маловероятна, но не исключена полностью. Чтобы избежать в грядущую эпоху крупных межцивилизационных войн, сердцевиным государствам следует воздержаться от вмешательства в конфликты, происходящие в других цивилизациях. Некоторым государствам, особенно Соединенным Штатам, будет несомненно трудно согласиться с этой истиной. Правило воздержания, заключающееся в том, что сердцевиные государства должны воздерживаться от вмешательства в конфликты внутри других цивилизаций, - первое необходимое условие для поддержания мира в цивилизационном, мультиполярном мире. Второе условие – правило совместного посредничества – заключается в том, что сердцевиным государством следует вести друг с другом переговоры о сдерживании или прекращении войн по линиям разлома между государствами или группами, входящими в их цивилизации.

16.6. Альтернативы возможного развития человечества

Любовь к человеку сегодня означает заботу и борьбу за сохранение самого его существования, так как нарастающее угнетение природы естественной есть одновременно урон природе человека, его здоровью. Отсюда необходимость в таком компоненте нового гуманизма, как экология человека.

На наш взгляд, не все варианты разрешения проблемы соотношения человека и среды обитания выдерживают критику как с позицией их научной обоснованности, так и с точки зрения гуманизма.

1. Полная замена биосферы техносферой при сохранении человека в его существующих антропных качествах, способного к тому же эффективно управлять всем комплексом искусственной среды обитания. Но такая перспектива – заблуждение, ибо новая среда будет все резче контрастировать с жизнеобеспечивающими потенциями глобальной жизни и всети к крайней степени динамизма и неустойчивости.

2. Новой среде – конструируемое тело. При переходе к информационно-компьютерной технике человек все активнее «выносятся за скобки» не только в сфере производства, но и контроля и даже принятия решений. Сторонники данной концепции почему-то забывают, что в сколь угодно «плотной» искусственной среде способны пребывать лишь существа, соответствующие ей.

3. Если исходить из того, что остановить развитие НТП нельзя, а человек еще не научился эффективно использовать данные ему природные силы, то задача состоит в том, чтобы идти дальше и найти решение актуальных проблем в грядущих открытиях. Наносимый биосфере урон следует компенсировать активитизацией процесса почвообразования, кислородо- и азонообразования, интенсификацией воспроизводства лесов и рыбы, заменой сокращения естественного разнообразия видов увеличением искусственно созданных, используя потенциал биотехнологии.

Однако такой путь потребует дополнительной энергии, значительных изъятий из экосистем, что наряду с образованием отходов таит опасность неучета всех последствий подобной «помощи» стихийной саморегуляции биосферы.

4. Максимальное сохранение биосферы и уменьшение нагрузки – условие глобальной экологической безопасности и устойчивости социально-экономического развития. Как этого достичь? Или сократить в 10 раз использование ресурсов планеты, или во столько же уменьшить численность мирового народонаселения, что восстановит действие принципа Ле Шателье и земная глобальная экосистема приобретает утраченное равновесие. Предлагаются и не столь радикальные меры: сократить площадь возмущенной биоты; сохранить еще не тронутую биоту; найти пороги допустимых воздействий на биосферу и не

переходить их; принять экологические законы; перейти на однодетное рождение.

Открытыми остается только вопрос о механизме реализации такой программы.

5. Возврат к прежним формам хозяйствования, консервация НТП как гарант сохранения рода человеческого.

Но без научно-технического прогресса уже нельзя удовлетворить самые насущные потребности современного народонаселения и не найти соответствующих контрмер для защиты земной жизни от возможных губительных последствий взаимодействия космических факторов.

6. Сопряженная эволюция общества и природы как долговременный компромисс, так как человечество может существовать лишь в диапазоне строго определенных условий. Такая программа (коэволюция и устойчивое развитие) наиболее перспективна.

Коэволюция и устойчивое развитие, конечно, не окончательные варианты разрешения глобальной экологической проблемы, но на сегодняшний день они наиболее адекватны, обоснованы и дают реальную перспективу для мобилизации интеллектуально-нравственных и научно-технических ресурсов человечества с целью поиска стратегий выживания.

16.7. Глобальные проблемы современности, их техногенный и социоприродный характер

На пороге нового века и тысячелетия усилились апокалиптические настроения. Это связано с обострившимся ощущением альтернативности будущего и даже сомнением в возможности его существования вообще.

Дело в том, что наряду с «вечными» и частично-преходящими вопросами в общественное сознание нашего столетия «ворвались» **глобальные проблемы**, осмысление и практическое разрешение которых – задача первостепенной важности. Почему? Потому, что они обозначают рубеж в развитии социума и впервые ставят перед выбором: или измениться или исчезнуть.

В чем же содержание и специфика глобальных проблем?

Во-первых, их отличает масштабность проявлений, охватывающая не отдельные страны и регионы, а мировое сообщество в целом.

Во-вторых, перспективы существования всего человечества напрямую зависят от адекватности и своевременности их разрешения.

В-третьих, сама жизнь на Земле поставлена под угрозу наличием фундаментальных факторов, характеризующих техногенную цивилизацию и, как следствие, порождаемые ею общепланетарные катаклизмы.

В-четвертых, они являют собой тотальную форму обнаружения конфликта между современной цивилизацией и духовной культурой общества.

В-пятых, только совместные солидарные усилия и деятельность – гарант преодоления кризисных явлений.

Ракетно-ядерное противостояние, разрушение окружающей среды, перенаселение и экономическое неравенство, нехватка продуктов питания и истощение ресурсов планеты, расширение диапазона взаимовлияния земного и космического – таковы ведущие компоненты глобалистики.

Само понятие стало распространенным с конца 1960-х гг. во многом благодаря работам «Римского клуба» – международной неправительственной организации, которая, занимаясь исследованиями глобальных проблем, периодически публикует теоретические диапозитивы.

Каковы же предпосылки и причины появления глобальных проблем? Стихийность предшествующего экономического и политического развития, социально-классовая, национально-этническая и религиозная разобщенность, бесконтрольно растущая научно-техническая мощь, преобладание в мировоззрении идей линейного прогресса, антропоцентризма и узкого рационализма, сопряженных с ориентацией на ценности массового потребления и господства над природой, а также прогрессирующего познания и преобразования внешнего мира посредством научно-технологической деятельности и внутреннего опыта, т. е. истоки кризиса – в самом человеке, в его нравственной деградации, в подчинении цели средству. Полагать, что глобальные проблемы – явление временное и могут быть преодолены дальнейшим наращиванием научно-технического потенциала, еще более активной политической деятельностью и эффективным управлением – слишком упрощенный и оптимистический прогноз. Они, напротив, закономерно вытекают из всего многовекового хода всемирной истории и всего строя жизни предыдущих и современных поколений. Ими испытывается человечество на

разумность, ответственность и солидарность. Общество может или ускорить, или замедлить, или остановить сползание к краю обрыва. Не выживать, а полноценно жить – таким должен быть стратегический ориентир.

Глава 17

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ

17.1. Техника как предмет философского исследования

Для современной познавательной ситуации характерно нарастание интереса к технике и ее роли в судьбах человечества, к методологическим и социологическим проблемам ее изучения. Вопрос о сущности техники, закономерностях ее развития и роли в общественной жизни относится к числу тех нестареющих вопросов, над которыми давно уже бьется общественная мысль. Его решение столь же исторично, как и развитие самой техники. Проблемы технического прогресса имеют множество аспектов, и необходимость исследования любого из них всегда обусловлена конкретными историческими обстоятельствами, всей общественно-исторической практикой.

Техника стала предметом философского анализа на том этапе ее истории, когда общество перешло к технологическому в машинной форме способу существования, а ее собственное развитие и функционирование получило научные основания и обусловило возникновение сферы общего и специального научно-технического образования. Этот процесс обрел свою зрелую форму примерно к середине XIX в. В истории философии техники четко прослеживаются два направления: одно занимается преимущественно самим предметным бытием техники, его всеобщими принципами и законами, а второе рассматривает главным образом вопросы общественного функционирования техники. Условно их можно обозначить как инженерную и гуманитарную философию техники, которые вполне определенно отличаются друг от друга. Основными представителями первой являются немецкий философ Эрнст Капп (1808–1896) – создатель самого словосочетания "философия техники", русский инженер Петр Климентьевич Энгельмейер (1881–1963), который ввел понятие философии техники в русскоязычный оборот, и немецкий философ

Фридрих Дессауер (1881–1963). Классиками гуманитарной философии техники стали Карл Маркс (1818–1883), Карл Ясперс (1883–1969), Льюис Мэмфорд (1895–1990), Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955), Мартин Хайдеггер (1889–1976) и Жак Эллюль (1912–1994).

Отечественная философия техники интенсивно развивалась с конца 1950-х годов под влиянием реальных проблем материально-технического развития в Советском Союзе. В мире разворачивалась научно-техническая революция, которая обусловила рывок в развитии производительных сил Западной Европы и Северной Америки, а затем Японии, Южной Кореи и других так называемых экономических драконов Юго-Восточной Азии. В Советском Союзе в условиях реальной угрозы научно-технического отставания родилась идеологическая конструкция создания материально-технической базы коммунизма и в таком контексте возник широкий фронт философского осмысления техники под флагом марксизма и в противовес западным концепциям. Основной посыл этой философско-идеологической конструкции состоял в том, что техника сама по себе социально нейтральна, но в противоположных социально-политических системах ее развитие ведет к противоположным результатам: в условиях буржуазного общества она является средством угнетения трудящихся масс, и технический прогресс обостряет противоречия капитализма, а в условиях социализма техника служит всему обществу, и соответственно, технический прогресс объективно ускоряет переход к коммунизму. Марксистская философия техники советского образца органично слилась с идеологией в официальном партийно-государственном лозунге о “необходимости соединения достижений научно-технической революции с преимуществами развитого социализма”. Применительно к капиталистическим странам предполагалось, что научно-техническая революция ведет к обострению общего кризиса капитализма и в конечном счете способствует установлению мирового социализма.

В XX в. реальные возможности человека в предметном воздействии на окружающую природную и социальную среду настолько увеличились, что превысили способность человеческого разума достаточно полно просчитывать результаты своей собственной деятельности. Иначе говоря, техника как бы отрывается от человека, выходит из-под его контроля и обретает самостоятельную жизнь. Она все больше объективирует

материально-техническую деятельность человека, задавая ей определенную направленность при уменьшении предсказуемости последствий. Драматизм ситуации усиливается нагнетанием страха перед демонической стихией науки, и все чаще раздаются утопические призывы к усилению тематической нормативности научной деятельности вплоть до табуирования ее определенных сфер.

Растущая массовость явлений техники и ее увеличивающееся многообразие создали прочную почву для того, чтобы сопоставить различные состояния и разные классы технических устройств, вскрыть – глубже, чем это было возможно когда-либо ранее, – некоторые общие их черты, уяснить присущие им особенности, тенденции и закономерности. Расширяется и углубляется понимание естественно обусловленных тенденций развития техники, выявляется многогранность этого развития. Аналитическая дифференциация отношения “техника – природа” достигла относительной полноты, можно выделить такие его составляющие, как “природные явления и процессы в технике”, “роль биологической организации человека в технике”, “функционирование техники в природной среде”, “функционирование техники в человеческом организме”. Другой аспект исследования техники связан с концентрацией внимания на ее социальной детерминации, связях техники с другими общественными явлениями и на выяснении социальных последствий технического прогресса.

17.2. Единство природного и социального бытия техники

Наиболее общая, фундаментальная характеристика техники как совокупности искусственно созданных материальных средств человеческой деятельности – ее природно-социальная двойственность. С одной стороны, технические средства – это не что иное, как модифицированные предметы природы.

Технические средства остаются предметами природы, т. е. представляют собой движущиеся по ее законам формы материи. Но одновременно они перестают принадлежать природе, поскольку вырываются из ее естественных связей, преобразуются человеческим трудом и включаются в новые материальные связи, существуют,

функционируют и развиваются в обществе в соответствии с законами общественной жизни.

Естественно-природная обусловленность техники проявляется в том, что, во-первых, природа есть всеобщий источник исходных предметов и процессов, используемых в технических средствах, всеобщая основа субстрата техники, а также всеобщая материальная среда функционирования техники; во-вторых, именно законы природы определяют развитие и функционирование технических средств как форм движущейся материи; в-третьих, в природе коренится источник рабочей силы. Такого рода естественно-природная обусловленность техники дает знать о себе и в детерминации технического прогресса влиянием природной среды и биологической организации человека.

Черты социальности техники определенным образом соотносятся с признаками ее природности:

технические средства отличаются составом, строением и формами функционирования, которые неосуществимы в самой природе. В технических средствах сочетаются предметы и процессы, не сочетаемые в естественно-природном состоянии в силу стихийного характера взаимосвязей в природе, ее энтропийности;

социальность технических средств предполагает их реальное функционирование в соответствии с назначением. В конкретных формах использования техники проявляется ее всеобщая функциональность, причем особенности организации технических средств, отличающие их от явлений природы, согласуются именно с особенностями выполняемых ими конкретных общественных функций.

При прекращении общественного функционирования во всех его формах техническое средство остается только в сфере естественно-природного взаимодействия и неизбежно теряет свою особую материальную организацию, разрушаемую многообразными естественно-природными связями: машина ржавеет и ломается, дорога зарастает, мост обваливается и т. д.

Анализ признаков социальности техники показывает, что эта социальность, строго говоря, присуща не техническим средствам самим по себе – ее действительным носителем является человек. Труд человека порождает технические средства и приводит их в действие, его

потребности обуславливают их функциональность. Одновременно человек выступает как мера социализации природных предметов и процессов, потому что весь смысл и содержание их особого переустройства человеком направлены на приведение природы в соответствие с ним. Содержание переконструирования природы определяется ее несоответствием человеку, его потребностям, а степень переконструирования – его производительными возможностями, уровнем материально-технического развития. В свою очередь человек согласует свою предметную деятельность с объективными законами природы и развивается вместе с ее преобразованием.

Материальная предметность и способность быть средством человеческой деятельности являются двумя основными сторонами техники, а их разграничение составляет главное направление возможного дифференцирования ее природно-социальной двойственности, служит основанием для различия связи техники с природой и обществом.

В совокупности всех своих проявлений материальная предметность техники наиболее адекватно отражается и наиболее полно охватывается понятием субстрата техники, рассматриваемым в соответствии с определенным смыслом и значением понятия субстрата в других областях научного знания.

Обмен веществ между обществом и природой осуществляется в конкретно-исторических формах на основе исторически освоенных человеком определенных видов движущейся материи. Так, вплоть до XIX века включительно орудийная и машинная техника имела вещественную основу и понятие обмена веществ между обществом и природой соответствовало естественнонаучному значению понятия «вещество». Вторая половина XIX века отличается широким развитием электротехники, нашедшей практическое применение электромагнитному полю сначала в качестве передатчика энергии, потом для прямого воздействия на предмет труда. В настоящее время в технике применяется все большее число форм движущейся материи и термин «вещество» уже не позволяет отразить все многообразие материальных явлений, образующих средства целесообразной деятельности. Оно не может быть распространено, например, на магнитное поле, которое применяют для

удержания высокотемпературной плазмы и создания сверхмощного давления при штамповке.

В отличие от субстрата отдельных технических устройств или всей конкретно-исторической техники, функционирующей и развивающейся на определенном структурном уровне материи, субстрат общеисторической техники не ограничивается конкретным механическим, физическим, химическим, биологическим субстратом. Ни через какое другое свойство, кроме как материальность, субстратные свойства общеисторической техники выразить нельзя – субстрат техники может рассматриваться здесь только как вообще материальный субстрат.

Общеисторическое развитие техники есть неограниченный процесс замены одних используемых форм материи другими. Однако она всегда остается субстратно определенной. Субстрат техники в определенном смысле и есть сама техника, взятая во всех проявлениях ее материальной предметности, но полностью не выражающая содержание техники как средства человеческой деятельности. Из совокупности технических объектов, рассматриваемых вне их социальных свойств, связей и отношений, складывается лишь субстратное содержание техники, следующее из ее естественно-природной обусловленности. Иначе говоря, субстрат технических объектов включает в себе лишь возможность их бытия в роли технических средств как таковых. В данном случае конкретизируется вывод о том, что вне взаимодействия вещей их свойства, а значит, и сами вещи потенциально существуют, но ничем не проявляют себя. То есть субстрат техники до своего включения в общественные связи и отношения выступает лишь в роли материального предмета и совершенно не обнаруживает своего собственно технического бытия.

Направленность технического прогресса находит свое историческое и логическое выражение в классификационной структуре техники. Проблема классификации техники занимает значительное место в научной литературе, однако существует необходимость уточнения и дополнения некоторых общепринятых положений в данном вопросе с позиций более последовательного различения субстратного и функционального содержания техники.

Классификационная структура техники имеет, прежде всего, функциональное содержание, поскольку речь идет о классификации

средств деятельности, а не вообще материальных объектов. Следовательно, ее логическая и историческая дифференциация соответствует дифференциации функциональности техники, которая осуществляется по следующим направлениям:

1. Способ выполнения общеисторической функции быть материальным средством человеческой деятельности – техника подразделяется на орудийную, машинную и автоматическую.

2. Конкретное содержание функций, выполняемых техническими средствами, – техника подразделяется на формообразующую, энергетическую, контрольно-измерительную, транспортную, информационную, технику связи и т. д.

3. Общественные сферы развития и функционирования технических средств — техника подразделяется на производственную, военную, торговую, медицинскую, спортивную, бытовую, управленческую, экспериментальную, технику образования и культуры и т. д.

Общеисторическим субстратом техники является движущаяся материя, преобразованные природные процессы. Основное направление развития здесь выражено в последовательности включения в технику форм движения материи – *механической, физической, химической, биологической*. Она конкретизируется в используемых материалах (камень, дерево, металл, стекло, пластмассы и т. д.); в источниках энергии (ветер, вода, тепло недр, химическое сырье, энергия атома, солнечная радиация и др.); в материальных носителях основного рабочего процесса (паротехника, газотехника, электротехника, радиотехника и пр.); в конструкционных принципах (колесная, гусеничная, шагающая, реактивная, турботехника и т. д.); в специфике внешней среды функционирования (наземная, водная, воздушная, космическая и т. п.).

Единственным свойством техники в общеисторическом плане является ее «свойство» быть средством человеческой деятельности, с одной стороны, и преобразованной природой – с другой.

В своем общеисторическом развитии техника не может быть сведена ни к одной из субстратных характеристик, ни к какой из своих конкретных функций – все они связаны лишь с определенными этапами ее всеобщей истории. Однако для исследования техники недостаточно указать, что она является материальным средством целесообразной деятельности, –

необходимо изучать ее конкретное историческое содержание. При этом в центре внимания находится тот факт, что субстратно и функционально техника ориентирована на человека.

Каждая техническая система, начиная от отдельных орудий и кончая техникой в целом, не только предоставляет некоторые возможности для достижения тех или иных целей, но также содержит в себе определенные ограничения, связанные с естественно-природной обусловленностью ее организации. Технический прогресс состоит не в преодолении законов природы, а в продвижении от использования одних из этих законов к использованию других, в углублении и расширении сферы преобразования естественных процессов, накоплении разнообразия применяемых форм движущейся материи.

Структура технического устройства неразрывно связана со свойствами используемых состояний материи, и в истории техники достаточно часто бывают ситуации, когда те или иные теоретически возможные принципы не могут реализоваться из-за отсутствия необходимых материалов. Развитие техники в значительной степени происходит в направлении от нового материального носителя процесса к нахождению новой технической конструкции.

Новая структура требует нового материального носителя, но одновременно использование нового материального носителя приводит к изменению структуры. Например, специфика форм каменных орудий определяется тем, что камень обладает хорошими свойствами на сжатие и плохими на изгиб. С переходом к использованию металлов открылась возможность не только разнообразить формы ручных орудий, но и делать машины. Сложная структура современных технических устройств требует особенно большого разнообразия материалов, свойства которых могут задаваться заранее.

Из современных проблем, связанных с действием закономерностей структурно-материального единства техники, значительный интерес представляет тенденция к переоснащению транспортных средств новыми источниками энергии, экологически более чистыми двигателями. Можно вполне определенно утверждать, что при массовом производстве, например, электромобилей этот процесс не ограничится простой заменой

двигателя внутреннего сгорания на электродвигатель, так же как процесс моторизации транспорта не ограничился моторизацией кареты, парусных судов и т. п. Автомобиль и другие виды транспорта обрели собственную конструкцию и собственные формы.

Постоянное накопление во всей системе техники новых принципов на основе расширяющегося использования новых состояний материи на определенном этапе приводит к ее общему ускоренному развитию, переходу на другой уровень практического освоения природы. Это есть не что иное, как техническая революция.

Следует отметить, что структурно-материальное единство технических средств не обусловлено лишь взаимодействием их собственных элементов, так как техника не функционирует сама в себе. Ее структура определяется и субстратом предмета деятельности, и особенностями природной среды, в которой работает техника. Наконец, структурная организация технических средств испытывает на себе значительное влияние со стороны биологической организации человека.

Таким образом, ограниченность техники состоит в ее конкретной наличности и исторической определенности способов функционирования. Эти факторы оказывают друг на друга как стимулирующее, так и сдерживающее воздействие, развитие каждого из них может быть определено только в общей системе техники.

Существование революционных стадий в техническом прогрессе следует именно из конечности техники во всех проявлениях ее субстратности на каждом конкретно-историческом этапе развития. По мере технической эволюции исчерпываются возможности прогрессирования ее субстрата, что и предопределяет качественные, коренные преобразования в технике.

Итак, исчерпаемость материальных явлений неабсолютна. Каждый вид материи в качестве субстрата техники исчерпаем лишь по определенным свойствам, потому что в границах каждого принципа действия технических средств используется их конечное число в силу конечного числа самих взаимодействий. Субстрат каждого конкретного вида техники ограничен не сам по себе, он исчерпаем именно в той системе отношений, в которой функционирует, и чем шире эта система, тем уже его функциональность. Но самое главное состоит в том, что

человек не пассивно использует готовые свойства предметов, неисчерпаемые сами по себе и только требующие своего обнаружения. Он собственным трудом сталкивает разные предметы природы и тем самым фактически создает их полезные свойства. Объем комплекса полезных свойств вещи определяется количеством заключенного в ней труда. Следовательно, исчерпаемость субстрата техники на каждом этапе ее развития есть исчерпаемость конкретно-исторического способа деятельности человека, накопленного им труда. Материально-техническая деятельность людей всегда ограничена природной достижимостью, технической возможностью и экономической целесообразностью. Исчерпаемость субстрата техники проявляется на любом из этих уровней и вне их единства просто не существует.

Абсолютно универсальных материалов и, как следствие, универсальных технических систем быть не может. Повышение твердости сопровождается увеличением хрупкости, повышение пластичности – уменьшением прочности, повышение жаростойкости – увеличением сложности обработки. Универсализация используемых в технике состояний материи заключается не в универсализации отдельных состояний в противовес остальным, а в соответствии, сбалансированности совокупности материальных носителей рабочих процессов в технике с совокупностью используемых в ней принципов. Это означает, что комплекс известных свойств того или иного материала не может быть полностью использован в отдельных технических средствах, но максимально применяется во всей системе техники. Материалы и технические средства исчерпываются лишь как составные элементы техники в целом, когда их функционирование перестает соответствовать функционированию взаимосвязанных с ними элементов. Без вовлечения в совокупный субстрат техники новых состояний материи, позволяющих осуществить переход к новым принципам, постепенно исчерпывается вся конкретно-историческая система техники, так как в ней достигается предел глубины использования материальных носителей рабочих процессов.

Критерием исчерпаемости и неисчерпаемости субстрата техники в конечном счете может быть только ее функциональная исчерпаемость и неисчерпаемость. Функциональное качество техники тоже имеет конкретно-историческое выражение и сохраняется до тех пор, пока

существует определенная потребность. Так, стержневым качеством пассажирского транспорта является способность перевозить людей. Оно раскрывается через весь комплекс конкретных функциональных свойств транспорта – комфорт, скорость, безопасность и пр. Объем комплекса этих свойств определяется объемом комплекса потребностей, с которым соответственно тесно связаны и функциональные возможности транспортной техники, – чем уже круг потребностей пассажиров, тем большим функциональным количеством обладает транспорт. В целом один и тот же субстрат техники, имеющий один и тот же комплекс свойств, может характеризоваться переменными функциональными возможностями.

Однако конкретно-исторический комплекс потребностей достаточно определенно выражен качественно и количественно. Поэтому столь же определенно и функциональное количество конкретно-исторического субстрата техники. Его функциональная исчерпаемость обусловлена неуклонным ростом потребностей людей и расширенным воспроизводством населения. Неисчерпаемость основана на субстратной неисчерпаемости материально-технического развития.

Противоречивое единство исчерпаемости и неисчерпаемости свойственно и комплексу потребностей, причем функциональные возможности конкретно-исторической техники принципиально не могут обеспечить его практического исчерпания, потому что процесс развития и функционирования технических средств, детерминированный наряду с потребностями естественно-природными факторами, оказывает обратное воздействие на движение комплекса потребностей. Например, развитие городского транспорта формируется не только общественными предпосылками текущего момента, но и естественной обусловленностью в виде рельефа местности, состояния атмосферы, особенностей исторически сложившейся строительной и архитектурной структуры. В этой связи современность характеризуется бурным развитием метро, которое в силу специфики своего пространственного расположения сразу же получило качественно иные функции и определяется не только сугубо транспортным назначением. Следовательно, комплекс функциональных свойств техники тоже характеризуется единством интеграции и дифференциации, что вместе с неисчерпаемостью развивающегося комплекса потребностей

относится к сфере движущих сил технического прогресса и обуславливает его беспредельность.

17.3. Человек в системе техники

Техника сама по себе не обладает целостностью ни функционирования, ни развития. Носителем материально-технической целостности является человек, от которого исходит цель и управленческая функция, без чего целостность материально-технического развития просто неосуществима, она создается и поддерживается человеком. В частности, материально-техническая системность обеспечивается живым, предметно выраженным трудом, без которого функционирование системы техники невозможно независимо от степени развития средств автоматизации. Техника никогда не превратится в единую самодвижущуюся систему, в ней всегда остаются места стыковки, где не обойтись без человека как главного элемента системы техники, источника ее функционирования и развития. Основная проблема в исследовании отношения человека и техники – решение вопроса об изменении места и роли человека при его взаимодействии с техническими средствами.

Замена непосредственных технологических функций человека техникой составляет главную закономерность технического прогресса. Однако замещение человека техническими средствами, его вытеснение из процесса деятельности, относительно, потому что развитие техники приводит не только к увеличению степени замещения человека, но и к расширению сферы его взаимодействия с техническими средствами и втягивания в общий процесс движения техники. Изменение роли человека в системе технических средств противоречиво, так как осуществляется в единстве этих противоположных тенденций. Технический прогресс никогда не перестанет быть процессом замещения человека, поскольку вместе с развитием техники происходит возникновение его новых технологических функций.

Выключение человека из непосредственного технологического процесса деятельности относительно, потому что его содержание исторически изменчиво. Применяя первые примитивные ручные орудия, человек уже выключается из непосредственного воздействия на предмет, оставляя за собой функцию управления орудием. Дальнейший

технический прогресс приводит к выключению человека из одного технологического процесса управления техническим средством и включает его в другой технологический процесс – управление другим техническим средством.

Принципиальная неустранимость системообразующих функций человека в технике, его деятельности по сочленению техники в единое целое, не позволяет не только свести такую деятельность к управлению автоматами, но даже ликвидировать обыкновенный ручной труд. То, что в середине XIX века в общем количестве используемой человеком энергии 94 % было представлено в виде энергии животных и приложения его собственной мускульной силы, а сейчас мощность технических средств многократно превышает физическую силу всего населения Земли, совсем не означает, что человек стал меньше работать или его деятельность становится преимущественно интеллектуальной.

Замещение человека техническими средствами должно рассматриваться не только в качественном аспекте – освобождение от функций, но и в количественном – высвобождение людей; но точно так же следует подходить и к обратному процессу – возникновение новых функций человека в системе техники означает втягивание в нее дополнительного числа людей. А в целом качественно и количественно определенному совокупному субстрату техники соответствует столь же определенный совокупный субстрат рабочей силы, народонаселение, относительная избыточность или недостаточность которого обусловлены главным образом особенностями системы социальной дифференциации как внутри общности, так и в ее взаимодействии с другими общностями. Следовательно, расширение субстрата техники, необходимое для увеличения производства средств жизни, закономерно приводит к расширению количества людей, обеспечивающих требуемый уровень материально-технического развития. Поэтому было бы неправильным полагать, будто уменьшение народонаселения приведет к увеличению среднелюдового потребления, поскольку такое уменьшение одновременно сокращает материально-техническую сферу.

Таким образом, если признать, что субстратное функционирование человека в системе техники имеет общеисторический характер и в ходе материально-технического развития меняются лишь формы этого

функционирования, то следует признать и то, что вместе с техническим прогрессом и под его влиянием осуществляется и развитие человека, в том числе и за счет отбора, селекции необходимых качеств. Рука остается главным инструментом поддержания субстратной взаимосвязи человека и техники на всех этапах технического прогресса, и ручной труд никогда не перестанет быть основной формой воздействия человека на технические средства. Как в предшествующей истории не было никакого золотого века, якобы основанного на естественных богатствах природы средствами труда и жизни, так его не будет и впереди в виде мифической кнопочной цивилизации. В процессе материально-технического развития требования к физическим характеристикам человека повышаются в целом, а не только в плане его непосредственного функционирования в системе техники. Не случайно передовые в технологическом отношении страны, как правило, лидируют и по общим спортивным показателям.

Развитие системы человек–техника характеризуется единством исчерпаемости и неисчерпаемости, которое относится главным образом к человеку, потому что развитие техники как процесс его замещения, компенсации субстратной ограниченности, сдерживается этой ограниченностью. В каждой конкретной форме субстратного взаимодействия человека с техническими средствами он обладает исчерпаемым комплексом свойств, определенным потенциалом в физическом, психическом, логическом отношении. Но если бы его исчерпаемость была абсолютной, то человек не смог бы совершенствовать технику, да и вообще создать ее, потому что изготовление и использование даже примитивных ручных орудий связано с определенным субстратным изменением предчеловека, с выходом за пределы субстратной ограниченности животного. Появление и развитие человека – это появление и развитие его новых свойств, обусловленное изменением предметной деятельности и всей общественной жизни. Исчерпаемость свойств человека одновременно относительна, и в общеисторическом плане можно говорить об их неисчерпаемости. Неисчерпаемость свойств человека выражается с одной стороны в более эффективном использовании уже имеющегося известного потенциала и обнаружении скрытых резервов, с другой – в формировании новых свойств на основе установления новых субстратных связей и отношений с техникой.

Общественный характер системы человек–техника обуславливает взаимное соответствие технологической роли человека в системе техники и его места в системе социально-экономических отношений. Разделение людей по их функционированию в производстве и социальному положению в обществе обозначено одинаково – разделением классов и другими формами социальной дифференциации. Соответственно перед одними людьми широко раскрывается гуманистическая сущность техники, на долю других остаются неизбежные издержки ее развития. Так, создание паровой машины вызвало к жизни функции кочегара, исполнение которых досталось именно пролетарию, лишенному не только собственности, но даже солнечного света, ставшему живой тенью посюстороннего ада – кочегарки.

Технократические рассуждения о порабощенности человека техникой, о превращении его в технологическую функцию, придаток машины, которая не позволяет человеку увидеть целостность бытия и делает его существование частичным, а потому бессмысленным, широко представлены в разных формах общественного сознания. Однако человека делает частичным не техника, а его включенность в систему социальной дифференциации, где одни люди являются целью технического прогресса, а другие его средством и где всегда кто-то оказывается лишним. В процессе развития цивилизации как таковой, при увеличении познавательно-преобразовательных возможностей человечества, техника является символом цивилизационного развития – это взгляд со стороны, инопланетная точка зрения. Однако в реальной действительности не существует ни человека, ни человечества вообще, а есть социально дифференцированное общество, реальные индивиды, место которых в системе техники и проявление по отношению к ним ее сущности определяются их местом в системе социальной дифференциации.

17.4. Развитие техники в природной среде

Развитие и функционирование технических средств, представляющих собой преобразованные природные предметы и процессы, связано с определенным переустройством окружающей природы. Это вызвано тем, что, во-первых, осуществляется вырывание из природных систем одних элементов (для включения в субстрат техники);

во-вторых, делается перегруппировка других элементов (для создания необходимых условий функционирования технических средств); в-третьих, производится внедрение в природу качественно новых элементов (выброс отходов производства и других видов деятельности).

Научное понимание взаимодействия общества и природы основано на признании их материального единства, которое выражается в исторически определенной субстратной (физической, химической, биологической) общности человека, техники и природной среды. Техника опосредует весь процесс взаимодействия общества и природы, потому что является основным орудием воздействия на природную среду, в каких бы областях деятельности и с какими бы целями оно ни осуществлялось, будь то промышленное или сельскохозяйственное производство, военные действия или туризм.

Исчерпаемость совокупного субстрата техники на отдельных этапах ее развития обуславливает ограниченность освоения и преобразования окружающей природы. В свою очередь, исторически определенная природная среда налагает соответствующие ограничения на функционирование и развитие техники, т. е. сама является исчерпаемой основой технического прогресса. Эта исчерпаемость конкретной природной среды выражается в наличии конструкционных пределов функционирования технических средств, конечности ресурсов для воспроизводства субстрата техники и ограниченности величины возможного включения отходов человеческой деятельности, не сопровождающегося опасным для человека изменением системной целостности отдельных элементов природной среды. В целом субстрат техники соответствует субстрату исторически определенной природной среды.

Влияние материальной среды на развитие техники неоднозначно и противоречиво. Так, конструкционные особенности ручных метательных орудий помимо всего прочего определяются спецификой движения в воздушной среде. Однако их различие менее существенно, чем различие между аэростатом и самолетом, функционирование которых также определяется свойствами земной атмосферы. Влияние среды противоречиво в том смысле, что оно составляет основу действия технического средства и его отрицание, ограничение (из свойств земной атмосферы следуют и

возможность полетов, и в то же время ограничение скорости, маневренности летательных аппаратов). Следовательно, изменение среды так же предполагает соответствующие сдвиги в технике, как и изменение ее собственного субстрата. Это становится особенно заметным в развитии космической и глубоководной техники. Освоение новой среды функционирования технических средств порождает и новое направление их развития, ставит принципиально новые естественнонаучные и инженерно-технические проблемы.

Единство субстратного и функционального отношения человека к природной среде хорошо иллюстрирует пример сходства материально-технического развития удаленных друг от друга народов и достаточно часто встречающихся случаев параллельности открытий и изобретений. Все это позволяет сделать вывод о том, что даже возникновение первых орудий, совершение первых открытий нельзя оценивать с крайних позиций моно- или полицентризма. Мировой технический прогресс не дает оснований для проявлений национального эгоизма, он есть достояние всего человечества.

Человечество добивается все более полного использования ресурсов, существующих в природной среде, и постоянно оказывается перед необходимостью ее освоения на более глубоком уровне, с переходом на который перед ним открываются новые возможности в использовании природы. Следовательно, исчерпаемость природной среды является объективной предпосылкой возникновения общественной потребности, движущей силы развития производительных сил. Истокая природную среду, человек порождает стимул для дальнейшего движения вперед в области материально-технического развития. В свою очередь, переход к углубленному и расширенному освоению природы является объективной предпосылкой удовлетворения общественных потребностей, необходимым условием развития производительных сил.

Человек постоянно переходит от пассивного потребления средств жизни и труда к их активному производству, от экстенсивного использования природной среды к интенсивному. Но как бы ни велики были преобразовательные возможности человека, он всегда будет потреблять определенный субстрат, существующий в природе в готовом виде и локализованный в ней. Всегда происходит поиск, причем может

изменяться форма отыскания и использования отдельных элементов природы, но сущность взаимодействия общества с ней остается неизменной. Природа исчерпаема на каждом конкретно-историческом уровне ее переработки человеком.

Сколько бы ни говорили об ограниченности запасов тех или иных ресурсов и о необходимости их экономного использования, мы все равно исчерпаем эти ресурсы в любой конкретной форме их доступности. Сейчас мы просто не можем знать, окажется ли вообще данное сырье жизненно необходимым в не столь отдаленном будущем, это определяется развитием всего материально-технического комплекса. В настоящее время подавляющая часть используемой в мире энергии приходится на долю нефти и газа, а мировые запасы нефти катастрофически недостаточны для устойчивого развития. Поэтому даже при условии, что ее разведанные запасы существенно увеличатся за счет освоения континентального шельфа, площадь которого равна площади Африки, историческая перспектива обеспеченности общества нефтяным топливом довольно узкая. Вряд ли она расширится и в том случае, если будет установлено, что нефть имеет неорганическое происхождение и ее запасы продолжают воспроизводиться.

Развитие современной техники все в большей степени сопровождается увеличением мощности встречных обменных вещно-энергетических потоков между обществом и природой. Субстратно эти потоки эквивалентны, за исключением того, что поток со стороны общества имеет бóльшую энтропийность, но функционально они противоположны – из природной среды изымается субстрат с полезными свойствами, обратно выбрасываются отходы, т. е. субстрат, «заряженный» отрицательной функциональностью.

Количественно и качественно определенная способность природной среды нейтрализовать или смягчить разрушительное воздействие на системную целостность ее элементов может рассматриваться специфическим ресурсом, историческая ограниченность и исчерпаемость которого принципиально не отличается от ограниченности и исчерпаемости сырьевых и других ресурсов природной среды. Так, атмосфера Земли относительно быстро рассеивает тепло, но медленно взвешенные частицы (качественные пределы); количественные пределы обусловлены массой

атмосферы, в частности, допустимый расход энергии, не вызывающий глобальных последствий, ограничивается использованием мощностей до 20 кВт на душу современного населения.

Таким образом, научное рассмотрение взаимодействия общества и природы должно исходить из противоречивого единства конечности и бесконечности природы по отношению к человеку, которую в таком отношении нельзя рассматривать как природу вообще. Это понятие должно использоваться в качестве конкретно-исторической категории, отражающей уровень материально-технического развития. Сфера взаимодействия общества и природы, характер и масштабы использования человеком природных явлений исторически ограничены. В процессе производственной деятельности на каждом конкретном этапе общественного развития люди взаимодействуют с природой как с конечным комплексом внешних материальных условий, существующих в готовом виде и данных человеку в качестве источника предметов труда и совокупности факторов, определяющих способ их использования и составляющих субстратную основу материально-технической базы общества.

Неограниченность развития техники автоматически не следует из бесконечности, неисчерпаемости материи. Развитие техники есть противоречивый процесс, совершающийся в пределах конкретно-исторических форм материального единства общества и природы. Неограниченность технического прогресса в такой же мере следует из неисчерпаемости природы, в какой неисчерпаемость природы в качестве окружающей среды следует из неограниченности технического прогресса. Бесконечность материальных факторов жизнедеятельности людей существует лишь как возможность и реализуется на практике.

В целом человечество стоит в преддверии нового этапа в освоении окружающего мира. Тот факт, что по некоторым сторонам своего взаимодействия с природой в пределах земной поверхности оно достигло некоторого критического рубежа, предстоящий скачок занимает особое место в едином процессе расширения социального охвата мира. Для наглядности нынешнюю ситуацию в сфере взаимодействия общества и природы можно сравнить с ситуацией в самолетостроении, когда на пути повышения скорости невидимой преградой встал звуковой барьер,

который был преодолен с помощью реактивного двигателя. Так и в глобальном взаимодействии общества и природы на смену одной технологии приходит другая, которая позволяет преодолеть очередной барьер в материально-техническом развитии общества. Научно-технический прогресс обуславливает углубление и расширение материального единства общества и природы. Его революционные стадии означают скачкообразный переход общества из пределов одного исчерпаемого комплекса природных условий в другой, более широкий, и каждому уровню материально-технического развития присущи свои специфические проблемы взаимодействия общества и природы.

17.5. Комплексное использование природных ресурсов

В общем виде комплексное использование ресурсов природной среды означает всестороннюю реализацию их полезных свойств, обеспечивающую высокую эффективность общественного производства. При этом полезность ресурсов (их положительная функциональность) и полнота ее реализации носят конкретно-исторический характер и обусловлены техническими, экономическими, экологическими и социальными факторами, каждый из которых является относительно самостоятельным регулятором процесса природопользования. В совокупности эти факторы определяют адекватное уровню материально-технического развития соотношение между усилиями человека по преобразованию предметов и процессов природы, с одной стороны, и полученным им результатом – с другой.

Безотходность – это такая полнота переработки природных ресурсов, при которой их остатки в рамках достигнутого человечеством уровня технологии уже не могут быть утилизированы. Безотходное производство как абсолютная утилизация используемых ресурсов невозможно, никакого последнего, окончательного предела здесь нет.

С экологических позиций безотходность производства совпадает с нулевым выходом вредности из процесса производства. Это достигается прежде всего за счет локализации, замкнутости некоторых технологических циклов в целях обеспечения наивысшей степени их безопасности для здоровья и жизни человека, для биосферы и

окружающей природной среды вообще. Важная роль в достижении безотходности производства в экологическом аспекте отводится поиску и освоению «чистых» источников энергии, а также соответствующих конструктивных принципов и функционирования технических средств. Так происходит при освоении солнечной тепловой радиации, в том числе и в космическом пространстве. С этой же целью, в качестве подъемно-транспортного средства возрождаются ветряные двигатели, грузовые парусные суда, дирижабли. Создание таких средств соответствует общему уровню развития современной техники и стоит в одном ряду с другими перспективными техническими средствами, например с электромобилем.

Таким образом, комплексное освоение природной среды означает максимальную полноту переработки ее ресурсов с учетом технической осуществимости, экологической и экономической целесообразности а также условий и потребностей общественной жизни. Именно здесь находится решающий критерий полноты освоения богатств природы. Этот критерий диктует пропорции и темпы материально-технического развития, находящегося в динамичном равновесии с целостностью природной среды.

17.6. Абсолютность и относительность пределов роста:

альтернативы стратегии выживания

Длительное поддержание жизни на Земле обеспечивается ее постоянной дифференциацией, когда конечные продукты жизнедеятельности одного вида становятся исходным ресурсом жизнедеятельности другого вида и т. д. Такова принципиальная схема строения биосферы как системы, для которой средой обитания является поверхностная оболочка Земли, содержащая исходные неорганические ресурсы. Таким образом, функционирование и развитие биосферы также должно рассматриваться с точки зрения пределов ее количественного роста и сроков существования. Но этот вопрос должен быть отнесен ко всему естествознанию в плане не только совокупности наук о природе, но и в их истории.

Сущность человеческого бытия в экологическом аспекте заключается в том, что человек вышел за рамки естественно-природного равновесия, т. е. преодолел действие такого ограничивающего фактора, как конечность определенного вида возобновляемых ресурсов. По-видимому, главным биологическим качеством непосредственного предка человека,

сыгравшего роль своеобразного стартового капитала или трамплина для прыжка в новое качество, явилась его всеядность. Иначе говоря, человек перестал быть звеном какой-то одной биосферной цепи и начал подключаться к все новым и новым живым системам, постепенно превратив в источник своего существования биосферу. А сделать это он мог только с помощью техники, позволившей переходить с одного уровня производственно-природного равновесия на другой. В настоящее время человек достиг планетарного уровня в таком продвижении и как бы возвратился в исходное состояние ограниченного существования по численности и продолжительности.

Такова общепринятая, сугубо биологическая интерпретация, или версия, современного экологического кризиса. В соответствии с ней рассматриваются и возможные сценарии выхода из сложившейся критической ситуации. Всю массу различных подходов можно разделить на три группы.

К первой группе относятся оптимистические сценарии, предлагающие ориентироваться на дальнейшее расширение и переход на новые уровни производственно-природного равновесия. Считается, что человечество стоит в преддверии нового этапа в освоении окружающего мира. Поскольку по некоторым сторонам своего взаимодействия с природой в пределах земной поверхности оно достигло некоторого критического рубежа, предстоящий скачок занимает особое место в едином направлении расширения социального охвата мира. Для наглядности нынешнюю ситуацию в сфере взаимодействия общества с природой можно сравнить с ситуацией в самолетостроении, когда на пути повышения скорости невидимой преградой встал звуковой барьер, который был преодолен с помощью реактивного двигателя. Так и в глобальном взаимодействии общества и природы на смену одной технологии приходит другая, позволяющая преодолеть очередной барьер в материально-техническом развитии общества. Генеральное направление расширения может быть только одно – экспансия в космосе, поскольку расширение в пределах земных сфер (океан и неосвоенные районы суши) не только отодвигает проблему, но и обостряет ее. В целом предлагаемый путь внеземного расширения сферы материального единства общества и природы находится в зависимости от научно-технического прогресса и конкретные

способы его практической реализации с позиций современного состояния науки и техники весьма приблизительны.

Вторую группу сценариев выхода из экологического кризиса составляют пессимистические, связанные как минимум с прекращением роста производства и народонаселения, а в наиболее радикальных вариантах ориентирующие на их значительное сокращение. Реализация этих сценариев выдвигает на первый план проблемы уже не столько научно-технические, сколько социально-экономические, требующие качественно новой социальной технологии.

Наконец, в третьей группе сценариев основу составляют не количественные, а качественные критерии взаимодействия общества и природы и решение экологических проблем видится в переходе от экстенсивного природопользования к интенсивному, в его оптимизации и рационализации.

Сфера социально-экологического познания еще не имеет достаточно веских критериев в самой общественной практике, большинство из них относится к будущему. В этом смысле все проанализированные сценарии имеют право на существование, каждый из которых выдвигается на первый план определенными социальными силами как средство экономической, политической и идеологической борьбы, защиты своих собственных интересов. Абсолютно единого общечеловеческого содержания экологические проблемы еще не получили ни по какому показателю. Их не следует рассматривать как нечто совершенно исключительное в общественном развитии – это не эпидемия новой болезни, от которой надо один раз спастись, а потом полностью исключить путем всеобщей вакцинации. Конкретное содержание и форма таких проблем определяются типом материально-технического и социального развития, следовательно, и решение их обусловлено тем же.

ФИЛОСОФИЯ ПРОГРЕССА

Все течет, все изменяется. Данное высказывание является предметом дискуссий с самого начала существования философии. Однако оно многоаспектно и на каждом историческом этапе на первый план выступают его разные стороны. Во времена древних греков речь шла о

признании или отрицании самого факта движения мира, в более поздние исторические периоды и в настоящее время центральным является вопрос о его источнике и направленности.

Движение, не только рассматриваемое как просто изменение, переход от одного состояния к другому, а понимаемое как определенно направленное, упорядоченное, закономерное движение, получило название развития, представленного двумя формами, или ветвями (название условно), – прогрессом и регрессом. Первая форма выражает восходящую поступательность развития (от низшего к высшему, от простого к сложному, от менее совершенного к более совершенному), а вторая – противоположную, нисходящую поступательность. При этом следует учитывать, что движение, как изменение, необратимо и, соответственно, в определенном смысле однонаправленно, и поэтому регресс не является обратнопоступательным движением вспять. Прогресс и регресс не есть самостоятельные циклы развития, они различаются относительно, и следовательно, любое изменение предмета в одном отношении прогрессивно, а в другом регрессивно. Таким образом, общие положения о прогрессе в той же мере распространяются и на регресс. Принципиальным является вопрос о понимании направленности развития вообще, т. е. о признании или отрицании объективного содержания таких понятий, как простое и сложное, высшее и низшее, менее и более совершенное.

Обычно использование понятий прогресса и регресса относится к отдельным, конечным объектам, существование которых сопоставимо с другими конечными объектами и имеет свою историю. Бесконечные объекты (мир, природа в целом) не характеризуются ни тем, ни другим, поэтому нет оснований ставить вопрос о какой-либо направленности их движения, они не развиваются в том смысле, что не имеют начального и конечного состояний.

Несмотря на неразрывное единство понятий прогресса и регресса, собственно предметом осмысления является понятие прогресса, поскольку в общем соотношении прогрессивных и регрессивных изменений считается преобладающей восходящая поступательность развития, что делает прогресс абсолютным, а регресс относительным. Однако неограниченное, беспредельное накопление совершенства, бесконечное приближение к абсолютному, не поддается моделированию даже в рамках

теистического понимания бытия. Методологическое значение такого абсолютистского понимания прогресса невелико. Вместе с тем с признанием или отрицанием именно восходящей ветви развития связывают существенные мировоззренческие и методологические различия, понятие прогресса содержательно более определено по сравнению с понятием регресса, понимание которого базируется преимущественно на формальных основаниях.

В общем виде проблема понимания прогресса состоит в признании или отрицании его объективных критериев, например в виде повышения уровня организации материи. Наиболее типичная и широко признаваемая модель (схема) прогресса выражается в восходящей последовательности: от неживой природы к живой, от живой природы к обществу, а в обществе – от одной цивилизации (культуры, формации) к другой цивилизации (культуре, формации). Менее очевидным представляется вопрос о наличии линии прогрессивного восхождения по отдельности в неживой и живой природе, безотносительно к их переходам к следующим ступеням развития – от неживой природы к живой и от живой природы к обществу.

Изменения неживых образований не складываются в определенно направленную линию переходов от одного состояния к другому, поскольку для выстраивания разных состояний неживых предметов в линию восходящей или нисходящей последовательности нет объективных критериев. Ставить вопрос о прогрессивных изменениях в неживой природе можно лишь под углом зрения возникновения жизни.

Критерием сопоставимости разных состояний живых систем является степень устойчивости их существования. Однако в данном случае для характеристики изменений более конкретны понятия благоприятности и неблагоприятности, чем прогрессивности и регрессивности. Только признание прогрессивной поступательности в общественном развитии позволяет говорить о прогрессивной направленности в биологической эволюции, рассматриваемой как закономерное движение к становлению человека.

В живой природе наблюдается место естественное различие благоприятных и неблагоприятных условий существования тех или иных ее видов. Слабые представители вида вытесняются на периферию жизненного пространства или вообще за его пределы. Но в каждом

конкретных условиях происходит адаптация (видоизменение), в результате чего условия существования видоизмененной жизни становятся благоприятными. И вновь происходит вытеснение слабых на периферию. В конечном счете вся Земля оказывается охваченной (покрытой) биосферой. Таким образом, условия жизни на Земле изначально и всегда дифференцированы, а соответственно, и формы жизни. Образуется сложная система взаимодействия, переплетений, идет непрерывный процесс видообразования, вытеснение и расселение живого по второму, третьему и далее слоям. Понятие благоприятных условий жизни оказывается относительным в определенном интервале показателей.

То же было и с людьми в период их жизни в условиях естественно-природного равновесия: на юге и севере, морском побережье и в горах, в лесу и пустыне. Благоприятность условий жизни в данном случае также относительна в определенном интервале показателей, здесь тоже происходит вытеснение слабых на периферию жизненного пространства, но для адаптации путем видоизменения возможностей уже нет. Расовыми различиями тут можно пренебречь, да и механизм этих различий не установлен.

Поскольку при наличии интеллекта использование ресурсов среды интенсифицируется, а среда остается исчерпаемой и ограниченной в качестве жизненного пространства, постольку по мере интенсификации получения ресурсов обостряется конкуренция. Логическим завершением этого процесса является переход к производящему способу жизни на основе новой технологии (техники) и новой организации (социальной дифференциации, превращения одного человека в средство другого человека).

В условиях производственно-природного равновесия фактор благоприятности природных условий остается, но он определяется трудом, научно-техническим прогрессом, а не самой природой. Соответственно более развитые общности подчиняют себе менее развитые общности исторически меняющимися способами – внеэкономическое, экономическое, постэкономическое (информационно-технологическое) принуждение. Конечно, за основу социальной дифференциации всегда принимают отношение собственности, однако ее субстратное

(материально-предметное) содержание и социальное оформление исторически изменчивы. На смену имущественному разделению приходит сословное, на смену сословному – классовое, на смену классовому – стратификационное (на информационно-технологической основе).

Переход к созданию техники и социальной организации совместной жизни, в основе которой лежит отношение цель–средство, можно обозначить как переход к техносоциальному способу жизни. Он позволил человеку выйти за пределы естественно-природного равновесия и обеспечить большую выживаемость, т. е. большую плотность населения по сравнению с той, которая возможна в естественных условиях. Одновременно качественное изменение содержания жизнедеятельности привело к определенным изменениям условий существования, возникновению новых потребностей, связанных с материально-технической деятельностью. Соответственно меняется предметное выражение социальной дифференциации, но ее суть остается неизменной – проживание одной жизни за счет другой, хотя речь здесь идет уже не столько о жизни в буквальном, организмическом смысле, сколько об условиях существования в качестве человека. Вместе с тем это не означает перехода социальной дифференциации в разряд относительных различий в рамках общеисторического повышения уровня жизни, когда, например, условия существования современного рабочего признаются лучшими, чем условия существования короля более ранних эпох. Действительно, общая продолжительность жизни людей под влиянием научно-технического прогресса увеличивается, однако отношение цель–средство остается абсолютным в той мере, в какой жизнь одних людей полностью вбирает в себя достижения цивилизации, а другие проживают ее так и столько, как и сколько они могут функционировать в качестве средства.

С позиций всеобщности бытия жизнь представляет собой период радости как состояния самого бытия, бытия, а именно как удовольствия. Бытие вне ощущения жизни пусто. В этом смысле общественный прогресс выражается в нарастании ощущения радости жизни и понимании жизни как ценности. Следовательно, призыв к жертвенности или смирению служит всего лишь средством подчинения одних людей другим.

Свойственный абсолютистской модели общества модернизм предполагает исторический подход к общественной жизни, различение прошлого, настоящего и будущего с позиций прогрессивизма, в ценностном аспекте, т. е. как движение от неосознаваемого несовершенства жизни (прошлое) через ее осознанное недостаточное совершенство (настоящее) к достижению полного совершенства (будущее). Надежды на лучшее связывают с будущим, вера в него поддерживает, позволяет терпеть трудности настоящего, с будущим связан оптимизм.

Современность *нашего* времени рождает страх перед будущим, экстраполируя в него негативные изменения жизни, обусловливаемые цивилизационным развитием общества, светская модель Апокалипсиса все сильнее затемняет горизонт будущего. Осознание техносоциальной формулы лишает человека будущего в том плане, что устраняет его ценностно-прогрессивистское наполнение, лишает человека надежды и веры в лучшее, заставляет его принять настоящее и предстоящее как должное. Лучше не будет, но и хуже не станет. Люди живут один раз, причем не только в своем времени (относительно), но и во всеобщем времени (абсолютно); люди *как люди* одинаковы, будь то древние греки или современные французы; и то, *как* они проживают – например, по возможности пользоваться достижениями цивилизации, – определяется не принадлежностью к эпохе (допустим, электричества или компьютеров), а местом в социальном пространстве, т. е. доступностью этого самого электричества и компьютеров.

Относительность социального бытия представляет собой частный случай всеобщего принципа относительности, выражающегося в отсутствии абсолютного пространства и времени как абсолютных форм существования материи и абсолютной формы движения материи как способа ее существования, т. е. в отсутствии смыслоцелевой заданности, абсолютных критериев и всеобщей направленности общественного развития. Человеческая жизнь сама в себе заключает свой смысл и является самоцелью. От животной жизни она отличается производящим (технологическим) способом существования в природе и особой

внутренней организацией (установлением социального отношения цель—средство).

Таким образом, наибольшей определенностью в рациональном истолковании прогресса характеризуется все-таки общественное развитие, применительно к которому можно вести речь об объективно сопоставимых показателях, рассматриваемых в качестве критериев. Безотносительно к общественному развитию категория прогресса при рациональном рассмотрении лишается какого бы то ни было смысла. Только при наличии восходящей поступательности в общественном развитии можно построить модель направленности изменений бытия, поэтому признание общественного прогресса рассматривают в качестве исходного пункта для признания всеобщего, рационально понимаемого прогресса вообще.

Общественный прогресс обычно сводится к человеку, к неким интегральным объективным показателям производственно-технической, социально-политической и духовной жизни, к достижению неких идеалов типа всеобщего равенства, справедливости, свободы, разностороннего и гармоничного развития и т. п. Однако данные показатели и идеалы объективно не имеют каких-либо абсолютных значений и могут рассматриваться лишь в их относительном выражении.

Всякая система предельна в своем прогрессировании в силу предельности окружающей среды как базы ее существования. Непрерывность материально-технического развития обеспечивается научным познанием, расширяющим сферу материального единства общества и природы, т. е. расширяющим окружающую среду в качестве основы человеческой жизнедеятельности. Следовательно, материально-технический прогресс конкретно-исторически относителен, а вопрос о его абсолютной предельности или беспредельности сугубо абстрактен и в настоящее время не имеет какого-либо определенного ответа вне рамок идеологического рассмотрения. Главное здесь заключается в том, что техносциальная формула общества остается непреодолимой и материально-технический прогресс не обеспечивает всеобщего выживания, будучи и в этом смысле всегда относительным.

Для вышеуказанных и им подобных социальных идеалов содержание понятия прогресса сугубо ценностно и объективно выразимо

лишь в качестве возможности всеобщего выживания, поскольку развитие одних социальных систем за счет деградации других не может быть признано общественным прогрессом. Но всеобщее выживание невозможно в соответствии с техносоциальной формулой, идеал – за ее пределами, и общественный прогресс представляет собой вечное стремление к выходу за эти недостижимые пределы.

Итак, в истории философии прогресс необходимо связывают с общественным развитием, которое в одном случае является высшей ступенью всеобщего прогресса, а в другом – единственной сферой бытия, развивающейся по восходящей линии. Но в любом случае признание прогресса требует ответа на вопрос о достижении некоего конечного результата и гипотетическом переходе в новое качество – о постсоциальной форме движения, где на смену материальным показателям прогресса приходят идеальные, с чем в последнее время (особенно в свете экологических проблем) и связывают достижение высшего уровня в развитии общества.

Однако здесь кроме неясности общих рассуждений о прогрессе обнаруживается и чисто логическое противоречие между отрицанием направленности движения мира в целом, что само по себе очевидно, и выстраиванием вышеуказанной последовательности прогрессирующих ступеней неживая природа – живая природа – общество, которые в своем единстве образуют именно линию всеобщего прогресса. Если для устранения противоречия подвести данную последовательность под понятие конечной системы, хотя и невообразимо большой, то надо определить, *что* помимо неживой природы, живой природы и общества, входит в содержание мира в целом.

А перехода-то в новое качество в общественном развитии как раз и нет. Ни новой ступени нет, ни достижения идеала. И вся линия прогресса рассыпается, поскольку она скреплялась именно этой направленностью. Только с осознанием техносоциальной формулы общества, методологически базирующейся на исходных принципах исторического материализма, понятие общественного прогресса обретает позитивную определенность в понимании своего содержания и выходит за рамки абсолютистской модели и сугубо мировоззренческой, идеологической значимости.

Субъективно-идеалистическая трактовка прогресса лишена какого-либо объективного содержания и имеет сугубо антропологический характер, т. е. соотносится исключительно с существованием человека. Прогресс окружающего мира состоит в том, что человеку в нем становится все лучше и лучше, а в человеческом ощущении жизни нет ни пределов, ни направленности.

Объективно-идеалистическое понимание прогресса придает ему максимально возможную определенность, представляя его как беспредельное развертывание бытия в направлении недостижимой абсолютной идеи. Столь же беспределен, но никуда не направлен прогресс в интерпретации метафизического абсолютистского материализма.

Отрицание прогресса базируется либо на его замене регрессом (развитие цивилизации по технологическому пути рассматривается как упадок), что по сути то же самое, но с противоположным знаком; либо на том, что признание прогресса требует признания телеологической модели бытия и поэтому не удовлетворяет требованиям научной рациональности, поскольку мистифицирует процесс развития.

Таким образом, понятие прогресса недостаточно разработано с точки зрения позитивной определенности его содержания, прежде всего, в рамках научной рациональности. Оно остается, в первую очередь, мировоззренческо-идеологической категорией, содержательно видоизменяющейся в ходе социально-исторического развития. То или иное понимание прогресса является стержневым показателем понимания бытия в целом, определенной картины мира. Поэтому его изменение необходимо сопутствует переходам от одних мировоззренческих моделей, идеологических систем к другим. Признание прогресса всегда основывается на некотором допущении.

Исчерпаемость ресурса существования – фундаментальный закон природной и социальной жизни. Предельным уровнем исчерпаемости материального субстрата техники является всеобщая исчерпаемость технологического способа производства (общественной жизни вообще), обуславливающая предельность общественного роста. Для первобытного общества, базирующегося на присваивающем технологическом способе жизни, это означает застойное существование в рамках естественно-природного равновесия, отличающееся от существования животных

большей интенсивностью потребления готовых ресурсов окружающей природной среды с помощью простейших орудий (первых технических средств), применительно к цивилизованному обществу, базирующемуся на производящем технологическом способе жизни, – развивающееся существование в рамках производственно-природного равновесия, постоянная смена технологических способов производства (изменение материального субстрата техники), рост общества по всем показателям.

Смена технологических способов производства сопровождается кризисами, охватывающими общество в зависимости от его готовности к переходу на новый уровень производственно-природного равновесия. Периоды существования на базе определенных технологических способов производства (на базе освоенного ресурсного потенциала природы) сокращаются, а затраты на переход к новому технологическому способу возрастают. При невозможности изменения материального субстрата техники и перехода к новому технологическому способу производства общество не может выйти из кризиса и разрушается. Все это показывает действие техносоциальной формулы общества, означающее неотвратимое снижение эффективности человеческой деятельности, компенсируемое расширением сферы преобразования природы. История демонстрирует примеры попадания отдельных цивилизаций прошлого в технологический тупик и их последующего исчезновения. Устойчивое существование социума до настоящего времени проявлялось в трех основных вариантах: первобытный, доцивилизационный способ жизни народов тропической и арктической зон, живущих в рамках естественно-природного равновесия; восточные цивилизации, просуществовавшие тысячелетия в рамках консервативного производственно-природного равновесия; европейская цивилизация, вышедшая на путь прогрессирующего производственно-природного равновесия, поддерживаемого сейчас технологическими лидерами на основе динамичного инновационного развития.

Таким образом, определяемый значением техносоциальной формулы (характером графика) закон материально-технического, социального и духовного развития состоит в ускорении его темпов при непрерывном, неотвратимом увеличении объема общества. Объективно закономерным является непрерывный рост материального производства, в том числе увеличение массы и энергетической мощности всеобщей материально-

технической системы, постоянное обновление предметного содержания материально-технического развития, т. е. вовлечение все новых и новых предметов и процессов природы, разработка новых конструкций и технологий. Столь же закономерно увеличение требуемой численности народонаселения, порождающий ряд специфических проблем. Соответственно в социальной области наблюдается обновление, расширение форм конкуренции и насилия при наращивании мощности и поражающей эффективности средств социальной борьбы.

Фактор случайности при внедрении новых производственных, медицинских и социальных технологий становится более значимым по мере увеличения степени целостности общества. Говорить об абсолютном уменьшении его устойчивости было бы недиалектично, но сохранение неопределенности и следующего из нее риска представляется несомненным.

В сфере материально-технического развития это:

экологический риск – истощение сырьевых и энергетических ресурсов, загрязнение окружающей природной среды при увеличении масштабов непредвиденных отрицательных следствий, а в целом – возможность достижения абсолютного экологического порога в материально-техническом развитии общества;

техничко-экономический риск – исчерпание технологического способа жизни, выражающееся в достижении пределов положительной эффективности авансируемого труда (относительный предел материально-технического развития), а также достижение абсолютного предела в разработке новых средств расширенного воспроизводства ресурсов.

В социальной сфере это:

Непрерывное накопление материальных средств социальной борьбы (увеличение их совокупной массы и мощности) при объективной невозможности ее преодоления вообще или перехода к ненасильственному решению социальных конфликтов в частности, иначе говоря, достижение того предела эффективности средств материального подавления, за которым их применение становится обоюдно опасным.

В конечном счете речь идет об общем неравновесном состоянии материально-технической сферы общества, о цикличности материально-технического развития, связанной со сменой уровней производственно-

природного равновесия, когда можно говорить, с одной стороны, об относительности положительных и отрицательных последствий материально-технической деятельности людей, а с другой – об абсолютном возрастании степени риска по мере выхода общества за пределы естественно-природного равновесия.

В функционировании технических систем нет объективной неизбежности катастроф, но действует объективная случайность как форма проявления необходимости. Сбои в функционировании техники происходят в пределах статистической вероятности, определяемой состоянием технических систем (надежность конструкции, степень изношенности), свойствами среды функционирования, качеством подготовки и состоянием человека в период взаимодействия с техническим средством. Эти показатели в своем единстве определяют вероятность технологических аномалий, причины которых классифицируют как природные, техногенные и человеческие.

Возрастает ли риск в общем процессе материально-технического развития? В абстрактной схеме это модель соревнования снаряда и брони. Но каково фундаментальное изменение положения техники, обеспечивает ли она неограниченное выживание и какова историческая динамика рисков: остаться без энергии, задохнуться, погибнуть от голода и пр.? Социальная дифференциация, деление на цель и средство делает все это относительным. Проблема переходит на другой уровень – неизбежны ли социальные катаклизмы?

Критерий общественного прогресса, не выразимый ни в типе техники, ни в форме социальной организации, ни в объеме знаний и духовной устремленности, в конечном счете сводится к одному показателю – способности к выживанию общества, не имеющему каких-либо абсолютных значений с точки зрения пространства и времени. В свою очередь, в общественном развитии всегда сохраняется возможность утраты этой способности, что и составляет интегральное содержание социального риска.

Разные цивилизации имеют в своей основе различные технологические способы производства. Объективный критерий их сопоставимости один – устойчивость существования общества. В процессе материально-технического развития, в ходе смены технологических

способов производства, расширяется сфера материального единства общества и природы, т. е. расширяется перечень предметов и процессов природы, вовлекаемых в человеческую деятельность. В результате стираются локальные цивилизационные различия, и в перспективе по мере все ускоряющегося и уплотняющегося чередования отдельных, фиксированных способов производства формируется единый способ технологической жизни людей, обусловленный, во-первых, единством земной природы, геокосмической среды, во-вторых, глобализацией общественной жизни.

Соответственно глобализация современного мира обуславливает возможность глобального исчерпания технологического способа производства и неизбежной угрозы глобального кризиса, который по причине неравномерности материально-технического развития общностей сопровождается обострением борьбы за существование, стремлением некоторых общностей разрешить кризис силовым путем за счет других общностей. Глобализация кризиса делает его постоянным и угрожающим существованию общества. Однако в глобальном материально-техническом развитии на смену ступенчатому чередованию технологических способов производства приходит состояние непрерывного инновационного развития. Вопрос о его пределах остается открытым, но признание неисчерпаемости природы и неограниченности человеческого интеллекта в ее универсальном использовании в качестве источника ресурсов жизни позволяет отвечать на него оптимистически. В конечном счете все сводится к тому, как часто и как сильно общество будет погружаться в состояние социального коллапса.

Библиографический список

1. Горюнов В. П. История и философия науки. Философия техники и технических наук : учеб. пособие / В. П. Горюнов – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2011. – 240 с.
2. Ксенофонов В. И. Философия человека : учеб. пособие / В. И. Ксенофонов – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 132 с.
3. Русская философия : Энциклопедия / под общ. ред. М. Н. Маслина. – М. : Алгоритм, 2007. – 736 с.
4. Спиркин А. Г. Философия : учебник для технических вузов / А. Г. Спиркин М. : Гардарика, 2009. – 368 с.
5. Философия. Дидактические единицы курса : учеб. пособие / под ред. В. П. Горюнова. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2010. – 155 с.
6. Философия : учебник для вузов / под ред. В. Н. Лавриненко, В. П. Ратникова. – М. ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 735 с.
7. Философия : учебно-методический комплекс для подготовки бакалавров. В 2 ч., ч. 1 / под общ. ред. Ф. Д. Демидова. – М. : Изд-во РАГС, Издательский Дом «ИНФРА-М», 2010. – 432 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1. Философия, ее предмет и место в культуре.....</i>	3
<i>Глава 2. Становление философии.....</i>	24
2.1. Становление философии как этап развития интеллекта.....	24
2.2. Основные школы досократовской философии.....	29
2.3. Атомизм Демокрита.....	32
2.4. Сократ и его метод.....	33
2.5. Объективный идеализм Платона.....	37
2.6. Философия Аристотеля.....	40
2.7. Эллинистическая философия.....	43
Выводы.....	47
<i>Глава 3. Философия Средних веков и Возрождения.....</i>	48
3.1. Место философии в духовной культуре Средневековья.....	48
3.2. Теоцентризм и догматизм как черты средневекового мышления.....	49
3.3. Понятия «творение» и «откровение».....	50
3.4. Средневековая патристика: Бог, человек и мир в христианской философии.....	51
3.5. Средневековая схоластика.....	53
3.6. Особенности схоластической постановки и решения философских вопросов.....	55
3.7. Номинализм и реализм как способы понимания действительности.....	56
3.8. Гуманистический переворот Ренессанса.....	58
3.9. Антропоцентризм и пантеизм в понимании природы, общества и человека.....	60
3.10. Протестантская этика.....	61
3.11. Роль религиозной Реформации в изменении системы ценностей европейского общества.....	62
<i>Глава 4. Формирование философии Нового времени.....</i>	63
4.1. Становление классического естествознания и изменение философской проблематики.....	63
4.2. Роль Ф. Бэкона и Р. Декарта в обосновании научного метода.....	64
4.3. Натурфилософские концепции XVII в. Понятие субстанции (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г.Ф. Лейбниц).....	65
4.4. Проблемы необходимости и свободы, всеобщего и индивидуального, материального и духовного в рамках механического и метафизического понимания мира.....	67
4.5. Гносеологическая проблематика в философии Нового времени.....	69

4.6. Дилемма сенсуализма и рационализма.....	71
4.7. Эволюция английского эмпиризма (сенсуализма) к субъективному идеализму (Д. Беркли) и агностицизму (Д. Юм).....	72
4.8. Философия просвещения XVIII века.....	74
4.9. Просветительское понимание человека и общественного прогресса.....	75
4.10. Французский материализм.....	77
Глава 5. Немецкий классический идеализм.....	78
5.1. Основные идеи кантовской идеологии.....	78
5.2. Этика Канта, категорический императив.....	82
5.3. Абсолютный идеализм Г. В. Ф. Гегеля. Особенности гегелевской диалектики.....	86
Глава 6. Неклассическая философия XIX века.....	90
6.1. Основания разветвления философских направлений в постгегелевской философии.....	90
6.2. Основная проблематика и методологии.....	92
6.3. Антропологическая и иррационалистическая тенденции.....	95
6.4. Антропологический материализм Л. Фейербаха.....	97
6.5. Иррационализм А. Шопенгауэра.....	98
6.6. Философия жизни Ф. Ницше.....	99
6.7. Сциентистская тенденция.....	101
6.8. Особенности позитивизма и его становления.....	102
6.9. Постпозитивизм XX века.....	105
6.10. Философия марксизма.....	106
6.11. Материалистическое понимание истории.....	107
6.12. Понятие практики и его роль в марксистской философии.....	109
6.13. Проблема сущности человека, тенденции и перспектива общественного развития.....	110
Глава 7. Основные тенденции и направления философии XX века.	111
7.1. Психоанализ и философия неотрейдизма.....	112
7.2. Экзистенциальная философия в XX веке.....	115
7.3. Уникальность человеческого бытия как философская проблема.....	116
7.4. Философская герменевтика. Проблема понимания.....	119
7.5. Особенности проблематики и способа философствования на рубеже XX–XXI веков.....	121
Глава 8. Традиции отечественной (русской) философии.....	123
8.1. Особенности становления и развития философии в России.....	123
8.2. Религиозно-этическая направленность русской философской мысли....	124

8.3. Проблема места России во всемирно-историческом процессе.....	126
8.4. Славянофильство.....	126
8.5. Западничество.....	127
8.6. Основные идеи философии всеединства В. А. Соловьева	128
8.7. Русский космизм.....	130
8.8. Оценка смысла и направленности научно-технического прогресса Н.Ф. Федоровым, К. Э. Циолковским, В. И. Вернадским.....	132
8.9. Религиозно-экзистенциальная философия Н. А. Бердяева (1874–1948), проблема свободы и творчества.....	134
8.10. Особенности восприятия и трактовки марксистской философии в России.....	135
Глава 9. Учение о бытии.....	136
9.1. Бытие, материя, движение.....	136
9.2. Пространство и время.....	146
Глава 10. Движение и развитие. Диалектика.....	152
10.1. Понятия движения и развития.....	152
10.2. Диалектика как общая территория развития.....	153
10.3. Принципы диалектического понимания мира.....	154
10.4. Механизм и закономерности развития.....	156
10.5. Объективная и субъективная диалектика.....	157
10.6. Категории мышления как универсальный способ логического освоения мира.....	159
10.7. Диалектическая связь единичного и общего.....	160
10.8. Диалектическая связь сущности и явления.....	161
10.9. Форма и содержание.....	163
10.10. Превращенная форма.....	164
10.11. Часть и целое.....	165
10.12. Причина и следствие.....	168
10.13. Причинность и ее свойства.....	169
10.14. Детерминизм и индетерминизм.....	170
10.15. Необходимость и случайность.....	171
10.16. Возможность, действительность, вероятность.....	172
10.17. Динамические и статистические закономерности.....	173
10.18. Догматизм, софистика, эклектика как антиподы диалектики.....	174
10.19. Значение диалектического мышления для научной и практической деятельности.....	175

<i>Глава 11. Социальная философия и философия истории.....</i>	181
11.1. Проблема становления социальной теории.....	181
11.2. Техносоциальная формула общества.....	188
11.3. Крайности либерализма и центризма.....	210
11.4. Управление и право.....	230
11.5. Техносоциальная модель глобального мира.....	243
11.6. Философия прогресса.....	270
<i>Глава 12. Смысл человеческого бытия.....</i>	281
12.1. Роль ценностей в жизни общества и человека.....	281
12.2. Проблема происхождения и иерархии ценностей. Виды ценностей.....	281
12.3. Свобода и ответственность.....	282
12.4. Смысл жизни как интегральная базовая система ценностей.....	283
12.5. Представления о совершенном человеке в разных культурах.....	283
12.6. Объективные и субъективные, всеобщие и индивидуальные основания смысложизненного поиска.....	284
12.7. Мораль, справедливость, право.....	285
12.8. Нравственные ценности. Их роль в формировании личности.....	286
12.9. Эстетические ценности и их роль в человеческой жизни.....	286
12.10. Религиозные ценности и свобода совести.....	287
<i>Глава 13. Философия сознания.....</i>	288
13.1. Основные концепции происхождения и сущности сознания.....	288
13.2. Структурные элементы сознания и их взаимосвязь.....	289
13.3. Отражение как общеприродное свойство.....	289
13.4. Психика животных, отражение в «автоматах», сознание человека.....	290
13.5. Сознание и мозг.....	291
13.6. Сознание, самосознание, личность.....	291
13.7. Общественное и индивидуальное сознание.....	292
<i>Глава 14. Познание.....</i>	293
14.1. Предмет и основная проблематика гносеологии.....	293
14.2. Познание и практика. Знание, мнение, вера.....	296
14.3. Структура субъектно-объектных отношений в познании.....	300
14.4. Чувственное, рациональное, иррациональное в познании.....	304
14.5. Проблема истины и ее критериев. Истина и правда.....	309
14.6. Объяснение и понимание в структуре познания.....	314
14.7. Особенности познания социальных явлений.....	316

<i>Глава 15. Научное познание.....</i>	318
15.1. Гносеологический статус научного знания. Научная рациональность..	318
15.2. Уровни научного познания.....	321
15.3. Методы научного познания.....	324
15.4. Формы развивающегося научного знания.....	328
15.5. Рост научного знания. Эволюции и революции в науке.....	330
15.6. Проблема ценности науки: сциентизм и антисциентизм.....	333
<i>Глава 16. Будущее человечества.....</i>	335
16.1. Проблема направленности и смысла истории.....	335
16.2. Сущность и критерии общественного прогресса.....	336
16.3. Межцивилизационные отношения в современном мире.....	337
16.4. Выживание и устойчивое развитие человечества как центральная проблема современности.....	339
16.5. Взаимодействие цивилизаций и возможные сценарии будущего.....	340
16.6. Альтернативы возможного развития человечества.....	342
16.7. Глобальные проблемы современности, их техногенный и социоприродный характер.....	344
<i>Глава 17. Философия техники.....</i>	346
17.1. Техника как предмет философского исследования.....	346
17.2. Единство природного и социального бытия техники.....	348
17.3. Человек в системе техники.....	357
17.4. Развитие техники в природной среде.....	360
17.5. Комплексное использование природных ресурсов.....	365
17.6. Абсолютность и относительность пределов роста: альтернативы стратегии выживания.....	366
<i>Глава 18. Философия прогресса.....</i>	370
Библиографический список.....	381

ФИЛОСОФИЯ

Учебное пособие

Под редакцией **В. П. Горюнова**

Корректор *Е. А. Пряникова*
Технический редактор *А. И. Колодяжная*

Оригинал-макет подготовлен авторами

Свод. темплан 2010 года
Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93; 95 3005 – учебное пособие

Подписано в печать

Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 24,25

Тираж 100.

Заказ

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.
Издательство политехнического университета, член Издательско-полиграфической
ассоциации университетов России.
Адрес университета и издательства: 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул, 29